Сочиненія
И. А. Крылова

~~38.20.9.25~~

Крыловъ. I. Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Крыловъ на 44 году жизни (1812 г.).

Портретъ Волкова.

(По фотографическому снимку Фишера съ оригинала, принадлежащаго Третьяковской Галлереѣ.)

Сочиненія

И. А. Крылова.

Томъ первый.

Всемірная библіотека.

Собранія сочиненій знаменитыхъ русскихъ и иностранныхъ писателей.

Въ эту серію входятъ слѣдующія собранія сочиненій:

I серія.

А. В. Амфитеатрова, подъ наблюденіемъ *автора*;
Л. Н. Андреева, съ вступительной статьей проф. *А. М. Рейснера*;
Ѳ. М. Достоевскаго, съ многочисл. приложеніями;
В. Г. Тана, подъ наблюденіемъ *автора*;
Г. А. Мачтета, подъ редакціей *Д. П. Сильчевскаго*;
В. В. Муйжеля, подъ наблюденіемъ *автора*;
Б. А. Лазаревскаго, подъ наблюденіемъ *автора*;
Ольги Шапиръ, подъ наблюденіемъ *автора*.

II серія.

С. Т. Аксакова, подъ редакціей *А. Г. Горнфельда*;
Н. В. Гоголя, подъ редакціей *В. В. Каллаша*;
Н. А. Добролюбова, подъ редакціей *В. П. Кранихфельда*;
А. В. Кольцова, подъ редакціей *Арс. Ив. Введенскаго*;
И. А. Крылова, подъ редакціей *В. В. Каллаша*;
А. И. Левитова, со вступ. статьей *А. А. Измайлова*;
М. Ю. Лермонтова, подъ ред. *Арс. И. Введенскаго*;
С. В. Максимова, со вступ. статьей *П. В. Быкова*;
П. М. Невѣжина, подъ наблюденіемъ *автора*;
И. С. Никитина, подъ ред. *А. Г. Ѳомина* и *Ю. И. Эйхенвальда*;
А. Н. Островскаго, подъ ред. *М. И. Писарева*;
Н. Г. Помяловскаго, съ біограф. очерк. *Н. А. Благовѣщенскаго*;
А. А. Потѣхина, подъ наблюденіемъ *автора*;
А. С. Пушкина, подъ редакціей *П. О. Морозова* и *В. В. Каллаша*;
Н. Я. Соловьева, съ портретомъ *автора*.

III серія.

Чарльза Диккенса, со вступ. статьей *Д. П. Сильчевскаго*;
Элизы Оржешко, подъ ред. *С. С. Зелинскаго*;
Георга Брандеса, съ предисловіемъ *М. В. Лучицкой*;
Гюи де Мопасана, съ критико-біогрофич. очерк. *З. А. Венгеровой*;
Эдгара По, съ критико-біографич. очеркомъ *М. А. Энгельгардта*;
Эмиля Зола, подъ редакц. и со вступ. статьями *Ѳ. Д. Батюшкова* и *Е. В. Аничкова*.

С.-Петербургъ.
Книгоиздательское Товарищество „Просвѣщеніе“,
Забалканскій просп., соб. д. № 75.

Л30 6-1/12-1

Л30 6-1/12-1

Полное собраніе сочиненій

И. А. Крылова.

Редакція, вступительныя статьи и примѣчанія

В. В. Каллаша.

Томъ первый.

Драматическія сочиненія.

С.-Петербургъ.
Типо-литографія Товарищества „Просвѣщеніе",
Забалканскій просп., с. д. № 75.

Гос. Публичная Библиотека

Бумага безъ примѣси древесной массы

Предисловіе.

Крылова еще въ самомъ началѣ XIX в., при появленіи въ печати первыхъ его басенъ, называли „писателемъ классическимъ“, а мы и до сихъ поръ еще не имѣемъ ни его біографіи, ни, хотя бы сноснаго, изданія его сочиненій.

Самъ Крыловъ былъ слишкомъ безпеченъ, тяжелъ на подъемъ и лѣнивъ, чтобы взяться лично за сложный трудъ — собираніе своихъ сочиненій, разбросанныхъ по стариннымъ журналамъ и альманахамъ или кое-какъ набросанныхъ на случайно подвернувшихся подъ руку бумажкахъ, которыхъ зачастую не могъ разобрать и самъ авторъ.

Даже переписываніе для печати и изданіе басенъ онъ обыкновенно поручалъ пріятелямъ или наемнымъ писарямъ, и онѣ часто выходили въ изуродованномъ видѣ, съ выпавшими стихами, безконечнымъ количествомъ опечатокъ и нарушеннымъ размѣромъ.

Удовлетворенный небывалымъ въ нашей литературѣ успѣхомъ своихъ басенъ, онъ не любилъ вспоминать и во всякомъ случаѣ не хотѣлъ напоминать о большинствѣ произведеній своей молодости.

Въ началѣ 40-ыхъ годовъ Лобановъ какъ то заговорилъ съ Крыловымъ о собраніи его сочиненій [1]

[1] Жизнь и сочиненія Крылова, СПБ., 1847, стр. 4—5.

„Лѣтъ за пять передъ симъ (1846 г.) я предлагалъ", говоритъ онъ, „И. А. напечатать тѣ изъ своихъ сочиненій, которыя онъ найдетъ достойными своего имени. *Я и самъ объ этомъ думалъ*, сказалъ онъ: *но вѣдь приняться за это — не шутка, многое или, лучше сказать, все прежнее надобно передѣлать. Я былъ молодъ, все писалъ, что ни взбредетъ бывало въ голову; много вздору. А вѣдь по смерти моей, можетъ быть, все напечатаютъ.* Когда случалось повторять при немъ какую-нибудь шутку или фразу изъ прежнихъ его комедій, онъ спрашивалъ: *откуда это? чье это?* — Ваше, И. А.! *Быть не можетъ!* — Да вотъ посмотрите, напечатано съ вашимъ именемъ. *Я не помню ничего; это проказы молодости, это грѣхи прошлыхъ лѣтъ*".

По поводу своей трагедіи „Филомела" Крыловъ говорилъ Лобанову[1]: „въ молодости моей я все писалъ, что ни попало, была бы только бумага, да чернила; я писалъ и трагедію; она напечатана была въ „Россійскомъ Ѳеатрѣ" въ одномъ номерѣ съ „Вадимомъ" Княжнина, съ которымъ вмѣстѣ и исчезла. Да я радъ этому: въ ней ничего путнаго не было: это первыя давнишнія мои попытки".

Въ тѣ времена не думали еще, что „каждая строчка великаго писателя драгоцѣнна", что серьезное изученіе литературы невозможно безъ полнаго, тщательно провѣреннаго текста произведеній и обстоятельнаго свода біографическихъ данныхъ о писателяхъ.

Тогда Ломоносовъ, Кантемиръ и Хемницеръ издава-

[1] ib., стр. 9.

лись съ поправками Баркова и Капниста, „Памятникъ„ Пушкина — въ передѣлкѣ Жуковскаго (къ стыду нашему, поставшей и на памятникъ великаго поэта въ Москвѣ). Въ размѣщеніи произведеній обыкновенно хронологическаго порядка не придерживались; издатели выпускали все то, что имъ не нравилось; объ исправности текста мало заботились — или передѣлывали его „на свой салтыкъ".

Таковы почти всѣ Смирдинскія „полныя собранія русскихъ авторовъ", съ искаженнымъ текстомъ, пропусками стиховъ и цѣлыхъ пѣсенъ, иногда съ полнымъ уничтоженіемъ всякаго смысла.

Пріятель Крылова, академикъ Лобановъ[1] какъ бы извиняется въ томъ, что ему приходится говорить о такихъ произведеніяхъ, какъ „Кофейница".

„Приступая къ исчисленію всѣхъ его сочиненій, я поневолѣ долженъ я говорить и о тѣхъ его сочиненіяхъ, которыя они, какъ попытки, какъ проказы молодости, вѣроятно, желалъ бы истребить изъ памяти человѣческой; но, зная обязанность біографа и справедливое любопытство публики, я не смѣю умолчать о нихъ"...

Тѣмъ не менѣе, онъ выражаетъ желаніе, чтобы „тѣ, которые имѣютъ право печатать сочиненія Крылова, напечатали только комедіи его: „Модную лавку", „Урокъ дочкамъ", басни и нѣкоторыя мелкія стихотворенія", т. е. то, что нравилось самому Лобанову. Но кто мѣшаетъ другимъ, которымъ не нравятся комедіи Крылова, исключить и ихъ изъ собранія его сочиненій?..

[1] ib., стр. 5.

Первое „полное собраніе сочиненій“ Крылова вышло въ Петербургѣ въ 1847 г. (три тома). Въ предисловіи издатели (Юнгмейстеръ и Веймаръ) писали: „Смѣло можемъ назвать это собраніе самымъ полнымъ, потому что въ немъ недостаетъ только двухъ пьесъ: „Кофейницы“, недостойной печати по мнѣнію самого автора, и „Трумфа“, — пьесы, которую напечатать невозможно“.

Заслуги редактора этого изданія, Плетнева, его значеніе въ нашей наукѣ и литературѣ слишкомъ хорошо намъ извѣстны, чтобы дальнѣйшія наши слова могли быть поняты, какъ укоръ его памяти. Въ частности Плетневъ выполнилъ большой и сложный трудъ — извлекъ и собралъ отовсюду, изъ журналовъ, альманаховъ и рукописей, многочисленныя сочиненія Крылова, приложилъ къ нимъ біографію, написанную съ большимъ мастерствомъ, любовью и знаніемъ дѣла.

Конечно, господствующими научными взглядами объясняется большинство крупныхъ недостатковъ его изданія, и ихъ нельзя поставить лично ему въ вину.

Матеріалъ раздѣленъ на три большихъ отдѣла: проза, поэзія и театръ. Произведенія расположены въ произвольномъ порядкѣ, безъ всякаго соблюденія хронологіи. Не включено многое, что уже было напечатано съ именемъ Крылова до 1847 г.

О самыхъ пріемахъ изданія редакторъ не говоритъ ни слова. На показанія Крылова или близкихъ къ нему освѣдомленныхъ лицъ при выборѣ матеріала Плетневъ несомнѣнно не опирался — иначе онъ не включилъ бы во второй томъ своего изданія стих-

твореній Карабанова только потому, что они появились въ журналѣ Крылова съ подписью „...въ", не пропускалъ бы произведеній, безусловно ему принадлежащихъ, но не подписанныхъ, не называлъ бы стихотвореніями, „нигдѣ не напечатанными", то, что печаталось, и не разъ, при жизни Крылова...

Намъ извѣстны теперь рукописи, оставшіяся послѣ Крылова у Олениныхъ и Савельевыхъ. Плетневъ извлекъ изъ нихъ только нѣсколько стихотвореній, не всегда хорошо разобранныхъ.

На его показанія не всегда можно полагаться вообще. Въ біографическомъ очеркѣ, приложенномъ къ изданію, онъ говоритъ относительно „Почты духовъ": „въ нынѣшнемъ собраніи сочиненій Крылова напечатаны всѣ статьи, принадлежащія собственно его перу и помѣщенныя имъ въ тогдашнемъ его журналѣ". Дальше оказывается, что эти статьи — „письма духовъ Зора, Бурнстона и Вѣстодава". Одно изъ ихъ писемъ не было перепечатано, чего редакторъ не оговорилъ. Только позднѣе изъ указанія его ближайшаго друга Я. К. Грота сдѣлалось извѣстнымъ, что пропускъ былъ вызванъ цензурными соображеніями. Редакторъ же такъ и оставилъ своихъ читателей въ полномъ недоумѣніи, почему именно онъ приписалъ Крылову эти письма, и пропустилъ одно изъ нихъ.

По всему изданію прошлась редакторская рука, подновившая и нивелировавшая стиль разновременныхъ произведеній Крылова, передѣлывавшая даже стихи. Мы не говоримъ уже о такихъ мелочахъ,

какъ послѣдовательная замѣтна „сей“ — „этотъ“: поправки и даже искаженія очень часто идутъ дальше.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ редакторъ разрушалъ творческій замыселъ автора. Въ „Урокѣ дочкамъ“, напр., слуга Семенъ пытается говорить ломаною русскою рѣчью, но постоянно срывается, сбивается на правильную рѣчь. Это и нужно было для комическихъ цѣлей автора, а между тѣмъ Плетневъ всѣ слова Семена передѣлалъ на одинъ ладъ.

Чтобы не быть голословными, приведемъ нѣсколько наудачу взятыхъ примѣровъ подновленія языка.

„Филомела“: вм. „едины“ — „однѣ лишь“; во 2-мъ явленіи перваго дѣйствія въ рѣчахъ Прогнеи пропущено (черезъ строчку) два стиха, отчего онѣ потеряли смыслъ; вм. „мертваго сражу“ — „безщадно поражу“; „оставшія“ — „послѣднія“; „возъемлетъ“ „подъемлетъ“.

„Бѣшеная семья“: вм. „бѣшеной домъ“ — „домъ сумасшедшихъ“; „тебя, душа моя, мнѣ вѣчно“ — „мнѣ тебя, душа, и вѣчно“.

„Сочинитель въ прихожей“: вм. „что за кричащій человѣкъ встрѣтился со мною“ — „кто это кричитъ“.

„Проказники“: вм. „вѣдомость“ — „вѣсть“; „удивительный въ терпѣніи человѣкъ“ — „удивляетъ всѣхъ своимъ терпѣніемъ“; „глубокости“ — „дальновидности“; „божественный“ — „прелестный“, и пр. Мы не говоримъ уже о пропускѣ отдѣльныхъ словъ, строкъ и стиховъ.

Приведенныхъ примѣровъ, кажется, достаточно для заключенія, что текстъ Плетневскаго изданія от-

личается большою неполнотою[1] и неисправностью. Второе изданіе 1859 г. (тоже 3 тома) нисколько не исправило и не дополнило его, если не считать перепечатанной изъ альманаха „Утро“ очень сомнительной басни „Конь“.

Характеренъ одинъ фактъ: въ первомъ изданіи сына Крылова, разысканная редакторомъ очень поздно, попала не на мѣсто — въ конецъ стихотворнаго отдѣла. То же сдѣлано и во второмъ изданіи...

Въ 1859 г. уже можно было оговориться, какіе именно тексты положены въ основу изданія, каковы вообще были пріемы редакторской работы, но отрясавшій Плетневъ не сдѣлалъ этого и позволилъ перепечатать свою работу безъ поправокъ и настоятельно необходимыхъ дополненій.

Оба изданія скоро разошлись и теперь считаются большою библіографическою рѣдкостью.

Съ 1859 по 1894 г., когда прекратилось право литературной собственности на сочиненія Крылова, не было попытокъ собирать и издавать ихъ. Только въ 1869 г. въ академическомъ сборникѣ, не безъ ошибокъ, было напечатано нѣсколько вновь найденныхъ сочиненій Крылова.

Въ 1894 году появляются: „Собраніе сочиненій Крылова“, изд. журнала „Родина“ (СПб.); „Сочиненія Крылова“, изд. жур. „Сѣверъ“ (СПб.); „Крыловъ. Полное собраніе басенъ и избранныя мѣста изъ прочихъ его сочиненій“, изданіе Некаторосл

[1] Дополняя, что въ своихъ Плетневскихъ изданіяхъ пропускалъ разныя стихотворенія, которыя редакторъ забылъ включить въ свои списки; помнилъ одно маскарадное стихотвореніе Крылова, онъ забываетъ о другомъ и проч.

(Одесса, 1894), да въ 1898—99 гг. были напечатаны „Избранныя сочиненія Крылова" (К. Тихомировымъ, Москва).

Всѣ эти изданія составляютъ сокращенія и искаженія Плетневскаго текста и рѣшительно никакого значенія не имѣютъ.

Свое изданіе мы считаемъ первой попыткой собрать всѣ сочиненія Крылова (не включая черновыхъ набросковъ, мелкихъ, несущественныхъ вариантовъ и первоначальныхъ редакцій, которымъ мѣсто только въ Академическомъ изданіи), снабдить ихъ послѣднимъ комментаріемъ, дать ихъ тщательно провѣренный и установленный текстъ.

Подробности относительно пріемовъ печатанія читатели найдутъ во вступительныхъ статьяхъ и замѣткахъ. Въ зависимости отъ характера матеріала ихъ приходилось нѣсколько варіировать, поэтому умѣстнѣе говорить о нихъ не въ общей формѣ, а съ указаніемъ на частные примѣры. Вездѣ оговорено, откуда и какъ мы беремъ свои матеріалы. Если при жизни Крылова произведеніе печаталось нѣсколько разъ, мы брали послѣднюю редакцію. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ сдѣланы частныя отступленія, которыя вездѣ оговорены и объяснены.

Во вступительныхъ статьяхъ и замѣткахъ указано все то, что нужно для пониманія самыхъ произведеній, условій ихъ возникновенія и ихъ историко-литературнаго значенія.

Мелкія примѣчанія, нужныя для непосредственнаго пониманія текста и разсчитанныя на менѣе подготовленнаго читателя, помѣщены подъ текстомъ; примѣ-

ганія болѣе сложныя и спеціальныя сгруппированы послѣ отдѣльныхъ произведеній или въ концѣ отдѣловъ.

Матеріалъ раздѣленъ на три отдѣла: драматическія сочиненія, проза (въ томъ числѣ и письма), лирическія стихотворенія и басни. Вездѣ мы старались строго выдержать хронологическій порядокъ, хотя, къ сожалѣнію, нельзя было устранить совсѣмъ отдѣла „произведенія невзвѣстныхъ годовъ“: для установленія хронологіи нѣкоторыхъ произведеній Крылова нѣтъ рѣшительно никакихъ данныхъ. Произведенія, приписываемыя Крылову, выдѣлены въ особый отдѣлъ.

Крыловымъ мы занимаемся съ 1894 г. Мы употребляли всѣ усилія, чтобы изданіе вышло и полнѣе, и исправнѣе. Пропуски и промахи, конечно, возможны и даже неизбѣжны, но съ нашей стороны не будетъ, кажется, большою смѣлостью сказать, что наше изданіе впервые дастъ возможность русскому обществу познакомиться съ настоящимъ Крыловымъ[1].

По типографскимъ условіямъ (первый томъ разросся слишкомъ сильно, непропорціонально остальнымъ) пришлось, къ сожалѣнію, нѣсколько нарушить планъ изданія и перетянуть часть піесъ во второй томъ.

Вл. Каллашъ.

[1] Изъ особенностей Крыловскаго правописанія оставлены нами всѣ тѣ, которыя указываютъ на особенности произношенія и образованія формъ. Отличія чисто орѳографическія нами опущены. Такой способъ печатанія мы признаемъ единственно правильнымъ — иначе пришлось бы разрушать нѣкоторыя риѳмованія автора и стирать вообще индивидуальный отпечатокъ его рѣчи.

Оглавленіе.

Стр.

Предисловіе V

Біографическій очеркъ XIX

Драматическія сочиненія Крылова LXXI

I Кофейница.
Вступительная замѣтка 3
Текстъ 10

II Филомела.
Вступительная замѣтка 73
Текстъ 75

III Бѣшеная семья.
Вступительная замѣтка 137
Текстъ 138

IV Сочинитель въ прихожей.
Вступительная замѣтка 197
Текстъ 198

V Проказники.
Вступительная замѣтка 257
Текстъ 264

VI Трумфъ (или Подщипа).
Вступительная замѣтка 399
Текстъ 404

VII Пирогъ.
Вступительная замѣтка 447
Текстъ 448

VIII Лѣнтяй.
Вступительная замѣтка 495
Текстъ 497

Списокъ иллюстрацій.

Крыловъ на 44 году жизни (1812 г.). Портретъ Волкова II

(По фотографическому снимку Фишера съ оригинала, принадлежащаго Третьяковской Галлереѣ.)

Крыловъ въ молодости. Съ гравюры Канна (при парижскомъ изданіи басенъ 1825 года) I

Самый ранній изъ извѣстныхъ портретовъ Крылова 70

(Фотогравюра съ гравюры Чешскаго, 1815 г., по рисунку Эстерреих., болѣе раннему, начала XIX в.)

Крыловъ въ зрѣломъ возрастѣ 134

(По фотогравюрѣ Фишера съ оригинальнаго рисунка Кипренскаго, 1816.)

Письмо Крылова (съ баснями и припиской А. Н. Оленина) 1821 г. Изъ собранія А. К. Пожарскаго 194

4 страницы.

Гнѣдичъ, Жуковскій, Пушкинъ и Крыловъ на гуляніи 396

(По фотографическому снимку съ картины Чернецова, написанной по приказу императора Николая I, около начала 30-хъ годовъ).

Біографическій очеркъ.

И. А. Крыловъ.

Біографическій очеркъ.

Мы очень мало знаемъ о жизни и личности Крылова — немногимъ болѣе, чѣмъ Батюшковъ, который въ 1809 г. воскликналъ: „этотъ человѣкъ — загадка, и великая!“, и Пушкинъ, который въ 1825 г. писалъ: „мы не знаемъ, что такое Крыловъ — Крыловъ, который столь же выше Лафонтена, какъ Державинъ выше Ж. Б. Руссо!“. Его ранніе біографы — г-жа Карлгофъ [1], Григоровичъ [2], Бантышъ-Каменскій [3], Лобановъ [4], Плетневъ [5] — успѣли собрать немного данныхъ, которыя съ 1847 г. по настоящее время очень мало пополнились. Самъ Крыловъ не любилъ разсказывать о себѣ, въ особенности о своей молодости, и только иногда, случайно, проговаривался. Дѣтство и юность его прошли среди людей, которые были слишкомъ далеки отъ литературныхъ круговъ и интересовъ; прославился онъ и вызвалъ вниманіе біографовъ очень поздно, когда большинство его сверстниковъ уже ушло изъ жизни. Какъ еще указалъ Пушкинъ, „мы лѣнивы и не любопытны“ — и тѣ немногіе, кто зналъ болѣе или менѣе близко жизнь Крылова и кто могъ понять свою обязанность передъ потомствомъ сохранить о ней все, что только можно, — за рѣдкими исключеніями, не оставили намъ никакихъ воспоминаній.

---

[1] „Звѣздочка“, 1844.

[2] „Дѣдушка Крыловъ“, Спб. 1845 (перв. Воспоминанія Григоровича).

[3] „Словарь достопамятныхъ людей“, Спб., 1847, II.

[4] „Жизнь и соч. Крылова“, Спб., 1847.

[5] При изданіи соч. Крылова 1847 г. (перепеч. въ „Соч. и перепискѣ Плетнева“, Спб., 1885, II). Были еще нѣкоторыя біографическія очерки въ Живописномъ Обозрѣніи 1837 г. и „Портретной Галлереѣ“ 1841 г. Нѣкоторыя новыя біографическія свѣдѣнія даны Кеневичемъ (Примѣчанія къ баснямъ Крылова, Спб. 1878).

Біографію Крылова приходится возстановлять изъ разрозненныхъ фактовъ, безсвязныхъ и противорѣчивыхъ разсказовъ, легендарныхъ или „странствующихъ" анекдотовъ, которые такъ охотно пріурочивались всегда къ личности баснописца, еще съ первыхъ годовъ XIX в. получившаго устойчивую репутацію „чудака" и оригинала. Самъ И. А., не безъ задней мысли, любилъ разсказывать о себѣ характеристическіе анекдоты, которые подхватывались собесѣдниками, разносились широко въ обществѣ и, часто въ искаженномъ видѣ, попадали на страницы воспоминаній и „жизнеописаній".

Пора выдѣлить изъ этихъ кучъ анекдотическаго мусора все достовѣрное и цѣнное, что мы можемъ знать о жизни Крылова на основаніи документальныхъ данныхъ и провѣренныхъ ими свидѣтельствъ современниковъ.

Въ послѣдующемъ изложеніи мы дадимъ опытъ такой біографической канвы, основанной на тщательно провѣренномъ матеріалѣ. Предположительное вездѣ отграничено отъ несомнѣннаго, которое мы главнымъ образомъ и старались выдѣлить.

— —

Крыловъ родился 2-го февраля 1768 г. въ Москвѣ. Его отецъ, бѣдный армейскій офицеръ „изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей", Андрей Прохоровичъ [1], не имѣя ни средствъ, ни покровителей, долго тянулъ солдатскую лямку и очень туго подвигался по службѣ. Въ 1751 г. (или 1752 г.) онъ поступилъ въ драгунскій пѣхотный полкъ рядовымъ, былъ ротнымъ писаремъ, каптенармусомъ, сержантомъ и только въ 1764 г. произведенъ въ прапорщики, черезъ два года въ поручики, въ 1772 г. въ капитаны.

Повидимому, онъ былъ связанъ происхожденіемъ и родствомъ съ Москвою, Серпуховомъ и Тверью. Въ Москвѣ родился его сынъ, будущій баснописецъ. Самъ онъ числился въ „Московскомъ легіонѣ" и только „по несродности къ пѣхотѣ" и потому, что „по карабинерской службѣ парадными вещами исправлять себя не въ состояніи", онъ въ 1771 г. противъ воли „безвинно" „исключенъ былъ для опредѣленія въ драгунскіе полки оренбургскаго корпуса"

[1] Изъ мелкихъ дворянъ, родился въ 1735—1737 г. (въ документахъ 1771 г. ему показано 35 л., 1774—37).

(Кеневичъ, 303, 305). Въ 1802 г. братъ И. А., Левъ, открылъ въ Серпуховѣ „дядюшки ЯковаІодича родную сестру, вдову, которая имѣла тамъ свой домъ и жила съ дѣтьми; одинъ сынъ подьячій" [1]. Послѣ переѣзда И. А. съ матерью въ Петербургъ на жительство, въ Твери осталась его бабка Матрена Ивановна [2], вѣроятно, жившая тамъ и раньше и, кажется, домовладѣлица.

Въ 1772 г. А. П. поступилъ подъ начальство генералъ-маіора Фреймана, командированнаго противъ возмутившихся яицкихъ казаковъ, а въ 1774 г. перешелъ подъ начальство полковника Симонова, отряженнаго для защиты яицкаго городка отъ пугачевцевъ. Подробности осады (съ 30 декабря 1773 г. по 15 апрѣля 1774 г.) возстановляются довольно рельефно современными историческими документами, отчасти использованными Пушкинымъ въ его „Исторіи Пугачевскаго бунта".

По словамъ Пушкина [3], „18 сентября Пугачевъ ... пришелъ подъ Яицкій городокъ съ толпою, изъ 300 человѣкъ состоявшею, и остановился въ трехъ верстахъ отъ города... Въ городѣ все пришло въ смятеніе. Недавно усмиренные жители начали перебѣгать на сторону новыхъ мятежниковъ. Симоновъ выслалъ противъ Пугачова 500 казаковъ, подкрѣпленныхъ пѣхотою и съ двумя пушками. Двѣсти казаковъ при капитанѣ Крыловѣ отряжены были впередъ. Къ нимъ выѣхалъ навстрѣчу казакъ, держа надъ головою возмутительное письмо отъ самозванца. Казаки потребовали, чтобъ письмо было имъ прочтено. Крыловъ тому противился. Произошелъ мятежъ, и половина отряда тутъ же передалась на сторону самозванца и потащила за собою 50 вѣрныхъ козаковъ, ухватя за узды ихъ лошадей. Видя измѣну въ своемъ отрядѣ, Крыловъ возвратился въ городъ."

При этомъ онъ воскликнулъ: „Пропало все яицкое войско!" [4] Когда перешедшій на сторону Пугачова Пер-

---

[1] Кеневичъ, Примѣчанія къ баснямъ Крылова, изд. 2, стр. 353.

[2] ib., 287. Изъ письма Л. А. Крылова къ брату (1802 г.) оказывается, что у нихъ были крѣпостныя (ib. 351). Гротъ (Труды, III, 216), безъ указанія, впрочемъ, источниковъ, называетъ Тверь родиною Крыловыхъ. То же указываетъ и Львова („Рус. Стар.", 1880, сент., 205–206).

[3] Соч., изд. Литер. фонда (П. О. Морозовъ), т. VI стр. 10–11. Срв. „Москвитянинъ" 1841, III, 442, разсказъ современника, съ очень любопытными деталями, и Дубровинъ, Пугачовъ, Спб., 1884, 7.

[4] Дубровинъ, стр. 8

фильевъ убѣждалъ Крылова „не противиться батюшкѣ", тотъ сказалъ: „перестань ты, Перфильевъ, злодѣйствовать и быть участникомъ въ злыхъ дѣлахъ разбойника, которому вы служите. Помянулъ бы ты Бога и присягу свою въ вѣрности Ея Императорскаго Величества службѣ и старался бы исполнить то высочайшее повелѣніе, съ коимъ ты отправленъ изъ С.-Петербурга отъ всемилостивѣйшей государыни" [1].

Симоновъ долго сдерживалъ жителей Яицкаго городка, но ложные слухи о взятіи Оренбурга (куда Крыловъ успѣлъ отправить свою семью), о приближеніи большого мятежническаго отряда и взятіи въ плѣнъ старшины Мостовщикова, высланнаго навстрѣчу этому отряду, вызвали страшное смятеніе въ городѣ и подняли духъ тайныхъ сторонниковъ самозванца.

По имѣвшимся у Пушкина даннымъ [2], „Симоновъ оробѣлъ; къ счастію, въ крѣпости находился капитанъ Крыловъ, человѣкъ рѣшительный и благоразумный. Онъ въ первую минуту безпорядка принялъ начальство надъ гарнизономъ и сдѣлалъ нужныя распоряженія". Городъ былъ спасенъ.

Нѣсколько иначе рисуетъ Симонова и его роль въ дѣлѣ спасенія Яицкаго городка на основаніи архивныхъ данныхъ Бантышъ-Каменскій [3]:

„Онъ былъ комендантомъ Яицкаго городка, Оренбургской губ., когда Пугачовъ началъ свои опустошенія, и одинъ, въ сіе смутное время, умѣлъ оборонить съ горстію людей ввѣренную ему крѣпость, между тѣмъ какъ мятежникъ овладѣлъ многими другими, гораздо важнѣйшими, въ томъ числѣ Петропавловскою и Троицкою. Отразивъ, въ сентябрѣ, два приступа самозванца, Симоновъ находился семь мѣсяцевъ въ тѣсной осадѣ; дѣлалъ неоднократныя удачныя вылазки; уничтожилъ покушенія Пугачова въ январѣ 1774 г., несмотря на подведенные имъ два подкопа, и претерпѣвалъ тогда неимовѣрную нужду: не имѣя хлѣба, ѣли вмѣстѣ съ храбрыми сподвижниками своими лошадиное мясо; потомъ кожи овчинныя, портупеи; глодали кости, и, напослѣдокъ, старался утолять голодъ землею [4]. Въ семъ бѣдственномъ

[1] Дубровинъ, 284—285; ср. „Рус. Старина", 1876, т. XVI, 186.
[2] Ib., 31.
[3] Словарь, М., 1836, V, 48—49.
[4] Срв. „Ист. Вѣст.", 1884, іюль, 620. „ѣли глину и плесень",

положеніи Ив. Данил., къ вѣчной славѣ своей, сохранилъ должную вѣрность императрицѣ и отечеству".

Лобановъ [1], со словъ какого-то „одного изъ посѣтителей Императорской Публичной Библіотеки, оренбургскаго помѣщика, человѣка почтеннаго, внушающаго къ себѣ довѣренность", передаетъ, что жена Крылова „слѣдовала за нимъ въ походѣ, гдѣ только возможно было, и въ 1772 году она съ дѣтьми своими, и въ томъ числѣ съ 4-лѣтнимъ Иваномъ, отправилась въ Оренбургъ, которымъ злодѣю не удалось овладѣть, но есть преданіе, что гдѣ то дорогою она подверглась опасности и, при поискахъ шайки этихъ бродягъ, спасла малютку Крылова, спрятавши его въ корчагѣ".

Сопротивленіе Симонова и Крылова приводило въ бѣшенство бунтовщиковъ. По словамъ Пушкина [2], „Пугачовъ скрежеталъ. Онъ клялся повѣсить не только Симонова и Крылова, но и все семейство послѣдняго, находившееся въ то время въ Оренбургѣ. Такимъ образомъ обреченъ былъ смерти и 4-лѣтній ребенокъ, впослѣдствіи славный Крыловъ".

Самъ А. П. въ одной оффиціальной бумагѣ такъ изображаетъ тогдашніе свои подвиги [3]: „во время чинимыхъ отъ злодѣевъ на ретраншаменѣ неоднократно приступовъ и покушеній, имѣя въ вѣдѣніи моемъ отдѣленной фасъ, оной во всякое время ревностно оборонялъ, да и къ подкрѣпленію другихъ опасныхъ мѣстъ былъ же употребляемъ; а, наконецъ, когда въ провіантіи людямъ наступилъ крайній недостатокъ, и опасность настояла, чтобы солдаты, не стерпя голоду, не оставили свою должность, имѣя въ вѣдѣніи моемъ шестую легкую полевую команду, всѣ силы употреблялъ черезъ увѣщанія и обнадеженія прибытіемъ скорѣйшаго сикурса, о чемъ ни малѣйшаго извѣщенія ни откуда не было, подкомандующихъ въ должномъ послушаніи удержать, которые удобнѣе, наконецъ, согласились, по неимѣнію всякой пищи, землю ѣсть. Слѣдовательно, и доказали изъ того, что лучше помереть хотѣли, нежели присяжную свою должность презрѣть; въ таковыхъ обстоятельствахъ и я самъ съ ними какъ въ пищѣ, такъ и во всемъ равному недостатку и всѣмъ трудностямъ былъ подверженъ [4]."

---

[1] Стр. 2. [2] Ib., стр. 39. [3] Кеневичъ, 300.

[4] Художественное описаніе этого можно найти въ „Пугачевцахъ" гр. Салиаса.

Когда Яицкій городокъ былъ освобожденъ отъ осады, Крылову было приказано произвести поиски за бунтовщиками, „коихъ онъ“, по свидѣтельству начальника секретной комиссіи П. Потемкина, „немалое число привелъ къ должности“. Затѣмъ онъ былъ прикомандированъ къ члену секретной комиссіи Маврину, который въ сентябрѣ 1774 г. производилъ въ Яицкомъ городкѣ первый допросъ Пугачову, выданному своими сообщниками. Потемкинъ писалъ [1]: „а какъ гвардіи капитанъ-поручикъ Мавринъ посланъ былъ отъ меня со отдѣленною комиссіею въ Уральскъ, тогда онъ, Крыловъ, въ его, Маврина, вѣдѣніи состоялъ и всѣ его повелѣнія, касающіяся по долгу службы, исправлялъ съ таковымъ усердіемъ и ревностію, какъ надлежитъ вѣрноподданному Ея Императорскаго Величества рабу“ [2].

Все это, конечно, давало поводъ Крылову ожидать, что дождь наградъ, посыпавшійся за усмиреніе бунта, хоть сколько-нибудь коснется и его. Но у него не было связей и протекціи [3], которыя играли тогда слишкомъ большую роль, и его обошли и чиномъ и денежной наградой.

Въ мартѣ 1775 г. А. П., ссылаясь на свое якобы разстроенное здоровье, просилъ объ „увольненіи его отъ воинской въ статскую службу“ и ходатайствовалъ о награжденіи чиномъ.

Получивъ отказъ отъ военной коллегіи, онъ обратился

---

[1] Кеневичъ, 300—301.

[2] Булгаринъ въ „Сѣв. Пчелѣ“ (1847, № 8) даетъ дополнительныя свѣдѣнія о службѣ отца Крылова, противорѣчащія, впрочемъ, нѣкоторымъ документальнымъ даннымъ.

„Отецъ его былъ капитаномъ, вѣроятно, въ Великолуцкомъ пѣхотномъ полку, потому что, по сохранившимся извѣстіямъ, онъ отправился въ заволжскій край, во время усмиренія Пугачовскаго бунта, съ генералъ-маіоромъ Фрейманомъ, а Фрейманъ выѣхалъ изъ Москвы въ 1772 г. съ гренадерскою ротою Великолуцкаго полка, которую везли на почтовыхъ на мѣсто назначенія. Жена его поселилась въ Оренбургѣ. Самъ онъ былъ прикомандированъ въ Яицкъ къ полковнику Симонову и показалъ болѣе его мужества“. Но самъ Крыловъ писалъ, что съ 1752 г. по 1764 онъ былъ въ оренбургскомъ гарнизонѣ, потомъ перешелъ на „полевую службу“ и дѣйствовалъ въ турецкой войнѣ 1769 г. (Кеневичъ, 305—306). Это подтверждается и письмомъ его жены (Кеневичъ, 305—306). Въ драгунскіе полки оренбургскаго корпуса онъ былъ „исключенъ“ изъ „московскаго легіона“ въ 1771 г.

[3] Онъ самъ писалъ Чернышову (Кеневичъ, 303): „я знатныхъ у себя патроновъ не только въ Петербургѣ, но и нигдѣ по бѣдности моей не имѣю“.

съ довольно подобострастнымъ и безграмотнымъ (сохранившимся, впрочемъ, въ копіи) письмомъ къ П. С. Потемкину, настолько характернымъ, что мы приведемъ его цѣликомъ[1]. „Принеся вашему высокопревосходительству чрезъ покойнаго атамана Бородина[2] мою всенижайшую просьбу, хотя изливаемаго на всѣхъ вашего милосердія и не отчаяваюся, но внаступающее торжество мира[3] и что за кончиною того милостивца[4], можетъ статься, уже припомнить обо мнѣ некому, осмеливаюся внадеждѣ безприкладной милости вашему высокопревосходительству съ моимъ наиглубочайшимъ подобострастіемъ доложить. Слухъ здѣсь носится, что 10-го числа іюля Ея Императорскаго Величества милостію имѣютъ быть многіе награждены. Не возможно ль, высокомилостивѣйшій государь, и меня пріобщить къ числу тѣхъ. Тамъ всеконечно многихъ чиновъ заслуги взыщутся; а я во всю въ Уральскомъ городкѣ осаду, которая столь изъ рѣдкихъ, что едва-ль по исторіи другая ей подобная сыщется, будучи при комендантѣ подъ нимъ вторымъ, при всякомъ случаѣ всѣ силы употреблялъ, какъ къ преодолѣнію непріятеля, такъ вразсужденіи ретраншамента и всѣхъ оныхъ укрѣпленій, и наболѣе воинской предосторожности въ попеченіи и наблюденіи нужнаго распорядка, такъ что не было никакого и малѣйшаго предначертанія, ниже дѣйствія, въ которомъ бы я совершенно участія не имѣлъ, ибо если я не больше, что изъ пристойности неприлично выговорить, то по послѣдней мерѣ не меньше самаго командира во всѣхъ подробностяхъ распростирался. О чемъ, уповаю, каждый изъ бывшихъ въ помянутой блокадѣ можетъ по справедливости засвидѣтельствовать. Знаю, высокомилостивѣйшій государь, что меня, какъ и каждаго, непремѣнной долгъ къ тому обязуетъ; но Ея Величеству благоугодно все заслуги милостиво награждать; а такимъ особамъ, какъ ваше высокопревосходительство, за безгласныхъ людей заступаться. И такъ не отрыньте, пре-

---

[1] Кеневи ъ 301—302.
[2] Старшина яицкаго войска.
[3] Въ Кучукъ-Кайнарджи въ 1775 г.
[4] Бородина.

милосердый государь, усерднѣйшаго прошенія на ваше отеческое заступленіе все свое упованіе полагающаго, который съмъ наиболѣе милость своего мецената долженствовать будетъ чувствовать, что мѣнше щастія имѣетъ вашему высокопревосходительству быть въ состояніи оную когда либо заслужить, какъ только съ наиглубочайшимъ решпектомъ къ знаменитому вашего высокопревосходительства имени и съ всеусерднымъ подобострастіемъ быть, называться не перестанетъ во всю свою жизнь, всемилостивѣйшій государь, вашего выкопревосходительства всенижайшимъ и всепокорнѣйшимъ слугою."

Изъ указа объ отставкѣ извѣстно, что А. П. Крыловъ „умѣлъ читать и писать, но наукамъ не учился". Онъ оставилъ сыну въ наслѣдство сундукъ съ книгами, такъ что, повидимому, любилъ читать.

Письма къ Потемкину и Чернышову показываютъ въ немъ человѣка очень необразованнаго, не безъ претензій (правда, тщетныхъ) на „высокій штиль", настойчиваго и честолюбиваго. Въ его тонѣ, иногда слишкомъ искательномъ и подобострастномъ, много непріятнаго; за нимъ чувствуются забитость, безпомощность. По „Капитанской дочкѣ" Пушкина мы знаемъ ту среду, которая воспитывала такихъ людей и которая близка была къ великому поэту своими воспоминаніями.

Сквозь непріятное самоуничиженіе и наивныя стилистическія претензіи пробивается чувство оскорбленнаго человѣческаго достоинства. Это чувство, конечно, а не болѣзнь, было причиною выхода Крылова въ отставку.

Несмотря на то, что Потемкинъ прекрасно аттестовалъ его („принимая въ уваженіе сего офицера отличную службу, за должное почелъ представить и покорнѣйше просить, чтобъ противу другихъ его братій въ награжденіи оставленъ не былъ" [1]), просьба его не была почему то уважена.

Бѣдный неудачникъ, какъ въ 1771 по поводу „безвиннаго исключенія" изъ „московскаго легіона", такъ и теперь, не добился справедливости — и очутился сначала, въ 1775 г., ассессоромъ палаты уголовнаго суда, а черезъ годъ коллежскимъ ассессоромъ и вторымъ предсѣдателемъ губернскаго магистрата тверского намѣстничества [2].

---

[1] Кеневичъ, 303, 308.

[2] См. „Мѣсяцесловцы" 1776—1778 гг.

И. А. Крыловъ былъ слишкомъ тогда еще малъ, чтобы вынести какія-нибудь опредѣленныя впечатлѣнія изъ всей этой обстановки и изъ всѣхъ этихъ событій. Впрочемъ, Я. К. Гротъ разсказываетъ[1]: „однажды, около 1840 г., на вечерѣ у кн. Одоевскаго, онъ съ живостью разсказывалъ мнѣ, какъ уральскіе казаки зимою ватагами отправляются на ледъ и, прорубивъ его, ловятъ рыбу баграми".

О службѣ отца Крылова въ Твери мы ничего не знаемъ. Кое-что извѣстно объ условіяхъ жизни и воспитанія самого И. А.

По свидѣтельству Лобанова[2], „въ родительскомъ домѣ нашъ Крыловъ учился грамотѣ[3], а первымъ началамъ нѣкоторыхъ наукъ и языковъ въ пріязненномъ семействѣ Львовыхъ, вмѣстѣ съ его дѣтьми. Ученіе того времени, конечно, было ограниченное: тогда въ Россіи еще немного было средствъ для образованія юношества, но малютка, щедро одаренный природою, во всемъ, къ чему только прилежалъ, дѣлалъ большіе успѣхи. Къ изученію иностранныхъ языковъ... онъ имѣлъ необыкновенную способность. Во французскомъ языкѣ первые уроки получилъ онъ отъ гувернера, француза, жившаго у тверского губернатора; потомъ продолжалъ учиться дома, самъ собою, подъ надзоромъ своей матери, Маріи Алексѣевны, о которой онъ всегда вспоминалъ съ любовью. „Она была простая женщина", говорилъ онъ, „безъ всякаго образованія, но умная отъ природы и исполненная высокихъ добродѣтелей." Отъ нея то, кажется, онъ наслѣдовалъ умъ и прекрасныя способности, ибо отецъ его былъ храбрый, но обыкновенный человѣкъ... Любопытно то, что мать его, чуждая всякаго ученія, даже грамотности, вмѣшивалась въ его упражненія и, руководствуясь одною природною логикою, нерѣдко поправляла его ошибки. Когда онъ читалъ ей переводы, она останавливала его иногда. „Нѣтъ, Ваня, это что то не такъ! возьми-ко ты французскій словарь, да выправься-ко хоро-

[1] Труды, III, 216.

[2] Стр. 2—3

[3] Срв. Булгаринъ, „Сѣв. Пчела", 1845, № 8: „Воспитывался Крыловъ дома, по тогдашнему обычаю, т. е. былъ вскормленъ и обученъ русской грамотѣ, 4 правиламъ ариѳметики и молитвамъ. И. А. сказывалъ мнѣ, что по этимъ обязанъ онъ своей матери, доброй, тихой и набожной женщинѣ. Отецъ его былъ человѣкъ добродушный, храбрый, но крутаго нрава и мало занимался семействомъ."

шенько." Онъ исполнялъ приказанія матери и дѣйствительно находилъ ошибки."

По соображеніямъ Грота[1], Львовъ, въ домѣ у котораго учился Крыловъ, Ник. Петр., сначала совѣтникъ, а потомъ предсѣдатель уголовной палаты. Губернаторомъ былъ тогда Тутолминъ. Гротъ сомнѣвается, чтобы И. А. бралъ уроки французскаго языка у его гувернера, но не приводитъ основаній.

Въ семействѣ Львовыхъ сохранилось преданіе, требующее однако подтвержденія, что И. А., „сынъ бѣднаго тверскаго дворянина", даже жилъ одно время въ домѣ Н. А. Львова[2] и отданъ былъ затѣмъ, по бѣдности, отцомъ И. П. Львову, у котораго учился и даже слегка услуживалъ. По словамъ Е. Н. Львовой, встрѣтившись позднѣе съ нею и будучи близкимъ человѣкомъ у Ѳ. П. Львова, онъ ни словомъ не вспоминалъ о своихъ прежнихъ отношеніяхъ къ семейству Львовыхъ[3].

Про гувернера тверского губернатора онъ самъ разсказывалъ г-жѣ Карлгофъ, прибавляя, что „учитель былъ не слишкомъ свѣдущъ, и поэтому ученики его мало успѣвали"[4].

Больше всего, конечно, онъ былъ обязанъ своей матери, которую называлъ „первой радостью, первымъ счастьемъ своей жизни". Въ Твери сохранилось преданіе, будто бы она, послѣ смерти мужа, добывала себѣ и семьѣ пропитаніе „чтеніемъ каноновъ по богатымъ купеческимъ и дворянскимъ семействамъ", благодаря чему завязала связи и знакомства, которыя впослѣдствіи пригодились ея сыну[5].

По свидѣтельству г-жи Карлгофъ (несомнѣнно, со словъ самого Крылова)[6],

---

[1] Труды, III, 244.

[2] Гротъ говоритъ, что въ это время Н. А. Львова уже не была въ Твери.

[3] „Рус. Стар.", 1880, сент. 205—206.

[4] „Звѣздочка", 1844, ч. IX, 37. Вѣроятно, у него же обучался франц. языку и братъ И. А., Левъ.

[5] См. Полевой, Ист. рус. литературы, СПБ., 1890, II, 147; Жизневскій, Помники по И. А. Крыловѣ. Тверь, 1895 Стр. 3. Это можетъ и не противорѣчить свидѣтельству Лобанова объ ея неграмотности: она могла умѣть только читать, и то церковныя книги — явленіе, очень распространенное у насъ встарину.

[6] „Звѣздочка", ib. Плетневъ, 5—6.

„На тринадцатомъ[1] году своей жизни Иванъ Андреевичъ лишился отца. Мать сдѣлалась для него земнымъ провидѣніемъ... Она съ материнской проницательностью открыла способности своего сына и старалась развить ихъ, несмотря на ограниченность своихъ средствъ. Андрей Прохоровичъ (отецъ Крылова) не оставилъ послѣ себя почти никакого состоянія, но оставилъ нѣсколько книгъ, которыя собиралъ впродолженіе своей жизни. Эта библіотека лежала не въ богатыхъ шкафахъ, но въ полуразвалившемся сундукѣ, въ пыли и безпорядкѣ. Марья Алексѣевна (мать поэта) вывела на свѣтъ эти спрятанныя сокровища и сама себѣ составила планъ образованія своего сына. Желая пріохотить его къ ученію, она обѣщала дать ему награду, когда онъ прилежно будетъ читать съ нею въ положенные часы. Маленькому Крылову понравилось это распоряженіе. Онъ охотно принимался за книги, усердно читалъ и каждый разъ получалъ гривну или двѣ мѣди. Тогда деньги были очень дороги. И когда маленькій Крыловъ сдѣлался владѣтелемъ капитала въ нѣсколько рублей, то онъ считалъ себя богачемъ. Мать его, чтобы не пріучить его къ корыстолюбію, къ желанію копить деньги или къ другой крайности — тратить ихъ на пустяки, придумала очень хорошее средство: она замѣчала ему, что у него изорваны перчатки, старъ картузъ, и совѣтовала на свои деньги купить и то и другое. Молодой Крыловъ радовался, что могъ самъ доставать себѣ необходимыя вещи, выбиралъ хорошія, свѣтлыя перчатки, щегольской картузъ — и все это очень берегъ... Мать его хотѣла и съ французскимъ языкомъ употребить то же средство, которое такъ хорошо удалось съ русскимъ. Она, не зная ни слова по французски (между тѣмъ мальчикъ успѣлъ ознакомиться съ этимъ языкомъ, научившись нѣсколько у гувернера француза, жившаго у губернатора: это происходило въ Твери, гдѣ жилъ передъ кончиною своею отецъ поэта), заставляла сына читать на этомъ языкѣ въ положенные часы и давала награды. Но французская грамматика не такъ легко давалась Крылову, какъ своя родная... Ему скучно было читать на языкѣ мало знакомомъ. Онъ бѣгло повторялъ слова и фразы, которыя зналъ наизусть, перевертывалъ листы

[1] Десятомъ.

и съ нетерпѣніемъ ожидалъ, когда пройдетъ положенный часъ.

Марья Алексѣевна, можетъ быть, и догадывалась, на какія хитрости подымался ея сынокъ; но она дѣлала видъ, будто ничего не замѣчаетъ, и продолжала давать ему положенное награжденіе. Ему стало скучно бормотать безъ связи и толку заученныя фразы, да и совѣстно обманывать добрую свою мать. Онъ рѣшился читать съ пользою и понимать, что читаетъ. Вотъ для того онъ взялъ лексиконъ, началъ пріискивать каждое незнакомое слово и такимъ образомъ скоро научился по-французски".

О любви маленькаго Крылова къ чтенію говоритъ и Лобановъ (стр. 31): „русскія книги, частію духовныя, частію историческія, также и словари въ небольшомъ количествѣ были въ ихъ домѣ; притомъ онъ доставалъ у знакомыхъ, что только можно было достать въ Твери и, въ то время пріохоченный благоразумною матерью еще съ дѣтства, то ласками, то подарками, впослѣдствіи, съ возрастомъ, онъ пристрастился къ этому занятію и съ жадностію читалъ все, что только попадалось ему въ руки".

Мы знаемъ обычный кругъ тогдашняго чтенія — фантастическіе и сантиментальные романы.

За ними Крыловъ несомнѣнно забывался отъ тяжелыхъ впечатлѣній бѣдной, безпросвѣтной жизни.

Въ общемъ его первоначальное воспитаніе ничѣмъ не отличалось отъ обычнаго воспитанія тогдашняго бѣднаго провинціальнаго дворянства [1].

Онъ самъ признавался г-жѣ Карлгофъ: [2] „и, матушка, я былъ дитя, какъ и всѣ, игралъ, рѣзвился, учился не отлично, иногда даже меня и сѣкали".

Его записали (можетъ быть, номинально и за неимѣніемъ вакансій въ Твери) въ Калязинскій нижній земскій судъ подканцеляристомъ еще въ 1777 г., т. е. 9 лѣтъ и въ слѣдующемъ году перевели въ Тверь въ губернскій магистратъ, тоже подканцеляристомъ [3].

Если повѣрить свидѣтельству Булгарина [4], на службѣ ему приходилось очень тяжело.

---

[1] См. напр. „Записки" Данилова.

[2] „Звѣздочка", ib., стр. 37 (на ея немного наивный вопросъ, не отличался ли онъ чѣмъ-нибудь необыкновеннымъ въ дѣтствѣ).

[3] См. А. И. Кирпичниковъ, „Починъ", 1895, стр. 216.

[4] „Сѣв. Пчела", 1845, № 8.

„Въ Твери И. А. нашелъ случай доставать книги для прочтенія. День и ночь занимался онъ чтеніемъ, и часто даже пренебрегалъ для того службою. И. А. сказывалъ мнѣ, что повытчикъ его былъ человѣкъ грубый и сердитый и не только журилъ его за пустыя и безполезныя занятія, т. е. за чтеніе, но, заставъ его за книгою, иногда бивалъ его по головѣ и по плечамъ, и, сверхъ того, жаловался отцу, который также наказывалъ его за нерадѣніе къ службѣ". Все это очень похоже на правду, такъ какъ маленькій Крыловъ въ городскомъ магистратѣ служилъ подъ начальствомъ отца, который вообще отличался „крутымъ нравомъ" [1]. Ранняя служба не была чѣмъ-нибудь исключительнымъ въ тѣ времена. Необходимость ея, вѣроятно, вызвана была тяжелымъ матеріальнымъ положеніемъ семьи. Она преждевременно познакомила Крылова съ темными сторонами тогдашней жизни и дала ему позднѣе много красокъ для изображенія въ сатирическихъ статьяхъ и баснях**ъ тогдашняго приказнаго міра.**

Другою жизненною школою явилась — улица.

Неизвѣстный сотрудникъ „Тверскихъ губернскихъ вѣдомостей" (см. „Сѣверная Пчела", 1846, № 292, стр. 1165), разсказываетъ: „знаменитый нашъ баснописецъ Крыловъ принадлежитъ особенно нашей Твери: здѣсь онъ воспитывался и провелъ первые годы своей юности; здѣсь онъ началъ свое гражданское служеніе. Я засталъ еще въ Твери одного старика, его бывшаго школьнаго (?) товарища. Онъ передалъ мнѣ объ юномъ Крыловѣ, что могъ замѣтить особенно замѣчательнаго въ его характерѣ. „И. А.", разсказывалъ онъ, между прочимъ, „посѣщалъ съ особеннымъ удовольствіемъ народныя сборища, торговыя площади, качели и кулачные бои, гдѣ толкался между пестрою толпою, прислушиваясь съ жадностью къ рѣчамъ простолюдиновъ. Нерѣдко сиживалъ онъ по цѣлымъ часамъ на берегу Волги, противъ плотомоекъ, и, когда возвращался къ своимъ товарищамъ, передавалъ имъ забавные анекдоты и поговорки, которые уловилъ изъ устъ словоохотливыхъ прачекъ, схо-

[1] Противорѣчилъ тому только одно обстоятельство. А. П. Крыловъ умеръ 17 марта 1778 г., а И. А., по указанію нѣкоторыхъ документовъ, и родился въ тотъ же годъ. Впрочемъ въ цифровыхъ указаніяхъ его документы вообще очень неустойчивы и противорѣчивы.

дившихся на рѣку съ разныхъ концовъ города, изъ дома богатаго и бѣднаго. Можетъ быть, эти забавные разсказы были богатыми темами для многихъ его басенъ".

Смерть А. П. въ 1778 г. была большимъ ударомъ для семьи.

Конечно, вслѣдствіе своей честности и крайне ограниченнаго жалованья онъ не скопилъ ничего и оставилъ семью безъ всякихъ средствъ.

Отъ прошенія на высочайшее имя, вскорѣ послѣ его смерти поданнаго М. А., вѣетъ отчаяніемъ гнетущей бѣдности [1].

„Всемилостивѣйшая Государыня! Сердобольное вашего величества ко всѣмъ несчастнымъ снисхожденіе и милость вливаютъ смелость всѣмъ, бѣдствіямъ подверженнымъ, припадая къ престолу Вашему, искать облегченія своего бремени и утешенія своимъ горестямъ. Я исчисла сихъ нещастныхъ. Мужъ мой сего году марта 17 числа, по власти Божіей окончившей жизнь, тверского намѣстничества губернскаго магистрата председатель, коллежскій ассесоръ Андрей Крыловъ вслужбѣ вашего імператорскаго величества находился съ 1751 г. [2], сперва въ оренбургскомъ гарнизонѣ, а потомъ вполевой службѣ капитаномъ, и, командуя шестою полевою командою, въ многократныхъ противъ Уральскихъ мятежниковъ военныхъ дѣйствіяхъ и въ осадѣ отъ сихъ же злодѣевъ въ Уральскомъ городкѣ былъ, причемъ оказалъ отменную ревность и храбрость. Наконецъ, истощя всѣ силы, по окончаніи уже всѣхъ тамъ бывшихъ неспокойствъ въ 775 году просилъ о опредѣленіи встатскую службу, почему и отъ ставленъ съ чиномъ коллежскаго ассесора и опредѣленъ втверское наместничество; а хотя онъ былъ і изъ обер-офицерскихъ дѣтей, но никакихъ вотчинъ, и ниже такого достатка, коимъ бы я себя здѣсьми и семействомъ [3] содержать могла, неимѣлъ, а содержалъ себя однимъ только жалованьемъ; то я нынѣ лишеніемъ его съ двумя сынами, изъ коихъ одному десятой, а другому второй годъ, всѣмъ происходящимъ отъ крайней бѣдности жесточайшимъ слѣдствіямъ преданная, безъ подкрѣпленія ва-

[1] Кеневичъ, 304—307. Оно сохранилось въ копіи, довольно безграмотной, въ бумагахъ Крылова и, вѣроятно, было имъ составлено.

[2] Документы указываютъ то на этотъ годъ, то на 1752.

[3] Бабушка Марья Иванова?

шего императорскаго величества матернія щедроты впаду въ неописуемое отчаяніе. Всемилостивѣйшая Государыня! всей моей крайности дерзаю приnасть къ освященнымъ вашего величества стопамъ и повергнуть себя здѣтьми вбезпримѣрныя вашего величества матернія щедроты, воззрите милостиво на наше нещастное состояніе и, принявъ во уваженіе 27-лѣтнюю мужа моего беспорочную и ревностную службу, повелите на пропитаніе наше и на воспитаніе дѣтей опредѣлить, что вашему величеству всевышній Богъ на сердце положитъ".

Мы не знаемъ, чѣмъ отвѣтила императрица на это прошеніе. Семьѣ, повидимому, приходилось по-прежнему существовать на грошовое жалованье П. А. и, можетъ быть, на деньги, заработанныя М. А. чтеніемъ по покойникамъ или даваемыя „милостивцами".

Въ 1782 г. М. А. съ сыномъ отправляется въ Петербургъ — вѣроятно, чтобы выхлопотать себѣ пенсію или пособіе, а сына пристроить на службу черезъ какія то знакомства (можетъ быть, черезъ Львовыхъ) [1].

Въ іюлѣ П. А. взялъ отпускъ на 29 дней, но воспользовался имъ только зимою 1782—83 года и не давалъ о себѣ въ Тверской магистратъ никакихъ извѣстій. Тамъ хватились его только весною 1783 года и начали „сыскивать" его на квартирѣ, гдѣ нашли только его бабку. Началась канцелярская переписка, въ очень грозномъ тонѣ: его собирались требовать въ Тверь по этапу, „за приемотромъ".

Заручившись, повидимому, какими то обѣщаніями въ Петербургѣ, Крыловъ смѣло является къ тверскому намѣстнику графу Брюсу и, ссылаясь на слабость здоровья и указъ о вольности дворянства, проситъ себѣ увольненія. Такъ какъ „на рукахъ у него дѣла никакого не было", и онъ „ничѣмъ по тверскому намѣстничеству обязанымъ не состоялъ", то его безъ наказанія за просрочку, отставили отъ службы и за безпорочную службу наградили чиномъ канцеляриста [2].

---

[1] По мало вѣроятному свидѣтельству Булгарина („Сѣв. Пчела", 1845, № 8), „спицами и острою рѣчами Крыловъ сдѣлался извѣстенъ въ Твери, нашелъ покровителей, которые перевели его на службу въ Петербургъ и опредѣлили тамъ же канцеляристомъ въ С.-Петербургскую Казенную палату".

[2] Кеневичъ, 287—288. Кирпичниковъ, 215—217.

Возвратившись въ Петербургъ, онъ сейчасъ же поступилъ на службу въ казенную палату и уже черезъ два мѣсяца былъ произведенъ въ провинціальные секретари — вѣрный знакъ чьего то сильнаго покровительства. Жалованья, кажется, онъ не получалъ сначала, такъ какъ въ дѣлахъ казенной палаты указано, что въ первый разъ назначено жалованье ему въ 1786 г. — по тому времени не малое: 90 р. [1].

Мы не знаемъ, чѣмъ онъ существовалъ съ матерью до этого времени.

По указанію Бантыша-Каменскаго и г-жи Карлгофъ М. А. Крылова умерла въ 1788 г. [2], и 20-лѣтній И. А. долженъ былъ взять на себя и заботы о младшемъ братѣ, который до старости относился къ нему съ благоговѣйнымъ уваженіемъ и въ письмахъ всегда называлъ его „милымъ тятенькой“ [3].

Охватившее его въ то время страстное увлеченіе театромъ вывело его изъ круга интересовъ мелкой приказной среды и сблизило съ міромъ артистовъ и литераторовъ. Онъ знакомится и очень близко сходится съ Дмитревскимъ, позднѣе — съ Сандуновымъ, Плавильщиковымъ, Рыкаловымъ.

За „Кофейницею“, написанною около 1783 г., слѣдуютъ (неудачныя, правда) попытки трагедій и нѣсколько комедій.

Онъ сдѣлался извѣстенъ П. А. Соймонову, завѣдывавшему театрами и горною экспедиціею, и въ 1787 г. переходитъ къ нему на службу въ „кабинета ея императорскаго величества горную экспедицію“ [4]. Но уже въ слѣдующемъ году у него произошли какія то недоразумѣнія съ начальствомъ, и онъ принужденъ былъ выйти въ отставку.

Такъ неудачно кончилась его счастливо начавшаяся чиновничья карьера.

Крыловъ, повидимому, тяготился службою. По крайней мѣрѣ до 1801 г., когда онъ поступилъ въ Ригу къ кн. Голицыну, онъ не дѣлалъ попытокъ вернуться къ ней. Мы не знаемъ, на какія средства онъ въ это время существовалъ.

Его увлекаетъ теперь журнальная дѣятельность.

---

[1] Крыловскій Акад. Сборникъ, 347—349.
[2] Словарь, 169; „Звѣздочка“, 45.
[3] Кеневичъ, 348.
[4] Модзалевскій, „Рус. Старина“, 1878, I, 153; Акад. сбори., 349—350.

Онъ принимаетъ въ 1787 г. довольно живое участіе въ „Лѣкарствѣ отъ скуки и заботъ“ Ѳ. Туманскаго, затѣмъ сходится съ Рахманиновымъ, извѣстнымъ вольтерьянцемъ, переводчикомъ, типографомъ и журналистомъ.

Въ 1788 г. Рахманиновъ съ какою то компаніей затѣялъ журналъ „Утренніе часы“. Большинство статей анонимно, но счастливая находка г. Витберга [1] (редакторскій экземпляръ одной части журнала съ обозначенными инціалами авторовъ) доказала принадлежность Крылову нѣсколькихъ безыменныхъ басенъ. Ода „Утро“ подписана его полнымъ именемъ. Есть основанія также приписать ему нѣсколько произведеній, подписанныхъ буквою „К. “. Однимъ словомъ, можно считать прочно установленнымъ фактъ большого участія Крылова въ этомъ журналѣ. Можетъ быть, даже онъ былъ однимъ изъ его издателей [2].

Намъ удалось установить среди анонимныхъ статей этого журнала также произведенія, принадлежащія Дмитріеву. Къ этому далекому времени должно относиться знакомство двухъ будущихъ соперниковъ-баснописцевъ.

Послѣднія книжки „Утреннихъ часовъ“ совпали съ первымъ собственнымъ журналомъ Крылова — „Почта духовъ“.

Журналъ этотъ издавался въ типографіи Рахманинова. Такъ какъ подписчиковъ было мало, то его не довели до конца года и пустили въ продажу по пониженной цѣнѣ. Крыловъ, повидимому, не могъ расплатиться съ Рахманиновымъ и передалъ ему, въ возмѣщеніе типографскихъ расходовъ, право собственности на журналъ, перепроданное впослѣдствіи московскимъ купцамъ [3].

Всѣ статьи „Почты духовъ“ анонимны. Несомнѣнно, главную роль въ этомъ журналѣ игралъ Крыловъ, но для точнаго выясненія ея пока еще нѣтъ надлежащихъ данныхъ. Самъ Крыловъ говорилъ, что Рахманиновъ давалъ имъ (значитъ, издателей было нѣсколько) матеріалы. Подъ этимъ

---

[1] Первыя басни Крылова, Спб., 1900.

[2] Этому не можетъ противорѣчить то, что при одной изъ книжекъ онъ указанъ въ числѣ подписчиковъ: журналы, имѣвшіе мало подписчиковъ, зачисляли въ ихъ число ближайшихъ сотрудниковъ и даже принимавшихъ участіе въ ихъ изданіи — для болѣе внушительной цифры.

[3] Изв. Тамб. Губерн. Арх. Ком 1888. XVIII, 86—89. См. 2-ой томъ нашего изданія.

онъ могъ понимать какъ готовыя статьи, такъ и сырой матеріалъ, который потомъ обрабатывался другими.

Глухія литературныя преданія называли еще среди издателей Радищева и П. Эмина, но все это требуетъ еще документальнаго подтвержденія. Можетъ быть, принималъ участіе Пельскій.

Неудача „Почты духовъ" совпала съ ожесточенною борьбою Крылова противъ Соймонова и Княжнина, оставившею любопытные слѣды въ его перепискѣ. Соймоновъ тормазилъ постановку піесъ Крылова на театрѣ.

Борьба и неудачи, повидимому, охладили на время его увлеченіе литературою и театромъ. По крайней въ 1790 г. онъ издалъ отдѣльно только одну оду, и затѣмъ до 1792 г. прекращаются всѣ наши свѣдѣнія о Крыловѣ.

Къ этому времени пріурочивается разсказъ Алабина[1] о любви Крылова, основанный на одностороннемъ показаніи, расцвѣченный разными риторическими прикрасами и вообще нуждающійся въ подтвержденіи, котораго до сихъ поръ еще не было.

Въ стихахъ 1792 и 1793 гг. Крыловъ часто говоритъ о своей любви къ какой то Анютѣ.

Алабинъ утверждаетъ, что это — дочь брянскаго (Орловской губерніи) „прогонона, мѣстнаго помѣщика и дворянина", Анна Алексѣевна Константинова. „Это то прелестное существо всѣмъ пламенемъ первой страсти полюбилъ П. А. Крыловъ во время своего пребыванія въ Брянскомъ уѣздѣ, гдѣ онъ познакомился съ семействомъ А. А.; въ этомъ то существѣ, кроткомъ и чистомъ, нашелъ онъ самую глубокую взаимность. Молодые люди рѣшились навсегда соединить свою судьбу. Крыловъ формально просилъ руки Анны Алексѣевны. Но... несчастное но... онъ былъ бѣденъ, безвѣстенъ, не имѣлъ приличнаго служебнаго положенія; ея родители были тщеславны, гордились своимъ родствомъ съ Ломоносовымъ, считали въ своей родинѣ генераловъ; А. А. была еще молода, красавица — для нея искали партіи болѣе блестящей и отказали Крылову. Онъ уѣхалъ въ Петербургъ (по какому именно поводу П. А. посѣтилъ Брянскій уѣздъ, мы не знаемъ). А. А. плакала, тосковала, но ея собственнымъ словамъ, таяла, какъ воскъ

[1] „Русскій Архивъ", 1868, IV—V, 864—865.

— роные стали бояться за ея жизнь, сжалились и изъявили согласіе на бракъ ея съ Крыловымъ. Она сама и родители ея поспѣшили написать объ этомъ счастливомъ измѣненіи обстоятельствъ Крылову и звали его въ Брянскъ играть свадьбу. Но... опять это несчастное но... Отъ Петербурга до Брянска не такъ было близко, какъ теперь. Крыловъ отвѣтилъ, что у него нѣтъ средствъ пріѣхать въ Брянскъ, а потому онъ проситъ осчастливить его — привезти невѣсту въ Петербургъ, гдѣ можетъ быть немедленно устроена свадьба. Такой отвѣтъ оскорбилъ и разсердилъ родителей А. А., и они рѣшительно отказали П. А., прекративъ затѣмъ всякія съ нимъ сношенія. Тѣмъ это дѣло и кончилось для свѣта, но не для любящихся сердецъ. Они остались вѣрны другъ другу — всю жизнь. Крыловъ страданія свои изливалъ въ поэтическихъ стонахъ и на всю жизнь остался холостякомъ; А. А. плакала, молилась, всю жизнь сохранивъ святую любовь къ своему избраннику, отказалась отъ представлявшихся прекрасныхъ партій и осталась дѣвицею."

Все это мало похоже на правду — и на Крылова, дышитъ сантиментальною мечтательностью старой дѣвы. Содержаніе любовныхъ стихотвореній Крылова мало подходитъ къ схемѣ событій, даваемыхъ Алабинымъ со словъ Константиновой[1]".

Въ 1791 г. Рахманиновъ вышелъ въ отставку, отправился въ свое тамбовское помѣстье Казинку и перевезъ съ собою типографію, которая продолжала тамъ работать до закрытія (начальствомъ) въ 1793 г.[2] Крыловъ затѣмъ

---

[1] Въ „Сѣверной Пчелѣ", 1815 (№ 61) было помѣщено объявленіе о готовящемся сборникѣ, къ сожалѣнію, не появившемся въ печати: „приготовленъ къ печати весьма любопытный сборникъ подъ заглавіемъ: „Альманахъ любопытныхъ стихотвореній и прозаическихъ сочиненій знаменитыхъ и извѣстныхъ писателей XVIII в., или вовсе не напечатанныхъ, или чрезвычайно рѣдкихъ." Тутъ, между прочимъ, есть неизвѣстныя доселѣ стихотворенія Державина, Хераскова, П. А. Крылова и друга его и товарища Клушина, Богдановича и многихъ другихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что все это весьма любопытно, особенно цѣлая исторія любви знаменитаго нашего баснописца Крылова, изложенная въ стихахъ!" Неужели матеріалъ этого драгоцѣннаго сборника безслѣдно исчезъ?

[2] „Древн. и Новая Россія", 1878, III, 279—280; „Русск. Архивъ" 1895, XI, 332—333. „Библ. Зап." 1858—81. О перемѣщеніи типографіи въ 1788 г. см. „Утренніе часы", III, 144.

близко сходится съ Клушинымъ (кстати, его землякомъ)[1] и долженъ былъ вмѣстѣ съ нимъ принимать близкое участіе въ громкой исторіи борьбы актера Сандунова и его невѣсты Лизаньки Урановой противъ „метящихъ сластолюбцевъ", Безбородко, Соймонова и Храповицкаго, управлявшихъ тогда театромъ. Какъ извѣстно, исторія эта кончилась въ 1791 г. вмѣшательствомъ императрицы, свадьбой Сандуновыхъ и отстраненіемъ прежнихъ заправилъ театральнаго дѣла отъ власти[2].

Скандалъ разыгрался во время представленія „Рѣдкой вещи" Дмитревскаго; обращеніе къ императрицѣ написалъ Клушинъ. Трудно думать, чтобы въ этой исторіи, въ которой были замѣшаны всѣ близкія лица, не принималъ участія и Крыловъ, врагъ Соймонова.

Въ 1792 г. онъ уже очень близокъ съ Сандуновымъ и Плавильщиковымъ[3]. Пріятели рѣшили издавать журналъ „Зритель" — въ противовѣсъ „Московскому журналу" Карамзина.

Въ своихъ письмахъ къ Дмитріеву Карамзинъ называетъ его издателями Дмитревскаго, Плавильщикова, Клушина, Крылова, Н. Эмина, Ѳ. Туманскаго, позднѣе прославившагося своими цензурными неистовствами[4]. Мы не знаемъ, откуда онъ получилъ эти свѣдѣнія.

Издатели привлекли къ участію въ журналѣ — кн. Горчакова, кн. Хованскаго, Варакина и пр. Намъ удалось установить еще сотрудничество В. Л. Пушкина, Шишкова, Хвостова (Д. И.), Николева. Больше всего писали Плавильщиковъ, Клушинъ и Крыловъ[5].

Журналъ сдѣлалъ уступку модному тогда сантиментальному направленію, помѣстивши нѣсколько чувствительныхъ повѣстей и стихотвореній, но въ вопросахъ театра придерживался стараго классицизма.

---

[1] Быстрову („Сѣв. Пчела", 1845, N. 203) самъ Крыловъ разсказывалъ: „Рахманиновъ хорошо былъ ученъ: зналъ языки, исторію, философію... Онъ давалъ намъ матеріалы... Послѣ еще ближе сошелся я съ Клушинымъ... Онъ былъ умный, услужливый человѣкъ... Мы съ нимъ много писали въ тогдашнихъ журналахъ."

[2] „Ист. Вѣстн.", 1890, мартъ, 611—625.

[3] Былъ переведенъ въ Москву въ 1793 г. („Ист. Вѣстн." 1891, VIII, 415—446). Архивъ Дирекціи Импер. Театровъ, I, II, 373; I, I, 88.

[4] „Русск. Старина", 1873, сентябрь, 331—336; октябрь 589—593; ноябрь, 812 („извергъ").

[5] Рахманиновъ уже въ первой книжкѣ указанъ въ качествѣ подписчика въ Козловѣ

Въ подражаніе Карамзину были введены театральныя и литературныя рецензіи, но и онѣ не подняли интереса общества къ журналу, и онъ расходился очень туго.

„Зритель“ издавался въ типографіи „Г. Крылова съ товарищи.“

Драгоцѣнныя свѣдѣнія о типографской дѣятельности Крылова, не замѣченныя ни однимъ изъ біографовъ баснописца, сообщаетъ П. Быстровъ („Біограф. и библіогр. замѣтки. Типографія Крылова съ товарищами“. „Сѣверная Пчела“ 1847, № 289).

„Однажды И. А. вздумалось имѣть свою типографію. Это было въ декабрѣ 1791 года. Въ предпріятіи И. А. приняли участіе Иванъ Аѳанасьевичъ Дмитревскій, Александръ Ивановичъ Клушинъ, Петръ Алексѣевичъ Плавильщиковъ. Составленный ими по сему случаю актъ сохранился подлинникомъ у А. Ф. Смирдина и заключаетъ въ себѣ условія, на основаніи коихъ должно было осуществиться это предпріятіе Крылова. Вотъ этотъ актъ отъ слова до слова:

Законы, на которыхъ основано заведеніе типографіи и книжной лавки.

1. Для заведенія типографіи положить по равной части тысячу рублей.

2. Два года въ типографіи членамъ не дѣлать никакого раздѣла, а каждый долженъ стараться, по возможности, исполнять все то, что̀ можетъ относиться къ должностямъ фактора, корректора и тому подобныхъ, и всѣ таковые труды раздѣлить между собою, и еслибы случалось кому что сдѣлать и за другого, въ томъ никакого разсчета не дѣлать, ибо сіе общество основывается на законахъ истиннаго дружества.

3. При сей типографіи имѣть лавку, на основаніи городского права.

4. Все то, что̀ будетъ печатано на счетъ общества, продавать въ ней; изъ вырученныхъ денегъ заплатить лавка должна, во-первыхъ, деньги типографіи, изъ чего явственно, что выйдетъ два капитала, одинъ другого подкрѣпляющіе, коимъ вести особую вѣрную записку. По выплаченіи же денегъ типографіи лавка можетъ, наблюдая свою, то есть общественную пользу для обогащенія реестра книгъ, дѣлать

вымѣны, при коихъ какъ выгоды, такъ и убытки должны быть общіе.

5. Все то, что̀ въ лавкѣ будетъ, съ каждаго рубля по продажѣ вычитать по двадцати копеекъ съ рубля: половину сидѣльцу, и другую на подкрѣпленіе лавки; типографіи же до сихъ процентовъ дѣла нѣтъ.

6. Каждый членъ обязанъ свое сочиненіе печатать не инѣ̀ гдѣ, какъ въ сей типографіи, заплатя ту же самую плату, какая обыкновенно во всѣхъ типографіяхъ берется съ постороннихъ, и продавать въ сей же лавкѣ, и съ тою же заплатою двадцати процентовъ съ рубля, выключая сочиненія, кои отвергнутся большинствомъ голосовъ.

7. Если же общество заблагоразсудитъ уменьшить цѣну въ типографіи для привлеченія посторонней работы, то и члены тѣмъ же правомъ пользуются.

8. Квартира для типографіи и лавки должна быть нанята на общій счетъ типографіи и лавки; члены, живущіе тамъ, пользуясь квартирою, больше и заняты присмотромъ и веденіемъ книгъ по типографіи; записка же лавки должна вестись сидѣльцемъ.

9. Типографію обще считать каждый мѣсяцъ, а лавку два раза въ годъ.

10. Если же кто изъ членовъ, не прежде однако двухъ, лѣтъ, захочетъ выбыть изъ общества, то долженъ увѣдомить за годъ и, слѣдовательно, не прежде отходить совершенно, какъ по трехъ годахъ отъ заведенія; часть его по типографіи должна быть отдѣлена и заплачена деньгами, въ какомъ она будетъ состояніи во время отдѣла по вычетѣ всѣхъ расходовъ, а по лавкѣ часть его должна быть выдана при наличности денегъ деньгами, а изъ товара товаромъ.

11. Все, что̀ общество для пользы своей намѣрено предпринять, и на что трое согласны, на то четвертый долженъ непремѣнно быть согласенъ.

12. Если же одинъ членъ долженъ будетъ отъѣхать, то, на время его отсутствія, остальные члены беруть его часть въ опеку; доходъ его отдавать тому, кому онъ прикажетъ, удерживая на подкрѣпленіе заведенія десятую часть; если же кто изъ членовъ представитъ на мѣсто свое кого-либо, то сіе не иначе быть можетъ, какъ по согласію остальныхъ, и тогда уже представленный входитъ во всѣ

права истиннаго члена, до возвращенія представившаго или навсегда.

13. Если кто изъ членовъ, напечатавъ свою книгу и выплатя все, что̀ типографіи и лавкѣ слѣдуетъ, захочетъ достальные экземпляры взять, дабы продать вдругъ посторонниимъ по цѣнѣ самой низкой, въ такомъ случаѣ онъ долженъ преимущественно съ согласія общества уступить ихъ за сію цѣну обществу, которое, находя въ томъ пользу, поступаетъ по четвертому пункту.

14. Какъ теперь многаго предвидѣть нельзя, то время и обстоятельство что въ пользу вразумитъ перемѣнить или прибавить, имѣетъ силу, равную симъ законамъ.

Декабря 8-го дня 1791 года.

Утверждаю и подписуюсь, Иванъ Аѳанасьевъ сынъ Дмитревской.

Утверждаю и подписуюсь, Иванъ Андреевъ сынъ Крыловъ.

Утверждаю и подписуюсь, Александръ Ивановъ сынъ Клушинъ.

Утверждаю и подписуюсь, Петръ Алексѣевъ сынъ Плавильщиковъ.

Тому же А. Ф. Смирдину принадлежитъ другая рукопись, подъ названіемъ: „Книга приходная на 1792 годъ.“ На первомъ листѣ этой книги находятся слѣдующія собственноручныя подписи вкладчиковъ: „въ декабрѣ, подъ числомъ 15-мъ, Иванъ Дмитревской положилъ 250 рублей; подъ числомъ 20-мъ, Петръ Плавильщиковъ положилъ 250 рублей; Иванъ Крыловъ положилъ 50 рублей; 1792 года, генваръ, число 1-ое, Александръ Клушинъ положилъ двадцать пять рублей; число 27-е, Иванъ Крыловъ положилъ двѣсти рублей; февраля 15-го, Клушинъ положилъ сорокъ рублей.“

На оборотѣ перваго листа записанъ доходъ типографіи, въ январѣ 1792 года, рукою П. А.: „съ 21-го по 30-е число, за афиши Февей получено 7 рублей, за афиши для Безбожнаго 7 рублей, за афиши Французскова Лжеца 7 рублей“ и пр.

На первой страницѣ второго листа П. А. отмѣчено: „по лавкѣ приходу никакого не было“. За этимъ слѣдуютъ

подписи: „Засвидѣтельствовали: Петръ Плавильщиковъ, Иванъ Дмитревской, Иванъ Крыловъ, Александръ Клушинъ."

Къ 1-му декабря приходъ былъ до 2,628 р. 95 к. асс. да за билеты въ Кронштадтскій клубъ получено 106 рублей.

Оборотъ денежный, большею частію, писанъ рукою И. А. Провѣрки суммъ, по лавкѣ и типографіи, продолжались до августа (1792), а послѣ того, Приходная книга ни однимъ изъ содержателей лавки и типографіи не засвидѣтельствована!..

И. А. любилъ въ то время играть въ шашки. Дмитревскій, Клушинъ, Краснопольскій (Николай Степановичъ) не прочь были отъ сего занятія, и въ этомъ подвигѣ проводили они дни и ночи, а по типографіи хлопоталъ одинъ И. А. Плавильщиковъ (слова Ивана Андреевича).

Типографія Крылова была основана съ дозволенія С.-Петербургской Управы Благочинія и помѣщалась въ нижнемъ этажѣ дома П. П. Бецкаго, нынѣ принадлежащаго Его Императорскому Высочеству Принцу Ольденбургскому. Изъ книгъ, напечатанныхъ въ сей типографіи, кромѣ журналовъ „Зритель" и „С.-Петербургскій Меркурій", извѣстны девять званій: 1) Забава въ уединеніи, 1792 г.; 2) Мельникъ и обманщикъ, комедія, 1793 г.; 3) Мирпиль и Клоэ, 1793 г.; 4) Пигмаліонъ, 1792 г.; 5) Діанино древо, опера, 1792 г.; 6) Рѣдкая вещь, опера, 1792 г.; 7) Кора къ Алонзу, Пролога, 1793 г.; 8) Сельская лира, 1792 г.; 9) Приключенія Фобласа, 1792 г.[1]

Въ этомъ договорѣ заслуживаетъ быть отмѣченъ и характерная черта: заключившихъ его связываетъ дружба — и все же они захотѣли обставить его строго опредѣленными юридическими условіями — какъ будто бы симптомъ не совсѣмъ довѣрчиваго отношенія ихъ другъ къ другу. Клушинъ, Крыловъ, Плавильщиковъ и Дмитревскій, такимъ образомъ, составляли центральный кружокъ, заправлявшій дѣлами.

Въ маѣ 1792 г. надъ нимъ разразилась гроза, вызванная подозрительнымъ отношеніемъ правительства къ лите-

[1] Этотъ списокъ не полонъ: былъ напечатанъ еще „Бобыль" Плавильщикова и пр. Крыловъ разсказывалъ Жихареву (Записки, М., 1891, 296—297, 9 февраля 1807 г.), что Рахманиновъ помогъ имъ завести типографію.

раторамъ и литературѣ. Исторія недоразумѣній Крылова съ полиціею до сихъ поръ еще очень неясна. Самъ онъ очень глухо говорилъ какъ то въ 1831 г. Быстрову[1]: „ахъ, мой милый, со мной былъ случай, о которомъ теперь смѣшно говорить, но тогда... я скорбѣлъ и не разъ плакалъ, какъ дитя... Журналу не повезло; полиція, и еще одно обстоятельство... Да кто не былъ молодъ и не дѣлалъ на своемъ вѣку проказъ".

Г. Рождественскій[2] разыскалъ письмо петербургскаго губернатора Коновницына П. А. Зубову отъ 12 мая 1792 г., которое отчасти разъясняетъ эту исторію.

„Исполняя Высочайшее Ея Императорскаго Величества повелѣніе, не осмѣлясь отлучиться изъ столицы, спѣшу Вашему Превосходительству къ Всеподданнѣйшему донесенію доложить:

Типографія заведена сего года въ генварѣ мѣсяцѣ съ дозволенія Управы благочинія, съ Крыловымъ и Клушинымъ товарищи актеры Дмитревскій и Плавильщиковъ. Въ ней осмотръ учиненъ частнымъ приставомъ со всею прилежностью, но вредныхъ сочиненій не нашлось. И означенные Дмитревскій и Плавильщиковъ по чистой совѣсти и долгу присяги свидѣтельствуютъ, что ничего безъ установленной цензуры печатано не было.

Отставной провинціальный секретарь Крыловъ оригинальное свое сочиненіе подъ названіемъ: „Мои горячки" по первому вопросу съ частнымъ приставомъ лейбъ-гвардіи у капитанъ-поручика Скобельцына, которому давалъ для прочтенія, отобравъ самъ мнѣ представилъ, объясняя, что писалъ оное назадъ года съ два безъ всякаго умысла, по одной склонности къ сочиненіямъ, еще не кончилъ, никогда нигдѣ не печаталъ, и, прямого къ тому намѣренія не имѣя, прочитывалъ нѣкоторымъ изъ своихъ знакомыхъ, именно: Дмитревскому, Плавильщикову, Сандунову, а послѣ давалъ г-ну Скобельцыну, и, наконецъ, показалъ мнѣ тѣ главы, гдѣ описано изображенное въ приложенномъ о семъ письмѣ, почему, переписавъ оныя на бѣло, при семъ и самое то сочиненіе въ особомъ конвертѣ Вашему Превосходительству

---

[1] „Сѣв. Пчела", 1845, № 203.

[2] Крыловъ и его товарищи по типографіи и журналу въ 1792 г., М. 1899, стр. 11—12.

представляю, равно и взятую съ находящагося въ службѣ при Комиссіи о строеніи дорогъ въ государевѣ подпоручика Клушина подписку. При осмотрѣ же въ типографіи и комнатѣ его поэмы Горлицы и другихъ вредныхъ сочиненій не оказалось, а лично мнѣ объявилъ, что о горлицахъ писано имъ было въ аллегорическихъ его спахъ, но безъ всякаго намѣренія, и что ихъ читалъ Плавильщиковъ, но не одобрилъ, почему онъ и изодралъ, что и Плавильщиковъ подтвердилъ при господинѣ оберъ-полиціймейстерѣ. Изъ-за чего представляю за тою типографіею, тожъ Крыловымъ съ Клушинымъ наблюденіе и, не упуская изъ виду поведенія, которое донынѣ никѣмъ не охуждается, дальнѣйшее изслѣдованіе до Высочайшаго благоусмотрѣнія остановилъ, дабы не послѣдовало и малѣйшей обиды или притѣсненія, какъ о томъ мнѣ предписать изволили."

Любопытно, что отъ Дмитревскаго, Плавильщикова и Сандунова потребовали подтвержденія точности показаній Крылова и Клушина — и они „засвидѣтельствовали, что содержаніе сходно во всей точности съ оригинальнымъ сочиненіемъ, которое они читали, і что і въ томъ ничего вреднаго отнюдъ не было". Рукопись статьи Крылова была предетавлена Зубову. Вѣроятно, къ ея отдѣлу относится приписка Коновницына: „Сочиненіе О женщинѣ въ цеияхъ въ оригинальномъ сочиненіи заложено бѣлою бумагою, і на страницѣ поставлено NB.".

Конечно, о ней разсказывалъ Крыловъ Лобанову[1]: „одну изъ моихъ повѣстей, которую уже набирали въ типографіи, потребовала къ себѣ императрица Екатерина; рукопись не воротилась назадъ, да такъ и пропала".

Злоключенія этимъ, повидимому, не кончились. 3 января 1793 г. Карамзинъ спрашиваетъ Дмитріева[2]: „мнѣ сказывали, что издателей Зрителя брали подъ карауль: правда ли это? и за что?" Вѣроятно, слухъ этотъ имѣлъ какія-либо основанія. Въ такомъ случаѣ второе несчастье разразилось надъ Крыловымъ „съ товарищами" въ концѣ 1792 г.

Гречъ разсказывалъ біографу Крылова, Кеневичу[3], что

[1] Стр. 4. Лобановъ дѣлаетъ предположеніе: „молодой умъ его, вѣроятно, задѣлъ колкимъ перомъ съ нимъ такое лицо, которое ей угодно было спасти отъ преслѣдованія сатиры".

[2] Письма Карамзина къ Дмитріеву, стр. 33.

[3] „Вѣстникъ Европы", 1868, II, 712.

И. А. „подозрѣвали въ томъ, что онъ напечаталъ у себя книгу Радищева. По крайней мѣрѣ, лѣтъ десять спустя послѣ появленія ея въ свѣтъ одинъ полицейскій чиновникъ самъ разсказалъ ему, что являлся въ типографію съ порученіемъ развѣдать, не у него ли печатается эта книга, и прикрылъ это порученіе желаніемъ узнать, какъ вообще печатаются книги". Въ этомъ разсказѣ Гречъ что то напуталъ: или онъ относится къ типографіи Рахманинова и къ 1790 г., когда, въ самомъ началѣ, до признанія Радищева, что онъ печаталъ свое „Путешествіе" въ собственной домашней типографіи, — разыскивали, гдѣ именно оно печаталось, — или это искаженный отголосокъ исторіи 1792 г.

Во всякомъ случаѣ ставить этотъ случай въ связь съ преждевременнымъ прекращеніемъ „Почты духовъ", какъ это дѣлаетъ Кеневичъ, — по меньшей мѣрѣ неосторожно [1].

У молодыхъ издателей было такъ еще много энергіи и вѣры въ дѣло, что въ 1793 г. они, несмотря на рядъ тяжелыхъ уроковъ, взялись за изданіе новаго журнала — „С.-Петербургскій Меркурій".

Плавильщиковъ и Дмитревскій, повидимому, отстранились отъ дѣла, и первая роль въ предпріятіи перешла къ Клушину и Крылову.

Урокъ не прошелъ даромъ, и сатира „Меркурія" го-

---

[1] См. Рождественскій, 5—6. О недоразумѣніяхъ Крылова съ полиціей довольно сбивчиво разсказываетъ также Булгаринъ („Сѣв. Пчела", 1845, № 8): „изъ одного анекдота, разсказаннаго мнѣ И. А. Крыловымъ насчетъ обыска, бывшаго въ послѣдніе годы царствованія императрицы Екатерины II въ типографіяхъ, узналъ я, что онъ содержалъ съ какимъ то (едва ли не съ Похорскимъ) пополамъ типографію". Въ 24-мъ № той же газеты сдѣлано интересное добавленіе (съ ошибкой — Крушинъ вмѣсто Клушинъ).

„Въ Воспоминаніи сказано, что И. А. Крыловъ содержалъ типографію едва ли не съ Похорскимъ. Дѣло такое давнее, что едва ли кто помнитъ! Нашелся однакожъ человѣкъ, который все это знаетъ. Это старѣйшій изъ книгопродавцевъ, а нынѣ знаменитый букинистъ Иванъ Ильичъ Ильинъ. Онъ сказалъ намъ, что И. А. Крыловъ содержалъ типографію съ тогдашнимъ литераторомъ, Александромъ Ивановичемъ Крушинымъ (умершимъ въ 1804 году), а потомъ съ актеромъ Рыкаловымъ (знаменитымъ комикомъ, котораго мы еще видали на сценѣ, и какихъ нынѣ нѣтъ и давно не бывало), и что книгопродавецъ Плавильщиковъ былъ съ ними въ части. Типографія эта была нѣкоторое время въ рукахъ И. И. Ильина, вмѣстѣ съ Похорскимъ, и они напечатали первую книгу Басенъ Крылова и издали первый портретъ его. Потомъ типографія, оставшись за Похорскимъ, получила названіе театральной типографіи".

раздо безобидиѣе и безцвѣтиѣе сатиры „Зрителя“. Онъ вообще былъ сборникомъ случайныхъ матеріаловъ, а не журналомъ съ опредѣленной программой и ярко выраженнымъ характеромъ [1].

Въ III части Клушинъ помѣстилъ довольно подробный разборъ „Вадима“ Княжнина, который только что былъ напечатанъ и вызвалъ цѣлую бурю въ правительственныхъ сферахъ.

Рецензія, хотя и не благопріятная для художественной стороны произведенія, не могла понравиться императрицѣ, такъ какъ была посвящена произведенію, истребленному по ея приказанію. Мы не знаемъ, что именно случилось, но четвертая книжка была напечатана уже въ другой типографіи — Академіи Наукъ, изданіе журнала перешло къ Мартынову, Крыловъ, по его свидѣтельству [2], уѣхалъ къ какому то помѣщику въ деревню, а Клушинъ получилъ увольненіе въ чужіе края.

Повидимому, издатели были призваны, получили должное внушеніе и покаялись. Иначе Екатерина не согласилась бы, въ самый разгаръ борьбы съ революціонными идеями и вскорѣ послѣ исторіи съ Радищевымъ, послать Клушина въ Геттингенскій университетъ съ жалованьемъ въ 1500 р. [3] Клушинъ отблагодарилъ очень льстивой одой, которую напечаталъ уже Мартыновъ въ послѣдней, IV-ой книжкѣ „Меркурія“.

Типографія была передана другимъ лицамъ.

Крыловъ, повидимому, свободно выѣхалъ изъ Петербурга (около половины 1793 г.). Булгаринъ разсказываетъ [4], что Екатерина II обратила вниманіе на драматическія произведенія Крылова и пожелала, чтобы онъ былъ ей представленъ. „Великая приняла ласково молодого писателя, поощрила къ дальнѣйшимъ занятіямъ литературы“.

Можетъ быть, это — сбивчивый отголосокъ дѣйствительнаго свиданія Крылова съ императрицей передъ прекращеніемъ журнальной дѣятельности.

---

[1] Хотя Георги отмѣтилъ Крылова въ своемъ „Описаніи Петербурга“ (1794, стр. 558) именно, какъ издателя „Меркурія“.

[2] Кашперевъ, Памятники новой русской исторіи, Спб., 1872, Записки Мартынова, стр. 87—88.

[3] „Ист. Вѣстн.“, 1897, май, 574—578.

[4] „Сѣв. Пчела“, 1845, № 8.

Клушинъ, однако, заграницу не попалъ, а отправился въ провинцію. Любопытныя свѣдѣнія даетъ о немъ и о Крыловѣ Болотовъ [1].

„За нѣсколько лѣтъ до сего, при случаѣ изданія въ Петербургѣ журнала „Россійскаго Меркурія“ прославились въ нашемъ ученомъ свѣтѣ два молодые россіянина: Крыловъ и Клушинъ. Какъ при концѣ сего журнала упомянуто было, что они, по волѣ императрицы, опущены путешествовать въ чужіе края, то всѣ и почитали ихъ теперь находящимися въ путешествіи и ожидали отъ нихъ такихъ же любопытныхъ описаній, какъ отъ Карамзина; но въ томъ вся публика обманулась. Они остались и не поѣхали по причинѣ, что промотали денежки взятыя. Что касается до одного изъ нихъ, а именно Клушина, то онъ низкаго происхожденія: подъяческій сынъ, изъ Твери; ничему порядочному не ученъ. При открытіи намѣстничества былъ съ пятью другими опредѣленъ для разбора архивныхъ дѣлъ провинціальной канцеляріи и, по молодости, былъ такъ дерзокъ, что отдавалъ въ ряды купцамъ цѣлыя подлинныя дѣла, въ архивѣ бывшія. Судьѣ какому то случилось увидѣть въ рядахъ сіи акты. Началось слѣдствіе, и Клушинъ попалъ въ бѣду. Надлежало его осудить и дѣло рѣшить бывшему тогда намѣстникомъ князю Николаю Васильевичу Репнину. Онъ, видя его молодость и примѣчая въ немъ рѣдкія способности, взялъ его къ себѣ въ канцелярію и отъ наказанія избавилъ. Тутъ и находился онъ долго; и въ ней отъ писанія привязался къ книгамъ, чтенію и, само собой, и слогу, и всему, и поэзіи и даже французскому языку научился и сдѣлался потомъ изряднымъ бегутистомъ (sic) и сочинителемъ. Онъ попалъ потомъ какимъ то образомъ въ Петербургъ, и тамъ вмѣстѣ съ Крыловымъ издавалъ „Меркурія“ и сдѣлался извѣстенъ. Но все въ низкомъ чинѣ и все еще какимъ то канцеляристомъ. Думать надобно, непостоянство мѣшало ему провойти въ люди, какъ и бѣдѣ его въ чужіе края воспрепятствовало; всѣ полученныя на то изъ казны деньги онъ ухлопалъ и теперь находится въ нуждѣ въ домѣ, гдѣ у него есть братъ какимъ то судьей,

[1] „Памятникъ протекшихъ временъ“, М. 1875, стр. 69—70 (о Клушинѣ, писателѣ 17?? г.) и стр. 117—118 (еще нѣчто о Клушинѣ и его моральномъ характерѣ).

но также человѣкъ бѣдный. Онъ упражняется и теперь день и ночь въ литературѣ и сидитъ на письмѣ и книгахъ и отговаривается, что будто для того не ѣздилъ еще въ чужія земли, что хочетъ научиться и нѣмецкому языку, которому и дѣйствительно самъ собою научился. Словомъ, человѣкъ странный, молодой и съ рѣдкими достоинствами и дарованіями, и рожденъ къ наукамъ, но безъ призрѣнія".

„Въ дополненіе къ прежнему замѣчанію о семъ нашемъ молодомъ писателѣ (Клушинѣ) замѣчается еще слѣдующее: родомъ онъ изъ дворянъ; но отецъ его служитъ канцеляристомъ; у него жива мать и не стара еще. Ничего онъ не имѣетъ: продалъ послѣднія душенки; живетъ о Христовомъ имени. У намѣстника Беклешова онъ въ уваженіи: предлагалъ ему мѣсто асессорское въ палатѣ (онъ — поручикомъ), но онъ смѣялся и не хотѣлъ промѣнять вольность и быть связаннымъ. Умень, хорошій писатель, но... по сердце имѣлъ скверное: величайшій безбожникъ, атеистъ и ругатель христіанскаго закона; нельзя быть съ нимъ: даже сквернословитъ и ругаетъ, а особливо всѣхъ духовныхъ и святыхъ. Матери своей онъ часто говаривалъ: „дивлюсь, матушка, я не могу надивиться, какъ вы, будучи еще въ сихъ лѣтахъ и такъ здоровы, а не имѣете любовника! Вѣдь я вѣдаю, каковы вы женщины, и что вамъ желалось бы имѣть любовника". Мать его бранитъ и ругаетъ. Упражняется въ писаніи: пишетъ какое то сочиненіе для государыни и говоритъ, что если онъ будетъ счастливъ, и сіе сочиненіе примется, то тогда только сказать онъ можетъ, что пишетъ. При дворѣ имѣетъ онъ надежду на любовницу графа Безбородки, которой прислужился какимъ то сочиненіемъ и стихами".

Судьба разбросала пріятелей въ разныя стороны.

Клушинъ только въ 1799 г. вернулся въ Петербургъ и сдѣлался театральнымъ цензоромъ [1].

Для Крылова начались долгіе годы скитанія по чужимъ домамъ.

Въ немъ произошелъ, повидимому, сильный внутренній надломъ. На нѣсколько лѣтъ онъ совершенно отстаетъ отъ литературы, которая ничего не дала ему кромѣ преслѣдованій и неудачъ, и ищетъ забвенія въ картахъ.

[1] См. Русскій біографическій словарь, Ибакъ-Ключаревъ, стр. 749—753.

По словамъ Греча („Сѣв. Пчела", 1857, № 147), „послѣ 1794 г. и театръ и литература, не удовлетворяя ожиданій и не награждая трудовъ Крылова, ему наскучили. Въ это время наступилъ... промежутокъ литературнаго бездѣйствія его... Душа его, скучая бездѣйствіемъ, требовала ощущеній — онъ сдѣлался игрокомъ! Человѣкъ, имя котораго произносится всею Россіею съ уваженіемъ и любовью, которому благодарное отечество, по справедливости, воздвигло монументъ, былъ нѣсколько лѣтъ записнымъ картежникомъ... Игроковъ можно раздѣлить на три категоріи. Первая: шулеры, отъявленные мошенники... Вторая — игроки коммерческіе, т. е. люди съ характеромъ твердымъ, съ необходимымъ хладнокровіемъ и терпѣливостью, съ быстрымъ соображеніемъ и вѣрнымъ разсчетомъ на основаніи теоріи вѣроятностей. Въ числѣ ихъ есть люди съ большимъ умомъ, съ честными правилами, но, разумѣется, не съ самымъ нѣжнымъ сердцемъ — люди коммерческіе! Третій разрядъ составляютъ поэты игры, предающіеся ей безотчетно и страстно, помышляющіе о выигрышѣ не для пріобрѣтенія денегъ... Крыловъ принадлежалъ ко второму разряду. Онъ вошелъ въ связи съ банкометами, игравшими въ большихъ городахъ и разъѣзжавшими по ярмаркамъ. Впослѣдствіи разсказывалъ онъ очень хладнокровно и откровенно, какое бывало мученіе метать банкъ на ярмаркѣ, сидѣть неподвижно на одномъ мѣстѣ, съ колодою картъ въ рукахъ, нѣсколько часовъ сряду, иногда далеко за полночь, въ ожиданіи, что подойдетъ какой-нибудь понтеръ: сонъ клонитъ, глаза смыкаются, а мечи безъ устали. Крыловъ нажилъ себѣ этимъ ремесломъ значительный капиталъ, но потомъ, какъ то ошибкою, зашелъ въ третій разрядъ карточныхъ дѣлъ, и спустилъ все до копейки!"

Булгарину Крыловъ разсказывалъ[1], что „въ молодости своей онъ былъ пристрастнымъ къ карточной игрѣ, вовсе не изъ корыстолюбія, но ради сильныхъ ощущеній. Въ то время азартныя игры не были запрещены, и банкометы явно занимались своимъ ремесломъ въ трактирахъ, разъ-

[1] „Сѣв. Пчела", 1845, № 8. Срв. Барсуковъ, Погодинъ, III, 348: „Былъ двадцать Крыловъ ѣздилъ на промыслы картежные. Чей это портретъ? Крылова! Какого Крылова? Да это первый нашъ литераторъ И. А. Что вы! онъ, кажется, пишетъ только мѣломъ на зеленомъ столѣ!"

ѣзжали по ярмаркамъ и, какъ хищные звѣри, искали вездѣ добычи. Не зная ни свѣта, ни людей, Крыловъ попался въ одну изъ этихъ шлекъ, и его обобрали, какъ говорится, будто липочку! И. А. Крыловъ любилъ разсказывать объ этой неопредѣленной эпохѣ своей жизни и сообщилъ мнѣ нѣсколько анекдотовъ и справедливыхъ пророчествій, которые я помѣстилъ въ „Иванѣ Выжигинѣ". Исторія Ножева въ этомъ романѣ основана также на справедливомъ событіи, котораго Крыловъ былъ свидѣтелемъ въ молодости".[1]

Въ тѣ времена на карточную игру смотрѣли очень своеобразно. Завѣдомые (счастливые) шулера были иногда въ общемъ почетѣ. „Безпроигрышная" игра далеко не считалась безчестной. Въ Москвѣ въ половинѣ 90-хъ годовъ было цѣлое гнѣздо игроковъ, которому покровительствовалъ самъ генералъ-губернаторъ Измайловъ. Слухи объ этихъ безобразіяхъ дошли до императрицы, которая 3 мая 1795 г. послала Измайлову указъ[2]: „постарайся переводить на Москвѣ разорительныя карточныя игры; карточный долгъ не долгъ, и таковой долгъ уничтожать велѣно, а карточные академики достойны наказанія. Прошу оныя вовсе истребить, гдѣ оныя найдешь; иностранныхъ таковыхъ академиковъ сюда прислать къ генералъ-губернатору для высылки за-границу, а своихъ унимай; а ежели нужно объ нихъ, требуйте отъ меня рѣшенія поименно, и тогда велю чрезъ газеты публиковать имена ихъ, дабы всякой отъ нихъ остерегался".

Волей-неволей Измайлову пришлось начать слѣдствіе, которое раскрыло ужасную картину. Замять дѣла нельзя было уже потому, что главари шайки картежниковъ публично передрались и начали возводить другъ на друга всевозможныя тяжкія обвиненія. Обнаружилось спаиваніе и наглое обыгрываніе простяковъ, рядъ растратъ казенныхъ денегъ, даже убійства. Игорные дома были переполнены женщинами сомнительнаго поведенія, которыя служили приманкою.[3]

Въ числѣ привлеченныхъ къ этому дѣлу былъ и Иванъ Крыловъ, названный подпоручикомъ. Военное званіе нѣ-

---

[1] Срв. Полное собраніе сочиненій Булгарина, СПб., 1839, I, 60, 119, 175—179, 186.

[2] Чтенія въ Общ. Ист. и Древ. Росс., 1863, III, 181—182.

[3] „Ист. Вѣст.", 1891, іюль, 117 (1795 г.).

сколько разъ упоминается при имени Крылова[1], но мы не имѣемъ пока свѣдѣній, чѣмъ это объяснить: или онъ съ дѣтства былъ записанъ въ военную службу (обычай этотъ былъ уничтоженъ только при Павлѣ I), или въ это время былъ кѣмъ-нибудь изъ милостивцевъ номинально причисленъ къ какому-либо полку. Не можетъ быть никакихъ сомнѣній, что въ данномъ случаѣ имѣлся въ виду именно онъ. Главари шайки были сосланы. Чѣмъ поплатился Крыловъ, намъ неизвѣстно.

Въ 1795 г. С. Н. Глинка[2] встрѣчалъ Крылова на обѣдахъ у московскаго сибарита и поэта Ѳ. Г. Карина.

Къ этому же году относятся его письма къ матери и дочери Бенкендорфъ, родственницамъ извѣстнаго шефа жандармовъ[3]. Письма написаны изъ Москвы и содержатъ въ себѣ, между прочимъ, воспоминанія о пріятномъ времени, проведенномъ въ ихъ семействѣ въ деревнѣ. Можетъ быть, Бенкендорфъ Нв. Нв., — тотъ помѣщикъ, къ которому поѣхалъ Крыловъ въ 1793 г., по словамъ Мартынова.

Въ воспоминаніяхъ Малышева[4] и сообщаются нѣкоторыя подробности объ этой семьѣ.

Нв. Нв. Бенкендорфъ, суворовскій служака, отставной бригадиръ, любимый дядя А. Х. Бенкендорфа, очень добродушный человѣкъ, жилъ въ концѣ XVIII в. въ своемъ имѣніи Виноградовѣ (Клин. у., Моск. губ.), полученномъ въ приданое за женой. Онъ женился на красавицѣ Елиз. Нв. Францъ, дочери экономки, а потомъ жены извѣстнаго екатерининскаго генералъ-прокурора А. И. Глѣбова.

Въ письмахъ къ Бенкендорфъ замѣтно увлеченіе Крылова итальянскимъ языкомъ. Въ нихъ слышится игривый тонъ, который напоминаетъ о прежней литературной манерѣ И. А. Заговорило опять литературное призваніе, отъ котораго хотѣлъ было отдѣлаться нашъ злополучный писатель.

Въ 1795 г. Карамзинъ задумалъ „русскій Almanach des Muses“, около котораго хотѣлъ объединить всѣ мало-мальски даровитыя литературныя силы, безъ различія направленій и личныхъ отношеній.

---

[1] Напр., по поводу его перевода „Соннаго порошка“.
[2] Записки, СПб., 1895, 173, 175; срв. Плетневъ, Соч., II, 10.
[3] Отчетъ Публичной библіотеки, 1889, 55—57.
[4] „Истор. Вѣст.“, 1885, іюнь, 661; „Русск. Архивъ“, 1895, IV, 498.

Дмитріеву онъ писалъ[1]: „откроемъ сцену для русскихъ стихотворцевъ, гдѣ бы они могли безъ стыда показываться публикѣ. Отгонимъ прочь всѣхъ уродовъ, но призовемъ тѣхъ, которые имѣютъ хоть какой-нибудь талантъ!“

Въ числѣ многихъ другихъ Крыловъ помѣстилъ въ 1796 г. въ первой книжкѣ „Лиценъ“ два стихотворенія („Переложеніе псалма“ и „Вечеръ“), а Клушинъ въ слѣдующемъ году, во II книжкѣ, оду Павлу и стихотвореніе Е. Ь Н. Б. (вѣроятно, Бенкендорфъ, знакомой Крылова). Инициатива привлеченія къ сотрудничеству прежнихъ ожесточенныхъ литературныхъ враговъ шла, вѣроятно, отъ Карамзина. Крыловъ вообще сближается съ карамзинистами, и въ московскомъ ихъ органѣ, журналѣ „Пріятное и полезное препровожденіе времени“, издававшемся Сохацкимъ и Подшиваловымъ, помѣщаетъ три статьи въ 1796 и 1797 гг.

Внѣшнія условія его жизни за это время намъ мало извѣстны. Мы знаемъ точно, гдѣ онъ былъ съ 1799 по 1803 г.г.

Нѣсколько эпизодовъ его жизни не могутъ быть точно фиксированы, но несомнѣнно относятся ко времени до 1799 года, когда онъ поселился у Голицыныхъ (сначала въ Зубриловкѣ, потомъ въ Казанкомъ, гдѣ пробылъ съ 1799 по 1801 годъ).

До 1799 г. онъ, повидимому, странствовалъ, бывалъ въ Петербургѣ и Москвѣ, жилъ у разныхъ милостивцевъ.

Въ это время должно было произойти свиданіе Крылова съ императоромъ Павломъ, о которомъ очень сбивчиво, но со словъ Крылова, Погодинъ занесъ въ свой дневникъ[2].

„Крыловъ разсказывалъ ему, что однажды онъ встрѣтился съ императоромъ Павломъ, который сказалъ ему: „здравствуйте, И. А., здоровы ли вы?“ И Крыловъ поднесъ ему Клеопатру“. Ниже на основаніи разговора съ Гнѣдичемъ, онъ же говоритъ: „Крыловъ, какъ и Дмитревскій, никому не говоритъ правды. Дмитревскій трое сутокъ пересматривалъ съ Крыловымъ какую то первую трагедію, и сожгли ее нечерненную“. Имѣется въ виду именно „Клеопатра“. Вѣроятно, Погодинъ смѣшалъ ее съ „Филомелой“.

Нельзя заподозривать въ данномъ случаѣ Крылова ни

---

[1] Письма Карамзина къ Дмитріеву, СПб., 1866, 61.

[2] Барсуковъ, Погодинъ, III, 348.

въ мистифицированіи, ни въ пустомъ хвастовствѣ, на что онъ вообще не былъ способенъ. Его лично знала императрица Марія Ѳеодоровна. По крайней мѣрѣ Плетневъ (II, 64) положительно утверждаетъ, что „въ 1801 году онъ удостоился покровительства вдовствовавшей императрицы Маріи Ѳеодоровны. Государыня изволила поручить его рижскому военному губернатору кн. С. Ѳ. Голицыну". Это извѣстіе, впрочемъ, возбуждаетъ одно недоумѣніе: Крыловъ слишкомъ хорошо былъ извѣстенъ кн. Голицыну, чтобы нуждаться въ посторонней, хотя бы императорской рекомендаціи. Объяснить его можно двояко: или кн. Голицынъ по тѣмъ или другимъ причинамъ не хотѣлъ взять къ себѣ Крылова на отвѣтственную роль секретаря при генералъ-губернаторѣ, и ему пришлось прибѣгнуть къ высокому покровительству, къ сильному давленію сверху, или, что менѣе вѣроятно, онъ разошелся съ своимъ прежнимъ милостивцемъ, и былъ ему навязанъ сверху по чьей-нибудь, можетъ быть, даже и непрошенной протекціи.

Въ „Русской Старинѣ" 1898 г. (I, 119) проскользнуло глухое извѣстіе, что Крыловъ „гостилъ нѣкогда въ Коренѣ (Кіев. губ.) у свѣтлѣйшаго князя Лопухина". Лопухинъ сдѣланъ былъ княземъ и получилъ Корсунь въ 1799 г.[1].

Въ 1799 же году онъ „испросилъ увольненіе отъ всѣхъ дѣлъ", а въ 1801 г. былъ снова приглашенъ въ сенатъ, и начались его непрерывное возвышеніе и служба при Александрѣ I.

Такимъ образомъ Крыловъ могъ жить у него между 1799—1801 гг., т. е. тогда, когда онъ жилъ у Голицыныхъ. Не переѣхалъ ли онъ къ Лопухину въ 1801 г., и уже затѣмъ, по рекомендаціи императрицы перешелъ на службу къ Голицыну въ Ригу?[2].

Ко времени до 1799 г. долженъ относиться и темный эпизодъ съ участіемъ Крылова въ дуэли Бахметева, разсказанный Герценомъ[3].

---

[1] См. Багрянъ Каменскій. Словарь, II, СПб., 1847, 322—325; Ивановъ. Опытъ біографій генералъ-прокуроровъ и министровъ юстиціи, СПб., 1863, 113—116; „Истор. Вѣст.", 1888, іюнь, 657; 1895, I, 180—182; „Русск. Стар.", 1889, XI, 651—652.

[2] Ниже мы указываемъ данныя, указывающія на свиданіе Крылова съ Клушинымъ около 1800 г. въ Петербургѣ.

[3] Соч., VI, 100—101, 113—114.

Его отецъ, Яковлевъ, изъ всѣхъ русскихъ писателей уважалъ только Державина и Крылова: „Державина за то, что написалъ оду на смерть его дяди кн. Мещерскаго, Крылова за то, что онъ вмѣстѣ съ нимъ былъ секундантомъ на дуэли Н. И. Бахметева ... Н. И. Бахметевъ, братъ хромого генерала и тоже генералъ, но давно въ отставкѣ, былъ съ нимъ друженъ еще во время ихъ службы въ Измайловскомъ полку. Они вмѣстѣ кутили съ нимъ при Екатеринѣ; при Павлѣ оба были подъ военнымъ судомъ, Бахметевъ за то, что сразился съ кѣмъ-то, а мой отецъ — за то, что былъ секундантомъ; потомъ одинъ уѣхалъ въ чужіе края туристомъ, а другой въ Уфу губернаторомъ".

Вѣроятно, и Крыловъ попадался за участіе въ этой исторіи, и, можетъ быть, съ этихъ поръ сдѣлался лично извѣстнымъ императору Павлу.

Тогда же онъ жилъ у какого то графа Татищева.

Въ письмѣ брата Н. А., Льва, отъ 1802 г.[1] есть такое упоминаніе: „ты заботишься и не знаешь, какъ пособить моей скукѣ, и пишешь, что еслибы Татищевъ былъ въ Москвѣ, ты бы библіотеку переслалъ ко мнѣ".

Повидимому, дѣло идетъ о книгахъ Крылова, оставшихся у Татищева.

Если сопоставить это съ разсказомъ Лобанова[2] объ одной изъ „фантазій молодости" Крылова, то придется заключить, что Н. А. жилъ у Татищева до 1801 г.

Разсказъ Лобанова самъ по себѣ очень характеристиченъ.

„Живучи въ помѣстьѣ графа Татищева, Иванъ Андреевичъ предавался господствовавшей тогда въ немъ страсти — чтенію. Татищевъ, уѣзжая съ семействомъ своимъ на нѣкоторое время въ Москву, далъ Крылову на волю ѣхать съ нимъ или остаться въ деревнѣ. Онъ избралъ послѣднее. Поваръ и библіотека остались въ его распоряженіи. Оставшись одинъ во всемъ домѣ, онъ задумалъ привести въ дѣйствіе одну изъ давнишнихъ своихъ причудъ: испытать бытъ перваго человѣка. Что было причиною этой причуды, не знаю. Онъ опустилъ себѣ бороду, отростилъ длинные ногти и волоса, и всталъ похаживаетъ по саду съ книгой.

---

[1] Кеневичъ, 352. Гр. Татищевъ — вѣроятно, Александръ Ив. (1763—1833) — см. Родъ Татищевыхъ, Спб., 1906, стр. 126—127.

[2] Стр. 66.

Такъ продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ. Разъ, углубленный въ чтеніе, слышитъ онъ близкій стукъ кареты, оглядывается, и что же? Графъ и все его семейство передъ его глазами. При этой чудной, изумительной встрѣчѣ въ каретѣ поднялся шумъ и крикъ, и панъ Иванъ Андреевичъ въ ту же минуту исчезъ. Хозяинъ напелъ его, велѣлъ выбрить, одѣть его и снова покорилъ его общественнымъ законамъ. Тѣмъ и кончились проказы".

Знакомство Крылова съ кн. С. Ѳ. Голицынымъ и поселеніе у него пріурочивается разными біографіями и воспоминаніями къ различнымъ годамъ: 1797 (Сумарокова), 1799 (Вигель), 1800 и даже позднѣе (Гречъ и Булгаринъ) [1].

Всего обстоятельнѣе разсказъ Вигеля. Онъ подтверждается и документальными данными.

Ф. Ф. Вигель [2] пріѣхалъ въ Казацкое въ 1799. „Еще не было году, что семейство Голицыныхъ поселилось" въ немъ. Самъ кн. С. Ѳ. Голицынъ явился здѣсь немного позднѣе, послѣ второй опалы. До этого его въ походѣ сопровождалъ Крыловъ въ качествѣ частнаго секретаря. До встрѣчи съ Вигелемъ онъ будто бы жилъ у князя года два — извѣстіе, врядъ ли точное, ибо самъ князь жилъ въ Петербургѣ. „Неблагопріятный оборотъ, который взяли дѣла его патрона, заставилъ его съ нимъ вмѣстѣ укрыться въ деревнѣ". Онъ „находился здѣсь въ качествѣ пріятнаго собесѣдника и умнаго человѣка"; „отъ скуки предложилъ кн. Голицыну преподавать русскій языкъ" его сыновьямъ и ихъ соученикамъ, въ томъ числѣ и Вигелю. Учителемъ Крыловъ былъ прекраснымъ. Вотъ нѣкоторыя подробности разсказа Вигеля, въ высокой степени интереснаго [3].

„Происхожденіе его мало извѣстно; кажется, онъ долженъ быть сыномъ новаго, мелкаго, бѣднаго дворянина. Природа сама указала ему путь, на которомъ онъ встрѣтился съ фортуной; потому то онъ мало заботился о службѣ. Но въ Россіи, особливо лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, никакъ нельзя было оставаться безъ чина, и его куда го за-

[1] Любановъ говоритъ (стр. 24), что Крыловъ въ 1798 г. написалъ въ Казацкомъ „Трумфъ", но это недоразумѣніе, такъ какъ „Трумфъ" написанъ въ 1800 г. Въ 1800 г. Крыловъ дѣйствительно жилъ у Голицыныхъ (Кеневичъ, 349).

[2] Записки, I, М. 1892, 119—140.

[3] ib., 134, 136—137.

писали [1]. Неимущій, безпечный юнопа, онъ долго не имѣлъ собственнаго угла и всегда гостилъ у кого-нибудь. Такимъ образомъ попалъ онъ къ князю Голицыну и жилъ у него уже года два до нашей встрѣчи. Онъ сопутствовалъ ему въ армію въ званіи частнаго секретаря, надѣялся за границей получить новыя впечатлѣнія, пріобрѣсть новыя познанія; но неблагопріятный оборотъ, который взяли дѣла его патрона, заставилъ его съ нимъ вмѣстѣ укрыться въ деревнѣ".

„Несмотря на лѣность, онъ отъ скуки предложилъ князю Голицыну преподавать русскій языкъ младшимъ сыновьямъ его, и, слѣдственно, и соучащимся съ ними. И въ этомъ дѣлѣ показалъ онъ себя мастеромъ. Уроки наши проходили почти всѣ въ разговорахъ; онъ умѣлъ возбуждать любопытство, любилъ вопросы и отвѣчалъ на нихъ такъ же толково, такъ же ясно, какъ писалъ свои басни. Онъ не довольствовался однимъ русскимъ языкомъ, а къ наставленіямъ своимъ примѣшивалъ много нравственныхъ поученій и объясненій разныхъ предметовъ изъ другихъ наукъ. Изъ слушателей его никого не было внимательнѣе меня, и я долженъ признаться, что если имѣю сколько-нибудь ума, то много въ то время около него набрался. Обхожденіемъ его со мной я былъ очень доволенъ: правда, онъ напоминалъ мнѣ иногда о почтеніи, коимъ обязанъ я ребятамъ, молодымъ князьямъ, моимъ товарищамъ, что мнѣ было весьма не по сердцу; но зато маленькому англичанину Личу при мнѣ говаривалъ онъ, что ему не слѣдуетъ забываться передо мной, генеральскимъ сыномъ".

Оффиціальные документы подтверждаютъ хронологическую схему разсказа Вигеля.

Въ 1797 г. кн. Голицынъ былъ на короткое время въ первый разъ отставленъ, въ слѣдующемъ году онъ вторично поступилъ на службу и опять вошелъ въ милость. Въ 1799 году онъ былъ назначенъ командовать войсками въ Литвѣ, но чѣмъ то разсердилъ императора, былъ отставленъ и сосланъ въ деревню. Подверглись опалѣ и его сыновья [2]. Семья поселилась въ Казацкомъ, по словамъ Вигеля, раньше, и опальный князь нашелъ ее уже тамъ.

[1] Въ военную службу?

[2] „Рус. Архивъ", 1876, VI, 129—160; „Рус. Старина", 1899, XI, 2[illegible]

Изъ разсказа Вигеля не совсѣмъ ясно, до кн. Голицына или вмѣстѣ съ нимъ прибылъ въ Казацкое Крыловъ. Скорѣе первое.

Свидѣтельство М. П. Сумароковой, жившей у Голицыныхъ вмѣстѣ съ Вигелемъ, дополняетъ свѣдѣнія Вигеля отнь существенными подробностями [1]. Она только совершенно неправильно отрицаетъ двукратную опалу Голицына, но во всемъ остальномъ на нее можно положиться, такъ какъ она лично видѣла многое изъ того (до 1799 г.), что передавалъ по разсказамъ другихъ Вигель. Въ ея разсказѣ интересны слѣдующія подробности [2].

„Знакомство Крылова съ княземъ Голицынымъ началось около времени коронаціи императора Павла, совершившейся въ апрѣлѣ 1797 г. Вскорѣ послѣ этого событія князь палъ въ немилость за неуваженіе къ какому то изъ новыхъ временщиковъ и получилъ повелѣніе жить въ деревнѣ. Онъ отправился въ Казацкое, и съ нимъ и нѣсколько лицъ, хотѣвшихъ показать ему свою преданность; тогда онъ взялъ съ собою и Крылова. Поѣхали на Зубриловку (что нынѣ въ Балашевскомъ уѣздѣ Саратовской губерніи), и вотъ въ какое время (въ іюлѣ и августѣ 1797 г.) Крыловъ пожилъ въ этомъ прекрасномъ имѣніи, гдѣ онъ страдалъ отъ комаровъ и мошекъ, искалъ спасенія отъ нихъ на высокой колокольнѣ, и однажды найденъ былъ спящимъ подъ самыми колоколами“ [3].

„Въ Казацкое прибыли уже въ позднюю осень. Тамъ по обѣ стороны барскаго дома было по три деревянныхъ флигеля (а не мазанки, какъ говоритъ Вигель). Въ одномъ изъ нихъ помѣщалась контора имѣнія; тутъ же отвели комнату и Крылову. Въ строеніи, гдѣ была баня, давалъ онъ уроки двумъ молодымъ князьямъ и Марьѣ Павловнѣ [4], въ сосѣднемъ покоѣ (въ самой банѣ, гдѣ полокъ) занимался еще ученикъ; его отдѣляли потому, что боялись его шалостей; это и былъ столь опасный впослѣдствіи языкомъ своимъ Ф. Ф. Вигель: во время уроковъ онъ иногда вбѣгалъ въ общую учебную комнату съ вопросами учителю или про-

[1] Гротъ, Труды, III, 238—242

[2] ib., 239—240.

[3] Срв. Переписка Грота съ Плетневымъ, III, 672; Записки Академіи Наукъ, 1862, II, 1, стр. 31.

[4] Сумароковой.

сто изъ любопытства; тутъ то, вѣроятно, и зародилось его расположеніе къ человѣку, не щадившему его самолюбія (Крыловъ называлъ его вздорнымъ мальчикомъ)".

„Крыловъ по преданности къ семейству, его пріютившему, вызвался учить двухъ сыновей Голицынихъ русскому языку; къ нимъ присоединилась и М. П. Сумарокова, которую онъ полюбилъ, хваля въ ней доброе сердце и способности. За ученицей, вспоминаетъ она, Крыловъ не очень гонялся, а больше упражнялъ ее диктовкой и переводами и поощрялъ ее самодѣятельности, совѣтуя писать письма въ видѣ дневника... Такъ какъ въ деревнѣ не было учителя музыки, то Иванъ Андреевичъ, владѣя скрипкою, аккомпанировалъ свою молодую ученицу, игравшую на фортепіано. Иногда Крыловъ давалъ маленькіе концерты для домашнихъ; разъ онъ игралъ такимъ образомъ пьесу и вѣтнаго въ то время скрипача Жеріовика, и М. П. еще помнитъ смущеніе, съ какимъ онъ началъ играть. Карты въ Казацкомъ не являлись; самъ князь любилъ шахматы, а Иванъ Андреевичъ предпочиталъ трикракъ и часто проводилъ за нимъ время съ молодымъ княземъ Сергѣемъ."

Сопоставляя извѣстія Вигеля и Сумароковой, можно кажется примирить ихъ такъ.

Крыловъ познакомился съ кн. Голицынымъ около 1797 г. въ качествѣ личнаго секретаря, онъ сопровождалъ его во время похода. Когда Голицынъ вналъ въ первый разъ въ немилость (въ 1797 г.), семья его вмѣстѣ съ Крыловымъ отправилась въ Зубриловку. Можетъ быть, съ ними вмѣстѣ поѣхалъ и кн. С. Ѳ.[1] Въ Казацкомъ всѣ съѣхались только въ 1799 г.

Сумарокова была тогда еще очень молода и могла сбить разныя событія къ одному году — забыла же она двукратную опалу своего покровителя.

Крыловъ, вѣроятно, сопровождалъ Голицына и въ Казацкое попалъ вмѣстѣ съ нимъ.

Даже желчный Вигель съ большимъ уваженіемъ отзывается о нравственномъ характерѣ кн. С. Ѳ. Голицына

[1] Любопытно разсказываетъ, что Крыловъ съ Голицынымъ откуда то пріѣхали въ Москву, и по этому поводу сообщаетъ одинъ анекдотъ о баснописцѣ (стр. 66—67). Случай этотъ можетъ относиться или къ 1797 или 1801 г., когда они ѣхали въ Зубриловку или отправлялись въ Ригу.

Гречъ приписываетъ ему облагораживающее вліяніе на Крылова, которому раньше приходилось слишкомъ долго вращаться въ мірѣ „шулеровъ и мелкихъ пройдохъ [1].

Крыловъ и послѣ все время поддерживалъ съ семьей Голицыныхъ самыя дружескія отношенія.

Сейчасъ же послѣ вступленія на престолъ Александра I кн. Голицынъ былъ вызванъ изъ деревни, и ему былъ предложенъ видный постъ Лифляндскаго, Эстляндскаго и Курляндскаго военнаго губернатора. [2]

Секретаремъ былъ у него сначала какой то Нагель, и только въ концѣ 1801 г. на это мѣсто имъ былъ предложенъ „уволенный кабинета его императорскаго величества изъ горной экспедиціи провинціальный секретарь Иванъ Крыловъ" [3]. Прослужилъ онъ до сентября 1803 г. [4]
Есть свѣдѣнія, что онъ снова увлекся карточной игрой, началъ тяготиться службой и съ удовольствіемъ ее оставилъ.

Живя въ Ригѣ, онъ не порывалъ своихъ связей съ Петербургомъ. Въ 1802 г. тамъ была поставлена его піеса „Илротъ". Не безъ его участія, по всей вѣроятности, вышло въ томъ же году въ Петербургѣ второе изданіе его „Почта духовъ".

Около этого времени произошло его поэтическое столкновеніе съ Ржевскимъ (умершимъ въ началѣ 1801 г.) [5], недоразумѣніе съ Клушинымъ, тоже умершимъ въ 1804 г.

О послѣднемъ разсказывалъ Жихареву самъ Крыловъ [6]. „Онъ точно былъ уменъ ... и мы съ нимъ были искренними друзьями до тѣхъ поръ, покамѣстъ не пришло ему въ голову сочинить оду на пожалованіе Андреевской ленты графу Кутайсову ..." — „А тамъ поссорились?" — „Нѣтъ, не поссорились, но я сдѣлалъ ему нѣкоторыя замѣчанія насчетъ цѣли, съ какой эта ода была сочинена, и совѣтовалъ ея не печатать, изъ уваженія къ самому себѣ. Онъ обидѣлся и не могъ простить мнѣ моихъ замѣчаній до самой своей смерти, случившейся года три назадъ". (разговоръ былъ 9

[1] „Сѣв. Пчела", 1857, № 147

[2] Сумарокова говорила, что онъ взялъ съ собою и Крылова (iв. 241).

[3] „Рус. Стар." 1898, I, 152—154.

[4] Кеневичъ, 312—313. Въ 1802 г. Крыловъ былъ произведенъ въ губернскіе секретари.

[5] Кн. Вяземскій, Соч., X, 47.

[6] Записки, 297.

февраля 1807 г.). Л. А. писалъ брату въ 1802 г. относительно Клушина: „конечно, вы съ нимъ не въ ладу, что такъ въ близкомъ разстояніи одинъ отъ другого и не имѣете переписки“ [1].

Такъ какъ Андреевская лента была пожалована Кутайсову въ 1800 г., то столкновеніе Крылова съ его старымъ пріятелемъ могъ произойти между 1800—1802. Самая ода издана была безъ года, и ея напечатаніе только предположительно относятъ къ 1800 г. [2].

Мы не знаемъ, гдѣ странствовалъ Крыловъ въ 1803—1804 г.г., но въ 1805 г. онъ очутился въ Москвѣ.

По словамъ г-жи Карлгофъ [3], „въ кругу друзей, посреди хлѣбосольства московскихъ жителей, наперерывъ желавшихъ угостить уже знаменитаго писателя, ему пришло въ голову заняться Лафонтеномъ. Въ Москвѣ, въ этой колыбели всего благого для Россіи Крыловъ написалъ первую басню: „Дубъ и Трость“.

Познакомившись съ первыми баснями Крылова, Дмитріевъ сказалъ ему: „это вашъ настоящій родъ“, заставилъ „преодолѣть отвращеніе отъ этого рода“ поэзіи [4] и отдалъ ихъ въ журналъ кн. Шаликова „Московскій Зритель“ (1806 г.) [5].

Въ Петербургъ явился Крыловъ въ 1806 г., на что опредѣленно указываетъ Гречъ. [6] Въ этомъ году онъ ставитъ на сцену „Модную лавку“ и „Илью богатыря“, опять сходится съ театральными кругами, въ особенности съ кн. Шаховскимъ, Писаревымъ и др. [7] Жихаревъ встрѣчалъ его въ 1806—1807 г.г. у Державина, Шишкова и ихъ единомышленниковъ, составившихъ въ 1812 году „Бесѣду любителей русскаго слова“. Кн. Шаховской познакомилъ его съ Оленинымъ, къ которому онъ поступилъ на службу на мо-

---

[1] Кеневичъ, 351.

[2] Рус. біогр. словарь, Ибакъ-Ключаревъ, 749—753, „Ист. Вѣст.“, 1897, май, 574—578, Бантышъ-Каменскій, Словарь, II, 237.

[3] „Звѣздочка“, 47. Булгаринъ („Сѣв. Пчела“, 1845, 8) говоритъ, что басни были только присланы Дмитріеву, но это опровергается болѣе компетентными свидѣтельствами.

[4] Слова Плетнева еще въ 1838 т. (соч. I, 344.).

[5] Дмитріевъ, Мелочи изъ запаса моей памяти, 115—117, Плетневъ, соч., II, 55—57.

[6] „Сѣв. Пчела“, 1857, № 147.

[7] Съ ними онъ издавалъ „Драматическій Вѣстникъ“ въ 1808 г.

нешній дворъ въ 1808 г. Прослужилъ онъ тамъ до 1810 г. и затѣмъ вышелъ въ отставку.

Если извѣстіе Кеневича, основанное на разсказахъ Грева, не является смѣшеніемъ съ извѣстнымъ уже намъ случаемъ 1795 г., Крыловъ и въ Петербургѣ продолжалъ увлекаться картами. [1].

„И послѣ 1806 года Крыловъ продолжалъ играть въ карты. По-прежнему онъ отыскивалъ игроковъ, вмѣшивался въ ихъ сборища, но уже не былъ такъ счастливъ, какъ прежде. Вмѣстѣ съ какими то шулерами онъ былъ призванъ къ генералъ-губернатору, который объявилъ имъ, что они на основаніи законовъ подлежатъ высылкѣ изъ столицы, обратясь же къ Крылову, онъ сказалъ: „А вамъ, милостивый государь, стыдно! Вы, извѣстный писатель, должны были бы сами преслѣдовать порокъ, а между тѣмъ не стыдитесь сидѣть за однимъ столомъ съ отъявленными негодяями". Ему также грозило изгнаніе изъ столицы, но онъ отдѣлался, пренаивно сказавъ: „еслибы я ихъ обыгралъ, тогда бы я былъ виновенъ; но вѣдь они меня обыграли. У меня осталось изъ 110 тысячъ всего пять: мнѣ не съ чѣмъ продолжать играть". Наконецъ эта страсть была побѣждена великодушіемъ императора Александра: когда Крыловъ проигралъ деньги, выданныя ему на изданіе басенъ, Императоръ Александръ, узнавъ объ этомъ, сказалъ: „Мнѣ не жаль денегъ, которыя проигрываетъ Крыловъ; но будетъ очень жаль, когда онъ проиграетъ свой талантъ".

Съ 1808 г. начинается сближеніе Крылова съ кружкомъ Оленинныхъ, сыгравшее въ его жизни громадную роль. По словамъ гр. Уварова [2], въ гостиной Оленинныхъ „почти ежедневно встрѣчалось нѣсколько литераторовъ и художниковъ русскихъ. Предметы литературы и искусства занимали и оживляли разговоры; совершенная свобода въ обхожденіи, непринужденная откровенность, добродушный пріемъ хозяевъ давали этому кругу что то патріархальное, семейное... Сюда обыкновенно привозились всѣ литературныя новости: вновь появившіяся стихотворенія, извѣстія о театрахъ, о книгахъ, о картинахъ, — словомъ, все, что могло питать

[1] „Вѣст. Евр.", 1868, II, 714.

[2] „Современникъ" 1851, VI, 39—40. Прекрасную характеристику Оленинскаго кружка далъ Майковъ (Батюшковъ, изд. 2, Спб., 1896. стр. 35 — 43).

любопытство людей, болѣе или менѣе движимыхъ любовью къ просвѣщенію. Не взирая на грозныя событія, совершавшіяся тогда въ Европѣ, политика не составляла главнаго предмета разговора — она вскорѣ уступила мѣсто литературѣ".

„Дому Олениныхъ служила украшеніемъ его супруга, Елисавета Марковна, урожденная Полторацкая. Образецъ женской добродѣтели, нѣжнѣйшая изъ матерей, примѣрная жена, одаренная умомъ яснымъ и кроткимъ нравомъ, — она оживляла и одушевляла общество въ своемъ домѣ. Крыловъ особенно находилъ въ ней не только участіе друга, но даже и попечительность матери. Онъ съ своею Лафонтенскою безпечностію нашелъ въ Е. М. другую г-жу де-Лабріеръ. Вообще домъ Оленина немало содѣйствовалъ къ извѣстности Крылова, который Олениным былъ представленъ ко двору и опредѣленъ въ Императорскую Публичную библіотеку. Лучшія произведенія Крылова были читаны въ первый разъ въ кругу друзей Оленина".

„Крылышко" былъ своимъ человѣкомъ и въ петербургскомъ домѣ Оленинныхъ и на ихъ дачѣ въ Пріютинѣ.

Въ 1812 г. онъ поступилъ въ Публичную библіотеку, гдѣ и прослужилъ до отставки въ 1841 г.

Этотъ періодъ въ жизни бѣденъ какъ внѣшними фактами, такъ и внутреннимъ содержаніемъ, если не считать появленія въ свѣтъ его басенъ. Признанный „матадоръ нашей словесности", онъ пишетъ въ общемъ очень мало и въ 1838 г. умолкаетъ совсѣмъ, предпочитая, чтобы „лучше его упрекали за то, что онъ не пишетъ, чѣмъ за то, что онъ продолжаетъ писать".

Много разъ передѣланныя, отточенныя его басни при появленіи своемъ, слишкомъ рѣдкомъ, вызываютъ общее вниманіе и встрѣчаютъ похвалы со стороны всѣхъ литературныхъ лагерей.

Онъ туго и рѣдко отзывается на всѣ событія общественной и литературной жизни, будучи вполнѣ удовлетворенъ успѣхами своихъ басенъ, умѣя прикрывать (по выраженію Булгарина [1] „свою душу отъ неумѣстнаго любопытства какою то апологическою оболочкою, какъ раковиною защищавшею его отъ житейскихъ смутъ и бурь".

Подъ покровомъ лѣни, сдѣлавшейся классическою, и

[1] „Сѣв. Пчел.", 1845, № 8.

аполога онъ прячетъ свой безысходный скептицизмъ и эгоизмъ.

„Закваска“ юношескаго идеализма (пользуемся выраженіемъ Радищева) былъ данъ ему природою не въ большомъ количествѣ и не устоялъ передъ „житейскими смутами и бурями“.

Онъ любитъ только дѣтей, но отношенія къ нимъ у него были своеобразныя. Ихъ остроумно охарактеризовалъ Шумахеръ въ своемъ стихотвореніи „къ памятнику Крылова“ [1].

Лукавый дѣдушка, съ гранитной высоты,
Глядитъ, какъ рѣзвятся вокругъ него ребята
И думаетъ себѣ: „о, милые звѣрята,
Какіе, выросши, вы будете скоты!“.

Въ 1817 г. Батюшковъ писалъ [2]: „Крыловъ ничего не читаетъ кромѣ „Всемірнаго путешественника“, расходной книги и календаря, а его будутъ читать и внуки наши“. Воейковъ печалуется въ 1826 г. Перевощикову [3]: „Жаль, что... Крыловъ лѣнится, обжирается и дряхлѣетъ“.

Даже Гнѣдичъ возмущается его общественными понятіями и заноситъ въ свой дневникъ такое чрезвычайно характерное замѣчаніе [4].

„Есть люди (и таковъ мой почтенный сосѣдъ), которые, не имѣя понятія о лучшемъ состояніи общества или правительства, съ гордостью утверждаютъ, что иначе и быть не можетъ. Они согласны въ томъ, убѣждаясь очевидностями, что существующій порядокъ соединенъ съ большимъ зломъ; но утѣшаютъ себя мыслію, что другой порядокъ невозможенъ. — Сосѣду моему вспоминалъ я того императора японскаго, который едва не умеръ со смѣху, когда ему разсказали объ образѣ правленія въ Голландіи. Но сосѣдъ остался непоколебимъ, какъ прокезецъ, который понять не можетъ, что можно было побѣждать враговъ, не жаря плѣнныхъ“.

Такъ опускалась эти громадная интеллектуальная сила, не найдя себѣ поддержки и возбужденія въ окружающей

[1] Стих. и пѣсни, 1901, стр. 146.
[2] Соч., II, 340.
[3] „Рус. Архивъ“, 1890, IX, 93.
[4] Тихановъ, Гнѣдичъ, Спб., 1884, стр. 56—57

срѣть. Передъ его необычайными дарованіями преклонялись всѣ — Пушкинъ, Мицкевичъ, Александръ I и Николай I, Каверинъ, гр. Строгановъ — и послѣ нихъ осталось больше анекдотовъ, чѣмъ сочиненій...

На него сыплются чины, ордена, пенсіи, пожалованія, академическіе лавры, — онъ все принимаетъ съ лѣнивой и тонкой усмѣшкой, ловко устраиваетъ свои отношенія, отмалчивается и отшучивается, почти никого не допуская въ свой внутренній міръ.

Въ Публичной библіотекѣ онъ почти ничего не дѣлалъ. По словамъ библіотекаря Собольщикова [1], „лѣность тогдашнихъ библіотекарей была выше лѣности публики. Читатели очень мало требовали, и библіотекари (кромѣ П. П. Быстрова) ничего не давали. Я уже не засталъ того времени, когда дежурилъ И. А. Крыловъ, но мнѣ разсказывали, что, придя дежурить послѣ обѣда, онъ ложился обыкновенно на диванъ и читалъ лежа, и когда приходили посѣтители, то онъ, не вставая, указывалъ имъ на шкафъ и приготовленныя для нихъ книги и просилъ брать, что кому нужно". Иржецлавскій къ этому прибавляетъ, что часто Крыловъ при этомъ „засыпалъ и, когда его будили, ворчалъ и долго отыскивалъ книгу и вручалъ ее не совсѣмъ любезно".

Тотъ же Собольщиковъ [2] даетъ очень любопытную характеристику Крылова — библіотекаря, написанную не безъ юмора.

„И. А. Крыловъ былъ толстъ и важенъ. Когда онъ приходилъ получать жалованье, то на поклонъ мой онъ отвѣчалъ только улыбкой. Кланяться онъ мнѣ не могъ по двумъ причинамъ: 1) онъ давно былъ статскій совѣтникъ, а я свѣжій коллежскій регистраторъ и 2) для тучнаго человѣка одно киваніе головой есть уже трудъ, а у Крылова голова то была очень большая. Впрочемъ, со мной онъ всегда былъ любезенъ и обращался всегда со словами: „мой милый". Въ это время всѣ статскіе совѣтники такъ говорили, обращаясь къ канцелярскому чиновнику. Крыловъ являлся за жалованьемъ каждый мѣсяцъ очень аккуратно, но скоро ему

[1] „Ист. Вѣстн." 1889, окт., 82. О плохомъ состояніи библіотеки говорятъ Лобановъ („Ист. Вѣстн.", 1880, авг., 677) и баронъ Корфъ („Русск. Стар.", 1899, XI, 271); о крайней лѣности Крылова, какъ библіотекаря — Иржецлавскій („Рус. Стар.", 1874, сент., 475).

[2] „Истор. Вѣст.", 1889, окт., 76.

это надоѣло, и онъ попросилъ меня приносить ему жалованье на квартиру. Онъ жилъ въ казенной квартирѣ... На конецъ, ему надоѣло расписываться каждый мѣсяцъ, и онъ попросилъ, чтобы вносили его въ списокъ по третямъ. Случилось однажды, что казначей куда то отлучился, оставивъ у меня на рукахъ довольно большую сумму денегъ для раздачи жалованья чиновникамъ, а въ томъ числѣ и Крылову. Отсчитавъ слѣдующую ему порцію, я, по своей вѣтрености, ошибся, и когда, расписавшись, онъ взялъ у меня деньги и бросилъ ихъ на столъ, не сосчитавъ вѣроятно, также по вѣтрености, тогда я сказалъ ему: „И. А., вы, который пустили въ ходъ столько новыхъ пословицъ, не внемлете совѣту старой: „деньги любятъ счетъ". „Эхъ, мой милый, вы не станете меня обманывать!" — „Умышленно не стану, но я могу ошибиться и обмануть васъ такъ же, какъ и себя".

— Ну, ну, хорошо!"

Онъ пересчиталъ деньги, и оказалось, что я не додалъ ему 100 руб. Старикъ сконфузился, а я еще больше. Кажется, послѣдовало даже рукопожатіе, въ первый и въ послѣдній разъ въ моихъ съ нимъ отношеніяхъ".

Живя въ Петербургѣ, онъ былъ очень далекъ отъ его литературной и общественной жизни, интересовался только пожарами и убивалъ время за чтеніемъ „глупѣйшихъ романовъ".

Даже лично очень расположенный къ нему Плетневъ[1] не могъ удержаться отъ такого упрека по его адресу:

„Крыловъ ничего не полюбилъ, какъ человѣкъ общественный и образованный, какъ писатель геніальный. Онъ продолжалъ отъ скуки сочинять иногда новыя басни, больше читалъ самые глупые романы, особенно старинные, читалъ не для пріобрѣтенія новыхъ идей, а чтобы убить только время. Можно одну сторону найти въ этомъ хорошую. Онъ доказалъ, что мелочное честолюбіе, чиновническое или писательское, не общая у насъ слабость. Не увлекаясь никакими замыслами, онъ отстранился отъ людей, можетъ быть, не чувствуя въ себѣ столько свѣжести силъ, чтобы съ вѣрнымъ успѣхомъ развивать дорогу между ними".

Еще болѣе сильными и рѣзкими, можетъ быть, нѣ-

[1] Плетневъ. Сочиненія и переписка, т. II, Спб., 1885, стр. 78.

сколько даже подчеркнутыми штрихами охарактеризовалъ его Вигель и Тургеневъ (въ своихъ „Воспоминаніяхъ"). По словамъ перваго, „Въ этомъ необыкновенномъ человѣкѣ были положены зародыши всѣхъ талантовъ, всѣхъ искусствъ. Природа сказала ему: „выбирай любое!", и онъ началъ пользоваться ея богатыми дарами, сталъ поэтъ, хорошій музыкантъ, математикъ. Скоро тяжестью тѣла какъ бы прикованный къ землѣ и самымъ пошлымъ ея удовольствіямъ, его умъ сталъ рѣже и ниже парить. Одного ему не было дано — душевнаго жара, священнаго огня, коимъ согрѣлась, растопилась бы сія масса, поглотившая у насъ столь много наслажденій. Мы дивимся, мы восхищаемся тѣмъ, что ускользнуло отъ могущества плоти: что бы мы увидѣли, если-бъ она могла быть побѣждена! ... Чрезмѣрное себялюбіе, даже безъ злости, нельзя назвать добротой. Въ дѣяніяхъ Крылова, въ его разговорахъ былъ всегда одинъ только разсчетъ, въ его стихахъ чистота, стройность и размѣръ, вездѣ умъ, нигдѣ не проглянетъ чувство [1], а умъ безъ чувства то же, что свѣтъ безъ теплоты. Этотъ человѣкъ никогда не зналъ [2] ни дружбы, ни любви, никого не удостоивалъ своего гнѣва, никого не ненавидѣлъ, ни о комъ не жалѣлъ. Никогда не вспоминалъ онъ о прошедшемъ, никогда не радовался ни славѣ нашего оружія, ни успѣхамъ просвѣщенія [3]; если онъ и завидовалъ другимъ знаменитымъ современнымъ нашимъ писателямъ, то развѣ въ тайнѣ, былъ съ ними привѣтливъ, но никогда ихъ не читалъ, никогда не хотѣлъ говорить объ ихъ сочиненіяхъ. Единственную страсть или, лучше сказать, что то похожее на нее, имѣлъ онъ къ карточной игрѣ, но и въ ней былъ всегда остороженъ и всегда презиралъ игроковъ, съ коими однако же прожилъ вѣкъ. Двѣ трети столѣтія прошелъ онъ одинъ сквозь нѣсколько поколѣній, одинаково равнодушный какъ къ отцвѣтшимъ, такъ и къ зрѣющимъ".

Тургеневъ [4] даетъ необыкновенно яркую и выпуклую характеристику Крылова въ послѣдніе годы его жизни.

„Крылова я видѣлъ всего одинъ разъ на вечерѣ у

---

[1] Чувство безусловно проглядываетъ въ „Васильковѣ", стихотвореніяхъ къ Олениным и пр.

[2] Тоже преувеличено.

[3] Преувеличеніе.

[4] Соч., X, 81.

одного чиновнаго, но слабаго петербургскаго литератора. Онъ просидѣлъ часа три слишкомъ неподвижно между двумя окнами — и хоть бы слово промолвилъ! На немъ былъ просторный поношенный фракъ, бѣлый нейный платокъ; сапоги съ кисточками облекали его тучныя ноги. Онъ опирался обѣими руками на колѣни — и даже не поворачивалъ своей колоссальной, тяжелой и величавой головы; только глаза его изрѣдка двигались подъ нависшими бровями. Нельзя было понять, что онъ, слушаетъ ли и на усъ себѣ мотаетъ, или просто такъ сидитъ и „существуетъ". Ни сонливости, ни вниманія на этомъ обширномъ, прямо русскомъ лицѣ — а только ума палата, да заматерѣлая лѣнь, да по временамъ что то лукавое словно хочетъ выступить наружу и не можетъ — или не хочетъ — пробиться сквозь весь этотъ старческій жиръ ... Хозяинъ, наконецъ, попросилъ его пожаловать къ ужину. „Поросенокъ подъ хрѣномъ для васъ приготовленъ, Пв. Андр.", замѣтилъ онъ хлопотливо и какъ бы исполняя неизбѣжный долгъ. Крыловъ посмотрѣлъ на него не то привѣтливо, не то насмѣшливо ... „Такъ-таки непремѣнно поросенокъ?" — казалось внутренно промолвилъ онъ — грузно всталъ и, грузно шаркая ногами, пошелъ занять свое мѣсто за столомъ".

---

2 февраля 1838 г. былъ торжественно отпразднованъ 50-лѣтній юбилей литературной дѣятельности Крылова, объединившій около себя симпатіи всего образованнаго общества, всѣхъ литературныхъ круговъ. Горячо отозвалось на него и правительство.

8 ноября 1844 г. онъ скончался отъ послѣдствій неумѣренности въ пищѣ, съ которыми не могъ справиться даже его могучій организмъ. Плетневъ извѣстилъ Жуковскаго объ его смерти въ такихъ выраженіяхъ (Соч. III, 541):

„Нынѣшнюю осень мы лишились добраго Крылова. Онъ недолго былъ боленъ отъ несваренія желудкомъ кашки изъ рябчиковъ, которую велѣлъ подать себѣ на ужинъ и куда положилъ масла слишкомъ много. Онъ не страдалъ; все былъ въ памяти и даже до самой смерти разсказывалъ разные, по обыкновенію, анекдоты. Свою неосторожность въ отношеніи къ кушанью изъ тертыхъ рябчиковъ онъ сравнилъ съ глупостью мужика, который на хилую лошаденку навалилъ 400 пудовъ рыбы, полагая, что она свезетъ отъ

того, что рыба была сушеная. Государь изъявилъ согласіе на собраніе подписной суммы по всей Имперіи, для сооруженія ему памятника. У министра просвѣщенія собирался по этому случаю сегодня Комитетъ, составленный, кромѣ самого министра, изъ графа Блудова, князя П. А. Вяземскаго, вице-президента Академіи наукъ, ректора Спб. университета и цензора покойнаго, генерала Ростовцева".

Похороны вышли очень импозантныя. Похоронили его въ Александро-Невской лаврѣ рядомъ съ Гнѣдичемъ и Карамзинымъ.

Въ 1855 году въ Лѣтнемъ саду по общенародной подпискѣ поставленъ ему памятникъ. Тревожныя событія того времени отвлекли вниманіе общества, и открытіе прошло совершенно незамѣченнымъ. О немъ только мимоходомъ, очень глухо упомянули „С.-Петербургскія Вѣдомости" [1].

---

[1] 1855, № 105 (18 мая открытъ уже нѣсколько дней). По указанію біографическаго очерка при изданіи басенъ съ рисунками Трутовскаго (стр. LXI) осмотръ памятника членами комитета и открытіе состоялось 14 мая.

Вступительная статья.

Драматическія Сочиненія Крылова.

Крыловъ дебютировалъ въ литературѣ „комическою оперою" и раньше всего опредѣлился, какъ драматургъ.

Талантъ его развивался медленно и очень не скоро достигъ результатовъ, которыми могъ быть доволенъ „взыскательный художникъ".

Увлеченіе театромъ было для него началомъ умственнаго пробужденія послѣ удручающей пустоты тогдашней провинціальной жизни и ужасовъ тогдашнихъ канцелярій.

Бѣдный, неизвѣстный писецъ, получавшій въ Петербургѣ крохотное жалованье и умудрявшійся жить на эти деньги съ матерью, нашелъ въ театрѣ и отдыхъ, и средство забыться отъ тяжелыхъ впечатлѣній жизни, и связи, знакомства, надежду выбиться изъ тяжелыхъ тисковъ нужды ...

Пріѣздъ Крылова въ Петербургъ совпадаетъ съ очень важнымъ моментомъ въ исторіи нашего театра — открытіемъ общенароднаго русскаго театра въ 1783 г. Онъ быстро знакомится и сходится съ актерами Дмитревскимъ, Плавильщиковымъ, Сандуновымъ и нѣсколько лѣтъ живетъ исключительно интересами театра.

По словамъ Майкова [1], „единственное удовлетвореніе тѣмъ высшимъ потребностямъ, которыя нашлись въ немъ, онъ находилъ тогда въ посѣщеніи театра. Вообще въ то время театръ служилъ почти единственнымъ средствомъ эстетическаго развитія для русскаго общества. Даже въ въ первой половинѣ текущаго (XIX) столѣтія онъ былъ для многихъ русскихъ писателей-художниковъ главнымъ двигателемъ, пробудившимъ въ нихъ самихъ стремленіе къ творчеству".

---

[1] Первые годы Крылова на литературномъ поприщѣ, СПБ 1889, стр. 10.

Темное чувство пробуждающагося комическаго дарованія, а, можетъ быть, и мода, заставили его взяться за „комическую оперу" — видъ легкой комедіи со вставными куплетами для пѣнія, близкій къ позднѣйшему водевилю.

Это — „Кофейница", которою открывается наше изданіе. Плутъ-приказчикъ, развратная щеголиха, препятствія для любви влюбленныхъ крестьянъ, оканчивающіяся всегда счастливо — бракомъ — все это написано молодымъ авторомъ по трафаретамъ тогдашнихъ „комическихъ оперъ" и сатирическихъ статей. Любовники слишкомъ безцвѣтны, „щеголиха" изображена грубовато, слишкомъ прямолинейно; но въ изображеніяхъ Крыловымъ отношеній помѣщицы къ крестьянамъ, въ злоупотребленіи рекрутчиной, сказкахъ на ночь, самой „Кофейницѣ" и ея ремеслѣ много свѣжей наблюдательности, видно хорошее знаніе отрицательныхъ сторонъ жизни и нѣсколько „охлажденный умъ" автора, несмотря на всю его молодость. Между традиціонными рамками оперы и вдвинутымъ въ нихъ бытовымъ содержаніемъ было большое несоотвѣтствіе, съ которымъ не справился молодой авторъ: расчетная и жестокая Новомодова въ концѣ, довольно неожиданно для себя и для зрителей, попадаетъ въ несвойственное положеніе благодѣтельницы-барыни, плутъ-приказчикъ какъ то ужъ слишкомъ быстро сдается, а авторъ хочетъ заставить насъ повѣрить въ возможность счастія для его Петра и Анюты подъ эгидою крѣпостного права — въ рукахъ г-жи Новомодовой ...

Нѣтъ единства, цѣльности, какъ въ характерѣ, психологіи, бытовомъ содержаніи, такъ и въ языкѣ этого перваго произведенія Крылова. Особенно ужасны у него, за рѣдкими исключеніями, стихи, почти всегда нескладные и тяжелые. Рѣчь часто страдаетъ отвлеченностью, отсутствіемъ характеристическихъ чертъ, полнымъ несоотвѣтствіемъ лицамъ — и, наряду съ этимъ, прорываются удивительно мѣткіе народные обороты, употребленные очень кстати.

Нельзя не согласиться съ Майковымъ (стр. 10): „Кофейница" нисколько не хуже большинства современныхъ ей комическихъ оперъ; по крайней мѣрѣ она не поражаетъ ни неестественностью вымысла, ни слишкомъ ложнымъ отношеніемъ къ дѣйствительной жизни. Какъ ни велики ея художественные недостатки, въ ней чувствуется та наивность, та свѣжесть сознанія, которая всегда отличаетъ ранніе, съ

любовью отдѣланныя произведенія пробуждающихся сильныхъ дарованій“ [1].

По словамъ А. И. Кирпичникова [2], въ этомъ грѣхѣ ранней юности Крылова есть проблески истиннаго таланта ... Попытка показать, что новомодность и ультралиберальныя воззрѣнія на бракъ и нравственность, напоминающія совѣтницу въ „Бригадирѣ“, вовсе не исключаютъ жестокости и безчеловѣчія Скотининыхъ и грубѣйшаго суевѣрія, такъ же какъ и множество прекрасно подобранныхъ народныхъ поговорокъ (вродѣ: „грози богатому, онъ денежку дастъ“, „съ твоихъ то угрозъ я великъ взросъ“ и пр.) дѣлаютъ „Кофейницу“ для того времени явленіемъ выдающимся“ [3].

Сближеніе съ Дмитревскимъ, однимъ изъ крупнѣйшихъ авторитетовъ тогдашней сцены, естественное подчиненіе ему несложившагося юноши, „порядочнаго невѣжды“ (по выраженію Сперанскаго), вліяніе Буало, наконецъ, общее убѣжденіе, что „высокая трагедія“ — верхъ драматической поэзіи, какъ ода — верхъ лирической — все это отклоняетъ Крылова отъ того пути, на который онъ вступилъ самостоятельно на 16 году своей жизни, дѣлаетъ его убѣжденнымъ сторонникомъ французскаго классицизма и надолго отрываетъ его творчество отъ реальной почвы.

До знакомства съ Дмитревскимъ, сейчасъ же послѣ „Кофейницы“, онъ задумываетъ „Клеопатру“.

Лобановъ (стр. 9) [1] разсказываетъ такъ о судьбѣ этой не дошедшей до насъ піесы Крылова.

„Крыловъ, оглушенный славою Сумарокова и Княжнина, котораго „Рославъ“, представляемый знаменитымъ Дмитревскимъ, гремѣлъ тогда на русской сценѣ, хотѣлъ

[1] Срв. Лобановъ, стр. 8: „Это первый опытъ въ театральномъ родѣ 16-лѣтняго мальчика, будущаго знаменитаго Крылова. Все еще слабо и не зрѣло, но видно умѣніе составлять и располагать піесу“.

[2] Починъ, М., 1895, стр. 211, 215.

[3] Срв. Майковъ, 9: „въ комической оперѣ „Кофейница“ довольно просто, безъ слащавыхъ прикрасъ и карикатурнаго преувеличенія изображенъ провинціальный бытъ, среди котораго Крыловъ пробылъ свое дѣтство и отрочество“.

[4] Вкратцѣ то же излагаетъ Бантышъ-Каменскій, Словарь, I 1847, стр. 169. Повидимому, совершенно фантастично указаніе Погодина (Барсуковъ, III, 348): Крыловъ будто бы разсказывалъ ему, что однажды онъ встѣтился съ императоромъ Павломъ, который сказалъ ему: здравствуйте, И. А! Здоровы ли вы?“ И Крыловъ поднесъ ему „Клеопатру“. Не смѣшалъ ли Погодинъ съ какой-нибудь другой піесой?

испытать себя и въ трагическомъ родѣ. Онъ написалъ „Клеопатру“ и обратился къ Дмитревскому, чтобы поставить ее на театрѣ. Дмитревскій добродушно и охотно выслушалъ трагедію, разбиралъ ея содержаніе, ходъ и характеры, дѣлалъ замѣчанія на каждую сцену, излагалъ правила и старался передать молодому автору все, что самъ зналъ объ этомъ искусствѣ. Онъ хвалилъ то, что находилъ въ ней хорошаго, поощрялъ автора къ новымъ трудамъ, и, наконецъ, съ кротостію далъ почувствовать, что трагедія въ такомъ видѣ не можетъ быть представлена на театрѣ, что нужно ее совершенно пересоздать и передѣлать. Разсказъ этотъ о чтеніи съ Дмитревскимъ Крыловъ нерѣдко повторялъ, но говорилъ всегда объ одной трагедіи, и относилъ этотъ разсказъ къ „Филомелѣ“; а теперь утверждаютъ, что это была „Клеопатра“. Не отвергая ея кратковременнаго существованія, съ достовѣрностію можно заключить, что она написана между „Кофейницею“ и „Филомелою“, т. е. въ 1785 г., на 17 году жизни юноши. Вѣроятно, авторъ охладѣлъ къ ней, не имѣлъ духу передѣлывать, и рукопись его исчезла, какъ и многія другія“.

„Нѣсколько иначе разсказываетъ эту исторію Плещеевъ [1]. Кончивъ свою „Клеопатру“, ребяческое подражаніе французскимъ трагедіямъ, которыя успѣлъ Крыловъ перечитать, онъ, изъ Измайловскаго полка, гдѣ жилъ тогда съ матерью, отправился на Гагаринскую пристань къ Дмитревскому. Матерь приняла его ласково и сказала ему, что желаетъ предварительно прочитать пьесу одинъ. Крылову вообразилось, что у Дмитревскаго не будетъ теперь никакого дѣла, кромѣ чтенія трагедіи его, и потому онъ почти каждый день навѣдывался о судьбѣ своего дѣтища. Надобно же было случиться, что въ теченіе не только нѣсколькихъ дней, но и нѣсколькихъ мѣсяцевъ будущіе друзья не могли свидѣться. Чего не передумалъ сочинитель въ этой пыткѣ! Наконецъ, Дмитревскій принялъ его и объявилъ, что намѣренъ читать трагедію вмѣстѣ съ авторомъ. Чтеніе было необыкновенно продолжительно, потому что критикъ не пропустилъ безъ замѣчанія ни одного дѣйствія, ни одного явленія, даже ни одного стиха. Онъ со всею ясностію показалъ ему, какъ ошибоченъ планъ, отъ чего дѣйствіе не

[1] Соч. и переписка, II, стр. 44.

занимательно, а явленія скучны, да и самый языкъ разговоровъ не соотвѣтствуетъ предметамъ. Это можно назвать первымъ курсомъ словесности, который Крылову удалось выслушать, и гдѣ примѣры ошибокъ брали на каждое правило изъ его трагедіи. Онъ почувствовалъ, что легче было написать новую, нежели исправить старую, что посовѣтовалъ ему и Дмитревскій. Такимъ образомъ этотъ опытъ остался навсегда въ неизвѣстности".

Очень мало зная классическій міръ, плохо владѣя еще стихомъ (который, впрочемъ, въ данномъ случаѣ лучше, чѣмъ въ „Кофейницѣ"), Крыловъ все-таки берется за вторую трагедію изъ античной жизни, въ стихахъ, „Филомелу".

Въ ней нѣтъ даже намека на психологическую или историческую правду. Напряженный, пестрый по своему составу языкъ, отсутствіе психологической мотивировки, крайнее однообразіе и въ то же время растянутость дѣйствія, полная безжизненность характеровъ и притязательная фальшь страстей — все это дѣлаетъ „Филомелу" самымъ слабымъ произведеніемъ Крылова. Въ ней интересны только нѣкоторые проблески свободомыслія автора.

Еще Лавровскій [1] указалъ, что „въ Филомелѣ ... почти вовсе нѣтъ дѣйствія. „Открылось все!", восклицаетъ Линкей въ началѣ втораго акта, узнавъ о преступной любви Оракійскаго царя Терея къ своей свояченицѣ и его невѣстѣ Филомелѣ, — и этими словами оканчивается дѣйствіе. Все остальное, четыре-пятыхъ трагедіи, наполнено плачемъ и стономъ, выраженіемъ дикой ярости, мщенія и отчаянія, не имѣющими ни малѣйшаго значенія для общаго развитія интриги".

По словамъ Плетнева [2], „всѣ условія, по тогдашнимъ понятіямъ необходимыя для трагедіи, соблюдены въ Филомелѣ строго. Въ ней пять дѣйствій, александрійскіе риѳмованные стихи, возвышенный языкъ, т. е. смѣсь русскаго съ церковно-славянскимъ, при герояхъ наперсники, превышающіе ихъ догадливостью въ крайнихъ случаяхъ, — страсти благородныя, свойственныя лицамъ идеальнымъ, злодѣянія, выступающія за предѣлы человѣческихъ силъ, сло-

[1] Жур. М. Нар. Просв., 1868, II, 424, 425.
[2] l. c., 45.

вомъ, все, что, казалось, непремѣнно должно быть, кромѣ художнической истины и жизни съ ея красками страны и эпохи. Филомела служитъ намъ убѣдительнымъ доказательствомъ, что и великій поэтъ, которому суждено преобразовать искусство, остается нѣкоторое время подъ властію вѣка своего. Въ безостановочномъ стремленіи къ успѣху онъ долго принужденъ ждать, пока не созрѣютъ собственныя его силы. Примѣры и приговоры общества до такой степени увлекаютъ его по ложному пути, что онъ въ ослѣпленіи сочувствуетъ и не согласному съ его душою".

Даже Лобановъ, вообще во всемъ и всегда защищающій Крылова, „нехотя" пересказываетъ содержаніе „Филомелы" и отзывается о ней такъ [1]: „если-бы она написана была Крыловымъ въ зрѣлыя его лѣта, я сказалъ бы вмѣстѣ съ нимъ: въ ней ничего путнаго нѣтъ; но это одинъ изъ опытовъ 18-лѣтняго поэта, конечно, весьма незрѣлый, но любопытный; видно, что онъ еще ничего болѣе не читалъ, кромѣ Сумарокова и Княжнина; форма трагедіи, языкъ — все ими отзывается. Не рожденный первенствовать въ этомъ родѣ поэзіи, онъ ничего не обнаружилъ собственнаго, а только, увлеченный ихъ тогдашнею извѣстностію, былъ ихъ отголоскомъ" [2].

Обезкураженный неудачами съ трагедіями, Крыловъ опять возвращается къ комедіи, пишетъ: „Бѣшеная семья" (1786), „Сочинитель въ прихожей" (1786), „Проказники" (1787 — 1788), „Американцы" (1788) и переводитъ оперу:

[1] I. c., стр. 9 - 10. Впрочемъ, дальше (стр. 14) онъ отзывается сочувственнѣе: „это опытъ этюда молодого таланта. Въ трагедіи много недостатковъ всякаго рода, но много движенія и пылу. Можно рѣшительно сказать, судя по шагамъ его отъ „Бѣшеной семьи" до „Модной лавки", что Крыловъ и въ драматическомъ родѣ, если-бы счастливая его планета не указала ему прямого его назначенія, дошелъ бы до значительнаго совершенства. Такъ богато онъ осыпанъ былъ дарами природы".

Кстати, въ „Филомелѣ" мѣстами большая наивность авторскихъ ремарокъ („тиранъ заколается" и пр.), характерная вообще для начинающихъ писателей-самоучекъ.

[2] Сравни еще отзывъ г. Перетца (Крыловъ, какъ драматургъ, стр. 13): „общій недостатокъ трагедіи въ томъ, что въ ней авторъ пытается создать трагическое не на дѣлѣ, не въ дѣйствіи, а на словахъ. Событія не вытекаютъ одно изъ другого, стремясь къ трагическому концу, а авторъ нанизываетъ стихъ за стихомъ, явленіе за явленіемъ, искусственно пытаясь разогрѣть зрителя послѣдней сценой".

„Сонный горшокъ или похищенная крестьянка“ (съ итальянскаго) (1798) [1].

Всѣ эти произведенія, по сравненію съ „Кофейницей“, являются шагомъ не впередъ, а назадъ. Онѣ очень схематичны, построены на грубыхъ qui pro quo; комизмъ ихъ чисто внѣшній; характеровъ нѣтъ, а вмѣсто нихъ плохованныя карикатуры; дѣйствія очень мало, и развивается оно постоянно толчками извнѣ — не совсѣмъ искусною, но слишкомъ усердною рукою автора. Въ нихъ совсѣмъ нѣтъ жизни, а одна сплошная выдумка, соприкасающаяся въ „Проказникахъ“ со злостнымъ пасквилемъ, — полное отсутствіе бытового колорита.

Все это возвращаетъ ко временамъ даже не „Бригадира“ Фонвизина, а „Тресотиніуса“ Сумарокова. Къ нимъ въ еще большей степени можно примѣнить то, что сказалъ кн. Вяземскій [2] про „Бригадира“: „въ разговорѣ дѣйствующихъ лицъ можно замѣтить нѣсколько натяжекъ, нѣсколько эпиграммъ, слишкомъ увѣнстыхъ, не отлетающихъ отъ разговора, но брошенныхъ поперекъ его самимъ авторомъ; кое-гдѣ встрѣчаются шутки, такъ сказать, слишкомъ заряженныя: шутка, слишкомъ туго набитая, какъ орудіе, не попадаетъ въ цѣль, а разрывается въ сторону“.

Майковъ даетъ такую характеристику первыхъ трехъ пьесъ [3]: въ нихъ „нѣтъ и тѣни истиннаго комизма, ни даже простой водевильной веселости. Что же касается грубаго и пошлаго тона, въ которомъ онѣ написаны, онъ не можетъ быть объясненъ ничѣмъ инымъ, какъ низменнымъ умственнымъ и нравственнымъ уровнемъ той мелкой приказной среды, гдѣ протекала обыденная жизнь автора. При всемъ своемъ умѣ Крыловъ еще не могъ возвыситься надъ нею въ своихъ произведеніяхъ; отого не удавалось ему ни сатирическое обличеніе, ни вѣрное, объективное возсозданіе дѣйствительности. Не могли помочь ему въ данномъ случаѣ и совѣты Дмитревскаго: это былъ актеръ умный, но напыщен-

[1] Указаніе на нее нашелъ В. П. Рогожинъ въ дѣлахъ Павловской цензуры. Билетъ на печатаніе ея выданъ не былъ. Повидимому, она была только разрѣшена для постановки на сценѣ. Мы разыскали ее въ Архивѣ Императорскихъ Театровъ въ Петербургѣ и дадимъ въ приложеніи къ одному изъ томовъ нашего изданія. „Американцы“ извѣстны только въ передѣлкѣ Клушина.

[2] Соч., V, 134.

[3] l. c., 15, 17

ный и холодный на сценѣ; въ его игрѣ не было естественности, какъ въ художественныхъ понятіяхъ его не было и мысли о правдѣ въ искусствѣ". Въ „Проказникахъ" — „та же неестественность интриги, та же карикатурность въ изображеніи дѣйствительности, то же господство грубаго и пошлаго тона, которыя такъ непріятно поражаютъ въ двухъ предшествовавшихъ піесахъ. Но при всемъ томъ, сравнительно съ ними, въ новой комедіи Крылова замѣтенъ нѣкоторый успѣхъ его медленно развивающагося дарованія: какъ ни уродливы введенныя имъ лица, характеры ихъ очерчены не безъ рельефности. Успѣхъ этотъ объясняется тѣмъ, что главные характеры комедіи списаны съ живыхъ лицъ, тогда какъ неестественная завязка піесы составляетъ неудачный вымыселъ автора". Піеса была направлена противъ семьи Княжничныхъ, съ которою у Крылова были какіе то обострепные счеты.

По словамъ Плетнева [1], „трудно изъяснить теперь, отчего комедіи Крылова, и особенно первоначально имъ написанныя, такъ мало выказываютъ поэтическаго въ немъ дарованія. Нѣтъ въ нихъ ни русскаго общества, ни нашихъ нравовъ, ни характеровъ сословія, изображаемаго сочинителемъ, ни даже той истины въ дѣйствіяхъ, которая понятна уму, хотя бы онъ и не находилъ около себя хорошихъ образцовъ для руководства въ сочиненіи. Видно, напротивъ, что дурные образцы мало-по-малу получаютъ власть надъ самымъ умнымъ человѣкомъ. Въ комической операѣ „Бѣшеная семья" ни въ чемъ нѣтъ правдоподобія. Все доведено до самой грубой карикатуры. Двусмысленныя рѣчи заступаютъ мѣсто шутокъ. Въ языкѣ какая то неблагородная изысканность. Это самая вѣрная копія пустыхъ, давно забытыхъ піесъ того времени, когда она была писана. Нисколько не лучше и „Проказники". Къ недостаткамъ первой піесы здѣсь прибавлено еще столько излишнихъ сценъ и скучныхъ разговоровъ, что представленіе ея должно было утомить самыхъ неприхотливыхъ зрителей. Между тѣмъ ровно за десять лѣтъ была напечатана безсмертная комедія Фонвизина „Бригадиръ". Ужели ея чтеніе не открыло глаза Крылову на искусство? Или еще она такъ преждевременно явилась, что и самыя рѣзкія кра-

[1] l. c., 76.

соты ся не могли вдругъ направить умъ и вкусъ на новую дорогу?"

Герои комедіи „Сочинитель въ прихожей" „мыслятъ и дѣйствуютъ по указаніямъ слуги и служанки, какъ это было въ обыкновеніи у всѣхъ прежнихъ театральныхъ героевъ. Не можешь подивиться, откуда эти люди запали на сцену? Все, что ни говорятъ они, что ни предпринимаютъ, о чемъ ни шутятъ, за что ни серлятся, такъ чуждо общества, жизни и условій свѣта, что театръ привыкнешь почитать невѣдомою намъ планетою, куда волшебникъ-сочинитель забрасываетъ насъ для изученія диковинокъ. Тамъ между людьми, которые, впрочемъ, отличены одинъ отъ другого названіями должностей, очень и между нами извѣстныхъ, никакого нѣтъ различія: у нихъ побужденія, привычки, страсти, языкъ — все такъ подведено подъ одну и ту же форму, что, долго оставаясь въ ихъ обществѣ, потеряешь воспоминаніе о дѣйствительной жизни. Сочинитель, какъ бы отвращая всякое подозрѣніе, что онъ своею сатирою мѣтитъ на чью-нибудь личность, съ намѣреніемъ все изображаетъ такъ, какъ у насъ и быть не можетъ. Послѣ этого удивительно ли, что слово „лгать" и „сочинять" употребляютъ у насъ нерѣдко, какъ синонимы, и что между дѣйствительностію и представляемыми на сценѣ происшествіями никто не думалъ искать соотношенія?" [1].

Даже Лобановъ (стр. 15) относительно „Бѣшеной семьи" замѣчаетъ: „языкъ, какъ въ прозѣ, такъ и въ стихахъ здѣсь нѣсколько поразвязнѣе, но основа и ходъ первой піесы, т. е. „Кофейницы" естественнѣе этой. Жаль, что имя Крылова на ней напечатано". „Сочинителя въ прихожей" онъ долго искалъ и „сожалѣетъ, что наконецъ ее нашелъ" (стр. 16): „кажется, что умъ и высокій талантъ нашего И. А. еще не пробуждался; кажется, что онъ писалъ это въ просонкахъ, и что онъ самъ тогда не сдѣлалъ еще себѣ и не разрѣшилъ вопроса, что хорошо, что худо". Въ „Проказникахъ" онъ видитъ уже (стр. 16 — 17) „рѣзцительный талантъ Крылова": „характеры, хотя почти всѣ карикатурные, порядочно обрисованы; но, отголосокъ ли общественнаго времени, или тогдашняя привычка сочинителя, въ ней множество площадныхъ шутокъ и двусмыслій".

---

[1] ib., стр. 58—59.

Въ такихъ пьесахъ, какъ „Недоросль", недостатки псевдоклассической комедіи заслонялись богатымъ общественнымъ содержаніемъ. У Крылова въ его раннихъ комедіяхъ нѣтъ этого содержанія; и поэтому то нагота плана, искусственность построенія и бѣдность идей выступаетъ у него особенно ярко, гораздо осязательнѣе. У него вырабатывается особая манера созданія комическаго впечатлѣнія, общая съ манерою его раннихъ сатирическихъ статей: онъ слишкомъ прямолинеенъ въ стремленіи къ своей цѣли, сгущаетъ краски въ одномъ направленіи, не обращая вниманія на предѣлы естественности и слишкомъ часто выходя за нихъ. У него именно нѣтъ чувства художественной мѣры, а иногда и эстетическаго такта.

Это годится для пародіи, поэтому то „Трумфъ" (1800) и вышелъ у него удачнѣе большинства другихъ его комедій: въ немъ много движенія, захватывающаго веселія и остроумія. Особенно удачно пародированіе ложно-величавой манеры тогдашнихъ трагедій. Шепелявыя рѣчи Слюняя и ломаная рѣчь Трумфа — черты внѣшняго, конечно, комизма, какъ вся роль царя Викулы, но въ данномъ случаѣ онѣ гармонируютъ съ общимъ впечатлѣніемъ, не только не портятъ его, но даже и поддерживаютъ.

Въ „Городкѣ" Пушкина (1814) есть очень характерное обращеніе къ Крылову:

И ты, шутникъ безцѣнный,
Который Мельпомены
Котурны и кинжалъ
Игривой Тальѣ далъ!
Чья кисть мнѣ нарисуетъ,
Чья кисть скомпанируетъ
Такой оригиналъ!
Тутъ вижу я, съ Чернявкой
Подщипа слезы льетъ;
Здѣсь князь дрожитъ подъ лавкой,
Тамъ дремлетъ весь Совѣтъ;
Въ трагическомъ смятеньи
Плѣненные цари,
Забывъ войну, сраженьи,
Играютъ въ кубари . . .

То же, что о „Трумфѣ", можно сказать о комедіи „Лѣч-

тяй" (между 1800 и 1805 г.г.), лучшей изъ піесъ Крылова, къ сожалѣнію, извѣстной только въ отрывкахъ.

Чрезвычайно оригиналенъ ея замыселъ: героя втеченіе первыхъ трехъ актовъ нѣтъ на сценѣ, но его лѣнь выростаетъ передъ зрителями въ разговорахъ другихъ дѣйствующихъ лицъ, и около нея завязывается драматическое дѣйствіе. Концентрація дѣйствія и характеровъ не переходитъ здѣсь, какъ это часто бываетъ въ піесахъ Крылова, въ шаржъ и карикатуру.

Піеса написана прекрасными стихами и отличается здоровымъ, свѣжимъ юморомъ.

„Сгущенный", если такъ можно выразиться, комизмъ присущъ и позднѣйшимъ комедіямъ Крылова: „Пирогъ" (1799—1801), „Модная лавка" (1806) и „Урокъ дочкамъ" (1806—1807).

„Пирогъ" своимъ построеніемъ напоминаетъ раннія піесы Крылова: въ немъ много искусственности, комизмъ его зависитъ исключительно отъ хитросплетенныхъ недоразумѣній; вся піеса сшита на живую нитку. Въ ней нѣтъ только прежнихъ двусмысленностей, языкъ слугъ нѣсколько отличается отъ языка господъ, дѣйствіе развивается быстрѣе и не задерживается лишними разговорами и не идущими къ мѣсту остротами автора. Лобановъ, считая эту комедію потерянной, писалъ (стр. 16): „можетъ быть, когда-нибудь эта піеса вынырнетъ изъ какого-нибудь хлама, скрывающагося на чердакахъ и въ подвалахъ; но если и вовсе погибнетъ, утрата подобныхъ піесъ нисколько не уменьшаетъ славы знаменитаго нашего баснописца: въ нихъ не виденъ еще авторъ „Модной лавки" и „Урока дочкамъ".

Эти двѣ послѣднія комедіи въ свое время пользовались исключительнымъ успѣхомъ, не совсѣмъ понятнымъ теперь [1].

Авторъ слишкомъ настойчивъ въ проведеніи своей патріотической тенденціи; въ общемъ замыселъ дѣйствія слишкомъ очевидная натяжка. Сравнительно съ прежними піесами въ нихъ есть цѣнная черта — возвращеніе къ пріемамъ „Кофейницы", большая близость къ дѣйствительной жизни.

[1] См., напр., Банты́ш-Каменскій. Словарь, II, 1817, стр. 201—205: „театральныя сочиненія Крылова, исключая 2 трагедій, имѣли въ свое время блистательный успѣхъ, а двѣ послѣднія комедіи („Урокъ дочкамъ" и „Модная лавка") досель сохранили свое достоинство".

Въ рѣчахъ Антрошки и Василисы звучала уже почти настоящая народная рѣчь; въ отдѣльныхъ черточкахъ дѣйствія, въ типѣ Сумбурова, въ непроходимой пошлости „дочекъ", даже въ Вельказовѣ чувствуется біеніе нерва жизни ...

Пріемы компановки піесъ вообще проще и удачнѣе: въ языкѣ и въ дѣйствіи больше чувства мѣры, выдержанности. Много отдѣльныхъ счастливыхъ частностей.

„Илья богатырь" (1806) въ роляхъ Таропа и Сѣдыря возвращается къ грубому комизму раннихъ піесъ; фантастика его слишкомъ громоздка и неуклюжа и, внѣшнимъ образомъ воспроизводя нашу сказочную старину, подставляетъ подъ ея именемъ чуждое содержаніе романтики, сантиментальности и общихъ мѣстъ тогдашнихъ „волшебныхъ комическихъ оперъ".

У Крылова было больше увлеченія театромъ, чѣмъ призванія къ нему. Талантъ его былъ слишкомъ громаденъ, чтобы не сказаться вспышками въ отдѣльныхъ мѣстахъ піесъ или въ одной изъ піесъ. Но въ общемъ его драматическія сочиненія ниже его сатирическихъ статей и въ особенности басенъ.

Они однако очень характерны для его личности, самаго процесса развитія его таланта, круга умственныхъ и нравственныхъ интересовъ его молодости.

Мы видимъ, какъ онъ бьется въ сѣтяхъ ложной литературной теоріи. Имѣя благое „намѣреніе забавлять, трогая сердца", онъ постоянно впадаетъ въ шаржъ, карикатуру, холодную разсудочную реторику или ложную чувствительность. Среда не дала ему образованія, которое могло бы быть большимъ подспорьемъ при тяжелой внутренней борьбѣ и болѣзненномъ развитіи дарованія. Тогда уже началось обаяніе „мѣщанской драмы", Шекспира, испанскихъ и итальянскихъ драматурговъ. Вліяніе Дмитревскаго и вообще актеровъ, воспитанныхъ Сумароковымъ, отклонило Крылова отъ самобытной, хотя бы и наивной „Кофейницы", и направило по горному пути — французскаго классицизма, хотя онъ не соотвѣтствовалъ ни особенностямъ таланта, ни условіямъ образованія Крылова.

Въ безсознательномъ стремленіи къ реализму и народности онъ мало встрѣчалъ вокругъ подспорья: скорѣе

такіе препятствія. Онъ шелъ впередъ ощупью, наталкиваясь и спотыкаясь, но въ концѣ концовъ вышелъ на свою дорогу и повелъ за собою другихъ ...

Эту борьбу особенно хорошо можно прослѣдить на піесахъ, въ чемъ и заключается ихъ особый историко-литературный интересъ, весь глубоко - поучительный ихъ смыслъ.

Въ піесахъ Крылова мало самостоятельной художественной цѣны, но все же она есть.

Помимо этого онѣ — драгоцѣнный матеріалъ для исторіи его творчества, доказывающій удивительную устойчивость многихъ его интересовъ, настойчивое возвращеніе къ нѣкоторымъ темамъ въ разныя времена и въ разныхъ формахъ ...

Крыловъ-драматургъ скорѣе всего - сатирикъ, взявшійся за дѣло хотя бы и близкое къ его природнымъ дарованіямъ, но выходящее все же за ихъ предѣлы ...

Крыловъ въ молодости.

Съ гравюры Канна (при парижскомъ изданіи басенъ 1825 года).

I.

Кофейница.

(1782—1784).

Комическая опера въ 3-хъ дѣйствіяхъ.

Крыловъ рано началъ писать, но изъ его первоначальныхъ произведеній дошла до насъ только „Кофейница".

Исторія возникновенія этой „комической оперы" до сихъ поръ еще очень не ясна.

Плетневъ[1] говоритъ, что она написана была Крыловымъ въ Твери „на 15-омъ году" или „15 лѣтъ"[2]. Рукопись впослѣдствіи была выпрошена Гнѣдичемъ и завѣщана имъ Полтавской гимназіи.

При жизни Крылова „Живописное Обозрѣніе" (1837 г.) дало краткій очеркъ его біографіи, въ которомъ, между прочимъ, сказано: „онъ началъ писать въ самомъ раннемъ возрастѣ, и еще въ портфелѣ его хранится опера Кофейница, написанная имъ на 16-мъ году."

По словамъ Банькина-Каменскаго[4], „посѣщая театръ, Крыловъ, на шестнадцатомъ году отъ рожденія (въ 1783 году), сочинилъ оперу Кофейница" (конечно, въ Петербургѣ). О дальнѣйшей судьбѣ рукописи онъ говоритъ то же (ст. 182), что и Плетневъ.

Въ 1845 году Булгаринъ вспоминалъ[5] относительно этой пьесы, написанной будто бы Крыловымъ въ Твери на 16-омъ году жизни: „Когда я издавалъ Русскую Талію[6], И. А. самъ предложилъ мнѣ напечатать изъ нея отрывки или куплеты и даже самую оперу, по моему благоусмотрѣнію, и предложилъ отыскать рукопись въ его квартирѣ. Въ бумагахъ И. А. Крылова не было порядка, и это

[1] Соч. и переписка, II, 11 и 40.

[2] Между тѣмъ Крыловъ переѣхалъ въ Петербургъ въ 1782 г.

[3] Т. III, стр. 22.

[4] Словарь достопамятныхъ людей, II, 1847, стр. 169. Срв. (Григоровичъ), Дѣдушка Крыловъ, Спб., 1845, стр. 15.

[5] „Сѣверная Пчела", 1845, № 8.

[6] Въ 1825 году.

было почти то же, что искать золота въ песчаной степи. Два дня рылся я въ кучахъ разныхъ вещей, между которыми находились кое-какія старинныя бумаги, перебралъ весь хламъ въ старомъ сундукѣ, хранившемся на чердакѣ, и не нашелъ рукописи. „Нечего дѣлать, братецъ! пропалъ, такъ пропала!" сказалъ тутъ Крыловъ съ обыкновенною своею безпечностью. „А жаль", промолвилъ онъ: „тамъ было кое-что забавное, и нравы эпохи вѣрны: я списывалъ съ натуры"[1].

Наиболѣе обстоятельныя свѣдѣнія, основанныя, повидимому, на разсказахъ обоихъ его сослуживцевъ, Крылова и Брейткопфа, даетъ Лобановъ[2].

„Въ 1784 году, т. е. 16-лѣтній Крыловъ написалъ оперу Кофейница въ 3-хъ дѣйствіяхъ, въ прозѣ съ куплетами, которая сохранилась въ рукописи. Пріѣхавши съ своею матерью въ Петербургъ... онъ написалъ эту оперу и, услышавъ о типографщикѣ Брейткопфѣ, знатокѣ и любителѣ музыки, притомъ добромъ человѣкѣ, явился къ нему съ первымъ своимъ сочиненіемъ, со своею Кофейницею, прося положить на музыку куплеты и изъ ходу этой піесы. Брейткопфъ предложилъ ему за либретто 60 рублей ассигнаціями. У автора забилось отъ радости сердце: это былъ первый плодъ, первая награда за его юношескій литературный трудъ; но по страсти своей къ чтенію онъ просилъ заплатить ему не деньгами, а книгами и получилъ Расина, Мольера и Буало[3], что чрезвычайно его радовало и веселило престарѣлую его мать. Прошло около 30 лѣтъ послѣ того, и судьба свела нашего Крылова съ Брейткопфомъ, тогда статскимъ и потомъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, на службѣ въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Брейткопфъ, не сдѣлавшій никакого употребленія изъ піесы, возвратилъ ее автору, который не безъ удовольствія взглянулъ на знакомый ему трудъ его молодости. Она не что иное, какъ дѣтское упражненіе." Послѣ смерти М. Е. Лобанова въ его бумагахъ была найдена рукопись „Кофейницы" съ его надписью: „Подлин-

[1] Дальше Булгаринъ указываетъ, что Гнѣдичъ, со словъ Крылова, зналъ нѣсколько куплетовъ „Кофейницы" наизусть.

[2] „Жизнь и соч. И. А. Крылова", Спб., 1847, стр. 5–6.

[3] По преданію, онъ отказался при этомъ отъ Вольтера и Кребильона.

ная рукопись и сочиненіе И. А. Крылова (16-лѣтняго). Лобановъ." Рукопись эта принадлежитъ теперь Публичной Библіотекѣ. По ней, довольно небрежно, мѣстами съ искаженіемъ смысла и разрушеніемъ стиха[1]), „Кофейница" была напечатана въ 1869 г. въ Крыловскомъ Академическомъ Сборникѣ (стр. 217—272). Нами печатается она теперь послѣ тщательнаго сличенія съ подлинною рукописью.

Сопоставляя всѣ указанныя выше свѣдѣнія относительно первой піесы Крылова[2], мы наталкиваемся на нѣсколько противорѣчій, которыя, кажется, можно примирить такъ.

Крыловъ задумалъ ее и, можетъ быть, началъ писать еще въ Твери, подхваченный цѣлымъ потокомъ „комическихъ оперъ", наводнившихъ тогда русскую литературу и доходившихъ, конечно, и до Твери.

Вѣроятно, въ основу ея легъ какой-либо дѣйствительный случай или услышанный Крыловымъ разсказъ, дополненный потомъ собственными жизненными наблюденіями. Толчокъ могъ дать и „Живописецъ" Новикова, который уже поставилъ вопросъ о „кофегадательницахъ", „столь много служащихъ къ посрамленію человѣческому".

„Кофегадательница есть такая пожилая тварь, которая честнымъ образомъ болѣе уже пропитанія сыскать не не знаетъ или не хочетъ честно кормиться.... Онѣ обманываютъ людей, не умѣющихъ мыслить, — что могутъ предсказывать все изъ кофейныхъ чашекъ. Когда такую Кивиллу[3]) приказываютъ позвать, то предлагаютъ ей вопросы. Напримѣръ, Скупягина вопрошаетъ, кто укралъ серебряную ложку.... Тогда должно сварить кофіи, и сіе уже само по себѣ разумѣется, что поднесутъ ей большія двѣ чарки водки, чтобъ возбудити симъ въ ней болѣе

[1] Большинство этихъ промаховъ указано было А. И. Кирпичникова въ „Починѣ" (1895, стр. 211—215); см. его же „Очерки по исторіи новой русской литературы", СПб., 1896, стр. 175—179). Вотъ нѣсколько болѣе характерныхъ примѣровъ: вм. „въ чашку" — „тайну", вм. „добраться" — „додраться", вм. „вѣдьма" — „видѣла", вм. „разборъ" — „разборъ" и пр.

[2] Кромѣ нихъ, г-жа Карлгофъ („Звѣздочка", 1841, № 1) говоритъ, что Крыловъ привезъ „Кофейницу" изъ Твери въ Петербургъ въ 1783 г., хотя онъ пріѣхалъ туда въ 1782 г.

[3] Сивиллу.

предсказательнаго духа. Потомъ нальетъ почти половину чашки густого кофію и болтаетъ его кругомъ, иногда съ важнымъ, а иногда съ пронырливымъ видомъ, троекратно, чтобъ кофій внутри повсюду присталъ. Между кофегадательницами есть еще и въ томъ несогласіе, надлежитъ ли послѣ троекратнаго болтанія дуть въ чашку, или нѣтъ. Тѣ, кои показываютъ себя вѣрными угадчицами, сіе дѣлаютъ, утверждая тѣмъ, что предсказательное дыханіе частицы кофія въ чашкѣ опредѣляетъ значащія изображенія. Послѣ сего ставитъ чашку обернутую на столъ, чтобъ кофій изъ нея вылился, поворачиваетъ ее еще два раза, дабы троекратнымъ движеніемъ ничего не значащій кофій вонъ выбѣжалъ, чтобъ предсказательныя части кофія въ чашкѣ однѣ прилипшими остались. По учиненіи сего поднимаетъ чашку вверхъ и въ нее смотритъ. Вопрошающія особы стоятъ передъ сею отгадчицею, пребывая между страха и надежды. Наконецъ, отверзаетъ она ротъ свой и предсказуетъ — напримѣръ: воръ, похитившій ложку, имѣетъ черные волосы. Вопрошающая отвѣчаетъ: „Такъ, это правда! Я знала ужъ давно, что Ванька воръ!“

„Чашкогадательница получаетъ полтину, иногда рубль и болѣе, смотря по важности отгадываемой вещи, и потомъ уходитъ домой. По выходѣ гадательницы, вопрошавшая призываетъ Ваньку, приказываетъ принести плети или батожье; спрашиваетъ его, куда онъ дѣвалъ ложку, приказываетъ, чтобы онъ немедленно признался. Ванька божится, клянется и увѣряетъ ее, что онъ ложки не крадывалъ, но божбамъ его не вѣрятъ. Боярыня его ругаетъ: и лицо его, кажется ей, изобличаетъ его въ покражѣ. Ваньку сѣкутъ безъ пощады. Долго онъ терпитъ напрасное мученіе и говоритъ правду, но, наконецъ, начинаетъ лгать. Онъ признается въ покражѣ ложки, сказываетъ, что ее продалъ и пропилъ. — „Съ кѣмъ?“ спрашиваетъ боярыня. — „Съ Андреемъ, сосѣдскимъ слугою“. — „Такъ!“ кричитъ госпожа Скупягина: „я никогда не ошибаюсь: вы оба давно казались мнѣ ворами!“ Скупягина посылаетъ къ сосѣдкѣ, проситъ ее, чтобы и она также наказала своего слугу. Андрей также говоритъ правду, но, наконецъ, побоями и его принудили лгать. Скупягина Ваньку своего еще наказываетъ отнятіемъ жалованья и кормовыхъ денегъ, чтобы возвратить свою пропажу и то, что заплачено кофегадательницѣ.

Ванька изъ добраго человѣка по природѣ становится воромъ, окрадываетъ свою госпожу, уходитъ, проматываетъ, попадается; его отдаютъ въ приказъ; но краденое пропадаетъ, а Ваньку, яко вора, посылаютъ на каторгу. Скупягина, лишаясь ложки, лишается и Ваньки".

О самыхъ кофейницахъ „Живописецъ" даетъ такія свѣдѣнія.

„Иная кофегадательница не имѣетъ на тѣлѣ цѣльнаго платья, ходитъ въ раздраныхъ лохмотьяхъ, а вся такихъ старухъ шайка есть сборище побродягъ, которыхъ почитать должно извергами человѣческаго рода. Такія кофегадательницы, не имѣя довольно смѣлости что-либо похищати, дабы имъ не быти при старости истязанными и не умереть съ голоду въ острогѣ, выдумали хитрое искусство обирати деньги у простосердечныхъ людей, не будучи обвиняемы отъ градоначальства какимъ-либо похищеніемъ".

„Потребна на сіе только половина ума человѣческаго, чтобъ понимать, что всѣ такія колдовки — сущія обманщицы. Вопрошающія особы болтливы и для того объявляютъ такой колдуньѣ напередъ всѣ свои чаянія, а она располагаетъ свои отвѣты всегда по симъ мнѣніямъ и лишь только объявитъ общественный отвѣтъ, который стократнымъ образомъ толковати можно, то и выводятъ онѣ его по своему чаянію, удивляясь пророчествующему дару сея ворожеи."

„Не знаю того, есть ли въ другихъ мѣстахъ такія гнусныя ворожеи. Буде ихъ нѣтъ, такъ весьма досадно, что у насъ въ городѣ столько просты и глупы, что ихъ держатъ. Нѣкоторыя ежедневно на кофіи гадаютъ и при каждомъ случаѣ для укрощенія суевѣрнаго любопытства ищутъ прибѣжища къ такой ворожеѣ; а въ нѣкоторыхъ домахъ бываетъ она еще и важнѣйшею тварію. Приходитъ ли она въ знатный домъ, то скрывается съ нею госпожа или кто иной въ особую комнату, чтобъ не подвергнуться опасности или посмѣянію, буде хозяинъ человѣкъ разумный.

„Когда бы такіе вздоры были только въ обыкновеніи между простымъ народомъ, такъ, чтобъ только простолюдимъ искалъ себѣ вопросами у сихъ ворожей помощи, то бы я не принялъ труда сего и описывать. Отъ простого народа ничего лучшаго и не ожидаютъ, какъ опытовъ крайнія глупости и сумасброднаго суевѣрія. Но повѣрите ль вы, государь мой, этому, что многія изъ знатныхъ и многія

изъ среднихъ особъ толь много состояніе свое посрамляютъ и ведутъ себя въ семъ случаѣ такъ же, какъ и глупая чернь! Люди, отъ коихъ по малѣйшей мѣрѣ здраваго человѣческаго ума чаять долженствовало, суть такъ просты, что дозволяютъ себя обманывать такимъ бабамъ!"

„Я не могу довольно сильныхъ найти выраженій, чтобы сказать, сколь безконечно глупою кажется мнѣ та особа, которая кофейницѣ удивляется, яко духами повелѣвающей и знающей проницати сокровеннѣйшія тайности, которыхъ и самый ученѣйшій человѣкъ испытати не въ состояніи."

„Ежели бы кофейницы не дѣлали иного вреда, кромѣ выманиванія лжами своими денегъ, такъ можно бы подумать, что свѣтъ хочетъ быть обманутъ. Итакъ, да будетъ онъ обманутъ! Но она есть болѣе сего сатана, болѣе сего несчастію заводчица въ человѣческомъ родѣ, нежели какъ думаютъ. Сія проклятая тварь причиною, что невинные люди приходятъ въ подозрѣніе. Она возстановляетъ недовѣріе, ссоры и несогласія..." [1].

Разсказъ „Живописца", только на 10 лѣтъ предшествующій „Кофейницѣ" Крылова, вводитъ насъ въ сущность и подробности затронутаго молодымъ писателемъ общественнаго явленія, указываетъ на степень его распространенности. Между журнальной статьей и оперой есть совпаденія въ отдѣльныхъ деталяхъ, которыя могутъ объясняться какъ непосредственнымъ литературнымъ вліяніемъ, такъ и однородностью общественной среды и наблюденій надъ нею.

Дописавши и передѣлавши или написавши цѣликомъ свою „Кофейницу" въ Петербургѣ, Крыловъ продалъ ее Брейткопфу. Можно думать, что онъ принесъ книгопродавцу бѣловой экземпляръ, тщательно провѣренный. Крыловъ не могъ не знать, насколько важно было первое впечатлѣніе для рѣшенія судьбы его перваго литературнаго дѣтища. Между тѣмъ та рукопись, которая сохранилась среди бумагъ Лобанова и которая принадлежитъ теперь Публичной Библіотекѣ, всего менѣе похожа на такой экземпляръ: тетрадка плохой бумаги, во многихъ мѣстахъ по-

[1] „Живописецъ", изд. П. А. Ефремова. СПб., 1864, стр. 115—122. Ср. „Сатирическій Вѣстникъ", 1790, III, 120: „Аграфена Пантелеева... ремесломъ кофейница, загадчица на картахъ и пр."

правки, ошибки и пропуски; вообще во всемъ замѣтна небрежность выполненія[1].

Вѣроятно, рукопись, возвращенная Крылову Брейткопфомъ и подаренная имъ затѣмъ Гнѣдичу, хранится у наслѣдниковъ переводчика Иліады или затерялась въ архивѣ Полтавской гимназіи; лобановская же рукопись — списокъ, сдѣланный Крыловымъ для себя, и сдѣланный довольно небрежно.

Можетъ быть, когда найдется рукопись Гнѣдича, мы получимъ болѣе обработанный текстъ, чѣмъ имѣемъ теперь.

[1] [illegible] разныя измѣненія [illegible]; [illegible] не дописаны слова, попадаются очевидныя [illegible], неправильныя обозначенія дѣйствующихъ лицъ и пр.

Дѣйствующія лица:

Новомодова, помѣщица.
Прикащикъ.
Петръ, любовникъ Анюты и крестьянинъ Новомодовой.
Анюта, любовница Петра.
Кофейница.
Финогенъ
Афросинья } родители Анюты.

Дѣйствіе первое.

Явленіе первое.

Театръ представляетъ лѣсъ, въ самой [illegible] деревни, а вдали также лѣса, поля и деревни.

Прикащикъ.

(Выходитъ. Съ сердцемъ.)

Чортъ возьми всѣхъ дѣвокъ въ свѣтѣ,
Отъ которыхъ столько бѣдъ:
Отъ которыхъ въ зиму, въ лѣтѣ
Никогда покою нѣтъ;
Отъ которыхъ крестьянамъ,
Управителямъ, боярамъ,
Словомъ, людямъ въ свѣтѣ всѣмъ
Безпокойствъ живутъ тьмы темъ.

Да и мнѣ досталось отъ нихъ терпѣть за грѣхи мои... Что дѣлать... Такъ вотъ ума не приложу... Петрушка ужъ женится, и пособить нечѣмъ... Э, постой! взошло мнѣ на умъ одно дѣло, чѣмъ не гожмо свадьбу его съ Аюшой разорву, да, можетъ быть, этотъ мошенникъ у меня и въ рекруты угодитъ... Однако... Да что же? попытка не шутка, спросъ не бѣда... Да вотъ и онъ идетъ.

Надо перетъ нимъ притвориться, чтобъ онъ не догадался, а то и дѣло можно испортить.

Явленіе второе.

Прикащикъ и Петръ.

Прикащикъ.

А! здравствуй, Петруша!

Петръ.

Здорово, Фролъ Сидорычъ!

Прикащикъ.

Куда бредешь такъ ранешько?

Петръ.

Шелъ было звать тебя къ себѣ на свадьбу, да сказали, что ты вышелъ въ село Гуртиново: такъ и я пошелъ туда, чтобъ тебя оттоль взять къ себѣ, а то мнѣ здѣсь въ глаза попался...

Прикащикъ.

Такъ свадьба то твоя приходитъ такъ къ концу?

Петръ.

Дѣло все безъ остановки
Своимъ идетъ чередомъ,
И безъ всякой ужъ размолвки
Зачали вертѣть пиркомъ.

Прикащикъ.

(Съ притворною радостію.)

Такъ имѣю честь поздравить
Съ молодой тебя женой.
Дай Богъ счастливо отправить
Вамъ остатокъ пиру свой.

Петръ.

Я прошу тебя покорно
Быть на свадебкѣ у насъ.

Прикащикъ.

О, конечно, я безспорно
Ту честь сдѣлаю для васъ.

Петръ.

Да не позабудь, пожалуй.

Прикащикъ.

Буду: въ томъ увѣренъ будь.

Петръ.

И какъ прежде, насъ такъ жалуй.

Прикащикъ.

Только самъ насъ не забудь.

Прикащикъ и Петръ.

Мы всѣ будемъ веселиться.
У { насъ / васъ } пѣсни будутъ пить.
Скакать, плясать и рѣзвиться
Есть { чего тутъ посмотрѣть. / и мнѣ чего смотрѣть.

Петръ.

Такъ пиъ пойдемъ же.

Прикащикъ.

Ныть, теперь мнѣ нельзя, а вамъ сходить за однимъ дѣломъ къ госпожѣ. А какъ отъ нея отдѣлаюсь, такъ ужъ прямо приду къ вамъ, и домой не заходя.

Петръ.

Ну, и то дѣло.

Прикащикъ.

Послушай: ты вчерась у барыни сказки сказывалъ?

Петръ.

Я... а что?

Прикащикъ.

Долго ль тамъ сидѣлъ?

Петръ.

Охъ! часу до двѣнадцатаго, и уже языкъ примололся. Я не знай, какъ это барыня такъ долго не засыпаетъ... да только, что и говорить? живетъ себѣ, какъ въ раю, нужды не знаетъ, горя не вѣдаетъ. Вздумаешь ли когда про сонъ, пожилъ бъ хоть недѣльку на ея мѣстѣ!

Прикащикъ.

Сегодня кто будетъ сказывать?

Петръ.

Сегодня надо было моему сосѣду Пантелеймону, да барыня то хотѣла ѣхать въ гороть и тамъ ночевать; такъ ужъ и не будутъ сказывать.

Не однѣ лишь только сказки
Этихъ барынь веселятъ;
Да сказать, такъ вѣдь и таски
Намъ за то не миновать.

Прикащикъ (подумавъ, особо).

Ладно... въ случаѣ. Такъ пронтій ножа; я только ворочусь, а ты подожди.

Петръ.

Хорошо... да пожалуйста, поскорѣй.

Прикащикъ (уходя).

Тотчасъ...

Явленіе третье.

Петръ.

А я покамѣстъ спою, да кое-чего съ собою покалякаю. Да что жъ бы мнѣ спѣть то? а вотъ что:

Во всемъ нашемъ околоткѣ
Нѣтъ прекраснѣе Анютъ;
Только все моей красотки
Лучше вѣрно не найдутъ.

Рѣзвится ль она бывало,
Пляшетъ, пѣсни ли поетъ,
Все къ ней лучше всѣхъ пристало
И все какъ то къ ней идетъ.

Стоитъ съ нею лишь сойтиться,
Пошутить, поговорить,
Поплясать и порѣзвиться,
Чтобъ смертельно полюбить.

Какая это дѣвка! мнѣ кажется, во всемъ свѣтѣ ея милѣе нѣтъ: ну вотъ точеная. То-то я съ нею поживу, поцарствую! Ба! да вотъ и она идетъ!

Явленіе четвертое.

Петръ и Анюта.

Петръ.

Анюта, здорово!

Анюта (кланяется).

Что тебя такъ долго не видать?

Петръ.

Да какъ вчерась отъ васъ вышелъ, такъ все въ суетахъ да въ хлопотахъ, то тамъ, то сямъ, всѣмъ надобенъ. Дѣло свадебное: такъ какъ безъ работы? а теперь было нечѣмъ звать Борисыча къ намъ, за

онъ мнѣ на ту пору самъ попался и сказалъ, чтобъ я его здѣсь подождалъ, покамѣстъ онъ воротится... Такъ-то, Анюта: такъ ты скоро будешь моя жена... Эхъ! кабы можно, можно, такъ теперь же бы на тебѣ обвѣнчался, да старики то все пиры да заговоры, то да се. Да эдакъ мнѣ и ввѣкъ тебя не дождаться будетъ!

Анюта.

Ну, полно все объ одномъ твердить; вить это, кажется, стыдно: разъ сказалъ, да и полно.

Петръ (взявъ ее за руку).

Не стыдись меня, Анюша:
Я вить здѣшній, не чужой;
Иль забыла, что Петруша
Говоритъ теперь съ тобой?

Анюта.

Да вить я не горожанка,
Чтобъ стыда то мнѣ не знать;
А и тамъ ина дворянка
Стыдъ умѣетъ разбирать.

Петръ.

Пусть хоть надобно стыдиться,
Только вѣдь не жениха;
А то ужъ и не годится,
Что къ нему ты такъ строга.

Анюта.

Да кого же я стыдиться
Стану, коль не жениха?
А то дѣвкѣ не годится,
Коль она ужъ такъ строга[1].

[1] Надъ словомъ *строга* надписано: *плоха*, надъ словомъ *дѣвкѣ* *ужъ и*. Крыловъ представлялъ, повидимому, кому то на выборъ эти варіанты.

Петръ.

Эхъ, Анюта! какъ тебѣ не стыдно? будто впервые со мною видишься! кажется, ужъ третій годъ другъ друга знаемъ, а ты такъ дичишься.

Анюта.

Ну, да что ты хочешь говорить?

Петръ.

Вотъ что: вить сегодня у насъ сберутся.

Анюта.

Вотъ только у тебя и рѣчей то, что о свадьбѣ! Ну, скоро; на что тебѣ?

Петръ.

Вить насъ завтра обвѣнчаютъ.

Анюта.

Тьфу! какой безотвязной! ну, такъ что жъ?

Петръ.

Обвѣнчавши, насъ поведутъ домой.

Анюта.

Ну?

Петръ.

А тамъ?

Анюта (улыбаясь).

А тамъ я, право, скоро тебя выбраню или потчась уйду. Ну, чтой-то хорошаго? все одно, да одно; какъ заладилъ, такъ ужъ и не отстанетъ.

Петръ.

Полно, будто и сердится! смотри какая, притворяться вздумала; да вить тебя скоро можно узнать сердишься или нѣтъ.

Явленіе пятое.

Прикащикъ и прежніе.

Прикащикъ.

Здравствуйте, друзья!

Петръ и Анюта (кланяясь).

Здравствуй, сударь!

Прикащикъ.

Объ чемъ совѣтуете?

Петръ.

Да такъ, кое-что калякаемъ.

Прикащикъ.

Коли дѣвка съ молодцомъ,
Да въ такомъ лѣсу густомъ,
Знать, калякали путемъ.

Да не помѣшалъ ли я вамъ? я ништъ и прочь пойду: я на это сговорчивъ.

Анюта (тихо къ Петру).

Скажи, что помѣшалъ.

Петръ (Анютѣ).

Нѣтъ, еще будетъ сердиться.

Прикащикъ.

Право, пойду.

Петръ.

Нѣтъ, Сидоръ Фроловичъ: право, мы вить только отъ скуки говорили.

Прикащикъ.

Ну, такъ ништъ я останусь.

Петръ.

Да къ намъ то что же? (Тихо Анютѣ.) Примолви и ты его.

Анюта (Петру).

Нѣтъ, я лучше уйду: я какъ на огнѣ горю.

(Хочетъ уйти.)

Прикащикъ.

Куда же ты, Анюта, бѣжишь?

Анюта.

Домой, Сидоръ Фроловичъ: матушка, я чай, и такъ сердится, что я такъ долго замла.

Прикащикъ.

Бѣдная! вотъ какъ съ нимъ стоять, такъ ни объ матушкѣ, ни о батюшкѣ не вспомнишь, а при мнѣ, такъ и матушка сердиться будетъ.

Анюта.

Ну, да изволь: я останусь, да ты скажи ей, что ты мнѣ велѣлъ остаться, коли меня бранить будутъ.

Прикащикъ.

Вотъ хорошо: ха, ха, ха! она будетъ въ лѣсу перебывать то съ тѣмъ, то съ сѣмъ, а я возьми на себя!

Анюта.

Ну, такъ прощайте: мнѣ ужъ и теперь быть браненой.

Прикащикъ.

Добро, добро: я ужъ скажу на себя.

Анюта.

Да зачѣмъ же я тебѣ надобна?

Прикащикъ.

Барыня приказала тебѣ сказать... (Петру.) Э! да я и позабылъ тебѣ сказать.

Петръ.

Что такое?

Прикащикъ.

Вить тебя слюмя голову ищутъ, и меня спрашивали мимоходомъ, не видалъ ли я гдѣ тебя, да я въ забытяхъ сказалъ, что не знаю.

Петръ.

Да кто спрашиваетъ?

Прикащикъ.

Свадебные почетные.

Петръ.

Такъ мнѣ пойти... Прощайте жъ.

Мнѣ любовь лишь утѣшенье,
А Анюта въ ней веселье;
Съ ней весь вѣкъ я буду жить
И ее одну любить.

(Уходитъ.)

Явленіе шестое.

Анюта и Прикащикъ.

Анюта.

Что такое барыня мнѣ велѣла сказать?

Прикащикъ.

Барыня?.. ничего... а я самъ хочу тебѣ сказать.

Анюта (съ негодованіемъ).

Что такое? сказывай, пожалуйста, поскорѣе!

Прикащикъ.

Послушай, Анюта: ты знаешь, какъ я люблю твою семью.

Анюта.

О Господи! Ну, такъ что жъ?

Прикащикъ.

Ты знаешь, что я вамъ всегда дѣлалъ льготы, сколько можно было.

Анюта.

Ну да, знаю.

Прикащикъ.

Ты знаешь, что я васъ рѣже прочихъ гонялъ на работу.

Анюта.

О Боже мой! ну да, коли я знаю, такъ на что жъ это говорить?

Прикащикъ.

Послушай же, ты теперь выходишь замужъ!

Анюта.

Такъ что жъ?

Прикащикъ.

А вотъ что: что этотъ женихъ совсѣмъ не подъ стать.

Анюта.

Кто, Петръ? Петръ? мнѣ не подъ стать?

Прикащикъ.

И конечно! А я бы тебѣ сыскалъ жениха въ десять мѣръ лучше его.

Анюта.

Ну вотъ, ты знаешь, что я не сама большая, да и кого жъ бы ты лучше то его сыскалъ?

Прикащикъ.

Человѣка степеннаго, разумнаго, тихаго, не послѣдняго гуляку, у котораго водятся денежки, харчикъ и скотника, которой собою не дурень и еще не старъ, и которой тебя смертельно любитъ.

Анюта (особо.)

Ужъ не себя ль онъ эдакъ честитъ? Ахъ! пропала моя головушка! (Прикащику.) Да кто жъ бы это такой былъ? я, право, не знаю.

Прикащикъ.

Эдакая недогадливая! развѣ ты не догадалася, что это я самъ?.. Ну, теперь разсуди хорошенько,

Лучше ль быть тебѣ крестьянкой,
Иль прикащицкой женой:
Вѣдь прикащица съ дворянкой
Поравняется собой.

Такъ-то, Анюта!

Анюта.

Чтобъ я пошла за прикащика! да еще за тебя!.. да развѣ я съ ума сойду?

Прикащикъ.

Да чѣмъ же тебѣ прикащицкая то жизнь не нравится?

Я въ деревнѣ здѣсь живу, какъ властелинъ,
И въ почтеньи больше, нежель господинъ.
Всякой здѣсь меня боится,
Всякъ послушенъ и страшится:
Я всегда всѣхъ воленъ бить,
Какъ лишь можетъ въ умъ притить.

Анюта.

Такъ это и хорошо, что ты всегда дерешься?

Прикащикъ.

Я съ крестьянъ оброкъ сбираю,

Баръ своихъ пренебрегаю,
Все беру, ловлю, хватаю
И карманы набиваю,
Отъ чего сталъ такъ богатъ,
Что всякъ тестемъ мнѣ быть радъ.

Анюта.

Коль когда ты попадешься
Въ плутняхъ эдакихъ своихъ,
Такъ и съ рекрутъ не сорвешься
У помѣщиковъ лихихъ.

Прикащикъ.

Трудно имъ поймать такого,
Моя милость какова:
У меня всегда готова
На увертки голова.

Анюта.

Хоть одинова узнаютъ,
Такъ въ зашейникъ натолкаютъ,
На конюшнѣ отдерутъ
И въ солдаты отдадутъ.

Прикащикъ.

Этого то и не взвидишь,
Чтобъ когда попался я!

Анюта.

Авось скоро ты увидишь
Чужи-дальные края.

Прикащикъ.

Эй, Анюта, постыдися!

Анюта

Мнѣ не для чего краснѣть,
А ты лучше самъ уймися.

Прикащикъ.

Будешь же и ты жалѣть!

Анюта. (Вбѣгаетъ.) **Прикащикъ.**

Право, я жалѣть не буду, Какъ ни стану, а добуду:
Что не быть тебѣ женой: Будешь ты моей женой.
Только вѣкъ не позабуду Развѣ фроломъ я не буду,
Разсказать поступокъ твой. Иль умъ потеряю свой.
(Уходитъ.)

Явленіе седьмое.

Прикащикъ и Новомодова.

Новомодова.

О, проклятые лакеи,
Окаянной хамовъ родъ!
О, безстыдные злодѣи,
Чтобы всѣхъ васъ побралъ чортъ!
Вы господъ вѣкъ мучить ради
И отъ васъ всегда досады,
Пьянства, злобы, плутовства,
Смуть, ссоръ, дракъ и воровства!

Да развѣ мнѣ не допытаться изъ васъ виноватаго? Нѣтъ, этого то вѣкъ не будетъ.

Прикащикъ.

Что такое сдѣлалось, сударыня?

Новомодова.

У меня украли ложки,
Не оставили ни крошки:
Ихъ безъ спросу унесли,
И слѣды ужъ заросли.

Прикащикъ.

Ахъ! какъ это?

Новомодова.

Вчерась ко мнѣ изъ городу привезли дюжину столовыхъ серебряныхъ ложекъ. А я ихъ, поглядѣвши, и положила въ моей спальнѣ на столъ; севодни хватилась, анъ ужъ ихъ и нѣтъ. Однако у меня найдутся: ни на одной бестіи живого мѣста не оставлю.

Ваньку, Ташку,
Петьку, Дашку,

Съ ними вмѣстѣ и Парашку

Я смертельно отдеру
И ихъ всѣхъ переберу.

Прикащикъ.

Барыня! да вить кто-нибудь одинъ виноватъ, а вы всѣхъ бить хотите!

Новомодова.

Для того, чтобы другъ за другомъ крѣпче смотрѣли, а то нѣтъ, уже и избаловались, давно не пороты: имъ каждому надо на всякой день бани по три давать, такъ и будутъ, какъ шелковые; а то это бездѣлица въ недѣлю вытерпѣть дранины двѣ... Господи, Боже мой! посмотришь въ людяхъ, то такъ любо-дорого глядѣть, какъ смирны, какъ тихи, какъ вѣжливы, какъ чисты на руку, а отчего? оттого, что часто бьютъ; а то съ ними хоть чуточку ласково обойдись, такъ и носъ поднимутъ.

Лишь спусти съ нихъ чуть-чуть глазки,
Съ ними обойдись добромъ,
И не дай въ день двѣ-три таски,
Такъ и будетъ домъ верхъ дномъ.

Только я поправлю скоро свою погрѣшность!

Прикащикъ.

Боярыня, да иной совѣмъ не знаетъ...

Новомодова.

Драться я не не умѣю,
Всѣхъ ихъ буду порознь драть;
Рукъ своихъ не пожалѣю
Виноватаго сыскать.

Прикащикъ.

Да иной совсѣмъ не знаетъ,
Что пропажа есть у насъ.

Новомодова.

Палка это угадаетъ,
Какъ дастъ всякому сто разъ.
Драться я не не умѣю,
Всѣхъ ихъ буду порознь драть,
Рукъ своихъ не пожалѣю
Виноватаго сыскать.

Прикащикъ.

Да други чѣмъ виноваты?
Ихъ за что хотите бить?

Новомодова.

Нѣтъ ни малой всѣмъ пощады,
Поколь ложекъ не найтить.
Драться я не не умѣю,
Всѣхъ ихъ буду порознь драть;
Рукъ своихъ не пожалѣю
Виноватаго сыскать.

Прикащикъ.

Говорить ужъ не умѣю
И не знаю, что начать;
Только право я робѣю,
Чтобъ чего не накачать.

Новомодова.

Съ живыхъ кожи до пять спущу.

Прикащикъ.

Э, постойте, барыня: я нашелъ одинъ способъ, коимъ, можетъ быть, сыщемъ виноватаго и ваши ложки.

Новомодова.

Палки скажутъ мнѣ,
У кого онѣ;
Я сказала,
Не солгала,
Что ихъ всѣхъ переберу
И, какъ бѣлокъ, обдеру.

Прикащикъ.

Да упрямой воръ хоть радъ умереть, а не сказать.

Новомодова.

Палки скажутъ мнѣ,
У кого онѣ;
Я сказала,
Не солгала,
И потоль не отойду,
Поколь ложекъ не найду.

Прикащикъ.

Да мы и безъ побой сыщемъ виноватаго.

Новомодова.

Палки мнѣ вѣрнѣе скажутъ,
Виноватаго докажутъ,
Ложки вынутъ, отдадутъ
И мошенниковъ уймутъ.

Прикащикъ.

Да какъ вора вы найдете,
Такъ его вы отдерете,
Какъ угодно вамъ;
Я расправлюсь самъ.

Новомодова.

Ну, да что такое, честью что ль ты правду отъ нихъ хочешь выѣдать? такъ этого и вѣкъ не дождаться.

Правды вѣкъ ты не узнаешь,
Какъ на просьбу уповаешь:
Ради всѣхъ хотя изстыть,
Нежель правду объявить.

Прикащикъ.

Да я ихъ и спрашивать не буду.

Новомодова.

Да ишь какъ же ты хочешь, ужъ это и мнѣ непонятно.

Прикащикъ.

Вы знаете, какъ хорошо умѣютъ гадать кофейницы, которыхъ искусство ужъ весь свѣтъ знаетъ, а до городу не болѣе отсель 2-хъ верстъ, такъ мы за ней сносылаемъ Даньку, и она вамъ, вѣрно, скажетъ виноватаго.

Новомодова.

И вѣдомо такъ! Такъ поѣли же за ней сейчасъ на лошади.

Прикащикъ.

Очень хорошо, барыня.

Новомодова и прикащикъ.

Она скажетъ безъ утайки,
Кто изъ нашихъ ложки взялъ;
А изъ праведной ихъ шайки
Ни одинъ еще не лгалъ.

Новомодова.

Допытаюсь, постараюсь,
Постараюсь;

Сломлю голову рублю,
Да ужъ съ вора я слуплю.

Прикащикъ.

Ей узнать,
Намъ сказать
Это ничего не стоитъ,
Коли въ платѣ не поспоритъ.

Човомодова и прикащикъ.

Онѣ знаютъ,
Не болтаютъ,
Тотчасъ правду открываютъ,
И лишь взглянутъ въ чашку, вмигъ
Скажутъ, ложки кто подстригъ.

Новомодова.

То-то дамъ отраду сердцу,
Шельму вора въ гробъ прибью.

Прикащикъ.

Ужъ и я поддамъ же перцу,
Хотя съ ногъ себя собью.

Новомодова.

Мнѣ не впе́рвой съ ними драться.

Прикащикъ.

Мнѣ не впе́рвой ихъ учить.

Новомодова.

Лихо бъ только что добраться.

Прикащикъ.

Мнѣ изволь лишь поручить.

Новомодова и прикащикъ.

Ну, теперь пошлемъ Данилку,
За кофейницей въ посылку;
А какъ скажетъ вора намъ,
Приберемъ его къ рукамъ.

(Конецъ перваго дѣйствія.)

Дѣйствіе второе.

Театръ представляетъ садъ; съ одной стороны барскій домъ, изъ котораго въ садъ крыльцо; на крыльцѣ стоятъ нѣсколько стульевъ и креселъ.

Явленіе I.

Прикащикъ и **Кофейница** идутъ съ одной стороны.

Прикащикъ.

Нѣтъ, безъ шутокъ, ты мнѣ нада
Для нужды для большой.

Кофейница.

Я тебѣ служить вѣкъ рада
И тѣломъ и душой.

Кофейница. (Вмѣстѣ.) **Прикащикъ.**

Я тебѣ служить готова, У меня мошна готова,
И объ этомъ нѣтъ ни слова; Въ платѣ спору нѣтъ ни слова;
На меня лишь положись, На меня ужъ положись,
Только самъ не оплошись. Сама только не плошись.

Кофейница.

Только воля твоя, Борисычъ, а я право не понимаю, что ты за дьявольщину городишь: быть пророкомъ, угадывать прошедшее, настоящее и будущее,

вить это не моей головѣ; тебѣ надобенъ либо чортъ, либо угодникъ. Да скажи яснѣй, что такое?

Прикащикъ.

А вотъ видишь, что. Я ужъ давно люблю здѣсь одну дѣвушку, Анюту, дочь Артамонову [1], а она также любитъ Петра, здѣшняго крестьянина, которой ее любитъ же, и они нынѣ выпросили у барыни позволеніе обвѣнчаться, что имъ и дозволено, а мнѣ хочется взять Анюту за себя...

Кофейница.

Горе, прикащикъ! Да ты бы ее просилъ у ея отца и матери.

Прикащикъ.

Да ужъ это было.

Кофейница.

Да что?

Прикащикъ.

Они было согласились; да эта вѣдьма Анюта сказала имъ, что она сама на себя руки подниметъ, ежели ее за меня отдадутъ, а дураки то и повѣрили, да мнѣ и отказали.

Кофейница.

Нѣтъ, такъ ужъ тутъ и самъ чортъ не пособитъ, не только я, грѣшная.

Прикащикъ.

Такъ видно, что я хитрѣе чорта, для того что ужъ половину дѣла сдѣлалъ.

Кофейница.

Что ты говоришь! да какъ это?

---

[1] Ниже онъ названъ Финогеномъ.

Прикащикъ.

А вотъ какъ. Барыня моя, когда живетъ въ деревнѣ, то всегда беретъ къ себѣ крестьянъ и крестьянокъ сказки сказывать подъ вечеръ; а вчерась у ней сказки сказывалъ Петръ, а я подъ его слѣдъ и подтянулъ севодни изъ спальни дюжину новыхъ серебряныхъ ложекъ, только, право, не изъ корыстолюбія, а для того, чтобъ на него пала вина.

Кофейница.

Да тебѣ изъ этого что прибыли?

Прикащикъ.

Какъ что? ты еще всего не знаешь: барыня моя великая охотница продавать молодыхъ ребятъ въ рекруты.

Кофейница.

Вотъ хорошая охота! ну!

Прикащикъ.

И за самую малую бездѣлицу рада отдать лучшаго парня изо всей деревни, а какъ Петра удастся мнѣ подловить и на него взнести кражу, то это твердо знаю, что ему быть въ рекрутахъ; а, для лучшаго увѣренія госпожѣ, и я присовѣтовалъ уже ей спросить у кофейницы виноватаго, и тутъ то ты покажи свою проворность. Сказавъ его примѣты и невѣстины да также нѣсколько приключеній барыни, легко ты ее увѣришь, что Петръ укралъ ложки.

Кофейница.

О! такъ я тебя увѣрю, что Анюта будетъ твоя живнии!

Прикащикъ.

Постой же: я разскажу тебѣ нѣкоторыя ея приключенія. Анюту то и Петра ты давеча видѣла.

Кофейница.

А приключенія то ея я лучше тебя знаю, для того что была повѣренной у ея сестры, съ которой барыня твоя очень дружна.

Прикащикъ.

Вотъ этого и не надо лучше!

Кофейница.

Однако не совсѣмъ хорошо: изъ этого и дурное можетъ быть.

Прикащикъ.

Вотъ, будто тебѣ впервой обманывать!

Кофейница.

Да вѣдь обманъ обману рознь, а за эдакой обманъ я бы и съ батюшки родного сладила за работу!

Прикащикъ.

Да ужъ я те не забуду:
Какъ женой Анютѣ [1] буду,
Такъ хорошій хлѣбъ добуду;
Будешь насъ благодарить.

Кофейница.

Надо мной тебѣ шутить
Надо поумнѣе быть,
Вить не дура я какая.

Прикащикъ.

Что ты, вѣдьма городская?
Развѣ здорю я съ тобой?

Кофейница.

И не здорь таки со мной!

[1] Конечно ошибка, вмѣсто: Какъ Анютѣ мужемъ буду или „Какъ женой Анютѣ быть".

Прикащикъ.

Да что жъ ты, ничего не видя, такъ разгорячилась?

Кофейница.

А ты что меня за дуру нашелъ, что сулишь мнѣ заплатить тогда, какъ на Аютѣ будешь женать? нѣтъ, а ты не сули журавля въ морѣ, дай синицу въ руки, а ясньй сказать,

Я тогда за трудъ сбираю,
Когда дѣло зачинаю.

Прикащикъ.

Я и отъ того не прочь;
Лишь изволь ты мнѣ помочь.
Да что тебѣ надобно? ништъ мы поторгуемся.

Кофейница.

Да коль я когда счастливо
Дѣломъ этимъ поверну,
Дать мнѣ ложекъ шестерно —
Не велико будетъ диво.

Прикащикъ.

Ахъ, любезная кума!
Никакъ ты сошла съ ума;
Да я лучше удавлюся,
Нежель въ ложкахъ подѣлюся:
Развѣ я ума ряхнуся?

Кофейница.

Да, пожалуй, не давай
И меня ништъ не замай;
Коль упрямъ, такъ ништъ прощай.

Прикащикъ.

Я сыщу, кли [1] такъ, другую,

[1] Кли — коль.

Не такую дорогую;
А ты подь себѣ домой,
Мнѣ не нуженъ разумъ твой.

Кофейница.

Не сыскать тебѣ другую,
Такъ, какъ я, не дорогую;
Я пойду таки домой,
А ты здѣсь ищи другой.

Такъ ты мнѣ не дашь шести ложекъ?

Прикащикъ.

Не дамъ, конечно, не дамъ: шесть серебряныхъ ложекъ, вѣдь это не шутка!

Кофейница.

И таки не дашь?

Прикащикъ.

Нѣтъ!

Кофейница.

Вѣрно?

Прикащикъ.

Вѣрно!

Лучше я Анюту кину,
Нежель дамъ ихъ половину.
Что пустое калякáть?
Вѣкъ тебѣ ихъ не видать.

Кофейница.

Будешь же и всѣ давать, да не во время.

Прикащикъ.

Грози богатому, богатой денежку дасть, а мнѣ нешто сдѣлаешь: съ твоихъ то угрозъ я великъ взросъ.

Кофейница.

Хорошо жъ! Вонъ идетъ барыня; я ей сей же часъ про твои плутни разскажу.

Прикащикъ.

Ахъ, кумушка! прости Бога ради: согрѣшилъ я, окаянный; право, не буду впередь съ тобой ссориться.

Кофейница.

А, а! теперь трусу праздновать! ну, инъ помиримся: ужъ я прощу, только вить даромъ и попы грѣховъ не прощаютъ; такъ и ты, сынъ духовный, давай мнѣ скорѣе за мировую.

Прикащикъ.

Ахъ! да что такое мнѣ тебѣ дать! у меня, право, денегъ ни полушки нѣтъ.

Кофейница.

Ну же, скорѣй! вить вонъ она очень близко.

Прикащикъ.

Ахъ! да инъ вотъ тебѣ; только, пожалуйста, молчи (даетъ ей одну ложку, которую она съ поспѣшностію прячетъ) и поворожи въ мою пользу.

Кофейница.

Эго за мировую, а за ворожбу то у меня таки не отойдешь безъ шести ложекъ.

Прикащикъ.

Ужъ, право, и тѣ отдамъ, а теперь сама видишь, что некогда.

Кофейница.

Ну, инъ хорошо, и я въ свой чередъ соглашусь.

Явленіе второе.

Тѣ же и Новомодова.

Прикащикъ.

Вотъ барыня, кофейница, которая можетъ очень

хорошо угадывать прошедшее, настоящее и будущее.

Новомодова.

Пожалуй, мадамъ, угадай мнѣ, кто у меня . . .

Кофейница.

О, сударыня! пожалуйте, не сказывайте причины вашего гаданья: искусная кофейница это и безъ спрашиванія сама узнаетъ. Только я хочу, чтобъ здѣсь людей не было.

Новомодова.

Очень хорошо . . . Борисычъ, поди отсель въ покои и прикати сюда столъ съ кофеемъ для гаданья.

Явленіе третье.

Новомодова и Кофейница.

Новомодова.

Коли ты мнѣ угадаешь
И подробно все узнаешь,
То увѣрена въ томъ будь,
Что за трудъ тебѣ дадутъ.

Кофейница.

Ужъ не впе́рвой я гадаю,
Да не лгу лихъ никогда,
За что плату получаю
Непостыдную всегда,
И васъ въ евтомъ увѣряю,
Что не вдолгѣ угадаю.

Новомодова.

Я жъ тебѣ за то, мадамъ,
Цѣлый рубль съ полтиной дамъ.

(Въ сію минуту приноситъ дѣвка столъ съ кофеемъ и, поставивъ его на крыльцо, уходитъ, а Кофейница и Новомодова входятъ на крыльцо и садятся за столикъ. Прикащикъ показывается украдкою изъ-за палатъ, и въ то время, какъ кофейница сказываетъ, онъ благодаритъ ее пантомимами.)

Кофейница (смотря въ кофе).

Какъ ваше имя, сударыня?

Новомодова.

Да развѣ ты не можешь это угадать на кофеѣ? да на что же тебѣ его и знать? не по имени ли и по отечеству хочешь ты меня звать?

Кофейница.

Конечно, сударыня!

Новомодова.

О, мадамъ! пожалуйте, не дѣлайте этого дурачества, для того что оно пахнетъ русскимъ обычаемъ и ужесть какъ нехорошо: я никогда во Франціи не слыхала, чтобъ тамъ другъ дружку звали по имени и отчеству, а всегда зовутъ мамзель или мадамъ, а это только наши русскіе дураки это дѣлаютъ, и это безмѣрно какъ дурно.

Кофейница.

Какъ же вамъ угодно, чтобъ я васъ звала?

Новомодова.

Пожалуйте, зовите меня мадемуазель.

Кофейница.

Да вѣдь, сударыня, этимъ именемъ звать только можно дѣвицъ, а я по кофею угадываю, что вы уже давно вдовою.

Новомодова.

Да, это правда, что я вдова, однако я множество нынѣшнихъ дѣвицъ, которыя, что называется, умѣютъ жить въ большомъ свѣтѣ, и вдовъ почитаю заодно, для того что ни дѣвица, ни вдова не зависитъ отъ мужней власти, и всякая живетъ по своей волѣ.

Кофейница.

Однако я думаю, что дѣвица и вдова совсѣмъ

не сходна, для того что вдова была уже замужемъ, а дѣвица еще не знаетъ, что такое мужъ.

Новомодова.

Ха! ха! ха! это было въ адамовы вѣки, жизнь моя, а не нонче: какая подлость дѣвицѣ не знать, что такое мужъ; это ужасно какъ мило! (Съ нѣкоторою досадою) однако я думаю, что вамъ не многаго будетъ стоить звать меня мадемуазелью.

Кофейница.

Очень хорошо, сударыня . . прикажете ль мнѣ все до крохи правду сказывать?

Новомодова.

Все до крошечки.

Кофейница.

Мадемуазель, вы вышли восьмнадцати лѣтъ замужъ и были въ дѣвицахъ, замужемъ и вдовою нынѣ такого же честнаго поведенія, какъ и нынѣ: понимаете ль, мадемуазель?

Новомодова.

Да, это правда, что я съ семнадцати лѣтъ стала такова же, какъ и нынѣ . . . о! ты, мадамъ, великая угадчица!

Кофейница.

Вашъ мужъ скончался отъ . . .

Новомодова.

Ахъ! пожалуй не говори: вить здѣсь садъ, такъ и подслушать могутъ. Да что ты такъ издалека зачала?

Кофейница.

Для того, что я исподоволь люблю добираться до настоящаго.

Новомодова.

Ну, нѣтъ хорошо; однако не все, что важно, говори, мадамъ!

Кофейница.

Вы имѣли, мадемуазель, много любовниковъ, и всѣ они были вами довольны . . . ахъ! извините, что я громко сказала.

Новомодова.

Ха! ха! ха! это не важно, мадамъ!

Кофейница.

Вы жили очень роскошно, и на васъ не малое число долгу, которые долги обѣщали заплатить ваши любовники.

Новомодова.

И это не неправда.

Кофейница.

Вы уѣхали изъ города затѣмъ, чтобъ отсутствіемъ вашимъ воспламенить одного выгоднаго любовника.

Новомодова.

Такъ точно: какъ же ты хорошо гадаешь!

Кофейница.

Ба! у васъ вчерась сдѣлалась пропажа, и пропали точно двѣнадцать серебряныхъ новыхъ ложекъ въ вашей спальнѣ.

Новомодова.

Это то мнѣ и надо, чтобъ я узнала мошенника, кто ихъ у меня подтяпалъ.

Скажи мнѣ его примѣты —
Ростъ, лицо, станъ, голосъ, лѣты.

Кофейница.

А вотъ онъ собой каковъ:
Не высокой, чернобровъ,

Смуглъ и очень здоровъ,
Еще не изъ стариковъ.

Новомодова.

Такъ! такъ! это точно Петрушка!

Кофейница.

Скоро будетъ онъ вѣнчаться,
Ужъ на дѣвкѣ сговоренъ,
До вѣнца же дожидаться
Имъ не болѣе двухъ денъ.

Новомодова.

Точно онъ!

Кофейница.

Дѣвка эта не велика
Не толста и круглолика
И семнадцати ей лѣтъ,
Я скажу, что вѣрно нѣтъ.

Новомодова.

Такъ . . . да опиши мнѣ его примѣты хорошенько, мадамъ!

Кофейница.

Двадцать лѣтъ ему, не больше;
Васъ немного онъ потоньше
И собой черноволосъ,
И къ лицу умѣренъ носъ.

А короче сказать, онъ вчерась у васъ былъ вечеру, и ложки въ 12-мъ часу ночью стянулъ со стола.

Новомодова.

Ну, теперь пока довольно,
Ворожить на кофе полно:
Знаю, ложки кто унесъ, —
Это сдѣлалъ Петька бѣсъ.

Кофейница.

Ну, изрядно ли я лажу
Въ кофе съ правдою, мамзель?

Новомодова.

Ты мнѣ описала кражу
Чище, нежели свирѣль.

Кофейница.

Ну, теперь, мамзель, прощайте:
Мнѣ пора домой итить;
Лишь, прошу, не забывайте
За труды мнѣ заплатить.

Новомодова.

Нѣтъ, вотъ ты не угадала:
Нынѣ у меня спи ночь;
Ты, что было, все сказала,
А ужо мнѣ попророчь.

Кофейница.

Да ежели вамъ угодно, такъ я и теперь могу поворожить.

Въ утро, въ вечеръ, ночью, днемъ
Я всегда съ однимъ съ умомъ;
Я всегда равно гадаю —
И, что бъ ни было, узнаю.

Новомодова.

Да теперь некогда, для того что я дамъ раздѣлку сей же часъ съ своимъ злодѣемъ. Эй, войди сюда кто-нибудь! (Дѣвка входитъ.) Возьми столъ съ кофеемъ и кликни прикащика. (Дѣвка уноситъ столъ; прикащикъ, по лошившись Кофейницѣ, уходитъ изъ-за палатъ; барыня и Кофейница встаютъ со стульевъ и сходятъ съ крыльца. Тутъ показывается прикащикъ.)

Явленіе четвертое.

Новомодова, Прикащикъ и Кофейница.

Новомодова.

Знаешь ли, вить ложки то нашлись.
Мадамъ все мнѣ угадала,
У меня кто ложки взялъ,
И того вточь описала,
Кого ты подозрѣвалъ.

Прикащикъ.

Что вы говорите? станое ль дѣло? Ну, мадамъ, подлинно ты великая угадчица!

Новомодова.

Ну, теперя спорить буду я всегда,
Что вы въ кофѣ не лжете никогда,
И хоть драться,
А поддаться
Никому не захочу,
Ни предъ кѣмъ не замолчу.

Прикащикъ.

Я вѣдь сказывалъ вамъ, сколь онѣ умны
И что для того лишь только рождены,
Чтобъ гадать
И все знать
И за то чтобъ деньги брать.
Ну, боярыня, теперь пора и до вора добираться!

Новомодова (подумавъ).

Нѣтъ, теперь пойдемъ за столъ, а послѣ обѣда я знаю, что съ нимъ дѣлать.

Прикащикъ.

Съ мужикомъ како вамъ дѣло?

Коль онъ самъ такъ плоховатъ,
Должно не боясь и смѣло
Его въ рекруты отдать.

Новомодова.

Я сама то жъ затѣваю;
Только право какъ, не знаю.
Ужъ и такъ здѣсь нѣтъ робятъ.
А онъ парень тароватъ.

Прикащикъ.

Нынь дадутъ триста́ иль больше,
А какъ погодить подольше,
Такъ и вполы не дадутъ,
Только ложки пропадутъ.

Новомодова.

Да и то правда, вѣдь въ животѣ и въ смерти Богъ воленъ:

Вѣдь частенько молодые
Умираютъ иногда;
А хрычи то, такъ иные
Живутъ сто лѣтъ безъ вреда.

Прикащикъ.

Такъ ниъ велите жъ мнѣ его призвать сюда, а тамъ мы пошлемъ его въ городъ, или и здѣсь приперетъ покрѣпче можно.

Новомодова.

Теперь ужъ некогда, да я и послѣ обѣда не отдумаю этого каналью отбоярить,

Развѣ я умру случайно,
Что не дамъ раздѣлки съ нимъ;
А то мнѣ необычайно
Упускать каналямъ симъ.

Прикащикъ.

Эхъ, барыня! ну, да какъ, можетъ быть, онъ какъ-нибудь провѣдаетъ, что мы узнали объ его плутовствѣ, такъ вить не замѣшкаетъ и лыжи навострить.

Новомодова.

А что ты думаешь, вѣдь и это станется... такъ ниъ вели же его призвать сюда.

Прикащикъ.

(Входитъ на крыльцо, отворяетъ дьери и говоритъ.)

Послушай, поди скажи Петру, которой женится, чтобъ онъ скорѣй сюда пришелъ: барыня дескать спрашиваетъ, да скорѣе! (Затворяетъ дверь и подходитъ къ нимъ.)

Новомодова.

Ну, теперь то я злодѣю
За покражу отомщу
И ужъ развѣ ошалѣю,
Что вину ему спущу:
Разорву одной минутой
Его свадьбу со Анютой,
Въ гробъ отъ палокъ положу
И въ солдаты посажу.

Прикащикъ.

Лучше этого не нада,
Чтобъ ему за то отмстить.

Новомодова.

Сколько же тому я рада,
Что мнѣ въ умъ могло приттить.

Новомодова и Прикащикъ.

Пусть други то глядя видятъ,
Сколь безчестно воровать,
И порокъ сей ненавидятъ,
Коль лѣнь въ полѣ побывать.

Новомодова.

Я вовѣкъ за воровство спущать не буду
И такихъ ссылать въ солдаты не забуду.
Пусть други то глядя видятъ *и проч.*

Прикащикъ.

Мы воротимъ ложки черезъ сей манеръ,
А другимъ ворамъ пусть будетъ онъ въ примѣръ.
Пусть други то глядя видятъ *и проч.*

Кофейница.

Такихъ умныхъ словъ нигдѣ я не слыхала
И такого наказанья не видала.

Новомодова.

Пусть други то глядя видятъ,
Сколь безчестно воровать,
И порокъ сей взненавидятъ,
Коль лѣнь въ полѣ побывать.

Прикащикъ.

Пусть други то глядя видятъ,
Какъ мнѣ страшно досажать,
И порокъ сей ненавидятъ.
Коль лѣнь въ полѣ побывать.

Кофейница.

То и въ подлинну увидятъ,
Сколь опасно воровать,
И порокъ сей взненавидятъ
Коль лѣнь въ полѣ побывать.

Новомодова.

А развѣ онъ тебѣ чѣмъ досадилъ?

Прикащикъ.

Какъ же? Когда онъ вамъ досадилъ, то какой же буду прикащикъ, коли это мнѣ будетъ не обидно?

Новомодова.

Вотъ прямо прикащикъ... Да вотъ и залетъ нашъ.

Явленіе пятое.

Тѣ же и **Петръ.**

Петръ.

Зачѣмъ вы меня изволили спрашивать, боярыня?

Новомодова.

А, соколъ! здорово!

Прикащикъ.

Угаръ, здравствуй,
Благодарствуй,
Что недорого берешь,
Какъ ты сказки ей поешь!

Петръ.

Я таковъ,
Что готовъ
Всегда барынѣ служить
И во всемъ ей угодить.

Прикащикъ.

Вотъ хорошая услуга,
Чтобъ изъ платы угождать,
И какъ будто бы у друга,
Не спросясь, по волѣ брать!

Петръ.

Право, я не понимаю,
Что теперь ты говоришь.
Да и объ какой, не знаю,
Мнѣ заплатѣ ты твердишь!

Прикащикъ.

По пустому увѣряешь:
Ты насъ въ томъ побольше знаешь,
Такъ не для чего таить,
Лучше правду намъ открыть.

Новомодова, Прикащикъ и Кофейница. **Петръ.**

(Вмѣстѣ.)

Коли сдѣлалъ, не стыдяся,
Такъ ужъ лучше, не таяся,
Намъ вину свою открой
Иль упрямствомъ не удвой.

Что я сдѣлалъ, не стыдяся,
Что открою не таяся,
И меня теперь какой
Всѣ вы клеплете виной?

Новомодова.

Какъ, плутъ, развѣ не ты у меня вечоръ сказывалъ сказки?

Петръ.

Да вить это по вашему приказу, барыня!

Новомодова.

Развѣ ты не тогда вышелъ, какъ ужъ я заснула?

Петръ.

Вы такъ и приказали.

Прикащикъ.

Доброй малой! да не по барынину ль приказу ты и ложки то сблаговѣстилъ?

Новомодова.

Что, каналья? Ну же, говори скорѣй, гдѣ онѣ у тебя?

Петръ.

Да какія ложки? помилуйте, Бога ради: я ихъ и въ глаза не видалъ.

Новомодова.

Смотри, пожалуй: ну, не досадно ли это? онъ же виноватъ, да онъ же еще и запирается.

Петръ.

Право, хоть теперь голова долой, ничего не знаю.

Новомодова.

Дюжина ложекъ, которыя вчерась при тебѣ ко мнѣ привезли изъ городу?

Петръ.

Ну, эти я видѣлъ: новыя серебряныя. Да вить мы пошли, такъ онѣ остались на столѣ.

Новомодова.

Нѣтъ, ты ихъ укралъ, бездѣльникъ!

Петръ.

Что вы, барыня? Да я съ роду не кралъ!

Новомодова.

О, коль сталъ ты запираться,
Такъ знать, надобно добраться
До тебя, мой свѣтъ, путемъ.
Инъ по палки мы пошлемъ!

Петръ.

Ей Богу, не бралъ, боярыня!

Новомодова.

Слышь, скажи,
Покажи:

Ложки мнѣ скорѣй отдай
Иль подъ палочье ступай.

Борисьичъ, возьми его на конюшню и, отведши, бей до тѣхъ поръ, пока не отдастъ ложекъ, а тамъ отдадимъ въ рекруты.

Петръ.

Барыня, пожалѣйте хотя бѣдную Анюту!

Прикащикъ.

Да отдай ложки и не запирайся; такъ, можетъ, и проститъ барыня.

Петръ.

Да каки же вы хотите
Ложки чтобъ я вамъ отдалъ?
Хоть теперя умертвите,
Ни одной я ихъ не бралъ.

Прикащикъ.

Такъ вотъ я жъ те взъерепеню;
Какъ вобью въ кроваву пѣну,
Такъ не станешь больше лгать,
Будешь правду объявлять.

Петръ.

(Падая въ ноги боярынѣ.)

Не погубите, милосердая боярыня!

Прикащикъ.

Что жъ, сударыня?

Новомодова.

Нѣтъ, теперь ужъ некогда съ нимъ возиться; пора обѣдать, а тамъ мы сдѣлаемся.

Прикащикъ.

Слышу, сударыня, такъ я инъ его пота самъ постерегу . . .

Поступать съ нимъ, какъ я знаю,
И его не прогуляю;
Буду плотно такъ стеречь,
Чтобъ онъ не возмогъ утечь.

Новомодова.

А мы пойдемъ обѣдать, душа моя; ужъ, чай, и на столъ накрыли... слышь ты, мошенникъ, не запирайся, чтобъ хуже не было.

Не велика въ томъ утѣха
Запираться безъ успѣха;
Лучше правду намъ скажи,
Ложки вынь да положи.

Прикащикъ.

Развѣ хочешь изъ упрямства намъ ты лгать?
Такъ вить палки то принудятъ же сказать.

Не велика въ томъ утѣха
Запираться безъ успѣха;
Лучше правду намъ скажи,
Ложки вынь да положи.

Всѣ, кромѣ Петра.

Я тебѣ совѣтъ даю все объявить
И сказать, спина покамѣстъ не болитъ.

Не велика въ томъ утѣха
Запираться безъ успѣха;
Лучше правду намъ скажи,
Ложки вынь да положи.

Конецъ второго дѣйствія.

Дѣйствіе третье.

Театръ представляетъ комнату г-жи Новомодовой.

—

Явленіе первое.

Кофейница (одна).

Нѣтъ на свѣтѣ правды болѣ:
Всѣ обманами живутъ;
И по волѣ иль неволѣ
Лишь того и стерегутъ,

* * *

Чтобы ближняго ограбить,
Его мо́шну процѣдить,
На тотъ свѣтъ родню отправить
И тѣмъ свой карманъ набить.

* * *

Лихо въ руки бы попало
Отъ кого что и кому,
У него ужъ и пропало.
Тотъ не числи къ своему.

* * *

Иной кражей промышляетъ,
Иной честнымъ воровствомъ;
Только рѣдкой набиваетъ
Свой шкатулъ не плутовствомъ.

Однако, какъ бы то ни было, а мнѣ кажется, что нѣтъ лучше и безопаснѣе кофейницыной жизни, для того что всякой боится за свои плутни быть наказану, а я, ничего не боясь, наполняю свои карманы, и всѣ тѣ, коихъ я обманываю, на меня не приносятъ ни жалобъ, ни челобитій, а нерѣдко и довольны мною бываютъ.

Явленіе второе.

Кофейница, Новомодова, Петръ и Прикащикъ.

Новомодова.

Такъ ты не отдашь мнѣ ложекъ?

Петръ.

Да помилуйте, когда я не бралъ, такъ что же я вамъ отдамъ?

Новомодова.

О, такъ хорошо жъ... слушай, Борисычъ: сейчасъ прикажи его свесть въ городъ и тамъ содержать у меня въ домѣ во всякой строгости до продажи въ рекруты.

Прикащикъ.

Слышу, сударыня... Да скажи, окаянной, повинись: авось барыня то и помилуетъ.

Явленіе третье.

Тѣ же. Анюта, Финогенъ и Афросинья

Новомодова.

Вы зачѣмъ?

Финогенъ.

Барыня! я слышалъ, будто ты Петра нашего хочешь въ солдаты отдать?

Новомодова.

Его! Его не только въ солдаты, но съ него живого кожу снять надобно за его плутовство

Финогенъ и Афросинья.

Помилуй, не погуби дѣвки нашей!

Новомодова.

Нѣтъ, я что однажды сказала, то ужъ всегда то сдѣлаю; а дочь ваша можетъ и другого жениха сыскать и лучше этого: развѣ у насъ въ деревнѣ только ребятъ то, что онъ одинъ?

Афросинья.

Да они другъ другу по мысли, и мы было половину дѣла уже сдѣлали: кое-что сготовили къ свадьбѣ; такъ вѣдь теперь пришло все кинуть... Да за что вы его хотите отдать то?

Новомодова.

За то, чтобъ онъ не воровалъ.

Анюта, Финогенъ и Афросинья.

Онъ воровалъ? да я за него, какъ за себя, побожуся.

Новомодова.

Да ужъ тутъ нечего божиться, коли его приличили.

Анюта.

Развѣ вамъ налгали; да что онъ такое своровалъ?

Новомодова.

Не много: только дюжину новыхъ серебряныхъ ложекъ.

Анюта.

Да чего онѣ стоятъ?

Новомодова.

Чего... со... пятьдесятъ рублей.

Кофейница (въ сторону).

Немного цѣны прибавлено.

Финогенъ, Афросинья и Петръ.

Да, мы инъ хотя послѣднее распродавши и косудѣ занявши, эти деньги тебѣ заплатимъ.

Новомодова.

Вотъ то дѣло иное; однако чтобъ нынѣ же деньги были, коли хотите, чтобъ она была за нимъ.

Чтобы нынѣ жъ деньги были
У меня всѣ вточь сполна,
Коли вы то полюбили,
Чтобъ была за нимъ она.

Финогенъ и Афросинья.

Хотя это и не шутка
Пятьдесятъ отдать рублей,
Только эдака погудка
Для скупыхъ дурна ушей.

Финогенъ и Афросинья. **Петръ.**

(Вмѣстѣ.)

А мы ихъ не пожалѣемъ, Лишь его бы возвратить; Работáть еще умѣемъ, Будетъ съ ними чѣмъ намъ жить.

А мы ихъ не пожалѣемъ, Лишь бы мнѣ отъ бѣды отбыть; Работáть еще умѣемъ, Будетъ съ ними чѣмъ намъ жить.

Новомодова.

Ну жъ, скорѣе, торопитесь
И съ уплатой возвратитесь;
А не то прощайтесь съ нимъ,
Ужъ не будетъ онъ моимъ.

Финогенъ.

Мѣшкать долго мы не будемъ,
Тотчасъ деньги принесемъ,
И, не давъ въ огласку людямъ,
Къ намъ назадъ его возьмемъ.

(Финогенъ, Афросинья, Петръ и Анюта уходятъ.)

Явленіе четвертое.

Новомодова, Прикащикъ и Кофейница.

Прикащикъ.

Барыня, барыня, барыня! какъ тебѣ не стыдно этому плуту упускать?..

Новомодова.

Да вить ужъ и такъ не много въ сей деревнѣ молодыхъ, для того —

Для того что я такъ строго
Отдаю въ солдаты ихъ;
А какъ вдосталь поспыряю,
Такъ ужъ, право, какъ не знаю
Деревенькѣ сей стоять.

Прикащикъ.

Вамъ еще ихъ народять!

Новомодова.

Ха, ха, ха, ха! Неужто ты думаешь, что я и вѣдомо такая дура, чтобъ упустила этотъ случай? а я съ нимъ хочу сыграть одну шутку только, а какую, то тебѣ послѣ скажу, для....

Прикащикъ

(дастъ знать Кофейницѣ, чтобъ она пошла вонъ).

И теперь можно.

Кофейница.

Барыня, позвольте мнѣ по саду проходиться.

Новомодова.

Поди, мадамъ, ежели угодно, да приходи поскорѣе: мы еще кое-что загадаемъ.

(Кофейница уходитъ.)

Явленіе пятое.

Новомодова и Прикащикъ.

Прикащикъ.

Что такое вы мнѣ хотѣли сказать, боярыня?

Новомодова.

А вотъ что: вить я дала слово его не отдавать въ рекруты за нынѣшнюю толковину, а вмѣсто того возьму на сѣни, и тутъ уже легко можно пригнать какую-нибудь вину, за которую тотчасъ будетъ онъ въ красной шапкѣ, а пятьдесятъ то рублевъ таки въ барышахъ!

Прикащикъ.

Нельзя лучше, да невѣсту то его возьмете жъ на сѣни?

Новомодова.

Нѣтъ, ужъ онъ на ней не женится.

Прикащикъ.

Вотъ это ему подлинно страшнѣй громовой стрѣлы.

Какъ Анюту онъ увидитъ
За другимъ, не за собой,
Такъ авось возненавидитъ
Свой поступокъ начатой.

Новомодова.

И какъ онъ въ солдатахъ будетъ
И потретъ свою суму,
Думы прежни позабудетъ
И приложитъ умъ къ уму.
Мнѣ печали ужъ не будетъ,
Будетъ красть онъ, иль забудетъ;
Такъ себѣ, пожалуй, крадь,
Коль не лѣнь сквозь строй бѣжать.

Прикащикъ.

Кражу съ лихвою воротимъ,
Долги хоть не всѣ оплотимъ.

Новомодова.

Да и вновь ихъ заберемъ,
Коли, Богъ дастъ, не умремъ.

Прикащикъ.

Тамъ ужъ будетъ ваша воля
Заплатить и вновь забрать,
А моя въ дѣлахъ сихъ доля
Потакать иль ужъ молчать.

Новомодова.

Кабы мнѣ да за Петрушку
Дали рубликовъ пять сотъ,
Да потомъ бы и Ванюшку
Я отправила въ походъ,
То бъ хорошую ливрею,
Экипажевъ, мебелей,
Словомъ, все уже затѣю,
Лишь бы съ рукъ ихъ сбыть скорѣй!

Прикащикъ.

Да ежели, барыня, вамъ за нихъ дадутъ и цѣлую тысячу, такъ вить и того будетъ мало на ваши замыслы!

Новомодова.

Коли этого не станетъ,
Я съ крестьянъ оброкъ сберу.

Прикащикъ.

И того вить не дотянетъ.

Новомодова.

Въ долгъ на вексель заберу.
Да съ крестьянъ то какъ не станетъ?

Развѣ не изъ чего имъ мнѣ дать оброку за пять лѣтъ впередъ?

Прикащикъ.

Да вы и такъ въ прошломъ мѣсяцѣ съ нихъ взяли за четыре года впередъ!

Новомодова.

Эдакая диковинка! ну, такъ что жъ? можно и еще взять за четыре!

Прикащикъ.

Правда, и еще бы можно:
Да ужъ нечего имъ дать.
Знайте вы, что то не ложно:
Вы изволили все взять.

Новомодова.

Какъ возьму въ ежовы руки,
Такъ дадутъ хоть изъ-подъ муки.

Прикащикъ.

Да они ужъ такъ голы,
Какъ вотъ точно соколы.

Новомодова.

Ну, да ужъ я тамъ подумаю.... да вотъ и они идутъ; какъ же дуракъ то радъ! да скоро перестанетъ радоваться.

Явленіе шестое.

Финогенъ, Афросинья, Анюта, Петръ и прежніе.

Финогенъ и Петръ

(приносятъ по мѣшку денегъ; потомъ, положивъ ихъ на полъ, садятся съ Афросиньей и Анютой).

Приказъ вашъ мы исполняемъ,
Коль на то пришелъ уже рокъ;
Деньги тотчасъ отсчитаемъ
Вами въ положенной срокъ.
Мы теперь ужъ квиты съ вами.

Петръ (къ Финогену).

Скоро буду я твой зять.

Всѣ кромѣ **Прикащика** и **Новомодовой.**

Будетъ тихо между нами
И слезъ не за чѣмъ терять.

Новомодова.

Подождите,
Не ходите:

Не совсѣмъ то квиты мы,
Хоть не будетъ несть сумы.

Петръ.

Да за чѣмъ же дѣло стало?
Что вамъ въ мирѣ помѣшало?
Хоть бы ложки то я взялъ,
Такъ вить деньги вамъ отдалъ.

Новомодова.

Я то знаю,
Понимаю;

Только надо же унять,
Чтобъ не смѣлъ впередъ ты красть.

Финогенъ, Афросинья, Анюта и Петръ.

Да что же вамъ еще надобно?

Новомодова.

Хоть не будетъ онъ въ солдатахъ,
Да пусть будетъ мой лакей;
Будетъ жить въ моихъ палатахъ,
Чтобы былъ впередъ умнѣй.

Финогенъ.

Да вить онъ не будетъ моимъ зятемъ: такъ что жъ мнѣ въ томъ пользы?

Новомодова.

Та польза, что я такъ хочу... Слышите ль?

Финогенъ.

Такъ инъ подай же деньги, барыня!

Новомодова.

Нѣтъ, деньги то я таки возьму за ложки и за то, что не отдамъ его нынѣ въ рекруты.

Петръ.

Помилуйте, Бога ради, барыня, что мы вамъ сдѣлали?

Новомодова.

Ну же, больше ни слова!

Петръ (прикащику).

Фролъ Борисьичъ, замолви хоть ты за насъ.

Прикащикъ.

Спорить отнюдь я не намѣренъ;
Ты будь, дружокъ[1],
Ты будь, дружокъ мой, въ томъ увѣренъ,
Съ госпожею худъ раздоръ.

[1] Этотъ [illegible] дописанъ въ рукописи. Отъ [illegible] осталось одна буква *м*.

Новомодова.

Коли въ лакеяхъ будетъ онъ послушенъ,
У меня ретивъ и не лѣнивъ,
То и еще успѣетъ быть Анюшинъ;
Мой пароль донёръ[1] не лживъ.

Прикащикъ.

Сами совѣтъ ему вы дайте,
Какъ жить тамъ и поступать;
Также и я совѣтъ сей, знайте,
Ему буду же давать.

Новомодова и Прикащикъ.

Нé великая кака кручина
Быть лакеемъ на сѣняхъ;
Онъ ужъ вѣдь не маленькой — дубина,
Знаетъ сколь великъ сей страхъ.

Новомодова (Прикащику).

Поди жъ, одѣнь и убери его теперь, какъ надобно..... а вы не подъѣзжайте ко мнѣ больше ни съ какими просьбами; коли будетъ умень, такъ я и въ лакеяхъ его не оставлю.

Петръ.

(Прикащикъ уводитъ Петра, которой поетъ вмѣстѣ съ Анютой, Финогеномъ и Афросиньею).

Чтобъ сквозь землю провалиться
Тому, ложки кто укралъ
И кто Бога не боится,
Что насъ такъ въ бѣду вкачалъ!

(Уходитъ)

[1] Честное слово.

Явленіе седьмое.

Новомодова.

Врите себѣ тамъ,
Что угодно вамъ;
А Петрушку я ужъ не отдамъ.
Я возьму на сѣни вора,
Пригоню къ нему вину
И безъ всякаго ужъ спора
Во солдаты прогоню.

А деньги надобны.... Подлинно, кабы почаще эдакіе виноватые.... Да полно, что говорить, я и безъ вины въ солдаты упѣтаю... лишь бы только деньги понадобились: за что ни отдамъ, да отдамъ.

Тотъ помѣщикъ ужъ худой,
Коль крестьяне у кого
Не подъ крѣпкою уздой
И не слушаютъ его.

Онъ въ обманъ,
Какъ болванъ,

Къ нимъ всегда готовъ попасться,
И ихъ принужденъ бояться.

Явленіе восьмое.

Новомодова и Прикащикъ.

Новомодова.

Ну, велѣлъ ли ты убрать новаго лакея?

Прикащикъ.

Такъ, какъ надобно лакею,
Я его велѣлъ убрать,
Обуть и одѣть въ ливрею,
Прививъ косу, причесать.

Новомодова.

Нынѣ жъ, время не теряя,
Искать надобно купцовъ;
Тѣмъ и лучше что скоряе,
А ужъ онъ совсѣмъ готовъ.

Прикащикъ.

Объ томъ буду я стараться,
Чтобъ продать его скорѣй;
Вы извольте лишь держаться
Дамской пароли [1]) своей.

Новомодова.

Тутъ не долго надо думать,
Не о многомъ размышлять,
А чтобъ намъ скорѣе сдунуть,
Должно въ городъ поспѣшать.

Прикащикъ и Новомодова.

Тамъ купцовъ сыскать сихъ можно;
Поспѣшать скорѣй лишь должно,
А какъ только продадимъ,
Деньги въ лавки отдадимъ.

Новомодова.

Однакожъ надобно прiискать вину.

Прикащикъ.

О! въ евтомъ ужъ на меня положитесь и надѣйтесь, какъ на городскую стѣну; я самъ въ городъ съ вами поѣду, и на другой же день онъ у меня будетъ виноватъ.

Это я уже свахляю,
Потружуся околъ пня
И ужъ въ томъ васъ поздравляю;
Лишь надѣйтесь на меня.

[1] См. выше „пароль допёръ“.

Новомодова.

А я пойду по саду и спрошу, можетъ быть, Кофейницу . . . а Петрушка пусть сряжается ѣхать въ городъ. А тамъ его ужъ спровадимъ.

Крушиться я не стану,
Мнѣ нечего жалѣть:
Какъ денежки достану,
Другихъ можно имѣть.
Все за деньги здѣсь достанешь,
Чего хочется тебѣ;
На что мило лишь ни взглянешь,
Смѣло все бери себѣ.

Явленіе девятое.

(Барыня уходитъ въ садъ, а Кофейница изъ другихъ дверей входитъ въ покой.)

Кофейница.

Ну что, умѣю ль я ворожить на кофей?

Прикащикъ.

Ну, подлинно, самъ бы сатана лучше твоего не спроворилъ.

Кофейница.

Теперь подавай ложки за работу.

Прикащикъ.

Нѣтъ, кума, мы лучше чѣмъ-нибудь другимъ расплатимся.

Кофейница.

Или ложки, или деньги, мнѣ что-нибудь да давай.

Прикащикъ.

Изволь, возьми и ихъ деньгами: много ль те тебѣ надобно?

Кофейница.

Вотъ то дѣло инъ другое:
Я за деньги подарю,
И дороже только вдвое
Съ куманька за нихъ сдеру.

Прикащикъ.

Да я спрашиваю, много ль тебѣ за нихъ надобно.

Кофейница.

Сорокъ рублевъ за потпожины, которыми ты мнѣ долженъ.

Прикащикъ.

Ухъ... Ухъ... Ухъ!.. что ты это, сдурилась, что ли? да и двѣ то дюжины эдакихъ больше не стоятъ.

Кофейница.

Коли дашь двенадцать рублей, такъ возьми; а меньше ни за полушку не отдамъ.

Прикащикъ.

Такъ инъ возьми жъ лучше ложки.

Кофейница.

Вотъ этого не надо лучше, подавай же скорѣе.

Прикащикъ (вынимая ложки).

Вить пять ложекъ.

Кофейница.

Нѣтъ, и всѣ шесть.

Прикащикъ.

Такъ инъ тому и быть: принимай. Вотъ тебѣ съ рукъ на руки: разъ, два, три! Простите, мои любезныя ложечки! Приходитъ наша разлука! (Кладетъ ложки на столъ. Въ то время входитъ Новомодникъ.)

Явленіе десятое.

Новомодова, Прикащикъ, Кофейница. Петръ, Анюта, Финогенъ и Афросинья.

Новомодова.

Больше ни слова . . . ба! что за ложки?

Кофейница (испугавшись).

Мъ . . он . . су . . да . . ры . . ня!

Новомодова (осматривая ихъ).

Какія прекрасныя! . . ба, ба, ба! да на нихъ мое клеймо!

Кофейница.

Нѣтъ, мамзель. . .

Новомодова.

Какъ, нѣтъ? я точно вижу, и это гѣ, которыя, я думаю, что Петрушка укралъ, а это не его дѣло.

Петръ.

Я вить вамъ сказывалъ, барыня, что я ихъ не сирывалъ, да и въ умъ не всходила эдакая чепуха.

Кофейница.

Мамзель, я право также не знаю.

Новомодова (Прикащику).

Слушай, плутъ: это твое дѣло!

Прикащикъ (становясь на колѣни).

Виноватъ! барыня, помилуйте. . .

Новомодова.

О, хорошо: тотчасъ помилую. Я знаю, какъ вашу братью миловать. Ты еще годишься въ рекруты и замѣнишь Петрово мѣсто.

Прикащикъ.

Ахъ, не погубите!

Новомодова.

А тебя, плутовку, сей же часъ отошлю въ городъ и тамъ ты за твое плутовство будешь потолѣ сидѣть въ тюрьмѣ, покол҃ѣ не погонятъ на поселеніе.

Кофейница.

Ахъ, мамзель! сжальтесь!

Новомодова.

Нечего жалѣть, коли сами виноваты . . . а ложки то у васъ не останутся жъ. Сейчасъ подайте ихъ мнѣ!

Кофейница и Прикащикъ

(подаютъ всякъ отъ себя ложки и говорятъ вмѣстѣ).

Вотъ извольте.

Новомодова.

Ну, теперь готовьтесь: (Прикашику) ты въ рекруты, (Кофейницѣ) а ты въ тюрьму. Гей, малой! (Входитъ слуга). Возьми этого плута и эту мошенницу и вели, чтобъ ихъ на заперти держать до завтрашняго дня; а завтре я съ ними отправлюсь въ городъ, и тамъ они за ихъ плутни наказаны будутъ. (Слуга выводитъ прикащика и кофейницу.)

Явленіе одиннадцатое.

Тѣ же, кромѣ **Прикащика и Кофейницы.**

Новомодова (Петру).

А ты, сердешной Петръ, будь отъ сего времени прикашикомъ, и свадьбу твою съ Анютой я сыграю на свой коштъ за претерпѣнной тобою страхъ, и деньги также вы у меня возьмете.

Всѣ къ Новомодовой.

Покорно благодарствую, барыня!

Новомодова.

Теперь новымъ тебя чиномъ я дарю
И сама твоей съ нимъ свадьбы посмотрю.

Всѣ, кромѣ Новомодовой.

Ну, теперь повеселимся,
Намъ не для чего тужить;
Другъ на дружку наглядимся,
Будемъ вмѣстѣ вѣчно жить.

Анюта.

Скоро буду я прикащику женою,
Веселитеся, друзья мои, со мною.

Всѣ, кромѣ Новооодовой.

Ну, теперь повеселимся,
Намъ не для чего тужить;
Другъ на дружку наглядимся,
Будемъ вѣчно вмѣстѣ жить.

Финогенъ и Афросинья.

Теперь оба мы счастливы, да и дочь;
Будетъ намъ кому на старости помочь.

Финогенъ, Афросинья, Петръ и Анюта.

Ну, теперь повеселимся,
Намъ не для чего тужить;
Другъ на дружку наглядимся,
Будемъ вмѣстѣ вѣчно жить.

Новомодова.

Ну, теперя веселитесь,
Вамъ не для чего тужить;
Другъ на дружку наглядитесь,
Вмѣстѣ будете вы жить.

Конецъ.

Самый ранній изъ извѣстныхъ портретовъ Крылова.

(Фототипія съ гравюры Ческаго, по рисунку Эстеррейха, 1815 г.)

Неудача съ „Клеопатрой" не охладила увлеченія Крылова ложноклассической трагедіей. Въ 1786 г. онъ написалъ свою „Филомелу".

Съ сюжетомъ онъ могъ познакомиться по современнымъ переводамъ „Метаморфозъ" Овидія или по стихотворной передѣлкѣ миѳа о Филомелѣ въ „Модномъ изданіи" 1779 (III, 122—138).

По словамъ Плетнева[1] „новая трагедія окончена была авторомъ въ 1786 г. Надобно думать, что Дмитревскій и ее осудилъ на забвеніе: иначе она явилась бы на тогдашнемъ русскомъ театрѣ".

Напечатана она была значительно позднѣе въ „Россійскомъ Ѳеатрѣ" (ч. 39, СПБ., 1793, стр. 199- 286), откуда и вошла въ Плетневское изданіе сочиненій Крылова съ большими искаженіями, подновленіемъ языка и пропусками[2].

Лобановъ[3] сохранилъ любопытный отзывъ Крылова объ этой трагедіи.

„Въ молодости моей", говорилъ мнѣ въ послѣдніе свои года Крыловъ, „я все писалъ, что ни попало, была бы только бумага до чернила. Я писалъ и трагедію. Она напечатана была въ „Россійскомъ Ѳеатрѣ", въ одномъ томѣ съ Вади-

[1] Соч. и перев. II, 4. Ср. Словарь Бантыша-Каменскаго (II, 1847, 169):

„Дмитревскій... заставилъ его согласиться, что трагедія („Клеопатра") не могла имѣть успѣха. Онъ написалъ другую: „Филомела", но и та имѣла одинакую участь. Неудачны были первыя произведенія его для нашего театра."

[2] Нѣкоторые характерные примѣры указаны нами выше въ предисловіи. Для нашего изданія мы тщательно сравнили Плетневскій текстъ съ текстомъ „Россійскаго Ѳеатра."

[3] Жизнь и соч. Крылова, стр. 9.

момъ Княжнина, съ которымъ вмѣстѣ и исчезла. Да и радъ тому: въ ней ничего путнаго не было. Это первыя давнишнія мои попытки".

Полные экземпляры этого выпуска „Ѳеатра" чрезвычайно рѣдки. Въ обращеніе, и то въ небольшомъ количествѣ, были пущены экземпляры, изъ которыхъ былъ вырванъ „Вадимъ", при чемъ была прихвачена и часть „Филомелы".

Для нашего изданія мы воспользовались прекраснымъ экземпляромъ, принадлежащимъ Румянцевскому Музею.

Дѣйствующія лица.

Терей, Ѳракійскій царь.
Прогнея, супруга его.
Ѳоисъ, сынъ ихъ.
Филомела, сестра Прогнеи.
Линсей, любовникъ Филомелы.
Калхантъ, жрецъ Ѳракійскій.
Агаметъ, наперсникъ Терея.
Хересъ,

Дѣйствіе во Ѳракіи, въ [illegible] хоромахъ.

Дѣйствіе первое.

Театръ представляетъ галлерею; по сторонамъ входъ въ царскіе чертоги, а внутри храмъ.

Явленіе первое.

Прогнея и Линсей.

Прогнея.

Призрите съ высоты, правители небесъ,
Прогнеи страждущей на токи горькихъ слезъ
И возвратите мнѣ любезнаго супруга,
А съ нимъ сестру мою — нѣжнѣйшаго мнѣ друга.
Увы! свершается плачевный годъ въ тень сей,
Какъ брегъ оставилъ нашъ любезной мой Терей —
Прошелъ сей годъ, а онъ ко мнѣ не возвращался,
И въ мысляхъ лишь моихъ и въ сердцѣ онъ остался,
Въ тотъ день, когда ему въ слезахъ вѣщала я,
Что безъ сестры моей тяжка мнѣ жизнь моя,
Что я несчастлива, не видя Филомелы, —
Чтобъ притупить моей печали остры стрѣлы,
Терей, слова мои въ законъ себѣ вмѣня,
Оставилъ сына, тронъ, оставилъ и меня.
День возвращенія супруга приближался
Его не зрѣла я, мой трепетъ умножался.
Сей день прошелъ... а я должнесь не зрю отрадъ...
И боги бѣдъ моихъ еще не прекратятъ!

Линсей.

Царица, утиши волненье мыслей страстныхъ!
Нетщетны иногда моленія несчастныхъ:
Уже предсталъ Калхантъ въ священный божій храмъ,
И, можетъ быть, въ сіи часы откроетъ намъ,
Во внутренности жертвъ прочтя, судебъ законы.
Ужели къ небесамъ достигли наши стоны?
Въ нетерпѣливости я зрѣть его хощу,
И — ахъ! — минуты сей страшусь и трепещу.
Вина смятенія сего тебѣ извѣстна:
Ты знаешь, сколько мнѣ сестра твоя любезна,
И сколь мнѣ горестно, что, въ ней лишась всего,
Въ очахъ ея не зрю я счастья моего.
Кляну тотъ день — вину плачевныя разлуки,
Въ которой скиптромъ рокъ обременилъ мнѣ руки,
Тобою, наконецъ, я бывъ увѣдомленъ,
Что зрѣть могу здѣсь ту, которою плѣненъ —
Изъ града своего въ сей градъ я удалился
И зрѣть сестру твою мечтой пріятной льстился;
Но боги, разлуча невинныя сердца,
Еще не дѣлаютъ напастямъ ихъ конца.
Надежда есть, но — ахъ! — когда она напрасна...
О небо, для меня и мысль сія ужасна!

Прогнея.

Мнѣ сердце скорбное тоска свирѣпа рветъ
И мѣста въ сердцѣ семъ надеждѣ не даетъ...
Мнѣ представляется ревуща моря бездна...
Супругъ возлюбленной! сестра моя любезна!...
Въ какой погибели я зрю разимыхъ васъ!
Терея и тебя средь волнъ я вижу мертву...
Принесшихъ жизнь свою Прогнеѣ бѣдной въ жертву...
Вы тонете... Я васъ въ сію напасть ввела!
Вы въ адъ снисходите, чиня мнѣ бѣдной пени.
Остановитеся, драгія сердцу тѣни!
Безъ васъ противнымъ чтя любезной прежде градъ,
За вами я спѣшу во мрачный спити адъ...

Безъ васъ я болѣе утѣхъ не обрѣтаю...
Я тартаромъ безъ васъ вселенну почитаю!

Линсей.

Скрѣпи себя въ своей тоскѣ, колико льзя,
И плачемъ не смущай меня, мой духъ разя...
Твой видъ блѣднѣющій, твой стонъ унылой, слезной
Твердитъ, что разлученъ съ моею я любезной...
Твой стонъ... ахъ! мнѣ твердитъ... блѣднѣе солнца свѣтъ...
Что той, кого люблю, со мной несчастнымъ нѣтъ.
Грудь томную тоска свирѣпая терзаетъ...
Но — небо! — се Калхантъ дверь храма отверзаетъ!..
Покрытъ печалію его смущенной зракъ...
Онъ блѣденъ!

Прогнея.

Въ ужасѣ!...

Линсей.

Плачевный бѣдствій знакъ!...

Явленіе второе.

Видны отворяющіяся двери храма; Калхантъ выходитъ изъ оныхъ въ ужасѣ съ распростертыми руками.

Прогнея, Линсей и Калхантъ.

Калхантъ (внутри театра).

Ужасно знаменье грядущія напасти!...
Несчастная страна! готовься къ лютой части.
Ударить громъ готовъ... спасенья нѣтъ для насъ!...

Прогнея.

Смущаетъ кровь мою его дрожащій гласъ.
Страшуся приступить узнать боговъ рѣшенье!
Пойдемъ! Какое здесь я чувствую мученье!

Скрѣпись, мой духъ... (Калханту.) О, другъ владѣтелей небесъ!
Скажи, не тщетно ль я лила потоки слезъ?
Яви въ себѣ, яви боговъ достойна друга:
Повѣдай мнѣ судьбу несчастнаго супруга;
Скажи... мятешься ты! ты стонешь... ахъ!— молчи
И грома на меня безсмертныхъ не мечи:
Отсрочь удара мнѣ ужасную минуту. .
Но для чего скрывать мою судьбину люту?...
Твое молчаніе... льетъ въ жилы смертный хладъ;
Увы! бѣды мои мнѣ твой вѣщаетъ взглядъ.
Рази меня, рази... но пощади Терея...
А если онъ счастливъ— счастлива и Прогнея.
Она во гренетѣ твоихъ реченій ждетъ.
Скажи: чего должна я ждать?

Калхантъ..

Ужасныхъ бѣдъ.

Линсей.

О небо!

Прогнея.

Боги! чѣмъ виновна я предъ вами?

Калхантъ.

Быть праведенъ никто не можетъ предъ богами.

Прогнея.

О сердце! такъ меня не обмануло ты,
Все зря въ мысли мнѣ ужасныя мечты!

Линсей.

Какимъ ударомъ къ намъ судьбина возгремѣла?
Что сталося съ тобой, драгая Филомела?

Калхантъ.

Внимай открытую судьбою намъ напасть:
Когда предстать во храмъ я предъ богами пасть,

Тогда, сраженну мной, трепещущу, полмертву,
Невинную заклать предъ алтарями жертву
И кровію ея я жертвенникъ кропить;
Багровый паръ съ него до облакъ восхотить;
Затмивъ небесный свѣтъ, онъ въ тучи претворился;
Казалось, новый адъ среди сихъ тучъ родился:
Дыханья бурныя, ужасныхъ громовъ трескъ,
Ревъ вихрей пламенныхъ и молній страшный блескъ
Предвозвѣстили мнѣ минуты приближенье,
Когда всевышними явится ихъ рѣшенье.
Настать тотъ мигъ. Сквозь тучъ кровавыхъ страшной глась
Всѣ громы заглушилъ и зданіе потрясъ,
Вѣщая тако мнѣ: „зри слѣдство лютой страсти,
„Влекущей за собой мученья и напасти;
„Въ сей день во градѣ семъ свирѣпство и любовь,
„Съ отмщеньемъ съединясь, прольютъ рѣками кровь."
Тогда изъ тучи сей, перунами гремящей,
Летитъ ужасный Врань за Горлицей стенящей;
Какъ туча мрачная, онъ воздухъ всколебалъ
И тѣнью крылъ своихъ поль-храма покрывалъ.
Всѣ силы устремя, за Горлицею гнался;
Подобно камени, надъ нею низпускался;
Уже когтей его жестоки острея
Касалися груди трепещущей ея,
Когда, подобно двумъ стѣламъ молніеноснымъ,
Сразили грудь его ударомъ смертоноснымъ
Со Голубицею соединясь Орелъ.
Тогда свирѣпой Врань всей злобой воскипѣлъ
Трикраты въ воздухѣ полмертвый возвышался,
Трикраты съ смертію отчаянный сражался;
Но, громомъ пораженъ, въ разверзтой адъ низпалъ,
И Горлицу съ собой онъ мертву повергалъ...
Со Голубицею Орелъ за тучи скрылся —
Вторично грома звукъ по зданію разлился,
И въ сердцѣ страждущемъ претщувства страшной глась
Предвозвѣстилъ бѣдамъ грядущимъ скорый часъ.

Прогнея.

Тиранъ! защитники! невинность угнетенна!
Предметомъ всякимъ я разима, удивленна,
Проникнуть въ таинство видѣнія слаба...
Открой мою напасть, жестокая судьба!
Въ комъ узрю жертву я? въ комъ узрю я тирана?
Я ль, въ видѣ Горлицы паду въ сей день попранна?
Ахъ, еслибъ знала то, не стала бъ я страдать!
Но если я должна супруга потерять?..
Напасти лютой толь едино воображенье
Останавляетъ все въ крови моей движенье.

Линсей.

Когда свирѣпый рокъ Линсея тѣмъ сразитъ,
Чѣмъ сердце бѣдному въ предчувствіѣ мнѣ грозитъ,
Такъ мнѣ судьбина смерть въ сей день опредѣляетъ:
Предчувство въ Горлицѣ любезну мнѣ являетъ.
Я зрю въ гонителѣ... кого я, небо, зрю?
Что, въ заблужденіи, несчастной, говорю?
Терей гонитель... нѣтъ — сей мысли ужасаюсь!
Но мыслить я сіе невольно принуждаюсь...
Любовь моя..... но что за трубный слышенъ гласъ?

Прогнея.

Я Агамета зрю! Благополучный часъ!
Супруга возвратя, прерви мой стонъ ты слезной!

Линсей.

Соедини меня съ моею ты любезной!

Явленіе третье.

Агаметъ и прежніе.

Агаметъ.

Царица, путь скончавъ, идетъ сюда Терей.

Прогнея.

Дай силъ мнѣ небо снесть восторгъ души моей!

Явленіе четвертое.

Прогнея, Терей, Линсей, Калхантъ и Агаметъ.

Прогнея.

Тебя ль, Терей, тебя ль я вижу предъ собою?

Терей.

Меня, гонимаго жестокою судьбою.

Прогнея.

Какая скорбь тебя въ сіи минуты рветъ?
О небо! что я зрю? сестры съ тобою нѣтъ!

Линсей.

Здѣсь Филомелы нѣтъ! Судьба ожесточена!
Пришла ужасныхъ бѣдъ минута предречена!

Прогнея.

Такъ нѣтъ еще моимъ страданіямъ конца!
Кого должна винить — Терея иль отца?
Почто сокрылъ мою ты грусть отъ Пандіона:
Онъ дщери своея не пренебрегъ бы стона...
Супругъ возлюбленной, прости моимъ слезамъ:
Сколь мнѣ сестра мила, ты это знаешь самъ.
Скажи хотя, въ какой она осталась долѣ?

Терей.

Царица, нѣтъ ея уже на свѣтѣ болѣ!

Прогнея.

На свѣтѣ нѣтъ ея... о рокъ, что слышу я!

Линсей.

На свѣтѣ нѣтъ ея... свершилась часть моя!
Такъ съ нею разлученъ судьбою я неложно?
Я съ нею разлученъ... нѣтъ, быть сему не можно!
Мнѣ сердце говоритъ: еще она жива.

Терей.

А еслибы сбылись, Линсей, твои слова!
(Особо. О небо, чѣмъ начну свое я оправданье!
Вы видите души Тереевой страданье...
Вотъ слѣдство страшныхъ бѣдъ, въ которыхъ лютой рокъ
Явилъ, колико онъ къ несчастнымъ намъ жестокъ!
Когда бъ, въ Аѳины я отбывъ, разставшись съ вами,
Предвидѣлъ все, что мнѣ назначено судьбами,
Не удалялся бы изъ Ѳракіи вовѣкъ.
Но сколь предчувствами обмануть человѣкъ!
Я чаялъ прекратить твой стонъ, твои печали;
Казалось, небеса мнѣ помощь въ томъ давали.
Я предъ отцомъ твоимъ въ тоскѣ твоей предсталъ,
И именемъ твоимъ его я умолялъ.
Согласенъ, наконецъ, былъ старецъ сей смягченный
Съ своею дщерью быть на время разлученный.
Дрожащею рукой онъ велъ ее къ водамъ
На смерть, которую ей рокъ готовилъ тамъ.
Мы на корабль вошли, надежды лестной полны.
Намъ льстили тишиной обманчивыя волны.
Борею быстрому спѣшили мы во слѣдъ,
И сердце къ вамъ мое летѣло напередъ;
Ужъ мы ко Ѳракіи въ восторгѣ приближались;
Вершины горъ вдали предъ нами показались;

Мы мнили землю зрѣть, но солнца тусклый лучь
Въ семъ видѣ намъ явилъ собранье бурныхъ тучъ;
Въ минуту собрались изъ нихъ надъ нами своды;
Ударилъ ярый громъ — восколебались воды;
Сокрылись небеса, и въ тотъ ужасной часъ
Свѣтъ дневной исчезалъ изъ нашихъ робкихъ глазъ.
Валы бунтующи до облакъ воздымались,
Свивались съ тучами и въ бездны низвергались.
Смятенію сему сестра твоя внемля
Во ужасѣ на верхъ восходитъ корабля,
Подъемлетъ къ небу взоръ, премѣны въ бѣдствахъ
проситъ...
Вдругъ валъ порывистый до облакъ насъ возноситъ,
Отколь — ужасный часъ! жестокій гнѣвъ небесъ! —
Вихрь мрачный бѣдную къ дну пропастей понесъ.
Глась Филомелы мнѣ обмершу грудь пронзаетъ:
Онъ слышенъ, а она во мракѣ исчезаетъ.
Валы, соединясь, покрылись сѣдиной —
И болѣ ничего не видно стало мной.
Я жадный взоръ металъ, стенялъ, но все напрасно!

Прогнея.

Сбылось видѣніе толико мнѣ ужасно:
Рокъ жертву поразилъ, и стоны жертвы сей
Мнѣ разрываютъ грудь и духъ стѣсняютъ въ ней.
Сестра любезная! Немилосерды боги!
Гдѣ вашей истины святой законы строги?
Гдѣ къ человѣчеству, къ несчастнымъ гдѣ любовь,
Когда вы алчете пролить невинныхъ кровь?
На то ли алтари вамъ въ свѣтѣ соружались,
Чтобъ стоны вашихъ жертвъ при оныхъ раздавались?
Чтобъ ихъ лилася кровь кипящею рѣкой?
Или владѣетъ всѣмъ единый рокъ слѣпой?
Иль существуете единой вы мечтою?
Нечтимо [illegible]ліе безплодно ваше мною.
Боговъ есть долгъ спасать несчастливыхъ отъ бѣдъ,
А нашъ [illegible]расенъ вопль — такъ васъ на свѣтѣ нѣтъ!

Калхантъ.

Брегись хуленія, брегись сихъ словъ ужасныхъ!
Царица, боги есть — и внемлютъ стонъ несчастныхъ.
Не огорчай своимъ отчаяньемъ небесъ;
Пролей источники передъ богами слезъ:
Спасеніе твой сестры въ святой ихъ волѣ.

Прогнея.

Пойдемъ предъ ними пасть.

Линсей.

Нѣтъ — я предпринялъ болѣ:
Пускай къ небесамъ стенанія одни,
Не въ праздности хочу свои влачить я дни;
Но въ участи моей, и бѣдственной и слезной,
Иду изъ бездны водъ извлечь мнѣ видъ любезной,
Надъ нимъ потоки слезъ, всю кровь мою пролить,
И, если льзя, моимъ стенаньемъ оживить.

Терей.

Опомнися, Линсей, что сдѣлать предпріемлешь!

Линсей.

Что мнѣ внушаетъ страсть.

Терей.

Ты должности не внемлешь.
Помысли: чѣмъ своей обязанъ ты странѣ.

Линсей.

Коль Филомелы нѣтъ, ничто ненужно мнѣ.
Но — ахъ! — не то гласитъ предчувство мнѣ сердечно:
Она жива, и я сыщу ее, конечно.
Моря, пустыни, весь пройду пространной свѣтъ —
И сердце до нея Линсея доведетъ.
Лишь сердцу одному толь важный путь вѣряю,
И гнѣвно одного шага не потеряю.

А если... вобразя сіе, я трепещу...
А если на земли ея я не сыщу?
Нося мученія смертельну въ сердцѣ стрѣлу
Я въ самый синду адъ искати Филомелу.

Явленіе пятое.

Терей и Агаметъ.

Терей.

Нечезни, нѣжныя природы въ сердцѣ глась!
Уже ли Агаметъ исполниль мой приказъ?

Агаметъ.

Близъ града, въ зданіяхъ, разрушенныхъ на части,
Сокрылъ я добычу твоей несчастной страсти —
И Филомела тамъ потоки слезны льетъ.
Но, государь, внемли наперсника совѣтъ:
Воспомни честь, законъ — тронись царицы стономъ.

Терей.

Не внемлю стонамъ я и чту любовь закономъ.

Агаметъ.

Забудь любви своей насчастливой предметъ,
Забудь княжну...

Терей.

Чего ты хочешь, Агаметъ?

Агаметъ.

Того, что честь тебѣ и долгъ повелѣваетъ.
Или опасности Терей не понимаетъ,
Въ которую его влечетъ жестока страсть?
Страшись: ужъ надъ тобой гремитъ небесна власть,
Ты въ тайнѣ сохранить свои пороки мыслишь;
Скажи мнѣ, въ чемъ сію надежду ложну числишь?
А если таинство сіе узнаетъ свѣтъ —

Какой ему тогда, какой ты дашь отвѣтъ?
Оракіянъ знаешь ты, и самъ тому свидѣтель,
Колико имъ всегда священна добродѣтель:
Такъ могутъ ли они въ царѣ тирана зрѣть,
И варварствы его безъ ропота терпѣть?
Народъ, жена, отецъ, любовникъ, разъяренны,
Всѣ грянутъ на тебя, отмщеньемъ съединенны,
И вырвутъ съ скипетромъ княжну изъ слабыхъ рукъ.

Терей.

Престань — и — ахъ! — не множь моихъ жестокихъ мукъ!
Я самъ предвижу всѣ тобой реченны бѣдства;
Предвижу пагубной любви ужасны слѣдства;
Я знаю, что иду противу естества;
Блистаетъ надо мной мечъ гнѣвна божества
Грызенье совѣсти... уже я унываю...
Нѣтъ, я люблю... и все другое забываю,
Страстей и разума во бѣдственной борьбѣ,
Лишь Филомелу въ мысль представлю я себѣ,
Черты ея меня любовью вновь пронзаютъ.
Исчезнутъ ужасы — и бѣдствы исчезаютъ.
Нѣтъ страховъ, гдѣ любовь одна горитъ въ крови.

Агаметъ.

Но чѣмъ ты можешь льстить себя въ своей любви.
Когда княжна ее съ презрѣньемъ отвергаетъ?

Терей.

Любовь препятствами живетъ и возрастаетъ.
Я гордую сію тиранку покорю,
Упрямство ласкою иль гнѣвомъ усмирю,
Потомъ безъ ужаса готовъ вкусить напасти:
Я всѣмъ пожертвую своей жестокой страсти.

Агаметъ.

Ты любишь, а ея тебѣ не жалокъ стонъ!

Тобой безъ ужаса сразится Пандіонъ,
И ты безъ жалости взираешь на Прогнею!

Терей.

Ахъ, нѣтъ, мой другъ, она еще мила Терею
Я вижу тѣ же въ ней красы, что прежде зрѣлъ;
И еслибъ страстью я порочной не горѣлъ,
Я бъ, можетъ быть, еще плѣнялся ею болѣ.

Но я... я самъ въ своей уже невластенъ волѣ.
Она пошла боговъ во храмѣ призывать.
Мой другъ, иди и тщись во градѣ наблюдать,
Не открывается ль поступокъ мой народу —
И предваряй молвы ужасны непогоду.

Агаметъ.

Смятеніе сіе весь духъ во мнѣ дивитъ:
Кто таинство сіе дерзнетъ открыть?

Терей.

Мой видъ:
Злодѣйствамъ чья душа и сердце чье причастно,
Въ глазахъ и на лицѣ начертано то ясно.
Порокомъ омраченъ и бѣдственно любя,
Когда возмню взять видъ спокойный на себя,
Притворствомъ замѣнять природы не умѣя,
Мой омраченный взоръ явитъ во мнѣ злодѣя.

Конецъ перваго дѣйствія.

Дѣйствіе второе.

Явленіе первое.

Филомела и Линсей.

Филомела.

Уже ли всѣ прошли опасности?... Линсей,
Скажи: увижусь ли съ сестрою я моей?
Скончай, скончай мое съ Прогнеей разлученье:
Въ ея объятіяхъ пройдетъ мое мученье.

Линсей.

Престани трепетать, любезная княжна:
Ты болѣ ничего страшиться не должна.
Отверни кровь твою волнующи боязни:
Злодѣи дерзкіе вкусили люгость казни,
Стремяся сокрывать тебя отъ глазъ моихъ.
Со низостью ихъ душъ сравнилась робость ихъ —
И домъ, назначенный тебѣ отъ нихъ темницей,
Свирѣпымъ стражамъ симъ стать мрачною гробницей.
Но что вѣщаетъ твой тоской смущенный видъ?
Иль новый жребій твой тебя не веселитъ?
Оставь унынie, прерви свой стонъ всечастной,
И радость не мѣшай мою съ тоской ужасной!
Ты плачешь... ахъ, открой вину стенаній сихъ!
Иль буду я одинъ свидѣтель слезъ твоихъ?
Хранишь молчанье ты... слова мои напрасны.

Филомела.

Позволь сокрыти мнѣ бѣды свои ужасны.
Вѣщая ихъ, тебѣ я сердце поражу;
Что я несчастлива, одно лишь то скажу.
Въ слезахъ моихъ, Линсей, ты это видишь ясно;
Но таинство познать стремишься ты напрасно:
Оно, не истребя въ тебѣ тоски твоей,
Во грудь твою вползетъ грызущею змѣей.
Почто жъ нарушить тѣмъ покой ты свой желаешь?

Линсей.

Напрасно ты меня спокойнымъ почитаешь...
Не зная мукъ твоихъ, я въ сердцѣ ихъ терплю...
Довольно знать мнѣ то, что я тебя люблю,
Чтобы восчувствовать въ груди мученья люты,
Которыя тебя терзать въ сіи минуты.
Сокрывъ вину тоски и горести своей,
Не мни, чтобъ отъ того счастливѣй былъ Линсей.
Ты рвешься грустію... ты стонешь... ты несчастна...
И мнѣ судьба моя противна и ужасна...
Ахъ, ты ли предо мной, страдая и стеня,
Скрываешь таинство ужасно отъ меня!
Воспомни тѣ часы, драгая Филомела,
Когда передо мной ты таинствъ не имѣла.
Скажи, чтобы прервать толь лютую тоску, —
На всѣ погибели я въ свѣтѣ потеку!..

Филомела.

Такъ ты желаешь знать вину печали сей?
Познаешь... но страшись, познавъ ее, Линсей:
Желаньемъ симъ себѣ ты горести наносишь,
И ядовитыхъ стрѣлъ во грудь свою ты просишь...
Познай... Но гдѣ сестра несчастная моя?
Вину тоски тебѣ предъ ней открою я.
Въ семъ бѣдствіи, на насъ посланномъ небесами,
Она несчастна такъ, какъ мы несчастны сами.
Едины горести, одинъ мученій ядъ
Для нашихъ страждущихъ сердецъ готовилъ адъ!

Явленіе второе.

Филомела, Линсей и Прогнея.

Прогнея.

Нѣтъ... безъ сестры себя... и свѣтъ я ненавижу...
Но — рокъ! — не тѣнь ли я княжны сей бѣдной
вижу?

Филомела.

Прогнея, предъ тобой сама сестра твоя...
Въ объятьяхъ нѣжныхъ сихъ познай, познай ея!

Прогнея.

Не сонъ ли чувствія смятенны обольщаетъ
И въ привидѣніи тебя мнѣ возвращаетъ?
Или дошли мои моленья къ небесамъ?..
Могу ль повѣрить я и сердцу и глазамъ?
Сестра любезная... драгое возвращенье!
Себя теряю я въ пріятномъ восхищеньѣ...
Не вѣрю чувствамъ я... Ахъ, если это сонъ,
Дай небо, чтобъ вовѣкъ не нарушался онъ...

Филомела.

Спокойся... и готовь свой духъ къ напастямъ но-
вымъ!

Прогнея.

Какимъ вѣщаніемъ меня разишь суровымъ?
Ахъ, сердцу моему опасностей ужь нѣтъ!
Тебя теряючи, теряла я весь свѣтъ...
Но боги... прекратя свирѣпыхъ волнъ стремленье...

Филомела.

Оставь, несчастная, свое ты заблужденье!..
Прогнея... ахъ, скрѣпи свою смятенну грудь,
Скрѣпи... и перенесть ударь готова будь!..
Я вижу, что меня здѣсь мертвой почитали –
И баснь сію уста Тереевы сплетали...

Но знай, что варваръ сей, презря закона гласъ,
Во мглу безчестія хотѣлъ низвергнуть насъ.
Мы имъ обмануты... Ты плачешь... Ахъ, Прогнея!
Сестру несчастну зрѣть желаніе имѣя,
Ты мнила ль тѣмъ сгубить покой цвѣтущихъ дней—
И мыслила ль найти совмѣстницу ты въ ней?..

Прогнея.

Немилосердый рокъ!... Супругъ неблагодарной..
Такъ я оставлена тобой, Терей коварной!
И клятвы всѣ его...

Филомела.

Единый лишь обманъ...
Измѣнникъ онъ тебѣ, сестры твоей тиранъ.

Линсей.

Открылось все...

Прогнея.

О верхъ лютѣйшаго мученья!
Но ѣ стонахъ ли искать должна я облегченья?
Оставь, унынie, мою смятенну грудь!
Откроемъ лютому тирану въ тартарѣ путь!
Наполни, адъ, меня ты злостію своею:
Любить умѣла я... явимъ, что мстить умѣю.
Рази меня, сестра, ударомъ страшнымъ вновь;
Рази... вѣщай его порочную любовь.
Вѣщай, какъ образъ мой изъ сердца исторгая,
Какъ въ бездну онъ себя пороковъ низвергая,
Дерзнулъ нарушить все: любовь, законы, честь!
Умножь отчаянной супруги страшну месть;
Разлей сей мести ядъ въ Прогнеиной утробѣ!
Представь мнѣ варвара во всей его ты злобѣ:
Измѣну лютую подробно опиши,
Представь стремленіе злодѣйскія души;
Поступки, взоры, стонъ, обманы всѣ исчисли;
Открой, коль можешь ты, его ужасны мысли;
Открой — и гренеци сего плачевныхъ слѣдствъ!.

Разсыплю надъ его главой я тучи бѣдствъ.
Прибѣгну я къ жрецамъ, къ вельможамъ, ко народу;
Воздвигну на него и тартарь и природу;
До самой низости въ свирѣпствѣ я дойду —
И мщеніемъ его злодѣйство превзойду.

Филомела.

Воспомни время то, желанное тобою,
Когда прибылъ отсель въ Аѳины онъ за мною...
Лишь я съ отцомъ моимъ предстала предъ него,
Свирѣпымъ пламенемъ вспылала грудь его.
Смущенъ, отороплень, открыть себя не смѣя,
Спѣшилъ разлукой онъ моей съ отцомъ скорѣе.
Меня онъ именемъ твоимъ просилъ, стеня,
Чтобъ, съ просьбами его свои соединя,
Просила у отца къ пути я позволенье.
Могла ль отвергнуть я сестры своей прошенье?
И, наконецъ, насталъ сей преужасный часъ,
Которой разлучилъ со Пандіономъ насъ.
Измѣнника словамъ отецъ несчастный внемля,
Насъ велъ на корабли — и, варвара объемля,
Сказалъ: „тебѣ, мой другъ, ее вручаю я.
Ты видишь, сколько мнѣ любезна дочь моя —
Ахъ, возврати ее ты взорамъ Пандіона,
И дай, чтобъ я, сходя во гробъ со пышна трона,
Насытиться ея присутствіемъ возмогъ,
Послѣдній испустя въ ея объятьи вздохъ!“
Я, землю и отца въ глазахъ теряя вскорѣ,
Со всѣхъ узрѣла странъ сомкнуто съ небомъ море —
И похититель мой, поступки премѣня,
Съ смущенной радостью безсильну зрѣлъ меня.
Онъ взоромъ на меня свирѣпымъ устремлялся
И мысленно своей добычей наслаждался.
„Я побѣдилъ“ сказалъ онъ гордо, наконецъ —
„И нашихъ ужъ ничто не разлучитъ сердецъ.“
Такою рѣчію, какъ громомъ, пораженна,
Желала я, чтобы погибла вся вселенна,

И помощи себѣ просила у небесъ,
Лія источники въ своей напасти слезъ.
Но небо дало намъ свершить сей путь ужасный.
Тогда же съ кораблей повлекъ сей варваръ страстный
Меня, трепещущу, въ ужасный, мрачный лѣсъ,
Сквозь коего верхи невидимъ свѣтъ небесъ.
Во мракѣ тамъ была воздвигнута темница:
Къ жилищу мнѣ сія назначена гробница,
Гдѣ, сжалясь небеса на стонъ плачевный мой,
Свободу дали мнѣ Линсеевой рукой... —
Затѣмъ, чтобы страдать съ тобою въ лютой долѣ.

Прогнея.

Довольно, ничего мнѣ знать ненужно болѣ:
Съ порочныхъ дѣлъ его личина сорвана;
Мученье, казни имъ — достойная цѣна...
Но, небо! что я зрю... Терей сюда вступаетъ...
И видъ его еще несчастную пылаетъ...
Могу ли я забыть, что сей противный взглядъ
Мнѣ въ сердце прежде лилъ любви пріятной ядъ?
Его душа... она пылѣнна ужъ иною...
О злоба, обладай во всемъ свирѣпствѣ мною!

Явленіе третье.

Терей, Прогнея, Филомела и Линсей.

Терей.

Спокой свой томный духъ, Прогнея, и скрѣпись...
Что вижу, небо, я!..

Прогнея.

Тиранъ, остановись —
И, мнѣ желая дать въ напасти утѣшенье,
Не умножай мое любѣйшее мученье!
Не утѣшеніе мнѣ нужно отъ тебя —
Въ злодѣйствахъ оправдай гнуснѣйшихъ ты себя!

Познай, злодѣй, что все открыто предо мною;
Увидь сестру мою, гонимую тобою,
Которой вспламенясь порочно, ты на-вѣкъ
Жилищемъ мрачную темницу ей нарекъ,
Чтобъ ею жертвовать своей тиранской страсти.
Се жертва, изъ твоей исторгнутая власти!
При ней самой, при ней себя ты оправдай...
И въ ярости моей отмщенья ожидай...

Терей.

Прогнея... небеса!.. какое оправданье
Терея уменьшить возможетъ злодѣянье!

Прогнея.

Ты не отвѣтствуешь, но твой смятенный видъ...

Терей.

Твое сомнѣніе весь духъ во мнѣ мутитъ.
Иль, тщетной робости свой сестры ты внемля,
И страстію мое намѣренье пріемля...
Чтобъ сильной радостью сердецъ не всколебать...

Филомела.

Напрасно, варваръ, ты стараешься скрывать
Огнь, злыми фурьями въ груди твоей рожденный,
Движеньемъ коего твой духъ ожесточенный
Жилищемъ мнѣ нарекъ обители звѣрей!

Терей.

О небо, я открытъ! Вотъ плодъ любви моей!

Прогнея.

Храни молчаніе, жестокой мой мучитель!
Твое молчаніе есть твой изобличитель.
Порочной страстію свой духъ воспламеня,
Не тщися увѣрять ты болѣе меня:
Тебѣ не внемлю я... Безсильному тирану
Прилично прибѣгать къ пронырствамъ и обману.

Терей.

Когда передъ тобой открыта страсть моя,
Скрываться не хочу въ сей страсти болѣ я.
Познай въ моей груди горящій огнь суровый;
Познай, что я ношу позорныя оковы,
Оковы лютыя, которыхъ тяготу
Мученьемъ сердцу я и сладостію чту.
Что въ нихъ пороченъ я, я все то ясно вижу,
Любя сестру твою, себя я ненавижу.
Кляни любовь мою, Прогнея, ты кляни:
Судьбу, боговъ, меня, что хочешь, ты вини;
Терзай меня и рви мое ты сердце злобно —
Мнѣ страсти премѣнить жестокой неудобно.
Отмсти, несчастная, Терею ты, отмсти —
Но сердца премѣнить его себя не льсти,
Карай меня и будь моихъ ты мукъ свидѣтель!
Я все презрѣлъ: законъ, тебя и добродѣтель —
Тебя, котора мнѣ милѣй души была,
Которая еще и нынѣ мнѣ мила...
Нѣтъ, нѣтъ, я льщу тебѣ, несчастная супруга!
Люблю тебя, люблю; но, ахъ, люблю какъ друга!
Все для тебя — вѣнецъ и жизнь пренебрегу,
Но сердца возвратить тебѣ я не могу.

Прогнея.

Какимъ ударомъ грудь, жестокій, мнѣ пронзаешь!
Не можешь!.. и сказать ты это мнѣ дерзаешь!
Или меня, Терей, своей рабою чтишь?
Но скоро мысль сію, невѣрный, премѣнишь
И узришь, что, съ тобой возсѣвши на престолѣ,
Не съ тѣмъ возсѣла я, чтобъ быть въ твоей неволѣ.
И если презрѣна тобой твоя жена,
Такъ можетъ и тебя равно презрѣть она.
Но не презрѣніемъ тебѣ отмщать я стану;
Собраніемъ надъ тобой я бѣдствъ ужасныхъ гряну.
Не льстись, тиранъ, узрѣть еще сестру мою:
Ее супругою Линсею отдаю.

А ты, отъ глазъ ея навѣки удаленный,
Супругой и своей любовницей презрѣнный,
Въ тоскѣ, въ отчаяньи, кляни меня, весь свѣтъ,
Страдай, стени, томись и жди ужасныхъ бѣдъ!

— —

Явленіе четвертое.

Терей и Линсей.

Терей.

Прогнея... ахъ, постой... жестокая Прогнея!
Ты съ Филомелой жизнь отъемлешь у Терея,
Вселяя въ сердце мнѣ соборъ люгѣйшихъ мукъ;
Но нѣтъ, я изъ твоихъ ее исторгну рукъ.
Пойдемъ; влеки меня, мой духъ преогорченный,
Влеки во слѣдъ...

Линсей.

Постой, тиранъ ожесточенный,
Постой, не льстись свое свирѣпство совершить;
Ты должень наперед Линсея умертвить,
Иль положить своей жестокости предѣлы.
Познай любовника гонимой Филомелы!
Мое отмщеніе...

Терей.

Оно неважно мнѣ.
Терей, а не Линсей монархомъ сей странѣ.

Линсей.

Кто злодѣяніемъ корону помрачаетъ,
Въ число монарховъ тотъ вотще себя включаетъ;
Всѣ титлы — вымыслы, лишь истина свята.
Монархъ такой, какъ ты, есть трона тягота.
Взгляни, коликихъ бѣдъ ты нынѣ сталъ содѣтель:
Суди свои дѣла и будь имъ самъ свидѣтель:
Достойны ли они владѣтеля вѣнца?
Ты, дочь невинную похитя отъ отца,

Хотѣлъ навѣкъ ее съ нимъ разлучить обманомъ —
И сдѣлался ея мучителемъ, тираномъ.
Ты, страстью къ сей княжнѣ позорною горя,
Забылъ, что клялся ты у вышнихъ алтаря
Прогнеѣ вѣрнымъ быть, ее любить навѣки.

Терей.

Оставь, надменный врагъ, толь гордые упреки
И сердца моего не тщись ожесточить;
Не льстись супругою княжну ты получить;
Со Филомелою не льстись соединиться:
Съ богами за нее Терей дерзнетъ сразиться.
Не дамъ совмѣстнику гордиться надъ собой —
И если злобною назначено судьбой,
Чтобъ Филомелою не могъ владѣть я вѣчно,
Такъ и своей ея не узришь ты, конечно.
И если мнѣ пути надеждой льститься нѣтъ,
Сражу любезный видъ во дни цвѣтущихъ лѣтъ.
Коль должно будетъ мнѣ, отъ страсти духъ избавлю;
Но мщенья лютый ядъ навѣкъ въ груди оставлю.
Губи надежды тѣнь, стени, какъ я стеню;
Я скоро въ гробѣ съ ней тебя соединю,
Увидь изъ глазъ моихъ грядущу злу минуту —
И не на бракъ во храмъ, на смерть готовься люту!

Линсей.

Свирѣпство въ грудь свою и злобу вкореня,
Похить княжну, тиранъ, съ душою у меня:
Твоей любви сія полезна будетъ жертва.
Умри или меня въ сей часъ повергни мертва!

Терей.

Довольно ль, небеса, я наглостей терпѣлъ?
Умри, когда того, несчастный, ты хотѣлъ!
(Терей и Линсей [illegible] мечи и бросаются другъ на друга, тогда входитъ Калхантъ.)

Явленіе пятое.

Терей, Линсей и Калхантъ.

Калхантъ.

Постойте, слабые рабы свирѣпой злобы!
Кого стремитесь вы ввергать во мрачны гробы?
Забылись, что, принявъ названіе царей,
Вы жизнью жертвовать клялись у алтарей
Отмщенію боговъ и счастію народа?
Скажите, кѣмъ дана къ свирѣпству вамъ свобода?

Терей.

Но рабствомъ никому, Калхантъ, не долженъ я.

Линсей.

Твои свирѣпости. . .

Калхантъ (къ Линсею).

Оставь ты съ нимъ меня.

Линсей.

Покорен волѣ я священническа сана.
Но, приведенъ на гибѣль злодѣйствами тирана,
Не мни, чтобъ мщеніемъ умѣлилъ я моимъ;
Иль онъ погибнетъ мной, иль я погибну имъ.

Терей.

Льзя ль гордость мнѣ сію терпѣть безъ униженья?

— —

Явленіе шестое.

Калхантъ и Терей.

Калхантъ.

Постой. . . ты гордости готовишь пораженья;
Но можешь ли, скажи, стремясь карать другихъ,
Себя невинными счесть въ поступкахъ ты своихъ?

Отвѣтствуй предо мной, предъ совѣстью своею:
Порочный можетъ ли другимъ быть судіею?

Терей.

Что хочешь ты сказать значеньемъ дерзкихъ словъ?

Калхантъ.

Что ты злодѣйствами воздвигнулъ гнѣвъ боговъ;
Что въ ужасѣ они твоимъ порокамъ внемлютъ
И стрѣлы пламенны карать тебя пріемлютъ.

Терей.

Я зрю, что весь тебѣ поступокъ мой открытъ.
Но чѣмъ себя Калхантъ въ своихъ успѣхахъ льститъ?
Я имя на себя злодѣя возлагаю;
А, ставъ злодѣемъ, я весь свѣтъ пренебрегаю.
Иль лютостью боговъ меня стращить ты мнишь?
Но душу ты мою еще не прямо зришь:
Себѣ мученье я во всѣхъ предметахъ вижу —
И въ томъ, что я люблю, и въ томъ, что ненавижу.
Довольно совѣсти имѣть хоть слабый гласъ,
Чтобъ тартаръ чувствовать мнѣ въ сердцѣ всякой часъ.
Но если ни богамъ, ни совѣсти не внемлю,
Порочныхъ славой цѣлъ стремясь наполнить землю —
Что мыслишь произвесть ты рѣчію своей?
Едину злость въ душѣ встревоженной моей.
Калхантъ, я рабъ страстей, ты — подданный Терея;
Я варваръ, я тиранъ: страшись сего злодѣя;
Не защититъ тебя ни санъ, ни древность лѣтъ!

Калхантъ.

Терей, для твердыхъ душъ на свѣтѣ страха нѣтъ!
Вѣщать мнѣ истину мой санъ повелѣваетъ.
Хоть царь, хоть низкій рабъ законы преступаетъ —
Не долженъ тратить я къ спасенью ихъ часа.
Не я, но мной тебѣ вѣщаютъ небеса:
Будь волѣ ихъ святой, внимая мнѣ, покоренъ!

А если во страстяхъ толико ты упоренъ,
Что истины тебѣ любезный прежде видъ
Твой развращенный духъ и сердце тяготитъ;
Когда слова мои внимаешь ты съ мученьемъ —
Отъ словъ сихъ трепещи и угрожай отмщеньемъ!
Покрывъ вѣнцомъ чело, возсѣлъ ты здѣсь на тронъ —
Хранить, не нарушать божественный законъ.
Когда порфирою, величьемъ ты облекся,
Отечества отцомъ, врагомъ злодѣйствъ нарекся,
И предъ народомъ въ томъ ты въ храмѣ клятву далъ
Я именемъ боговъ ту клятву принималъ;
А нынѣ, страстію порочной омраченный,
Супружества обѣтъ нарушилъ ты священный.
Твой потопленный духъ страстей во глубинѣ,
Забывъ, что долженъ быть примѣромъ сей странѣ,
Отъ добродѣтели взоръ мрачный отвращаетъ;
Онъ подданныхъ сердца собою развращаетъ —
И, должный трепетать передъ твоимъ лицомъ,
Порокъ убѣжище находитъ подъ вѣнцомъ.
Открой закрытыя свои страстями очи:
Надъ тѣломъ распростертъ твоимъ мракъ адской ночи.
Гонима истина, пуская къ небу стонъ,
Оставила тебя, твой дворъ и пышной тронъ.
Зміи шипящія обманомъ гнусной лести
Ползутъ занять мѣста, назначенныя чести —
И, окружа тебя, льютъ въ сердце лести ядъ,
Чтобъ усыпленнаго низвергнуть въ мрачный адъ.
Смерть злая на тебя мечъ лютый изострила,
Разверзтая земля дно гартара открыла —
И мановенія потребно лишь небесъ,
Чтобъ съ шумомъ отъ земли навѣки ты исчезъ
И палъ во адскія пылающія рѣки
Страдать въ отчаяньи неизмѣримы вѣки.
Еще ли медлишь ты раскаянье принесть?
Нскореняй любовь, доколѣ время есть
И не сраженъ доколь ты гнѣвомъ вышнихъ грозно:
Но смерти каяться мучительно и поздно.

Пролей предъ вышними раскаянія стонъ:
Изъ ада до небесъ не достигаетъ онъ.

Терей.

Произнесенное не сердцемъ покаянье
Въ устахъ преступника есть ново злодѣянье.
Мой духъ злодѣйствами отъ неба отдаленъ;
Не волѣ разума, но сердцу покоренъ,
Не смѣетъ изрещи имень всевышнихъ болѣ;
Спасенья я себѣ не вижу ни отколѣ:
Почто мнѣ соплетать предъ алтарями лесть?
И что могу своимъ стенаньемъ произвесть?
Мнѣ сердца премѣнить всевышніе не могутъ.
Нынѣ уже ничѣмъ Терею не помогутъ!..
Къ чему жъ напоминать въ стенаньяхъ имъ монхъ,
Что есть преступникъ злой, противный волѣ ихъ?
Къ тому ль, чтобъ ускорить моею казнью злою?..
Она и безъ того свершится надо мною!
Я слышу въ страждущей груди предчувства гласъ —
И, можетъ быть, живу уже послѣдній часъ.
Но если въ немъ свершу намѣренія люты,
Не пожелаю жить я долѣ ни минуты.
О рокъ, единаго часа себѣ прошу!
Потомъ безъ трепета я казни всѣ вкушу.
Но прежде, нежели низвергнуся въ геенну,
Заставлю трепетать я дѣлъ своихъ вселенну.
Ты смертью мнѣ грозишь; но ты бъ, Калхантъ, узрѣлъ,
Что духъ отчаянный въ единый часъ успѣлъ!

Калхантъ.

Страшись, тиранъ, страшись своей жестокой страсти!
Готовы надъ тобой разсыпаться напасти:
Уже надъ домомъ симъ разверзлись небеса —
Страшись отмщенія свирѣпаго часа.
Разверзлась подъ тобой неизмѣрима бездна,
И стрѣлы въ грудь твою летятъ со круга звѣздна;
Уже вдали отъ нихъ я слышу ярый громъ;

Колеблется съ тобой падущій въ тартарь томъ.
Спасай себя, спасай; мнѣ быть съ тобой ужасно!
(Уходитъ).

Терей.

Влеки во адъ меня стремленіе несчастно:
Отраду буду тамъ хотя я ту имѣть,
Чтобъ къ мучащимъ меня взаимной злобой гнѣть;
А здѣсь... теряю жизнь, когда то воображаю;
А здѣсь я мучимъ той, котору обожаю!

Конецъ второго дѣйствія.

Дѣйствіе третіе.

Явленіе первое.

Терей и Агаметъ.

Терей.

Тиранка чувствъ моихъ, жестокая любовь!
Рвя сердце, возмущай тобой вспаленну кровь;
Наполни грудь мою своимъ свирѣпымъ ядомъ;
Будь фуріей моей и дѣлай свѣтъ мнѣ адомъ!
А ты, для коей я весь свѣтъ пренебрегать,
Жену, законъ, боговъ, себя позабывать,
Страшись отмщенія души жестокосердой,
Въ любови пламенной, въ свирѣпой злобѣ твердой:
Уже не образъ твой — мнѣ твой приятенъ стонъ!
Исторгну изъ тебя твой духъ надменный вонъ.

Агаметъ.

Словами ты меня какъ громомъ поражаешь!
Или любовь. . .

Терей.

Любовь. . . ея въ семъ сердцѣ нѣтъ:
Въ немъ фуріи — не любовь. . . Содрогнись, Агаметъ,
Когда злодѣйства я тебѣ мои открою. . .

Агаметъ.

Злодѣйство, государь? Прилично ли герою? . .

Терей.

Не унижай сего названья мною ты:
Во мнѣ геройства нѣтъ ни гѣни, ни черты.
Гоня невинность, я ея страшуся взгляда:
Я варваръ, я тиранъ, я извергъ мрачна ада.
Пренебрегая все, что здѣсь святого есть —
Долгъ брата, долгъ отца, долгъ мужа, славу, честь —
Презря назначенны родствомъ любви предѣлы,
Я похититель вновь несчастной Филомелы.

Агаметъ.

О небо!

Терей.

Я извлекъ ее изъ здѣшнихъ стѣнъ —
Но не любовію, отмщеньемъ воспаленъ.
Когда вошла во храмъ жестокая Прогнея
Просити, можетъ быть, погибели Терея,
Предъ Филомелу я предсталъ тогда стеня.
Она съ презрѣніемъ взирала на меня:
Я рвался и въ тоскѣ лилъ слезъ горчайшихъ рѣки
Она съ надменіемъ чинила мнѣ упреки.
Тогда отчаянье, свирѣпство, мщенье, гнѣвъ
Во мнѣ вспылали вдругъ — и я, разсвирѣпѣвъ,
Во злобу превратилъ любовь свою несчастну,
И влечь велѣлъ ее въ темницу преужасну...
Въ темницу, гдѣ ее мученіямъ предамъ:
Она ей будетъ адъ; я въ немъ созижду храмъ —
Тамъ буду стонами свирѣпой утѣшаться,
Ея страданьемъ жить, слезами насыщаться.

Агаметъ.

Возможно ли имѣть тирански толь мечты!
Ахъ, нѣтъ, не сдѣлаешь сего злодѣйства ты!
Святая истина...

Терей.

Не говори ни слова —
Терею ничего на свѣтѣ нѣтъ святова.

Любовь, которой умъ преодолѣть не могъ
Вотъ сердца моего единый только богъ!

Агаметъ.

Страшись Линкеева достойнаго отмщенья!
Въ комъ станешь ты себѣ искати защищенья,
Когда мечи его во градѣ загремятъ?

Терей.

Линкей. . . уже готовъ ему смертельный ядъ.
Совмѣстникъ лютый мой съ мученіемъ увянетъ —
И сердца завистью терзать во мнѣ не станетъ.
Уже блеститъ надъ нимъ лучъ пламенной косы:
Сей день влечетъ съ собой послѣдніе часы,
Которые ему на свѣтѣ жить остались.

Агаметъ.

А чувства ярости въ тебѣ не колебались,
Когда убійцею ты самъ себя нарекъ,
Сплетая изъ злодѣйствъ гнуснѣйшихъ низкій вѣкъ?
Не узнаю въ тебѣ я болѣе Терея!

Терей.

Въ Терѣ видишь ты любѣйшаго злодѣя.
Престань надѣяться вліять мнѣ въ душу свѣтъ.
Оставь меня моимъ порокамъ, Агаметъ:
Я ихъ искоренить изъ сердца не могу.
Расторгнемъ дружество: я къ дружбѣ неспособенъ.
Любовь есть спутникъ мой: иду во слѣдъ за ней;
А ежели паду, жалѣй о мнѣ, жалѣй!

Явленіе второе.

Терей, Агаметъ и Прогнея (бѣгаетъ въ отчаяніи).

Прогнея.

Сестра любезная!.. Но тщетно духъ мой рвется:
Какъ въ дебряхъ, голосъ мой безплодно разстается.

Всѣ тигры въ сихъ мѣстахъ — одна страдаю я.
Тиранъ, отвѣтствуй мнѣ: жива ль сестра моя?
Страшись послѣдовать своей злодѣйской страсти
И содержать княжну въ своей ужасной власти;
Страшись упрямствовать ты въ лютости своей:
Я въ жертву все предамъ свирѣпости моей;
Народу варварства я всѣ твои открою,
Слезами алтари я въ жалобахъ омою,
Стенаньемъ возмущу сердца твоихъ рабовъ,
Воздвигну на тебя и гаргарь и боговъ —
И узришь предъ тобой ты гибели повсюду;
Я тысящи смертей тебѣ готовить буду —
И первая пролью твою злодѣйску кровь.

Терей.

На гнѣвъ рожтаіемъ меня ты нудишь вновь.
Твои упреки мнѣ несносны становятся.
Иль мнишь, что я рожденъ угрозъ жены бояться?
И должень ли за все отвѣтствовать я здѣсь?
Уходь твоей сестры смущаетъ духъ мой весь;
И вѣрь, что я тому нимало не виною.

Прогнея.

Не мни притворствовать, тиранъ, передо мною!
Твой взоръ, твои слова, движенья, всѣ черты —
Все кажетъ, что мою сестру похитилъ ты.
Сей гусклой, злобной взглядъ, порокомъ утомленной,
Спирающійся духъ въ груди твоей надменной,
Произносимыя стенанія тобой,
Твое смущеніе и самый трепетъ твой
Довольно кажутъ мнѣ твои злодѣйства мрачны,
И то, что ты презрѣлъ священны узы брачны,
Тѣ узы, кои ты взлагалъ предъ алтаремъ.

Терей.

Не узникомъ на тронъ восшелъ я здѣсь — царемъ.
И если будешь ты чинить упреки новы,

Я въ силахъ разорвать голь тяжкія оковы.
Воспомни то, что я владѣтель здѣшнихъ странъ.

Прогнея.

Я помню то, что ты души моей тиранъ,
Что ты обманщикъ злой, порочной и коварной,
Врагъ добродѣтели, супругъ неблагодарной;
Я помню то, что я тобою презрѣна,
И что тобой моя сестра похищена,
Сестра, гонимая свирѣпостью твоею...
Терей, увы, не мучь ты насъ разлукой съ нею!
Или несчастный стонъ пріятенъ для тебя?

Терей.

Спокой, несчастная царица, ты себя:
Твой стонъ уже тебѣ помочь не можетъ болѣ;
Скрѣпись и будь судебъ покорна строгой волѣ.
Потоки слезъ ліешь, Прогнея, ты вотще.

Прогнея.

А ты сіе, тиранъ, вѣщать мнѣ смѣлъ еще!

Терей.

Свирѣпства моего не разрушай предѣлы.
Чего ты требуешь?..

Прогнея.

Единой Филомелы...
Отдай ее моимъ объятіямъ скорѣй,
И болѣ слезъ моихъ не узришь ты, Терей!
Хотя супружества законъ ты преступаешь
И страстную тобой супругу забываешь;
Хотя измѣна та лієть мнѣ въ сердце ядъ,
Хоть ей вкушаю смерть въ минуту я стократъ:
Но я въ груди своей стенанія сокрою,
Когда уже и симъ тебя я безпокою.
Не мни, чтобъ я могла печали превозмочь;
Напереницей моимъ стенаньямъ будетъ ночь.

Когда спокойным сномъ глаза твои сомкнутся,
Изъ глазъ моихъ тогда слезъ токи проліются:
И я удерживать свой буду тяжкій стонъ,
Чтобъ томный звукъ его твой не нарушилъ сонъ;
Скрѣплюся, часть моя колико ни сурова.
Довольно ль для тебя терпѣнія такова?
Свободу лишь сестрѣ несчастной ты отдай . . .
Иль мщенья моего, жестокой, ожидай!

Явленіе третье.

Прогнея, Терей, Агаметъ и Линсей.

Линсей.

Княжна несчастная! . . . Тираны, возвратите,
Отдайте мнѣ ее, иль жизнь мою возьмите!
Княжна любезная! . . . Ея со мною нѣтъ!
Со мною нѣтъ ея . . . и мнѣ противенъ свѣтъ.
Куда смущенный взоръ я свой ни обращаю,
Вездѣ отчаянье, тоску и смерть встрѣчаю.
Царица, я лишенъ, лишенъ сестры твоей!

Прогнея.

А похититель твердъ въ свирѣпости своей:
Мы сѣтуемъ, а онъ надъ нами торжествуетъ;
Мы плачемъ, онъ на плачъ невинный негодуетъ!
И, можетъ быть, теперь любовница твоя
Въ неволѣ страждетъ такъ . . .

Линсей.

О рокъ, что слышу я!
Терей! . . . Но кто бъ сіе ни сдѣлалъ дерзновенно,
Иль жизни долженъ тотъ лишить меня мгновенно,
Иль мщенья трепетать Линсеевой руки!
Съ дыханьемъ изъ меня любовь ты извлеки,
Разрушь плачевныхъ дней теченье смертоносно —
И торжествуй потомъ надъ плѣнницей поносно!

Но до скончанія моихъ плачевныхъ дней
Страшись свирѣпости отчаянной моей!
Паду, коль воли въ томъ есть вѣчнаго закона;
Но на развалинахъ паду Ѳракійска трона.
Страшись!... Мечемъ моимъ свою я грудь пронжу...
Но прежде имъ тебя я мертваго сражу.

Терей.

Терей на свѣтъ рожденъ страшить, а не бояться:
Мнѣ низко твоего свирѣпства опасаться.

Линсей.

Толикой гордости причиной твой вѣнецъ;
Но скоро гордости увидимъ сей конецъ:
Не будешь ты своимъ злодѣйствомъ веселиться.

Терей.

Надменной, должень самъ отсель ты удалиться.
Но знай, что не угрозъ твоихъ я трепещу,
Законы принимать на тронѣ не хощу;
А что не робокъ я, узнаетъ то Вселенна;
Узнаетъ въ трепетѣ и самая Геенна,
Что страхъ въ моей груди жилища не имѣлъ.
Страшитесь, мнѣ грозя, моихъ жестокихъ дѣлъ!
Приходитъ, можетъ быть, та грозная минута,
Согретея какъ змія, мены грызунца, люта.
Не къ торжеству въ сей день, готовьтесь вы къ слезамъ.

(Хочетъ идти.)

Прогнея (удерживая его).

Какіе ужасы еще готовишь намъ?
Я вѣрю, что тебѣ нестрашны всѣ угрозы.
Услышь хотя мой стонъ и зри текущи слезы.

(Падаетъ на колѣни.)

Увидь у ногъ твоихъ несчастную жену!
Коль то виною чтишь — прости мою вину.
Но, — ахъ! — отдай сестру; хоть разъ незлобенъ будь;

Иль вынь стенящій духъ изъ сей томимой груди.
Смущенну стономъ симъ я душу зрю твою
И въ чувствахъ жалости супруга познаю.
Я вижу, что тебя стращатъ твои пороки:
Оставь, оставь свои волненія жестоки;
Оставь, преобори свою смятенну грудь
И отвори очамъ закрытый къ чести путь.
Воспомни и представь, Терей, мое мученье,
Которымъ я съ тобой въ несносномъ разлученьѣ
Питала грудь мою, моча потокомъ слезъ;
Стремя свой робкой взоръ на высоту небесъ,
Дрожащимъ голосомъ молитвы возсылала,
И именемъ твоимъ молитвы наполняла.
Всегда, во всѣхъ мѣстахъ, у самыхъ алтарей,
Прогнѣвъ сердца богъ единый былъ — Терей.
Ты прибылъ, и за всѣ печали, мнѣ въ ограду,
Съ измѣной объявилъ мнѣ смерть мою въ награду.
Разрушь, разрушь огонь позорной толь любви
И чувства истины въ себѣ возобнови.
Колико ни нанесъ супругѣ нѣжной муки,
Трепещущи она къ тебѣ возъемлетъ руки;
Съ Филеемъ съединя любви своей предметъ:
Симъ сердца твоего надежда пропадетъ —
И потушишь ты огнь позорный и несчастный . .

Терей.

Возстань, парица: всѣ слова твои напрасны.
Въ иное бъ время ихъ я принялъ за законъ;
Но тамо, гдѣ любовь свой утвердила тронъ,
Гдѣ сердце жаръ ея свирѣпой наполняетъ,
Гдѣ чувства, умъ и духъ собой она плѣняетъ,
Гдѣ ею лишь горитъ княгиня въ жилахъ кровь
Не истина нужна, нужна одна любовь.
Не мни, чтобъ кто съ княжной возмогъ соединиться:
Прощены слабы тамъ, гдѣ власть не можетъ льститься.

Отмщай, коль можешь, мнѣ: я зрю свою вину.
Кляни меня, кляни — я самъ себя кляну!

(Уходитъ.)

Явленіе четвертое.

Прогнея и Линсей.

Прогнея.

Бѣжитъ, и словъ моихъ, жестокой, не пріемлетъ;
Бѣжитъ — ни жалобамъ, ни горести не внемлетъ.
Влекома страстію и злобою дыша,
Стремится къ варварствамъ свирѣпая душа.
Но, — ахъ! — сестры моей несчастно вспоминанье
Рветъ томну грудь мою и множитъ въ ней страданье.
Сестра любезная, что сталося съ тобой?
Я вижу скорбь твою, я слышу голосъ твой;
Въ груди твой стонъ тяжелый раздается;
На сердце горькихъ слезъ источникъ жаркой льется —
А изъ оковъ тебя слаба избавить я!
Въ тебѣ, Линсей, въ тебѣ надежда вся моя:
Ты страждешь такъ, какъ я, лишась твоей любезной;
Ты любишь и любимъ: прерви нашъ стонъ ты слезной;
Разлуку окончай мою съ моей сестрой;
Вступясь за истину, будь истинной герой!

Линсей.

Не меньше твоего тоска мнѣ грудь терзаетъ;
Мнѣ сердце варварство Тереево пронзаетъ;
И вѣрь, святыней я клянусь на свѣтѣ всей,
Линсей или отмститъ, или падетъ Линсей!

Явленіе пятое.

Прогнея, Линсей и Калхантъ

Калхантъ.

Ужели протекли свирѣпыя минуты,
И перестали ль намъ грозить напасти люты?
Ужели побѣдилъ врага въ себѣ Терей?
Но стонъ вашъ, тяжкій стонъ, достигшій алтарей,
Сей стонъ, которымъ здѣсь колеблются чертоги,
Не облегченія сулитъ намъ — бѣдства многи.
И да трепещетъ тотъ, кто будетъ имъ виной.
Царица, твой супругъ . . .

Прогнея.

Супругъ . . . нѣтъ, варваръ мой,
Который всякой часъ мнѣ томну грудь сражаетъ
И всякой часъ свои свирѣпства умножаетъ.
Калхантъ! Надежды всей навѣкъ я лишена:
Княжна невинная имъ вновь похищена.
Наполненъ помысловъ, тирянскихъ думъ ужасныхъ,
Не внемлетъ онъ слезамъ очей моихъ несчастныхъ,
И зрить съ веселіемъ скорбь сердца моего.
О рокъ, сестра моя во власти у него!
Мучитель сей своей добычею гордится
И, можетъ быть, ея страданьемъ веселится.
А боги съ высоты не мещутъ ярыхъ стрѣлъ!
А воздухъ ядомъ здѣсь еще не воскипѣлъ,
И не разверзлася земля, имъ угнетенна,
Чтобъ подавить собой мучителя надменна!

Калхантъ.

Сколь злоба имъ гнусна, узнаешь скоро ты.
Призрите, сильные, съ небесной высоты
На злость Терееву, на скорбь ея взгляните;
Свой гнѣвъ соедини, въ груди моей сомкните —
И дайте ярый громъ Калхантовымъ рукамъ,

Которымъ поражать пороки сродно вамъ:
Да будетъ нынѣ вновь вселенная свидѣтель,
Что въ васъ защитниковъ находитъ добродѣтель!

Явленіе шестое.

Калхантъ, Прогнея, Линсей и Агаметъ (вбѣгаетъ въ отчаяніи, держа въ рукахъ письмо).

Агаметъ.

Царица бѣдная! о рокъ! сестра твоя . . .

Прогнея.

Что съ нею сдѣлалось?

Агаметъ.

Трепещетъ грудь моя . . .
Слабѣетъ голосъ мой . . . возьми сіе посланье;
Оно подастъ тебѣ несчастное познанье
Невображаемыхъ свирѣпостей уму . . .

Прогнея.

Какой разлился ядъ по сердцу моему!

(Развертываетъ письмо.)

Черты кровавыя руки сестры несчастной . . .[1]

Линсей.

Свирѣпая судьба! . . .

Прогнея.

Видъ сердцу преужасной!
Прочтемъ . . . Престаньте лить глаза потоки слезъ
И новый дайте мнѣ познать ударъ небесъ.
„Ты видишь кровь мою, любезная Прогнея —
„Содрогнись и познай свирѣпости Терея . . .
„Чтобы злодѣйствія свои сокрыть навѣкъ
„Сей варваръ... мой языкъ въ зломъ бѣшенствѣ отсѣкъ."

[1] Только прибавлено въ первомъ изданіи — конечно, по ошибкѣ

Немилосердый рокъ . . . стѣсняется дыханье;
Скрывается отъ глазъ небесное сіянье;
Злодѣйствамъ варвара, слезамъ моимъ внемля,
Трепещетъ подо мной разверзтая земля.
Прости, сестра моя! (Упадетъ въ кресла.)

Линсей.

Судьбина прежестока!
Что можетъ быть сего мучительнѣе рока!

Прогнея.

Сестра любезная! несчастная княжна!
Я плачу . . . но тоска ль тебѣ моя нужна!
Нѣтъ, кровь одна твоихъ мучителей поносныхъ
Удобна облегчить мукъ горесть смертоносныхъ.
Пролей, рука моя, тиранску кровь, пролей!
Жди жертвы сей, княжна, отъ ярости моей!
А ты, который былъ ему наперсникъ вѣрной,
Не могъ ли удержать въ немъ злобы сей безмѣрной?

Агаметъ.

Слаба надъ чувствами Терея власть моя,
И могъ ли предузнать сіе злодѣйство я?
Когда въ послѣдній разъ я съ нимъ пошелъ отселѣ,
Просилъ его себѣ открыть о Филомелѣ,
Гдѣ онъ княжну сію несчастную сокрылъ.
Увы, мой духъ себя подать ей помощь льстилъ!
Но просьбамъ симъ не внялъ Терей безчеловѣчный,
И болѣе являлъ стремленія сердечны,
Которыми томимъ, терзаемъ и влекомъ,
Во злобѣ и въ тоскѣ онъ сей оставилъ домъ.
Путей глаза его заблудшіе искали;
Отъ ярости изъ нихъ слезъ токи истекали.
Послѣдовать за нимъ во страхѣ я хотѣлъ,
Но онъ послѣдовать себѣ не повелѣлъ
И такъ, какъ буряный вихрь, отъ глазъ моихъ сокрылся.
Въ свирѣпствѣ пущемъ онъ въ чертоги возвратился.

Съ дрожащихъ рукъ его, дымяся, кровь текла,
Обагренный кинжалъ рука его влекла;
Въ груди какъ будто бы имѣя остры стрѣлы,
Онъ рвался и твердилъ названье Филомелы.
Сей видъ, ужасный видъ весь духъ встревожилъ мой,
И сердце все мое наполнилось тоской.
Я вышелъ, чтобъ узнать, не тратя ни минуты,
Мѣста, изъ коихъ внесъ Терей мученья люты.
Есть башня древняя близъ сихъ несчастныхъ стѣнъ:
Сомнѣньемъ къ ней мой духъ и страхомъ былъ
влеченъ.
И только близко лишь я съ нею поравнялся,
Сей листъ къ ногамъ моимъ по воздуху спускался.
Ты зрѣла хартію ужасную сію . . .
Кляни злость варвара, отмщай сестру твою!

Прогнея.

Тирану бѣдствія и гибели готовы;
Отмщу и разорву священныя оковы:
Имъ осквернены, онѣ противны мнѣ.

Калхантъ.

Хоть беззаконникъ сей владѣтель въ сей странѣ,
Но я, отъ имени владѣтелей вселенной,
Снимаю рабства цѣпь съ души твоей смятенной.
Готовь отмщеніе порокамъ ты, готовь;
Отмщай природу ты, отмщай свою любовь.
Ты видишь, Агамедъ, злодѣйства необычны,
Единыхъ фурій лишь стремленію приличны;
Будь сынъ отечества и за него отмщай,
Въ царицѣ и въ княжнѣ невинность защищай.
Намъ въ дѣйствіяхъ благихъ всесильные помогутъ:
Невинность защитятъ и злобу превозмогутъ.
Иду предъ алтари, сокроюсь въ божій домъ
Низвесть молитвами на землю страшной громъ.
Теки отсель искать, мой духъ преогорченный,
Свирѣпости твоей предметъ ожесточенный

И — ахъ! — къ ногамъ своей любовницы лети,
Страдай, стени, томись и злобѣ отомсти.

Прогнея.

Пойдемъ ужасныхъ стрѣлъ готовить тучи яры;
Пойдемъ направить въ грудь злодѣйскую удары;
Умножимъ новою печаль свою тоской.
О злоба! управляй Прогнеиной рукой . . .
Сестра любезная, ты узришь скоро жертву,
Трепещущей рукой поверженную, мертву!

Конецъ третьяго дѣйствія.

Дѣйствіе четвертое.

Явленіе первое.

Прогнея (одна).

Свирѣпство лютое . . . послѣдуемъ ему.
О сердце! тщетно ты противишься уму:
Твой вопль страданіемъ мнѣ душу наполняетъ,
Но злобы праведной во мнѣ не премѣняетъ.
Неблагодарной мужъ . . . несчастливой отецъ!
Ты станешь трепетать Прогнеи, наконецъ.
Ужасной жертвы кровь до облакъ воздымится,
И съ стонами твоей жены соединится.
Несчастныя княжны взойдетъ на небо гласъ,
Всесильныхъ тронетъ онъ, и въ тотъ ужасный часъ,
Когда твой гордый духъ отъ тѣла оторвется,
Въ оковы тяжкія, въ геенну понесется . . .
Тогда уже моихъ раздастся стоновъ звукъ
О томъ, что не узрю твоихъ во адѣ мукъ.
Злодѣй, ты произвесть былъ силенъ преступленье,
Могущее привесть и тартаръ въ удивленье;
Ты силенъ былъ изъ насъ извлечь потоки слезъ —
Но слабъ отмщенія избѣгнути небесъ.
Страшись, страшись, тиранъ, во злобѣ обличенной,
Отмщенья лютаго жены ожесточенной.
Мнѣ милъ свирѣпости готовимый вѣнецъ,
И родъ отмщенія мной избранъ, наконецъ,

Которой злость мою навѣкъ собой прославитъ,
Которой трепетать и варваровъ заставитъ.

Явленіе второе.

Прогнея и Калхантъ.

Калхантъ.

Что зрю? твой видъ еще отчаянье являетъ!

Прогнея.

Невинность гонится — а небо не отмщаетъ!

Калхантъ.

Не оскорбляй своимъ роптаніемъ боговъ;
Ихъ громъ надъ варваромъ разрушиться готовъ.
Народъ со ужасомъ его свирѣпству внемлетъ;
За истину отмщать оружіе пріемлетъ.
Уже смятеніемъ весь городъ воскипѣлъ,
Готовя тысящи во грудь гираню стрѣлъ —
И, чтя слова твои, трапезы ждутъ священной,
Въ сей день готовимой и Вакху посвященной,
Чтобы сорвать вѣнецъ съ порочнаго чела.

Прогнея.

Для сердца моего такая месть мала.
Тотъ можетъ быть, престолъ теряючи, спокоенъ,
Кто чувствуетъ, что онъ престола недостоинъ.
Нѣтъ, сердце варвара иной мученій родъ,
Сгѣдня отчаяньемъ, на части разорветъ. —
Трапезу пусть сію ужасну онъ вкушаетъ
И ею казнь свою лютѣйшу довершаетъ.
Она къ отмщенію злодѣйствъ его нужна,
И съ варварствомъ его мое сравнять должна.
Я ею адское страданье въ немъ открою
И тартаръ весь въ душѣ гирановой устрою.

Явленіе третье.

Прогнея, Калхантъ, Филомела и Линсей (которой съ воинами вноситъ ее на театръ).

Калхантъ.

Какой очамъ моимъ видъ страшный предстаетъ!

Прогнея.

Сестра несчастная . . . почто же меркнетъ свѣтъ!
Гдѣ я? . . . Иль лютый рокъ, умилостивленъ мною,
Покрылъ ужасной сей предметъ геенской мглою —
Вѣщайте, гдѣ моя сестра? со мной, иль нѣтъ?
Не видитъ взоръ ея, но сердце познаетъ.
Сестра любезная! . . . духъ горестью я рушу,
Прими въ объятія свои Прогнейну душу.

Линсей.

Царица, я княжну изъ тяжкихъ узъ извлекъ,
Чтобъ, зря ее, влачить во стонахъ скорбный вѣкъ . . .
Но стоны ли одни составятъ облегченье! . . .

Прогнея.

Здѣсь дѣйствуетъ уже Прогнеино отмщенье.

Линсей.

Оно здѣсь дѣйствуетъ? . . . . Царица, нашъ злодѣй
Владѣетъ и вѣнцомъ и жизнію своей.
Оно здѣсь дѣйствуетъ? . . . а варваръ нашъ спокоенъ!
Такой ли мщенья родъ злодѣйствъ его достоинъ?
Едина смерть его достойна жертва ей.

Прогнея.

Мое отмщеніе ужаснѣе смертей.
Восторжествуемъ мы, сестра моя любезна!

Линсей.

Но не премѣнится ея судьбина слезна,
И нѣжныхъ словъ ея пріятный сердцу звукъ

Не уменьшить въ любви моихъ несносныхъ мукъ.
Ты плачемъ лишь мои страданьи умножаешь
И стономъ моему ты стону отвѣчаешь.
Княжна любезная!...

(Филомела, увидя входящаго Терея, вскрикиваетъ и отвращается.)

Прогнея.

Прерви свой тяжкій стонъ:
Уже колеблется тирана гордый тронъ,
И здѣсь онъ царствуетъ послѣднія минуты.

— —

Явленіе четвертое.

Филомела, Прогнея, Линсей, Калхантъ и Терей

Терей.

Я вижу, варвары, стремленьи ваши люты —
И гибели познать, готовимыя мнѣ.
Но тщетно возстаютъ народы въ сей странѣ.
И ты, коварная начальница смятенья,
Не льстись, не льстись узрѣть супругова паденья;
Не мни насытить страсть ты лютости своей,
Впясь во грудь мою жестокою змѣей.
Клянусь любовью я, во злость преображенной,
Меня терзающей и варварски отмщенной,
Которой поощренъ, къ тиранству я теку,
Что первое твое я сердце извлеку.
Увидишь, сколько я врагамъ отмщать умѣю...
Но небо, для чего одинъ я мечъ имѣю?
Почто природа мнѣ искусства не дала,
Чтобъ души я терзалъ, подобно какъ тѣла?

Прогнея.

Нѣтъ, варваръ, вспламеня свой духъ геенскимъ жаромъ,
Гордиться можешь ты симъ страшнымъ адскимъ даромъ;

Твои желанія, измѣнникъ, не вотще.
Иль мало души въ насъ терзать ты мнишь еще?
(Показывая Филомелу.)
Увидь, тиранъ, княжну, размученну тобою!

Терей.

Измѣнники . . . кого я вижу предъ собою!

Прогнея.

Увидь страданіе, тоску ея и стонъ.
Иль мало, думаешь, въ насъ души мучитъ онъ?
То злоба лишь одна пренесть твоя удобна.
Но всякая ль душа твоей душѣ подобна?
Тиранъ, взгляни на сей томимый скорбный видъ,
На сей увядшій цвѣтъ блѣднѣющихъ ланитъ:
Какая бъ фурія жестокости имѣла . . .

Терей.

Довольно мучусь я . . . о боги! . . . Филомела!
Княжна несчастная, жестокости предметъ!
Колико страшныхъ мукъ мнѣ сердце скорбно рветъ! . .
Тебя ль я зрю? тебя . . . мнѣ сердце то вѣщаетъ,
Оно всѣ гнусности поступка ощущаетъ,
Къ которымъ злоба, гнѣвъ и страсть меня влекла:
(Упадая къ ея ногамъ.)
Позволь, чтобъ кровь моя ручьями здѣсь текла . . .

Прогнея (удерживая его).

Поди! . . .

Терей.

Ахъ, дайте мнѣ у ногъ моей любезной
Съ потокомъ крови злой потокъ смѣшать мой слезной!

Прогнея.

Уже безвременны раскаяньи сіи . . .
Тиранъ, не умножай жестокости свои.
Твой видъ мученія несчастной удручаетъ.
Оставь ее... О рокъ! . . она животъ кончаетъ! . .

Линсей.

Твой взоръ губитъ ее, безжалостный Терей:
Спасемъ несчастную отъ глазъ его скорѣй.
(Уводятъ Филомелу.)

Терей.

Она кончаетъ жизнь... о рокъ немилосердый!

Линсей.

Ты нашихъ мукъ виной, тиранъ жестокосердый!

Явленіе пятое.

Терей и Калхантъ.

Терей.

Она кончаетъ жизнь... царица... небеса!..
Что можетъ быть сего ужаснѣе часа!
Постойте, варвары... вотще слова я трачу...
И въ первый въ жизни разъ отъ мукъ лютѣйшихъ плачу.
Вотще страданія ужасныя терплю...
Но, бывъ отмстителемъ, еще ли я люблю?
Когда измѣнница готовитъ мнѣ паденье,
Исчезни вредное для сердца сожалѣнье,
И мѣсто мщенію ужасному оставь.
Прославь себя, Терей, злодѣйствами, прославь:
Лей кровь противную кипящею рѣкою,
Карай, губи, терзай, лишай сердца покою! (Калханту.)
А ты, защитникъ ихъ ужасныхъ думъ и дѣлъ,
Ты возмущати черпь противъ монарха смѣлъ!
Но знай, что всѣ твои намѣренья напрасны;
Въ сей часъ увидишь ты отмщенія ужасны,
На васъ бросающи мученья казни ядъ;
Въ сей часъ враги мои низвергнутся во адъ —
И ты падешь... Но что терпѣть еще мнѣ болѣ...
Вступите, воины...

(Воины вступаютъ.)

Калхантъ.

Тираньствуй на престолѣ!
Тираньствуя, стремись невинность поражать
И человѣчество собою унижать!
На раны иль на смерть тебѣ жрецъ вышнихъ нуженъ;
Рази — передъ тобой стоитъ онъ безоруженъ.
Влеки безъ жалости изъ тѣла сердце вонъ,
Которымъ возсылалъ къ безсмертнымъ жертвы онъ;
Обагривай въ моей крови невинной руки,
Тираньствуй, вымышляй и казни ты и муки:
Не робокъ духъ во мнѣ... рази меня скорѣй...
Рази... но помни то, что есть цари царей,
Которые сердца людей со гроновъ видятъ,
Отмщаютъ истину, пороки ненавидятъ,
Которыхъ на тебя съ небесъ пылаетъ гнѣвъ.

Терей (къ воинамъ).

Постой... оставьте насъ. На мя разсвирѣпѣвъ,
Ты тщетно возмутить рабовъ моихъ дерзаешь
И лицемѣрныя имъ басни сплетаешь.
Не божій гнѣвъ, но вашъ готовитъ гибель мнѣ.

Калхантъ.

Не привлекай, тиранъ, напастей сей странѣ
Хуленіемъ твоимъ порочнымъ и ужаснымъ:
Не дѣлай своего народа ты несчастнымъ;
Не заражай сихъ мѣстъ потокомъ гнусныхъ словъ,
И въ злобѣ трепещи, чтобъ ярый громъ боговъ,
Падущій на главу хулителя святыни,
Не превратилъ сіи селенія въ пустыни.
Тиранъ, теперь я зрю источникъ гнусныхъ дѣлъ:
Безбожіемъ себя къ паденью ты привелъ.
Вотъ слѣдство лютое надменной, дерзкой мысли!
Губи себя... боговъ богами ты не числи!
Но въ сердцѣ дерзкія питая голь мечты,
Съ какимъ безстыдствомъ тамъ себя покажешь ты,
Гдѣ ждетъ тебя въ сей часъ трапеза освященна,

Въ виду прозорливыхъ народовъ помѣщенна?
Какъ въ торжествѣ дерзнешь всевышнимъ ты сплесть
Хулу въ душѣ своей, устами гнусну лесть?

Терей.

Не возмущай во мнѣ ты сердце днесь смятенно!
Оно отчаяньемъ довольно угнетенно.
Поди отсель, оставь... оставь меня, Калхантъ[1]:
Къ трапезѣ буду я... ужасный сердцу гласъ!

Калхантъ.

Ты будешь, а въ умѣ лишь злость одну вмѣщаешь —
И бытія боговъ еще не ощущаешь.
Что боги есть, тиранъ, увидишь ты изъ бѣдъ,
Которы на тебя во гнѣвѣ рокъ пошлетъ.
Сейчасъ твой духъ разить я ими начинаю —
И именемъ боговъ тебя я проклинаю.

Терей.

Калхантъ, постой... о рокъ, ужаснѣйшій ударъ
Какой сидящей разлился въ жилахъ жаръ!

Калхантъ.

Отчаявайся, рвись и множь ожесточенье:
Тебя здѣсь бѣдства ждутъ, а въ вѣчности — мученье.
(Уходитъ.)

Терей.

Мнѣ сердце разразилъ ужасной клятвы звукъ...
Но долженъ ли еще Терей страшиться мукъ?
Нѣтъ, нѣтъ; возобновимъ свои стремленьи люты,
Отмщенью посвятя оставшія минуты.
Не внемли ничему, отчаянной Терей:
Сколь тартаръ ни жестокъ, онъ весь въ душѣ твоей!

Конецъ четвертаго дѣйствія.

[1] Калхасъ?

Дѣйствіе пятое.

Явленіе первое.

Терей (одинъ).

Въ слезахъ, въ отчаяньи, размученъ злой тоскою...
Куда стремлюся я?.. гдѣ я ищу покою?
Повсюду вкругъ меня сгущенной вьется мракъ
И кажетъ всюду мнѣ княжны кровавой зракъ...
Я слышу стонъ ея, зрю тренетъ... скорбь...
смятенье...
Не мучь меня, не мучь, ужасно привидѣнье!
Уже довольно я за злость мою терпѣлъ:
Стеню, страдаю, рвусь и — ахъ! — еще люблю!
Люблю... когда мой духъ всю злобу ощущаетъ;
Люблю... въ страданіяхъ мнѣ сердце то вѣщаетъ.
И въ страсти пагубной, смущая мрачной умъ,
Плѣненъ не нѣжностью, но тьмой тирянскихъ думъ.
Надежды лестныя, отчаянный, не видя,
Живу свирѣпствомъ я, свирѣпство ненавидя.
Ахъ, сжалься надо мной немилосердый рокъ!
Не будь столько лють, колико я жестокъ —
И, страсти покоря разсудка слабой волѣ,
Названье варвара не дай носить мнѣ болѣ.
Но тщетенъ страждущей души унылый стонъ,
Когда даетъ уму свирѣпа страсть законъ.

Названье гнусное свирѣпаго злодѣя,
Ты мной сопряжено со именемъ Терея;
И ты, по множеству творимыхъ мною злобъ,
Послѣдуешь за мной въ готовимый мнѣ гробъ!
Уже я чувствую враговъ стремленьи яры;
Летятъ во грудь мою смертельные удары;
Оставленъ всѣми я, сужденъ умреть стеня;
Надежда мстить — и ты оставила меня!
Ахъ, тщетно въ тѣ часы, когда мой духъ терзался,
Я за трапезою неколебимъ казался!
Когда тамъ яствы я въ уста свои влагалъ,
Казалось, что свою я плоть на части рвалъ.
Вино въ моихъ устахъ во кровь преобращалось:
Паденіе мое всечасно мнѣ мечталось...
Грызенье совѣсти, отчаянье и страхъ
Послѣдуютъ отколь за мной во всѣхъ мѣстахъ...
Не медли, лютой рокъ, моей ты смертью злою:
Завѣсу вѣчности открой передо мною.
Я тартаръ предпочту ужасной жизни сей...
Ахъ, жизнь преступника геенны самой злѣй!

Явленіе второе.

Терей и Агаметъ.

Агаметъ.

Княжна несчастная... ужасно приключенье!

Терей.

Что сталось съ ней, скажи, умножь мое мученье!

Агаметъ.

Нѣтъ силъ моихъ, увы, безжалостной Терей!..

Терей.

Что сталось съ ней — рази, рази меня скорѣй!

Агаметъ.

Ея на свѣтѣ нѣтъ.

Терей.

Немилосерды боги!

Агаметъ.

Узрѣвъ идущую ее въ свои чертоги
Съ Линсеемъ и съ ея несчастною сестрой,
Я имъ послѣдовалъ — и духъ терзался мой,
Предвидя скоро ей со свѣтомъ разлученье.
Шагъ всякой умножалъ души ея мученье.
И, взоромъ устремясь къ любовнику своимъ,
Казалось, говорить она желала съ нимъ.
Во страждущей груди слова ея спирались
И путь себѣ открыть со вздохами старались;
Сгѣсняли скорбный духъ, изъ устъ стремились вонъ...
И превращалися въ одинъ плачевной стонъ.
Достигши, наконецъ, чертоговъ тѣхъ несчастныхъ,
Отколѣ дѣйствіемъ страстей твоихъ ужасныхъ
Къ страданью общему она похищена,
Въ слезахъ и въ трепетѣ ихъ видѣла она.
И, знать, воспомня тамъ твои гоненья люты,
Въ сіи жестокія и страшныя минуты,
Она въ отчаяньѣ теряла свѣтъ изъ глазъ —
Во ужасѣ своемъ не узнавала насъ.
И равно, какъ тебя, страшилась, трепетала,
Линсею и сестрѣ несчастной не внимала;
И, къ небу устремя покрыты взоры тьмой,
Въ мученьяхъ и въ тоскѣ животъ скончала свой...
Народъ смущается, тебѣ готовя бѣдство.

Терей.

Любови пагубной ужаснѣйшее слѣдство!
Немилосердый рокъ! Гдѣ я?.. что слышать я?
Довольствуйся, душа жестокая моя,
Лишна въ свирѣпости тиранской сей рукою
Княжну — цвѣтущихъ лѣтъ, меня — навѣкъ покою!

Княжна любезная!.. жестокой Агаметъ!
Княжна!.. и такъ ея уже на свѣтѣ нѣтъ?
Въ ужасномъ свѣтѣ семъ чѣмъ я ни утѣшался,
Чѣмъ я въ страданіяхъ моихъ ни восхищался,
Чѣмъ сердце страстное свое ни наполнялъ,
Чѣмъ возмущенную я душу ни плѣнялъ —
То все рукой моей свирѣпыхъ фурій злоба
Во дни цвѣтущихъ лѣтъ повергла въ нѣдра гроба;
А я влачу еще плачевну жизнь свою!
Разите, боги, вы тиранску грудь мою!

Агаметъ.

Страшись, чтобъ на тебя судьбы во гнѣвѣ яромъ
Не поспѣшили симъ ужаснѣйшимъ ударомъ;
Страшися лютыя кончины ты своей.
Смерть беззаконника начало есть смертей.

Терей.

Страшусь ... и мукъ терплю ужасныхъ безконечность ...
Не смерть ужасна мнѣ ... одна ужасна вѣчность.
О вѣчность, я къ тебѣ злодѣйствами иду.
Ахъ, ежели тобой мученьи лишь найду!
О смерть ужасная, преступниковъ отрада,
Не дверь покоя мнѣ, ты дверь отверзешь ада.
Колико бъ мнѣ ударъ полезенъ былъ ея,
Когда бы онъ мое разрушилъ бытіе!

Явленіе третье.

Терей, Агаметъ и Хересъ.

Терей.

Я слышу страшный шумъ ... пришло мое паденье!

Хересъ.

Ужасно, государь, воздвигнулось смятенье:

Народъ, ожесточа свирѣпостью сердца,
Бѣжитъ лишить тебя и трона и вѣнца;
Огонь и мечъ твои чертоги окружаютъ.

Терей.

Злодѣевъ малости сіи не поражаютъ.
Мой тронъ колеблется, вѣнецъ съ главы падетъ;
Продлимъ мученія сердечны, Агаметъ!
Спасемъ несчастну жизнь, оставимъ домъ напасти,
Убѣгнемъ... но со мной мои убѣгнутъ страсти.
Гдѣ буду я искать утѣхи и отрадъ?
Терзаемъ злобою, питая въ сердцѣ ядъ ...
Вопль страшный множится, колеблются чертоги,
И я къ спасенію не зрю себѣ дороги.
Къ кому прибѣгну я? Готовится мнѣ адъ.

Явленіе четвертое.

Терей, Агаметъ, Хересъ и Калхантъ.

Терей.

Спаси несчастнаго владѣтеля, Калхантъ!
И жизнь и смерть мою въ своей ты видишь волѣ:
Стремятся кровь мою пролити на престолѣ.
Напасть моя близка. Позволь мнѣ скрыться въ храмъ
И къ оскорбленнымъ мной прибѣгнути богамъ:
Въ сердцахъ ихъ милость есть, хотя они и строги.

Калхантъ.

Враговъ своихъ въ свой храмъ не принимаютъ боги.
Страшися приступать къ священнымъ симъ вратамъ:
Погибель вящшую найдешь себѣ ты тамъ.
Не царствовать, страдать ты долженъ въ здѣшнемъ градѣ.
Ищи прибѣжища себѣ во мрачномъ адѣ,
У фурій, коихъ ты свирѣпству подражалъ,

Когда, терзая насъ, боговъ ты раздражалъ;
Ищи отрады ты въ мученьяхъ безконечныхъ.

Терей.

Служитель дерзостный боговъ безчеловѣчныхъ . . .
Какой я слышу стонъ и шумъ за дверью сей? . . .
Конечно, малое число моихъ друзей
Послѣдній жизни часъ Терея защищаютъ
И смертію свое отчаянье вѣнчаютъ.
Постойте; я сіи удары прекращу
И вашу смерть своей я смертью отвращу.
За злобу долженъ я снести лютѣйши муки.
(Снимая съ себя вѣнецъ и мечь, полагаетъ на столъ.)
Оставьте навсегда мой мечъ, ослаблы руки!
Открой главу мою злодѣямъ, мой вѣнецъ,
Которымъ утверждалъ спокойство я сердецъ:
Ненужны болѣ вы безсильному Терею. (Калханту.)
Се жертва для боговъ: явись во храмъ съ нею.
Я къ ней присоединю мою смущенну кровь.
Пойдемъ явить друзьямъ безплодную любовь.
(Идетъ къ дверямъ, потомъ)
Куда стремлюся я? . . . На смерть . . . на смерть ужасну —
(Отворяя двери.)
Пролейте, варвары, монарха кровь несчастну,
Когда его чело и грудь обнажена.
Пей кровь супругову, свирѣпая жена!

Явленіе пятое.

Линсей съ воинами, Терей, Агаметъ, Калхантъ и Хересъ.

Линсей.

Открой мнѣ, злоба, путь къ жестокому злодѣю —
И мечъ во грудь моей рукой вонзай Терею . . .
Тиранъ! рази меня, всего меня лиша —
Или въ сей часъ твоя злодѣйская душа
Съ твоею кровію изъ тѣла извлечется.

Терей.

Терей отчаянный о жизни не печется.
Могу ль терѣть ее, собой гнушаясь самъ?
Она противна мнѣ, противна небесамъ.
Омой въ крови моей ужасные пороки:
Сколь ни ужасенъ адъ, сколь боги ни жестоки,
Ихъ лютость бѣдъ меня достойныхъ не нашла;
Моя свирѣпость всѣ злодѣйства превзошла.
Рази, вотъ грудь моя, которой дышитъ злоба.
Рази, отверзи мнѣ желанны двери гроба.
Уже противиться тебѣ я не хощу:
Не брани пагубной, но казни я ищу.

Линсей.

Введенъ въ отчаянье тебя разящей местью,
Тиранъ, ты мнишь меня обезоружить лестью.
Не внемлю позднему раскаянью сему...
Смущенный разумъ мой не внемлетъ ничему.
Одинѣ жестокости твои, тиранъ, я вижу
И, ими мучимый, тебя я ненавижу.
Княжны несчастной тѣнь, томимая тоской,
Отмщенья требуетъ, отъемля мой покой;
Взираетъ на меня, груститъ, мятется, стонетъ.
Какаго варвара печаль ея не тронетъ?
Довольна будешь ты, любезная княжна, (Терею.)
И кровь твоя рѣкой пролиться здѣсь должна.
Умри, свирѣпый врагъ... что дѣлать предпріемлю?
Чему, отчаянный, въ своемъ свирѣпствѣ внемлю,
Обезоруженну пронзая въ злобѣ грудь?...
Оставимъ для иныхъ толь низкой мести путь...

Явленіе послѣднее.

Терей, Линсей, Калхантъ, Агаметъ, Хересъ и Прогнея.

Прогнея.

Линсей! гдѣ варваръ нашъ, гдѣ сей мучитель лютый?

Настали моего отмщенія минуты —
И онъ почувствуетъ свирѣпость всю мою.

Терей.

Я здѣсь — и предъ тобой безъ трепета стою.
Мнѣ гнѣвъ нестрашенъ твой, колико ни опасенъ;
Не лютость казни мнѣ, я самъ себѣ ужасенъ.
Стремись терзать меня — и, грудь мою разя,
Кроваво сердце вынь и рви, колико льзя.
Я облегченіемъ считать мученья буду,
Въ которыхъ, можетъ быть, свирѣпства позабуду,
Свирѣпства лютыя, ужасной страсти плодъ.
Довольствуй смертію моей вельможъ, народъ,
И, въ крови обагривъ моей дрожащи руки,
Дай мнѣ почувствовать лютѣйшія ты муки.
И если я когда тобой любимъ столь былъ,
Сколь сердцу моему былъ взоръ Прогнен милъ,
Забудь на часъ во мнѣ свирѣпаго злодѣя —
Внемли прошенію несчастнаго Терея.
Какъ варваръ, я во гробъ свергаюсь, наконецъ;
Но я любилъ и, ахъ ... Прогнея, я отецъ ...
Отецъ несчастливый, игра порочной страсти:
Мой сынъ, любезной сынъ, въ твоей остался власти;
Во стонахъ сихъ меня должна ты понимать:
Забудь отца его и будь Ѳесу мать.
Младенецъ сей моимъ злодѣйствамъ непричастенъ;
Что я отецъ его, однимъ онъ тѣмъ несчастенъ.
Призри невинности младой ты слезной токъ —
И буди столь нѣжна, колико и жестокъ.
Да будутъ дни его навѣкъ тебѣ любезны!

Прогнея.

Уже твои слова и стоны безполезны;
Въ семъ сынѣ грудь мою терзалъ твой лютый взглядъ:
Ты будешь слѣдовать за нимъ во мрачный адъ.
Страшись и трепещи, сражаяся съ собою,
Сей сынъ ... вострепещи ... сей сынъ передъ тобою!

(Бросаетъ предъ него кровавый черепъ.)

Терей.

О боги!... смутный взоръ смыкаетъ вѣчный мракъ ...
Тиранка, изъясни мнѣ сей ужасный знакъ.
Любезный сынъ... какой пожертвованъ ты злобѣ!
Не мучь меня, скажи: гдѣ онъ?...

Прогнея.

Въ твоей утробѣ:
За трапезой ты имъ насытился въ сей часъ.
Познай, познай въ себѣ его скорбящій гласъ;
Терзайся и стени: твои страданьи люты
Уменьшиваютъ скорбь мою въ сіи минуты.
Ахъ, еслибъ въ сердцѣ ты вмѣщалъ всю скорбь мою...

Терей.

Мой сынъ, твой вопль въ своемъ я сердцѣ познаю:
Онъ сердце томно рветъ и грудь мою терзаетъ.
Хладѣетъ кровь моя, мутится, замерзаетъ.
Тираны! наконецъ, отмщенье вы нашли —
И злобою мои злодѣйства превзошли.
Жена свирѣпая! мой сынъ, мой сынъ любезный!
Все тщетно... всѣ мои страданья безполезны.
Мой сынъ!... лети, мой духъ... во вслѣдъ за нимъ спѣши,

(Закалаясь.)

Лети во адъ искать сыновнія души.

Калхантъ.

Въ месть беззаконью зря пролиты крови рѣки,
Страшитесь раздражать безсмертныхъ, человѣки!

Конецъ трагедіи.

Крыловъ. I. Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Крыловъ въ зрѣломъ возрастѣ.

(По фототипіи Фишера съ оригинальнаго рисунка Кипренскаго, 1816.)

III.

Бѣшеная семья.

1786.

Опера въ трехъ дѣйствіяхъ.

По свидѣтельству самого Крылова (въ письмѣ къ Соймонову), онъ написалъ свою оперу „Бѣшеная семья“ въ 1786 г. По приказанію Соймонова, ее положилъ на музыку Деви, камеръ-музыкантъ. Болѣе двухъ лѣтъ театральное начальство не ставило ея на сценѣ, хотя Соймоновъ принялъ ее для постановки. Затѣмъ произошли недоразумѣнія Крылова съ Княжнинымъ и Соймоновымъ, и онъ въ концѣ 1788 г. и въ началѣ 1789 г. потребовалъ свою рукопись назадъ [1].

Напечатана она была въ 1793 г. въ „Россійскомъ Ѳеатрѣ“ (ч. 39, стр. 3—74 и отдѣльно), откуда очень неточно, съ произвольными поправками и измѣненіями, была перепечатана Плетневымъ [2]. Нами взятъ текстъ „Ѳеатра“.

По указанію Тупикова (М. Н. Веревкинъ, СПБ., 1895, стр. 28) послѣдняя сцена „Бѣшеной семьи“ — свиданіе ночью со всевозможными недоразумѣніями — навѣяна „Именинами“ Веревкина (1774 г.).

Г. Стасовъ (Рус. и иностр. оперы, СПБ., 1898, стр. 35) говоритъ, будто бы музыка къ этой оперѣ написана Ѳоминымъ.

---

1. См. Майковъ. Первые шаги Крылова на литературномъ поприщѣ. СПБ., 1889, стр. 24—33.

2. По указанію Плетнева, она поставлена была на С.-Петербургскомъ театрѣ въ 1793 г. Оно, впрочемъ, не подтверждается документальными свѣдѣніями.

Дѣйствующія лица.

Сумбуръ.
Горбура, бабка его.
Ужима, мать его.
Пріята, сестра его.
Катя, дочь его.
Извѣда, служанка ихъ.
Постанъ, влюбленный въ Пріяту.
Пронырь, слуга его.

Дѣйствіе первое.

Театръ представляетъ комнату Сумбура.

Явленіе первое.

Сумбуръ выбѣгаетъ на театръ, а за нимъ **Горбура, Ужима, Катя** и **Извѣда.** (Онѣ поютъ вмѣстѣ.)

Ахъ скорѣе, недосужно;
Убираться всѣмъ намъ нужно.
Дай скорѣй ты деньги намъ!

Сумбуръ.

О несносная тревога!
Да скажите ради Бога,
Что за деньги нужны вамъ?

Ужима.

Мнѣ на шемизы [1] и на корнеты [2].

Горбура.

Мнѣ на подкапки [3] и на лорнеты.

Извѣда.

Мнѣ на пудру для госпожъ.

---

1. Рубашки.
2. Чепчики.
3. Отъ саре, плащъ съ капишономъ, капоръ? Мантилья?

Сумбуръ.

На что такой содомъ похожъ?

Ужима.

Мнѣ на роброны [1].

Горбура.

Мнѣ на шиньоны.

Катя.

Мнѣ на французскіе эспри.

Сумбуръ.

Своего-та нѣтъ внутри [2].
Нѣтъ терпѣнья, рвусь съ досады:
Въ долгъ ввели меня кругомъ.

Онѣ.

Нужны, нужны намъ наряды,
Нѣтъ ни пудры, ни помады.

Сумбуръ.

Взбѣленился цѣлой домъ!

Онѣ.

Вмѣстѣ.
Что же деньги?
Намъ уборы . . .
Дашь ли деньги, сударь, намъ?

Онъ.

Вмѣстѣ.
Ахъ отстаньте,
Перестаньте —
Ни полушки вамъ не дамъ.

Сумбуръ.

Вспомните, милостивыя государыни, что вы сами учили меня вести экономію — и, признаться, что

---

[1]. Широкія платья съ фижмами.
[2]. Игра словъ: esprit — умъ и дамскій уборъ (перья на шляпкѣ).

подавали мнѣ въ томъ добрые примѣры. На васъ самихъ послаться могу, что ваши головы до сихъ поръ ни полушки не стоили, а нынѣ вы хотите цѣнить ихъ такъ дорого. Подумайте, вѣдь этому весь городъ смѣяться станетъ!

Горбура.

Пустое, свѣтъ мой: развѣ не вольно всякому цѣнить свою голову, во сколько кому захочется? Пусть сбывается пословица: горшокъ котлу смѣется, а оба черны.

Сумбуръ.

Черны или нѣтъ, государыни мои, только денегъ на уборы я ни полушки не въ состояніи вамъ дать!

Катя.

Батюшка, сударь, да развѣ мнѣ прикажете раздѣтой быть?

Сумбуръ.

Какъ раздѣтой? Развѣ ты не довольно одѣта? Когда жъ ты такъ стыдлива, что и въ домашнемъ платьѣ думаешь быть открытою, такъ возьми мой старый плащъ; онъ разъ въ восемь вкругъ тебя обернется.

Извѣда.

И конечно, сударыня; этотъ плащъ самый хорошій щитъ для стыдливыхъ дѣвушекъ, ибо сквозь него не только глазъ проникнуть, но, думаю, и пуля прострѣлить не можетъ.

Сумбуръ.

Люблю Извѣду! Не стыдно ли, сударыня, что дѣвка за меня вступается?

Катя.

Воля ваша, сударь, а мнѣ неотмѣнно надобно новое платье.

Сумбуръ.

А для чего бы это?

Катя.

Какъ для чего, сударь?

Съ моей смѣнавшись красотой,
Мои прелестные уборы
Пусть нѣжныхъ душъ плѣняютъ взоры
И пусть дивятъ народъ простой.
Когда случуся я въ собраньѣ,
Въ спектаклѣ, или на гуляньѣ,
Или пріѣду въ маскарадъ,
Пріятно эхо будетъ слышно:
„Ахъ, какъ она одѣта пышно,
И какъ приличенъ ей нарядъ!“

И здѣсь всѣ такъ дѣлаютъ.

Сумбуръ.

Дѣлаютъ для того, что всѣ вѣтреницы, а многія въ любви ищутъ нарядами счастія... Берегись, дочка, этого яду... Любовь... О, это такая страсть, которая тебѣ не сто рублей убытку надѣлаетъ... это язва хорошей экономіи.

Горбура.

Какъ же дитятко [1], ты запрещаешь любить намъ? Сама природа велитъ расти́ться и множиться.

Сумбуръ.

Да сударыня; да природа не велитъ деньги тратить, а вы съ меня кожу содрать хотите.

1. У Крылова „дитятка“.

Извѣда.

Какую кожу, сударь? Мнѣ только на пудру десять рублей.

Сумбуръ.

Десять пощечинъ я тебѣ дамъ.

Извѣда.

Да на что мнѣ? Я барынямъ прошу, сударь!

Сумбуръ.

А ты возьми мучки да изжарь — такъ вотъ и будетъ французская пудра.

Ужима.

Я тебѣ говорю, сынъ, чтобъ ты неотмѣнно далъ деньги.

Поютъ (къ нему).

Скажи, скажи въ послѣдній разъ;
Ты дашь ли деньги намъ въ сей часъ?

Горбура, Катя, Ужима.

Иль мы теряѣть не станемъ болѣ!

Сумбуръ.

Я весь покоренъ вашей волѣ;
Но только лишь мои мѣшки
Желаньемъ вашимъ не съ-руки.

Онѣ.

Скупость мы твою обяжемъ,
Здѣсь настроивши проказъ;
И въ минуту то докажемъ,
Кто провориѣе изъ насъ.

Вмѣстѣ

Сумбуръ.

Къ деньгамъ крѣпче мы приляжемъ —
И не будетъ здѣсь проказъ;
Мы въ-минуту то докажемъ,
Кто провориѣе изъ насъ.

Явленіе второе.

Сумбуръ и Извѣда.

Сумбуръ.

Ахъ, моей мочи нѣтъ! Извѣда, скажи, что за дьявольщину хотятъ со мною сдѣлать?

Извѣда.

Васъ, сударь, хотятъ водить за носъ.

Сумбуръ.

Меня... за носъ! Нѣтъ, вѣдь я не батюшка, котораго матушка охотница была за носъ водить.

Извѣда.

А развѣ матушка ваша была до этого охотница?

Сумбуръ.

О, превеликая! Бывало, чуть разсердится, т плотно схватитъ батюшку за носъ, что онъ покраснѣетъ, какъ ракъ, царство ему небесное; а когда развеселится, такъ тоже за носъ: до поту пригаскаетъ. И уже это лихой для него, покойника, былъ часъ, въ которой она, бывало, или сердита, или весела.

Извѣда.

Много же у вашего батюшки лихихъ часовъ было!

Сумбуръ.

То-то, знать, и обо мнѣ то же думаютъ; да нѣтъ, я самъ свою покойницу за носъ таскивалъ. Пусть этому смѣялись; да вѣдь я ничего не выигралъ чрезъ нее, за что бы мнѣ можно было передъ нею трусить.

Можно гнуться сатаною
Предъ красавицей-женою,
Коль ея прелестной взоръ

Тянетъ золото на дворъ.
Богачу, вѣдь, и капралу,
Такъ, какъ будто генералу,
Голова хотя пуста,
Вездѣ передніи мѣста.
Такъ сказать чистосердечно
Можно, не таясь, конечно:
Счастливъ, счастливъ тотъ капралъ,
Кто женою генералъ.

А я ни передъ кѣмъ не люблю гнуться, и отучу ихъ немедленно отъ мотовства.

Извѣда.

Трудно, сударь, отучить нашу сестру отъ желанія нравиться.

Сумбуръ.

Пусть себѣ нравятся только умомъ, а не мотовствомъ; и такъ имъ прочнѣе, да и мнѣ не такъ накладно будетъ. А то кстати ли дѣлать такія дорогія издержки, а особливо моей бабушкѣ! Ей пора бы уже и о небесномъ думать.

Извѣда.

А я такъ примѣчаю, сударь, что чѣмъ болѣе Горбура Ивановна къ землѣ гнется, тѣмъ болѣе она о земномъ думаетъ.

Сумбуръ.

Да не примѣтила ль ты чего, что причиною ихъ мотовства?

Извѣда.

Почти ничего.

Сумбуръ.

Какъ почти? Это уже много сказано.

Извѣда.

Я сударь примѣтила, шей семь тому назадъ...

Сумбуръ.

Такъ съ тѣхъ поръ онѣ вдались въ наряды? Говори скорѣй, что ты примѣтила!

Извѣда.

Что онѣ, сударь, вдались въ наряды.

Сумбуръ.

Ахъ, да нѣтъ; еще не примѣтила ль ты чего?

Извѣда.

Еще примѣтила, сударь, я, тоже дней семь назадъ, что одинъ офицеръ молодой, статной, причесанной и одѣтой щегольски, разумѣешь...

Сумбуръ.

Что ты за чепуху несешь, и что мнѣ за нужда въ разумѣ? Сказывай, что ты примѣтила!

Извѣда.

Что онъ прошелъ мимо нашего дому, и съ тѣхъ поръ очень часто мимо его ходитъ.

Сумбуръ.

О негодной офицеръ! Такъ оно причиною такихъ страшныхъ издержекъ! Но ему то даромъ не пройдетъ! Извѣда, надобно справиться о его квартирѣ!

Извѣда.

На что, сударь?

Сумбуръ.

На то, что я подамъ доношеніе въ правительство, чтобъ у него вычитали изъ жалованья всѣ тѣ деньги которыя издерживаютъ на наряты твои барыни. А теперь пойду и прикажу пришечатать, чтобъ бабушкѣ, матушкѣ, сестрѣ, дочери и мнѣ самому — никто ни въ долгъ, ни на наличныя деньги товаровъ не продавалъ. (Уходитъ.)

Явленіе третье.

Извѣда и Пронырь (выглядывая).

Пронырь.

Извѣда!

Извѣда.

А, Пронырь, поди сюда: баринъ уѣхалъ со двора и здѣсь остались все только женщины.

Пронырь.

Вотъ письмо отъ барина къ Иріятѣ: постарайся поскорѣе . . .

Извѣда.

Поскорѣе? Развѣ тебѣ со мною скучно? . . . Но кто это стучится?

Пронырь.

Ну, бѣда моя! . . . Ахъ, что со мною будетъ!

Извѣда.

Ничего, ничего; подлѣзь поскорѣе подъ столъ!

Пронырь.

Да не видать ли меня?

Извѣда.

Нѣтъ.

Пронырь.

Да не опасно ли тебѣ? Такъ подлѣзь и ты, когда еще довольно мѣста осталось!

Извѣда.

Нѣтъ! Я отопру, а ты молчи.

Пронырь.

О, могу похвалиться, это я въ такихъ случаяхъ молчаливѣе рыбы.

Явленіе четвертое.

Проныръ, Извѣда, Ужима, Катя, Пріята и Горбура.

Вмѣстѣ.

Гдѣ онъ?[1] Не медля ты скажи,
Скорѣй его намъ укажи.
Я видѣла, какъ онъ пробрался,
И какъ онъ мимо оконъ крался,
Потомъ по лѣстницѣ пошелъ;
Конечно, онъ сюда вошелъ.

Извѣда.

Я никого здѣсь не видала.

Горбура, Ужима, Пріята и Катя.

Еще обманывать ты стала!

Извѣда.

Вмѣстѣ.
Здѣсь точно нѣту никого.

Онѣ.

Я и сама сыщу его.

(Онѣ ищутъ его по театру.)

Извѣда (тихо Пріятѣ).

Вотъ вамъ письмо отъ Постана.

Пріята.

Какое безпокойство ощущаетъ мое сердце! Боюсь, чтобы не увидали . . . Однако любовь превозмогаетъ мой страхъ, прочесть!

Извѣда.

Надобно думать, что любовь ужасно какъ сильна, когда она побѣждаетъ страхъ всѣхъ дѣвушекъ; а дѣвушки то вить очень пужливы!

1. Въ подлинникѣ онѣ — т. е. они, Проныръ и Постанъ?

Пріята.

Ахъ, можешь ли ты, Извѣда, вообразить, что такое любовь, когда и я изъяснить тебѣ этого не могу!

Любовью вспламенной,
Душѣ моей плѣненной,
Иного счастья нѣтъ,
Какъ милымъ утѣшаться,
Имъ тлѣть и восхищаться
И видѣть въ немъ весь свѣтъ!

Горбура.

А для чего ты, дѣвушка, сидишь на-запери?

Извѣда.

Для того, сударыня, что вы были въ своей комнатѣ, а баринъ пошелъ со двора; такъ я, побоявшись, чтобы сюда не вошелъ кто чужой, и заперлась.

Горбура.

Такъ заперлась, какъ ужъ чужой то вошелъ!

Проныръ (кашляя).

О проклятой кашель, погубить ты меня!

Горбура.

Слышишь ли? онъ, подбѣгая къ столу, вскрикиваетъ вотъ онъ!

Горбура.

Онъ, конечно, ко мнѣ съ грамоткой, да оробѣлъ!

Ужима.

Надобно неотмѣнно его осмотрѣть.

Горбура
(надѣвая очки и смотря подъ столъ)

Здравствуй, другъ мой, что ты тутъ дѣлаешь?

Пронырь.

Извините, сударыня, я . . . я заблудился (Онь его вытаскиваютъ). Ахъ!

Горбура.

Да полно, не украль ли ты чего?

Ужима.

Надобно его осмотрѣть.

Катя.

Да, конечно! Ежели бы ты украль мою азбуку, такъ я бы за тебя заступилась. (Ужима, Катя и Горбура, не давая ему встать, обыскиваютъ его и вытаскиваютъ изъ кармана всякая по письму.)

Извѣда.

Посмотримъ, нѣтъ ли и мнѣ чего вытащить (Вытаскиваетъ у него деньги).

Пронырь.

Извѣда, деньги, деньги попай! Что за нахальство, совсѣмъ ограбили!

Горбура.

Нѣтъ, мой другъ, ты видно, человѣкъ честной; конечно, у тебя вертижи[1] случаются; однако же все дѣло сбыточное. Поди теперь съ Богомъ.

Пронырь

(хочетъ встать, но она, облокотившись на него, говоритъ тихо).

Скажи своему барину, чтобъ онъ не отчаивался.

Пронырь

(падая, хочетъ встать; но его роняетъ Ужима, говоря на ухо).

Ахъ!

Ужима.

Скажи своему барину, что онъ счастливъ.

Пронырь

(хочетъ встать, его роняетъ Катя).

Охъ!

[1] Головокруженіе.

Катя.

Скажи своему барину, что я имъ чрезмѣрно страстна.

Пронырь.

Ахъ, слышу, слышу, сударыня! Но сдѣлайте милость, дайте мнѣ встать; пустите душу на покаяніе! (Встаетъ.) Уфъ!
Чтобы черти всѣхъ васъ взяли!
Мнѣ всѣ кости изломали!

Онѣ.

Отъ меня ему поклонъ!

Извѣда.

Ахъ, дозвольте вытти вонъ!

Горбура и Ужима.

Скажи, его я обожаю,
Скажи, что мнѣ онъ милъ одинъ.

Катя.

Ты можешь побожиться вѣрно,
Что я люблю его чрезмѣрно.

Пріята.

Иди, скажи ему скорѣй,
Что мнѣ Постанъ души милѣй.

Пронырь (про себя)

Его я этимъ испужаю.

(Горбурѣ.)

Какъ радъ мой будетъ господинъ.

(Катѣ.)

Скажу, скажу, конечно, вѣрно,
Что ты дурачишься безмѣрно.

(Пріятъ.)

Ахъ, радъ бы вытти я скорѣй,
Да не пускаютъ до дверей.

Вмѣстѣ.

Проныръ (про себя).

Чтобы черти всѣхъ васъ взяли!
Мнѣ всѣ кости изломали!

Всѣ (ему).

Отъ меня ему поклонъ!

Проныръ.

Ахъ, дозвольте выйти вонъ!

Проныръ.

Меня замучатъ въ самомъ дѣлѣ.
Не знай, какъ выбраться отселѣ!
Самъ чортъ впередъ не прилетъ къ вамъ.
Насилу вырвался я вонъ.
Гори огнемъ проклятой домъ!

Вмѣстѣ.

Онѣ.

Поди скажи ему отселѣ,
Что страстна имъ я въ самомъ дѣлѣ;
Скажи, чтобъ онъ старался самъ,
Какъ ты, прокрасться тише къ намъ;
Поди жъ, поди скорѣе вонъ,
И отъ меня ему челомъ!

Конецъ перваго дѣйствія.

Дѣйствіе второе.

Театръ представляетъ улицу, въ концѣ которой у театра на одной сторонѣ домъ г. Сумбура.

Явленіе первое.

Постанъ и Проныръ.

Постанъ.

Такъ я любимъ неложно
Пріятой дорогой!
Кому въ блаженствѣ можно
Быть сравнену со мной?
Что всѣхъ она милѣе,
Пойду сказать ей самъ;
Пойду отсель скорѣе
Упасть къ ея ногамъ!

Проныръ (улерживая его).

Тише, тише, сударь! Вы всегда только то помните, что вы любимы; а что при томъ помнить надобно, то и забыто!

Постанъ.

Нѣтъ, не забылъ, и признаюсь, хотя я видѣлъ лзшніе знаки благосклонности ко мнѣ трехъ женщинъ сего дома, но я счелъ за выдумку твои слова.

Проныръ.

О, сударь! я съ роду ничего не выдумалъ, а особливо въ такихъ важныхъ случаяхъ, какова лю-

бовь. Я въ ней по большей части подражаю, и увѣряю васъ, что прабабушка, дочка и внучка всѣ въ васъ влюблены: итакъ, вамъ нельзя видѣться съ одной, чтобы не взбѣсить трехъ!

Постанъ.

Любезный Пронырь, помоги ты мнѣ своимъ совѣтомъ!

Пронырь.

О, сударь, на совѣты я хватъ! Начнемъ же напередъ черезъ разсмотрѣніе препятствій. Вѣдь они, сударь, происходятъ отъ г. Сумбура, госпожи Горбуры, госпожи Ужимы и Катеньки, дочери его: и того четыре особы. Не правда ли, сударь?

Постанъ.

Такъ. Но скажи, что мнѣ дѣлать надобно?

Пронырь.

А рогъ тотчасъ . . . вамъ, сударь . . . надобно . . . вамъ надобно . . . ихъ всѣхъ пережить, а потомъ жениться на Пріятѣ — и это будетъ прекрасно; а иного средства я ни откол҃ѣ не вижу.

Постанъ.

Твои шутки, бездѣльникъ! . . .

Пронырь.

Тише, тише! вонъ показываются ваши красавицы; вы худое имѣ о себѣ подадите мнѣніе. Послушайте лучше ихъ!

Явленіе второе.

Пронырь и Постанъ.

Горбура, Ужима, Катя и Пріята
(въ окнахъ поютъ).

Сколь довольна я тобою,
О прелестная любовь!

Что любимъ равно тотъ миою,
Вспламенилъ мою кто кровь!

Проныръ.

Слышите ли, сударь, какія нѣжности? Вы теперь такъ окружены своими любовницами, какъ воевода челобитчиками; будьте же добрымъ воеводою и сдѣлайте имъ милостивую резолюцію!

Постанъ.

Но что обо мнѣ Пріята подумаетъ?

Проныръ.

Она, сударь, подумаетъ, что вы кавалеръ новѣйшаго свѣта, котораго сердце такъ мягко, что пристаетъ ко всякой встрѣчающейся женщинѣ; а, впрочемъ, вы можете перекликаться, не глядя на окно, такъ изъ нихъ всякая подумаетъ, что вы ей отвѣчаете. Слышите ли, онѣ вамъ даютъ знать?

Онѣ.

Подай, мой дружокъ,
Ты мнѣ голосокъ,
Чтобъ я была извѣстна;
Скажи хоть разъ: ау!

Проныръ.

Ау! ау! ау!

Однако, сударь, извольте отвѣчать сами, а мнѣ за васъ ей-ей охрипнуть не хочется!

Постанъ.

Предметъ любви драгой!
Лиша меня покою,
Познай ты пламень мой,
Познай, что я плѣненъ тобою.
Ты одна мила лишь мнѣ:
Коль тебя не вижу гдѣ,

Тамъ во всемъ я скуку вижу,
Тамо все я ненавижу.
Мнѣ рай — твой взглядъ,
А безъ тебя
Все для меня —
Мученье, стонъ и адъ. (Уходитъ.)

Явленіе третье.

Пронырь, Горбура, Ужима, Пріята и Катя.

Горбура

Какъ онъ страстенъ, мое дитятко[1], ни то взглянуть на меня побоялся!

Пріята.

Какъ я счастлива!

Ужима.

Онъ отъ любви не могъ стерпѣть моего виду.

Катя.

Теперь то я увѣрена, что я начинаю нравиться. Ахъ, какая прелестная вещь — любовь! Еще недѣля, какъ я люблю, а удовольствія получила столько, сколько за азбукою въ годъ не высидѣла.

(Онѣ машутъ Проныру.)

Горбура.

Кажется, Извѣда называла его Проныромъ; провѣдаю отъ него хорошенько о страсти его господина. — Скажи же мнѣ, Пронырушка, любитъ ли меня твой баринъ?

Пронырь.

Сударыня, да неужели вы не догадываетесь?

Ужима.

Итакъ, я могу надѣяться, что господинъ твой мнѣ не измѣнитъ?

---

[1] У Крылова „дититко."

Проныръ.

И, конечно, сударыня! (Особо.) Можно ли, чтобъ онъ тебѣ измѣнилъ, коли онъ тебя никогда не любилъ!

Катя.

Пронырь! такъ я довольно хороша, чтобъ быть любезной твоему барину?

Проныръ.

О, сударыня, вы сами въ этомъ признаетесь.

Пріята.

Могу ли я надѣяться на вѣрность?

Проныръ.

Какъ на городовую стѣну.

(Женщины поютъ.)

Проныръ мой дорогой,
Я зрю, что баринъ твой
Плѣненъ не ложно мной.
И радуюсь сердечно,
Что мнѣ онъ то открылъ.
Скажи ему, что вѣчно
Онъ самъ мнѣ будетъ милъ.
А ты, въ награду вѣрности своей,
Отъ благодарности моей
Прими подарокъ сей.

(Кидаютъ къ нему каждая по платку и уходятъ.)

Явленіе четвертое.

Проныръ (одинъ).

Хоть какъ узнаешь секретаря, отовсюду летятъ подарки! (Вынимаетъ платокъ.) За этотъ платокъ мнѣ, вѣрно, баринъ дастъ двойную цѣну, потому что онъ былъ въ рукахъ Пріяты. (Понюхавъ.) Это ужи-

минѣ, какъ видно, то онѣ всегда бываетъ ей товарищемъ на кухнѣ. (Поднимаетъ третій.) А! это добренькой старушки, Горбуры; онѣ такъ же сморщенъ, какъ и ея личико. Ну, да нѣтъ, ничего: даровому коню въ зубы не смотрятъ. (Поднимаетъ четвертый.) Это что за рисованная холстина? — А! это Катенькинъ платокъ! Ежели эта дѣвушка будетъ беречь своихъ любовниковъ такъ же, какъ платки, то... Но кто это? (Раскладываетъ платки по карманамъ, выбѣгивая по половинѣ изъ кармана.)

Явленіе пятое.

Проныръ и Сумбуръ.

Сумбуръ.

Ужели въ моемъ домѣ перестали дурачиться?.... Ба! да что это за человѣкъ? Онъ идетъ отъ моихъ оконъ, и съ набитыми карманами. Милостивой государь! А, бездѣльникъ, поймалъ я тебя!... Это платки моего дому; вотъ и мѣтка! Сказывай скорѣй, что ты за человѣкъ?

Проныръ.

Негодная встрѣча! По этимъ знакамъ суди, сударь, я ... я ...

Сумбуръ.

По этимъ знакамъ ты плутъ и воръ ...

Проныръ.

О, да вѣдь, сударь, эти знаки подарены мнѣ ...

Сумбуръ.

Врешь, плутъ, они мои собственные.

Проныръ.

Ну, такъ возьмите же ихъ себѣ; я ей-ей по лицу узналъ, что они ваши.

Сумбуръ (вырываетъ платки).

Ишь, ты еще этимъ отъ меня не отдѣлаешься. А за что они тебѣ подарены?

Проныръ.

За то, сударь, что мой баринъ молодъ, хорошъ и пріятенъ.

Сумбуръ.

Тьфу какая дьяволыцина! Да развѣ ты этому причиною, что онъ не такъ давно родился, какъ я?

Проныръ.

И за то, сударь, что мой господинъ имъ нравится.

Сумбуръ.

Въ моемъ домѣ нынѣ всѣ сошли съ ума, и для того въ немъ очень много мужчинъ нравятся: такъ я возьму отъ полиціи команду и буду всѣхъ тѣхъ таскать на съѣзжую, которые въ моемъ домѣ нравятся, а съ тебя начну съ перваго.

Проныръ.

Какое предпріятіе! Но ежели вашимъ сродницамъ всѣ мужчины будутъ нравиться, такъ куда же вы ихъ подѣваете?

Сумбуръ.

Я? я велю весь городъ въ тюрьмы передѣлать, и ни одинъ мужчина за ворота не будетъ выпущенъ: а для тебя будетъ довольно мѣста въ бѣленомъ домѣ. (Сталкиваетъ его за ворота.) Ступай-ко, мой другъ!

Явленіе шестое.

Проныръ, Сумбуръ и Постанъ.

Проныръ (барину).

Ахъ, сударь, избавьте вы меня отъ погибели! Его милость говоритъ, что его сродницы перебѣсились, и для того велитъ меня въ бѣленой домъ.

Постанъ.

Кстати ли вамъ, сударь?

Сумбуръ.

Вамъ, государь мой, нѣтъ ни малой до того нужды; вамъ очень хорошо давать милостивое прощеніе, когда онъ передо мною виноватъ!

Пронырь.

Да пустите хоть меня за ворогъ держать!

Сумбуръ.

Нѣтъ, ты еще вздумаешь употребить во зло дарованіе твоихъ ногъ!

Пронырь.

Ахъ, нѣтъ, сударь! Ежели я иногда грѣшилъ, то это было по большей части или руками, или головой, а ноги — ноги, сударь, всегда служили къ моему спасенію.

Постанъ.

Пронырь, да кто онъ такой?

Пронырь.

Это, сударь, отецъ, братъ, сынъ и внукъ вашихъ обожательницъ. (Сумбуру.) А это, сударь, любимецъ вашихъ сродницъ.

Постанъ.

А, государь мой!...

Сумбуръ.

А, милостивой государь, которой и меня и всѣхъ моихъ домашнихъ свелъ съ ума! Знайте, сударь, что я намѣренъ просить о томъ на васъ въ судѣ... Нѣтъ, милостивецъ; у меня позабудете набивать свою голову пудрой, а изъ моихъ мѣшковъ выцѣживать золото.

Гдѣ головы пустыя,
И платья золотыя

Въ почтеніи всегда;
Гдѣ нужно лишь кривлянье,
Коверканье, ломанье,—
Ступай, дружокъ, туда:
Тамъ, скорчившись дугою,
Всѣхъ встрѣчныхъ обнимай,
И всѣмъ себя слугою
Покорнымъ называй,
И требуй тамъ награды
За важны толь труды;
Лишь для моей досады
Не шастай ты сюды!

Постанъ.

Но чѣмъ я вамъ досадилъ?

Сумбуръ.

Какъ, какъ, сударь! Я человѣкъ бѣдной, не имѣющій почти дневного пропитанія, а ты меня въ конецъ разорилъ въ одну недѣлю!

Постанъ.

Чѣмъ, сударь?

Сумбуръ.

Тѣмъ, что ты мимо моихъ оконъ ходишь.

Пронырь.

Я, сударь, сыскалъ маленькое лѣкарство вашей неудобности.

Сумбуръ.

Скажи-тко! а я, въ задатокъ за работу, прощаю твою вину и обѣщаю изъ этого камзола, когда немножко его подношу, сдѣлать тебѣ картузъ.

Пронырь.

Великой подарокъ! Однако, вотъ мое лѣкарство: чтобы прекратить надежду въ любви къ моему гос-

подину вашей бабушки, матушки и дочки, надобно выдать за него вашу сестрицу.

Сумбуръ.

Такъ, братъ! Да это лѣкарство не старымъ картузомъ, а 30,000 рублей наличныхъ денегъ пахнетъ!

Пронырь.

Такъ вычислите же и то, что мы своими прогулками въ годъ болѣе убавимъ вашихъ денегъ.

Постанъ.

Ахъ, почувствуй умиленье!
Иль не зришь моей тоски?

Сумбуръ.

Чортъ ли тамъ за сожалѣнье,
Гдѣ вмѣшаются мѣшки!

Вмѣстѣ.

Сумбуръ.

Можно ли стерпѣть разлуку
Съ толь великою казной!
Буду вѣкъ терпѣть я муку,
И исчезнетъ мой покой!

Постанъ.

Сжалься на мою ты муку
И тронись моей тоской:
Ахъ, позволь Пріяты руку
Съединить съ моей рукой!

Явленіе седьмое.

Сумбуръ, Постанъ, Пронырь, Катя, Горбура и Пріята.

Горбура (выходя, Пріятѣ).

Возьми-тко, Пріятушка, на часъ мою гросточку.

Пріята.

Да вамъ, бабушка, безъ нея неловко будетъ!

Горбура.

Неужели ты думаешь, мать моя, что у меня ноги отсохли! Я возьму твою руку, и то не для того, чтобы поддержаться, а такъ. (Подаетъ Пріятѣ трость и наклоняетъ ее такъ сильно къ землѣ, что онѣ обѣ по театру шатаясь идутъ.)

Катя (особо).

Какъ онъ пригожъ, тетушка! Пожалуй мнѣ тросточки. (Беретъ и съ нею рѣзвится.)

Пріята.

Да какъ же бабушка будетъ безъ трости?

Горбура.

Какъ? такъ же. Что ты это вздумала, ничего не видя, меня въ старухи ставить!

Пріята.

Да вы мнѣ всѣ руки обтянули, сударыня!

Горбура.

Такъ тебѣ скучно со мной ходить! Поди же прочь; ты увидишь, что я и безъ тебя и безъ трости могу обойтись! (Отталкиваетъ Пріяту, идетъ нѣсколько безъ трости, потомъ). Да нѣтъ, Катенька, кажется, нѣсколько слизко; подай мнѣ трость.

Катя.

Коли вамъ она не надобна, такъ позвольте мнѣ нѣсколько ею полюбоваться.

Горбура.

Конечно, не очень надобна, да ... (Шатается и ловитъ по воздуху руками) однако жъ подай, подай скорѣе! (Упадаетъ, но Сумбуръ ее подхватываетъ.)

Сумбуръ.

Вотъ, бабушка, что было вы надѣлали! Прилично ли вамъ, въ ваши лѣта, отпираться отъ старости? Катя, подай скорѣе трость!

Горбура.

Не надобно, невѣжа! я лучше сяду на землю, нежели возьму трость.

Нѣтъ, нѣтъ, внукъ, не мысли,
Старухой не числи
Меня ты никакъ.
Я силы имѣю,
Ходить я умѣю —
Такъ ходитъ не всякъ.

(Къ Постану.)

Кто таетъ любовью,
Вспаленною кровью,
Ничуть тотъ не старъ;
А я ощущаю
И въ сердцѣ вмѣщаю
Прелестный сей жаръ.

Проныръ (Постану).

Какъ вы не догадываетесь, сударь, что до васъ дѣло доходитъ.

Постанъ.

Позвольте, сударыня, мнѣ имѣть честь васъ нѣсколько поддержать. (Поддерживаетъ ее по ту же сторону, гдѣ Пріята).

Явленіе восьмое.

Сумбуръ, Постанъ, Горбура, Ужима, Пріята, Катя и Пронырь.

Катя (Ужимѣ).

А, бабушка сударыня!

Ужима.

Добро, негодница, я тебя отучу!

Уйми, мой сынъ, свою ты дочь:
Покою нѣтъ ни день, ни ночь:
Всегда визжитъ, всегда хлопочетъ;
Ни слова выслушать не хочетъ,
И смѣетъ безъ стыда
Бранить меня всегда!

Сумбуръ.

Какъ, сударыня?

Ужима.

Да вотъ, походя, кричитъ мнѣ: бабушка да бабушка, хотя ея совсѣмъ не спрашиваютъ, и этимъ именемъ какъ-будто по носу меня хлещетъ!

Сумбуръ.

А вамъ, сударыня, не стыдно ли сердиться?

Ужима.

И ты за нее! Помни же... Но что это сдѣлалось матушкѣ?

Постанъ.

Почти ничего, сударыня!

Горбура.

Таки и совсѣмъ ничего. Катенька! Но подай мою тросточку.

Катя.

Вотъ она сударыня. (Подаетъ ей трость и кладетъ въ карманъ къ Постану письмо. Въ то же время, въ тотъ же карманъ кладетъ письмо Ужима, а въ другой карманъ Пріята и Горбура также по письму, и всѣ въ карманахъ схватываютъ другъ у друга руки.)

Катя.

Тише, тише, сударыня!

Горбура.

А, другъ мой, поймала я!

Ужима.

Ладно, ладно и я поймала!

Катя.

Такъ и я поймала!

Пріята.

Что мнѣ дѣлать?

Сумбуръ (Постану).

А, смѣю спросить, сударь, что у васъ такое въ карманахъ то ловится?

Ужима.

Да вотъ, посмотри, что твоя дочка дѣлаетъ! (Подаетъ ему письмо.)

Сумбуръ.

Посмотримъ, сударыня. Да это ваша рука!

Ужима.

Ахъ, какъ я ошиблась!

Сумбуръ.

Нѣтъ, мы ничего, прочтемъ (читаетъ). „Милой предметъ, дорогой Постанъ, ты такъ плѣнилъ мое сердце, что я сама рѣшилась открыть тебѣ твое счастіе. Не употребляй во зло моей слабости, а я вся твоя. Ужима.“ — Вотъ чего стоятъ, господинъ Постанъ, твои прогулки!

Горбура.

Не стыдно ли, дочка, такіе ли я тебѣ подаю примѣры? Да ты и Пріятушку то тому же научила. Посмотри-тка, внучекъ, ея письмо! (Подаетъ ему письмо).

Сумбуръ.

„Милостивому моему дитяти, Постану, желаю много лѣтъ здравія и многая лѣта.“ Начало хорошо! (Постанъ клянется.) „Было бы тебѣ извѣстно, мой дорогой, что ты мнѣ нравишься; я же, батька, и сама еще не такъ стара, чтобы не могла мила быть; благодаря Бога, какъ зубы, такъ и волосы мои всѣ цѣлы. И ежели ты поторопишься на мнѣ жениться, то я еще успѣю ихъ принести тебѣ въ приданое. Затѣмъ остаюсь твоя усердная Горбура.“

Вы подлинно хорошіе примѣры подаете! Катя! подай ты свое письмо.

Катя.

Да уже оно не нужно, сударь!

Сумбуръ.

Подай же, говорю я! или...

Катя.

Что мнѣ сдѣлать? Извольте.

Сумбуръ.

„Любезный Постанъ! Я ... я ...“ Вотъ какъ ты писала, что и разобрать нельзя... „я... я... тебя люблю: скажи же и ты, что я тебѣ любезна; а я ... я ... буду ...“ Ничего не разберешь! Вотъ каковы нонче дѣвушки: грамотѣ еще хорошенько не знаетъ, а уже любовныя письма пишетъ! Сестра, а твое письмо гдѣ?

Пріята.

У меня, сударь, никакого нѣтъ, а въ любви я не запираюсь.

Сердце, драгимъ предметомъ страстно,
Не тается въ томъ напрасно,
Въ чемъ, довольное судьбой,
Числитъ счастье и покой.

Я драгимъ Постаномъ таю
Имъ плѣняюсъ и пылаю;
Имъ живетъ душа моя,
Имъ однимъ счастлива я!

Сумбуръ.

Не стыдно ли, милостивыя государыни, въ ваши лѣта вдаваться въ такія неустройства?

Ужима, Горбура, Катя, Пріята.

Наши лѣта не помѣха —
Что̀ ты намъ не говори!

Ужима и Горбура.

А любовь всегда утѣха,
Сколько вздоровъ ты ни ври.

Сумбуръ.

Прекрачу я ваши споры.

(Постану и Пронырy.)

Вамъ за шутку отплачу.

Постанъ и Пронырь

Бойся, бойся съ нами ссоры.

Сумбуръ.

Вамъ бока я отверчу.

Женщины.

Чѣмъ онъ виненъ предъ тобою,
Что любимъ толико мною?

Сумбуръ.

Тѣмъ, что съ тѣхъ несносныхъ поръ,
На носу моемъ играя,
Вы, расходамъ мѣръ не зная,
Деньги сыплете, какъ соръ.

Всѣ ему.

Постыдись, сударь, скупиться,
За бездѣлицу сердиться;
Вся полна твоя сума.

Сумбуръ.

Льзя ли мнѣ ходить спокойно,
Когда все здѣсь такъ нестройно,
И лишились всѣ ума?
Только я изъ васъ помалу
Вашу страсть искореню,
И сего я подлипалу
Прочь отселѣ отгоню.

Женщины.

Вмѣстѣ.

Нѣтъ, любя его сердечно,
Не разстанусь съ нимъ я вѣчно;
Съ нимъ иду къ себѣ теперь.

Постанъ.

Нѣтъ, любя ее сердечно,
Не разстанусь съ ней я вѣчно;
И иду къ тебѣ теперь.

(Онѣ подходятъ его взять.)

Сумбуръ.

Цыцъ, и съ мѣста ни ногою,
Иль не будешь съ головою,
Только пальцемъ тронь ты въ дверь!

Женщины.

Чтобъ разогнать нашу скуку,
Грусти, печали и муку,
Просимъ покорно васъ къ намъ.

Постанъ и Пронырь.

То себѣ честью вмѣняя,
Благодарить какъ не зная,
Идемъ охотно мы къ вамъ.

Сумбуръ.

Прочь безъ большого содому,
Прочь, сударь — къ этому дому
Сдѣлать шага вамъ не дамъ.
(Къ женщинамъ.)
А васъ прошу покорно
Войти скорѣй въ него.

Женщины.

Мы идемъ всѣ безспорно,
Пусти лишь къ намъ его.

Сумбуръ (дочери и Пріятѣ).

Очень многаго желаешь,
Чтобы побылъ онъ у васъ:
Развѣ ты того не знаешь,
Что истратить можно въ часъ?
(Постану и Проныру.)
Я съ дубиной полновѣсной
Буду ждать тебя у насъ.

Женщины (Сумбуру).

Коль его ты не пускаешь
Къ намъ теперя, хоть на часъ,
Такъ опослѣ не узнаешь,
Когда будетъ онъ у насъ.
(Постану.)
Не тужи, Постанъ прелестной,
Насъ теряючи изъ глазъ,
Не тужи, Постанъ, любезной,
Будь готовъ увидѣть насъ.

Проныръ и Постанъ (Сумбуру).

Коль меня ты не пускаешь
Къ нимъ теперя хоть на часъ,
Такъ опослѣ не узнаешь,
Когда буду я у васъ.
Мнѣ увидѣться съ любезной
Драгоцѣненъ всякой часъ!

Конецъ второго дѣйствія.

Вместѣ.

Дѣйствіе третіе.

Театръ представляетъ комнату т. Сумбура; на театрѣ ночь.

Явленіе первое.

Сумбуръ

одинъ, спитъ на стулѣ, держитъ въ рукахъ палку; потомъ, просыпаясь, говоритъ.

Кажется, все исправно, даже и пуговицы цѣлы. Я не долго спалъ. Этимъ нахаламъ нѣкогда было сюда войти. Желалъ бы я посмотрѣть, какъ они сюда войдутъ: какъ бы я встрѣтилъ ихъ своей палкой! Но они, вѣрно, сюда будутъ, и я уже напередъ воображаю, какъ имъ нелюбо будетъ со мною встрѣтиться, и какъ они передо мною будутъ вертѣться, а я, схвативъ ихъ за волосы,

За ночное посѣщенье
Симъ гостямъ, незваннымъ мной,
Дамъ изрядно угощенье:
Съ ихъ раздѣлаюсь спиной.
Здѣсь, прижавъ ихъ плотно въ руки,
Притаскаю взадъ, впередъ.
Спину имъ всчешу отъ скуки
И потѣшу свой животъ!

Явленіе второе.

Сумбуръ и Извѣда.

Сумбуръ

(услыша входящую Извѣду и бѣжа отъ нея).

А, а, попался! Сказывай, кто тутъ? скорѣе, кто тутъ?

Извѣда.

Ахъ, сударь!

Сумбуръ.

А, это ты, красавица! (Особо.) Тьфу къ чорту, какъ она меня испужала! (Извѣдѣ.) А зачѣмъ ты здѣсь?

Извѣда.

Принести, сударь, вамъ повинную.

Сумбуръ.

Какъ! въ чемъ?

Извѣда.

Я, сударь, хотѣла обмануть васъ и провести слуга Постана и Проныра.

Сумбуръ.

Какъ, негодница, такъ развѣ ты сочла меня дуракомъ?

Извѣда.

Я, сударь, виновата . . . .

Сумбуръ.

И ты могла подумать, что у меня ни на волосъ понятія и ни крошки мозгу въ головѣ нѣтъ!

Извѣда.

Виновата, сударь!

Сумбуръ.

Ты смѣешь воображать, что я несмысленной скотъ, незнающей различить бѣлаго отъ чернаго!

Извѣда.

Ахъ, сударь! по повинную голову мечъ не сѣчетъ.

Сумбуръ.

Да, конечно, твою повинную голову мечъ не посѣчетъ, а съ нея будетъ довольно доброй дюжины пощечинъ.

Извѣда.

Все, сударь, передъ вами. Но позвольте мнѣ вывести васъ изъ обману, которой вамъ приготовленъ.

Сумбуръ.

Отъ обману! . . . Думаешь ли ты, что родился тотъ человѣкъ, которой бы могъ меня обмануть? Я все сквозь вижу; я уже напередъ зналъ всѣ ваши шашни и заговоры. Однако же, сказывай мнѣ это такъ, какъ будто бы я ничего не зналъ.

Извѣда.

Видите ли, сударь, я было первая была изъ заговорщиковъ, но я, сударь, опамятовалась.

Сумбуръ.

Ладно.

Извѣда.

Я, сударь, подумала: баринъ мой такой доброй человѣкъ . . . .

Сумбуръ.

Конечно.

Извѣда.

Что жаль, чтобы барыни пожаловали его въ дураки и въ ротозѣи . . . .

Сумбуръ.

Правда.

Извѣда.

Я хотя и подумала, сударь, что вы послѣ сего такъ же будете разсудительны, какъ есть нынѣ и какъ были прежде ...

Сумбуръ.

Такъ.

Извѣда.

Хотя говорила я: баринъ мой такъ умень, что никакое дурачество не можетъ сдѣлать его глупѣе...

Сумбуръ.

Люблю за правду.

Извѣда.

Однако заключила я: ему, конечно, не противно будетъ, когда я его увѣдомлю о новомъ дурачествѣ его дочки, сестрицы, матушки и бабушки.

Сумбуръ.

О, я сердечно радъ!

Извѣда.

Итакъ, знаете ли, что онѣ вздумали съ вами скудесить?

Сумбуръ.

А что?

Извѣда.

Онѣ, сударь, безъ вашего позволенія хотятъ сытрать свадьбу.

Сумбуръ.

Ахъ, пропалъ я, Извѣда! что дѣлать? Онѣ разорятъ меня, . . Хотятъ сыграть свадьбу! Да разсудили ли онѣ хоть то, что она по крайней мѣрѣ вскочитъ рублей въ триста, а я послѣ долженъ ихъ оплачивать!

Извѣда.

Какого, сударь, разсужденія захотѣли вы тамъ, гдѣ всѣ норовятъ или жениться, или замужъ идти!

Гдѣ свадьбу даютъ,
Тамъ пьютъ и поютъ;
О деньгахъ не мыслятъ.
Забавы лишь числятъ —
Хозяинъ хоть вой,
Цѣной дорогой
Корми всѣхъ и пой.
Тамъ винами льются,
Цѣлуясь дерутся.
Когда жъ перепьются,
Ему жъ насмѣются,
И ѣдутъ домой.
А онъ, какъ проснется,
Въ долгу остается,
И свадебной счетъ
Не выплатитъ въ годъ!

Сумбуръ.

Скажи, какъ онѣ хотятъ это сдѣлать?

Извѣда.

Онѣ, сударь, хотѣли Постана впустить сюда.

Сумбуръ.

О, да вѣдь я самъ не промахъ. Знаешь ли, что я для того и не сплю всю ночь, чтобъ ихъ здѣсь встрѣтить; я уже слышалъ ихъ предпріятіе.

Извѣда.

Вы стережете здѣсь, а онѣ хотятъ его впустить съ улицы въ окошко; потомъ, какъ онѣ уже знаютъ, что онѣ соперницы, то при немъ хотятъ кинуть жеребей, кому онъ достанется, и потомъ уйти съ нимъ въ окошко же, чтобы обвѣнчаться . . . .

Сумбуръ.

Уйти, съ этимъ негодницей? уйти! . . . Извѣда, но я половину только въ страхѣ: ежели жеребей

достанется въ пользу Пріяты, то она такъ, робка, что, вѣрно, на то не согласится; а ежели въ пользу бабушки, то она, благодаря Бога, уже въ такихъ лѣтахъ, что, вѣрно, не добредетъ до церкви. Да вотъ бѣда моя: ежели онъ выверится или дочкѣ или матушкѣ, то уже, какъ дважды два, мнѣ быть въ накладѣ . . . О негодная дочь! Я пойду . . .

Извѣда.

Постойте, сударь, что вы хотите дѣлать? Ежели не сегодня, такъ онѣ завтра осторожнѣе поступятъ.

Сумбуръ.

Нѣтъ, Извѣда, кому бы жеребей не вынулся, а я свадьбы не буду играть. Пойду и всю посуду приготовлю къ утрему въ ломбардъ, чтобы имъ ни пить, ни ѣсть было не изъ чего.

Извѣда.

Эту то вашу хитрость онѣ, сударь, и предвидѣли, и для того послали къ росговщику Вездралову за хрустальной и за фарфоровой посудой, которую, я думаю, уже скоро и принесутъ.

Сумбуръ.

Ну, какъ ты не согрѣшишь и не скажешь, что онѣ всѣ изъ ума выжили? Кстати ли на свадьбѣ фарфоровая посуда? Хоть бы вспомнили, что его высокородіе г. Рубакинъ и его высокоблагородіе г. Шатомысловъ двое въ состояніи въ шесть минутъ и пьяными напиться и столъ опрокинуть.

Извѣда.

Сохрани Богъ, сударь! Вездраловъ взялъ съ нихъ подписку, чтобъ за всякую разбитую тарелку платить по шести рублей, а за рюмку по полтора рубли; но, можетъ быть, сударь, будутъ такъ бережны . . .

Сумбуръ.

Ахъ, нѣтъ! мое сердце чувствуетъ, что завтре что-нибудь да будетъ раскокано . . . Что мнѣ дѣлать? подай совѣтъ.

Извѣда.

Вамъ, сударь, неотмѣнно нужно стеречь у воротъ этого Постана, и какъ онъ будетъ подходить и лѣзть въ окошко . . .

Сумбуръ.

Да, такъ! я и скажу ему, чтобъ онъ шелъ своей дорогой. Ай, Извѣда! Но я награжу твое прямодушіе новымъ платкомъ. Пойду же къ воротамъ съ Грызучкою, моею дворовою собакою; и ежели этотъ негодной Постанъ попадется, то я надѣюсь, что мы съ ней другъ другу въ храбрости не уступимъ.

Извѣда.

Да вотъ и посуду несутъ.

Явленіе второе.

Прошырь и Постанъ (которыхъ несутъ въ двухъ корзинахъ). **Сумбуръ и Извѣда.**

Сумбуръ
(подсобляя нести одну корзинку).

Тише, тише, братцы, Бога ради, хоть вы не разорите меня: не разбейте чего-нибудь! поставьте же ее вотъ тутъ. (Ставитъ самъ одну, потомъ другую.) Ну, ладно! Теперь, какъ гора съ плечъ свалила. (Работники уходятъ.) Однако, Извѣда, посмотрю я, нѣтъ ли тутъ разбитой посуды.

Извѣда.

На что это, сударь?

Сумбуръ.

Нѣтъ, нѣтъ, очень надобно. Возьми, пересчитай ее всю при мнѣ, чтобы, взявъ лычко, не заплатить ремешкъ.

Извѣда.

Помилуйте, сударь, а между тѣмъ Постанъ успѣетъ влѣзть и вылѣзть!

Сумбуръ.

Да, правда! Такъ, такъ ишь я пойду туда, а ты пожалуйста, осмотри хорошенько, что тутъ стоитъ и, при случаѣ, будь свидѣтельницею, что я ихъ очень осторожно принялъ. (Уходитъ.)

Извѣда.

А я пойду съ госпожъ собирать подарки за мою хитрость. (Уходитъ.)

Явленіе третье.

Проныръ
(высовывая голову изъ корзины).

Какая страшна тьма!
Гдѣ я — совсѣмъ не знаю,
Отъ страха обмираю,
Лишаюся ума.
Какъ въ бокъ меня толкаютъ,
Въ глазахъ моихъ мелькаютъ
Ужасныя мечты.
Народъ, чертей я зрю съ рогами;
Тамъ бѣсы гнутся всѣ дугами;
Тамъ черти синіе съ крюками.
Постанъ, Постанъ, не тутъ ли ты?

Постанъ (выглядывая).

Проныръ!

Проныръ (испужавшись).

Кто тутъ?

Постанъ.

Не бойся,
Скрѣпися.

Пронырь.

Постанъ, Постанъ!

Постанъ.

Спокойся:

Я здѣсь.

Пронырь.

А я чуть живъ.

Пронырь.

Да, будешь здѣсь трусливъ;
Боюсь, хотя и стыдно:
Любовь помощникъ мой.
Скрѣпи любовь разсудокъ мой,
Не испужался бъ я драгой!

Постанъ.

Стыдись быть такъ трусливъ;
Мнѣ это ужъ обидно,
Что ты моимъ слугой.
Ахъ, вспомни хоть, Пронырь драгой,
Зачѣмъ мы призваны съ тобой!

Вмѣстѣ.

Постанъ.

Пронырь, перестань трусить! или ты думаешь, что мы здѣсь въ опасномъ мѣстѣ? неужели ты чертей боишься?

Пронырь.

Какихъ чертей, сударь? Для меня здѣсь всего страшнѣе Сумбуръ. Я того и глядѣлъ, что онъ вздумаетъ освидѣтельствовать, хороша ли посуда.

Постанъ.

Однако встань и поди, послушай, нейдетъ ли кто сюда, и какъ скоро войдетъ сюда Пріята, то мнѣ скажи.

Пронырь.

Воля ваша, сударь, я не изъ чего не встану, до-

колѣ вы не вганете. Мнѣ кажется, я на всякомъ шагу здѣсь голову сломлю.

Постанъ (вставая.)

Вставай же, я всталъ.

Проныръ (встаетъ).

Пречудное дѣло, сударь, какъ любовь то хитра. Кто бы подумалъ, что мы можемъ ворваться въ такое строгое мѣсто — анъ, съ помощію любви и Извѣды, это все сдѣлано. Ваши любовницы во время нашей прогулки выслали къ намъ Извѣду; она намъ сказала, что мы перенесены будемъ сюда въ корзинкахъ, и потомъ насъ втащили, какъ пословъ. Но что же вы намѣрены дѣлать?

Постанъ.

Уговорить Пріяту, чтобы она уѣхала со мною. Она, конечно, увидитъ страсть мою и согласится на мое желаніе, а завтре мы возвратимся сюда обвѣнчанными.

Проныръ.

А я, сударь, съ Извѣдой то же сдѣлаю, что вы съ Пріятой.

Постанъ.

Тише, кто то идетъ.

Явленіе четвертое.

Постанъ, Проныръ, Горбура, Ужима, Пріята, Катя и Извѣда.

Горбура.

Аукни мнѣ шопоткомъ, Постанушка!

Пріята.

Гдѣ ты, любезной Постанъ?

Ужима.

Вздохни покрѣпче, любезной, чтобъ я тебя услышала.

Катя.

Шаркни хорошенько, милой Но [1]

(Онѣ ищутъ его руками и поютъ.)

Извѣда.

Пронырь, Пронырь, куда тебя лукавой занесъ?

Женщины.

Вмѣстѣ.

Открой мнѣ, сердце, путь къ Постану.
Постанъ, гдѣ ты — скажись,
Пріятѣ страстной покажись;
Или мой стонъ тебѣ не внятенъ?
Предметъ любви драгой!
Любима ль я тобой
Такъ страстно, какъ ты мнѣ пріятенъ?

Мужчины.

Вмѣстѣ.

Гдѣ я искать Пріяту стану?
Пріята, ахъ, скажись,
Постану страстному явись!
Или мой стонъ тебѣ не внятенъ?
Предметъ любви драгой!
Любимъ ли я тобой
Столь много, сколь ты мнѣ пріятна? [1]

(Къ Пронырю по одну сторону подходитъ Катя, а съ другой Горбура Постанъ сходится съ Пріятой, а Ужима съ Извѣдою; онѣ схватываются руками и поютъ.)

Всѣ вмѣстѣ.

Какое трепетанье
И сердца волнованье!
Вся кровь во мнѣ кипитъ.

[1] По содержанію этихъ куплетовъ, они должны относиться только къ Постану и Пріятѣ.

И сердце возмущенно
Сквозь ночи мракъ сгущенной!

Мужчины.

Предметъ пыланья зритъ.
Отъ страсти весь я млѣю,
Безъ силъ въ восторгѣ тлѣю.
Предметъ любви драгой,
Ахъ, ты ль теперь со мной?

Постанъ и Пріята.

Бери надъ сердцемъ власть,
Любви пріятна страсть!
Твои прелестныя оковы
Сулятъ всякъ часъ утѣхи новы;
Тобой счастлива жизнь моя,
Тобой пылаю я.

Постанъ.

Чтобъ прекратить мою всю муку,
Ахъ, дай свою прекрасну руку!

Пріята.

Постанъ драгой, я вся твоя!
Сколь счастлива судьба моя!

Горбура и Катя.

Чтобъ прекратить мою всю муку,
Цѣлуй мою ты чаще руку.

Пронырь.

Ахъ, какъ мила рука твоя! (Особо.)
Знать, къ двумъ попался въ руки я.

Вмѣстѣ.

Явленіе пятое.

Прежніе и Сумбуръ.

Сумбуръ.

Ахъ, знать засталъ я свиданье!
Что за ночное собранье?

Всѣ, кромѣ Сумбура.

Кого я слышу здѣсь?

Всѣ.

Смутился духъ мой весь.
Кто здѣсь? кто здѣсь? кто здѣсь?

Горбура и Катя

(тянутъ Проныра всякая въ свою сторону.)

А, знать, Сумбуръ вошелъ сюда;
Пойдемъ, Постань драгой, туда!

Сумбуръ.

Слышу я топотъ,
Шарканье, шопотъ;
Знать, не одинъ
Здѣсь господинъ.
Съ мѣста тронуться —
Боюсь ворохнуться.
Горько молчать,
Страшно кричать!
Дамъ на отвагу
Добрую тягу,
Тише пройдемъ,
Мѣшкать не станемъ,
Тотчасъ нагрянемъ,
Съ свѣчами, съ дубьемъ!

Явленіе шестое.

Горбура, Ужима, Пріята, Катя, Постанъ, Извѣда и Пронырь.

Ужима.

Ушелъ! Провались онъ! Я думала, что онъ тебя поймаетъ.

Пронырь.

Думаете ли вы, что я такъ робокъ и боюсь, ежели онъ меня нѣсколько помуштруетъ?

Ужима.

Вы, молодые люди, конечно, не боитесь, когда у васъ что-нибудь изломятъ; но намъ испорченной мужчина не всегда нравится.

Постанъ.

И такъ, любезная Пріята, я могу назвать себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ?

Пріята.

Будь увѣренъ, любезной Постанъ, что моя страсть вовѣки не перемѣнится.

Горбура.

Такъ, мой другъ, ты очень перепужался? Поцѣлуй же, въ награжденіе, мою руку.

Катя.

Любезной Постанъ, какъ мнѣ жаль, что я тебя не вижу; мнѣ было хотѣлось на тебя вблизи посмотрѣть, но поцѣлуй хотя за то мою руку.

Пронырь.

Тьфу, пропасть! долго ли мнѣ имъ руки будетъ цѣловать?

(Онѣ подносятъ къ его рту руки и схватываютъ другъ друга за руки.)

Катя.

Постанъ, твоя это рука?

Горбура.

Чья это рука?

Проныръ.

Какая рука? я свои обѣ изъ кармановъ почти не вынимаю.

Горбура.

А! я вижу тутъ плутовство.

(Онѣ позади Проныра хотятъ себя схватить и тянуть его назадъ, не разнимая своихъ рукъ.)

Проныръ.

Милостивая государыня, вы меня заставите караулъ кричать.

Горбура.

А, невѣрной! А кто подлѣ тебя по ту сторону?

Проныръ.

Да я ни по ту, ни по другую никого не разгляжу.

Горбура.

О! такъ я тотчасъ узнаю, и тебя, вѣроломнаго, не отпущу безъ наказанія.

Катя.

Я въ минуту поймаю.

(Онѣ бѣгутъ отъ оркестра, не разнимая рукъ и роняютъ Проныра.)

Проныръ.

Ахъ, я умираю!

Катя.

Этого мнѣ мало: я ни тебя, ни соперницу изъ рукъ не выпущу.

(Обѣ его держатъ, не давая ему встать).

Ужима.

Что такое тамъ сдѣлалось? (Идетъ къ Проныру, не выпуская Извѣду изъ рукъ.)

Пріята.

Кто еще здѣсь есть и что за шумъ? (Подходитъ также съ Постаномъ.)

Поютъ всѣ.

Тише! тише! кто такой?
Не шумите, ради Бога,
Тише, что здѣсь за тревога,
Что за ссоры въ часъ ночной?

Тише! тише говорятъ,
Будьте хоть на часъ спокойно:
Шумы дѣлать непристойно,
Всѣ когда здѣсь въ домѣ спятъ.

Явленіе послѣднее.

Горбура, Ужима, Пріята, Катя, Постанъ, Извѣда, Провлыръ и Сумбуръ (со свѣчами и съ вооруженными палками людьми.)

Сумбуръ (вбѣгая).

Разбой! разбой! разбой!
Ступайте всѣ за мной;
Ловите всѣхъ немедленно,
Хватайте всѣхъ, какъ велѣно!
Та, та, та, та, та, та, та, та,
Поймалъ я, други, васъ!

Постанъ.

Кто тронется изъ васъ впередъ,
На шпагѣ мѣсто тотъ найдетъ
И мертвъ падетъ сейчасъ.

Поговоримъ, сударь, лучше безъ ссоры и спокойно.

Сумбуръ.

Спокойно, государь мой... Нѣтъ, я пришелъ тебя въ свою очередь побезпокоить.

Горбура.

Такъ ты не Постанъ!

Катя.

Убирайся же къ чорту!

Пронырь (вставши).

Ей, ей, въ когтяхъ десяти чертей спокойнѣе быть, нежели въ рукахъ двухъ женщинъ. Ежелибы еще минута, то бы Пронырь Богу душу отдалъ.

Ужима.

Какъ ты смѣла, плутовка, меня обманывать?

Извѣда.

А для чего вы, сударыня, не въ лорнетъ изволили на меня смотрѣть?

Сумбуръ.

Тише, тише, господа! я пришелъ васъ помирить. Я вижу, что, наконецъ, мнѣ должно будетъ перенести нѣкоторой, и очень большой убытокъ, но какъ вѣдь я вычислилъ, что посѣщенія его милости въ годъ обуютъ меня въ лапти, и такъ, съ позволенія его, онъ долженъ на одной изъ васъ жениться.

Всѣ.

Какъ я счастлива!

Постанъ.

Государь мой, чѣмъ могу я возблагодарить за такое приказаніе?

Сумбуръ.

Тѣмъ, государь мой, чтобъ жениться и чтобъ впредь не дѣлать такихъ прогулокъ, которыхъ бы я въ шесть лѣтъ не выплатилъ. Извольте выбирать любую.

Постанъ.

Познайте, сударь, что прекрасная ваша сестра воспламенила мое сердце.

Катя.

Какъ, а не я?

Ужима.

Постанъ! Постанъ! развѣ ты забылъ мое имя?

Горбура.

Постанушка, мой другъ! вѣдь я его не сестра!

Постанъ.

Я это знаю, милостивыя государыни, и чувствую отъ того къ вамъ почтеніе.

Всѣ.

А не любовь!

Постанъ.

Любовь? Я ее чувствую къ одной Пріятѣ.

Ужима.

Измѣнникъ! я отъ тебя имѣю любовное письмо.

Катя.

Ты писалъ, что ты меня любишь.

Горбура.

Да ты и ко мнѣ, другъ, о томъ же писалъ грамотку.

Пріята.

Что я слышу? Постанъ!

Постанъ.

Я къ вамъ писалъ! а отъ кого вы получили мои письма?

Всѣ (указывая на Проныра).

Отъ него мы взяли.

Проныръ.

Взяли? сударыни, нѣтъ, съ позволенія вашего сказать, вы меня ограбили и вытащили у меня изъ кармановъ моей руки письма, которыя я имѣлъ привычку носить въ карманахъ ко всякой женщинѣ, которая будетъ имѣть счастіе мнѣ вдругъ понравиться.

Сумбуръ.

Вотъ какое дурачество! Сдѣлай милость, господинъ Постанъ, женись скорѣй на Пріятѣ; можетъ быть, это будетъ лѣкарствомъ отъ любви ея соперницамъ. Женись же, да и какъ можно скорѣе.

Проныръ.

А мнѣ, сударь, уступите Извѣду!

Сумбуръ.

Я тебѣ ее полой отдаю. Согласна ли ты, Извѣда? Но цѣла ли посуда фарфоровая?

Извѣда

(указывая на Проныра и Постана).

Цѣла, сударь, вотъ она!

Сумбуръ.

Эдакая плутовка, и она меня обманула! Пронырь, ты уже ей за меня отплатишь.

Проныръ.

Слышишь ли, Извѣда, чуръ же и въ мою комнату фарфору не таскать.

Катя.

А я и осталась безо всего!

Ужима.

Эдакая пропасть!

Горбура.

Ну вотъ, матка, я какъ курь во щи.

Сумбуръ.

Итакъ, наконецъ, согласны ли вы на это?

Горбура.

Согласны; да иначе и быть нельзя.

Сумбуръ.

И я также. Любви не можно противиться, когда она кстати пожалуетъ.

Всѣ.

Любовь пріятно сердцу бремя,[1]
Когда полюбитъ кто во-время;
А тотъ, кто любитъ не въ черед,
Одну въ любви отраву пьетъ.

Сумбуръ.

Съ сестрой охотно разстаюся,
Хотя ее люблю;
Но какъ съ казной я разступлюся,
Какъ деньги уступлю?
Мѣшки мои любезны!
Вы были мнѣ полезны.
Постанъ, люби ты ихъ,
Друзей нелицемѣрныхъ —
Ходатаевъ усердныхъ
Найдешь себѣ ты въ нихъ!

Всѣ.

Любовь пріятно сердцу бремя,
Когда полюбитъ кто во-время;
А тотъ, кто любитъ не въ чередъ,
Одну въ любви отраву пьетъ.

[1] Ср. Пушкинъ „Любви всѣ возрасты покорны".

Катя.

Старики любовь бранятъ,
А за что, того не знаю.
Замужъ всѣ здѣсь норовятъ,
Такъ и я того желаю,
Замужъ, замужъ я хочу.

(Сумбуру.)

Въ утѣшенье нѣжну жару,
Дай мнѣ жениха подъ пару,
Иль я сама его сыщу.

Всѣ.

Любовь пріятно сердцу бремя,
Когда полюбитъ кто во-время;
А тотъ, кто любитъ не въ чередъ,
Одну въ любви отраву пьетъ.

Горбура и Ужима.

Будемъ-ко мы степениться:
Знать, не кстати намъ любиться!
Видно, нельзя намъ плѣнять;
Что жъ на Постана пенять?
Знать, тѣ часы миновали,
Какъ пригожи мы бывали!
Такъ отъ любви отойдемъ,
Лучше съ тобой пропоемъ:
Что старики ни затѣютъ,
Все старики проглазѣютъ.

Всѣ.

Любовь пріятно сердцу бремя,
Когда полюбитъ кто во-время;
А тотъ, кто любитъ не въ чередъ,
Одну въ любви отраву пьетъ.

Постанъ и Пріята.

Печали были намъ отрава,

Любовь награда и забава;
Что есть любви пріятнѣй сей?

Постанъ.

Будь, Пріята, ты моей.

Пріята.

Будь и ты моимъ на-вѣки.

Вмѣстѣ.

Намъ утѣхъ польются рѣки,
Мы счастливѣе царей.

Всѣ.

Любовь пріятно сердцу бремя,
Когда полюбитъ кто во-время;
А тотъ, кто любитъ не въ чередъ,
Одну въ любви отраву пьетъ.

Пронырь и Извѣда.

Мы съ тобой, прелестной взоръ,
Поставимъ договоръ,
Чтобы любить чистосердечно,
Тебя, душа моя, мнѣ вѣчно[1],
Чтобъ страсть тверда была моя.

Извѣда.

Но ежель ты передо мною
Плѣняться вздумаешь иною . . .

Пронырь.

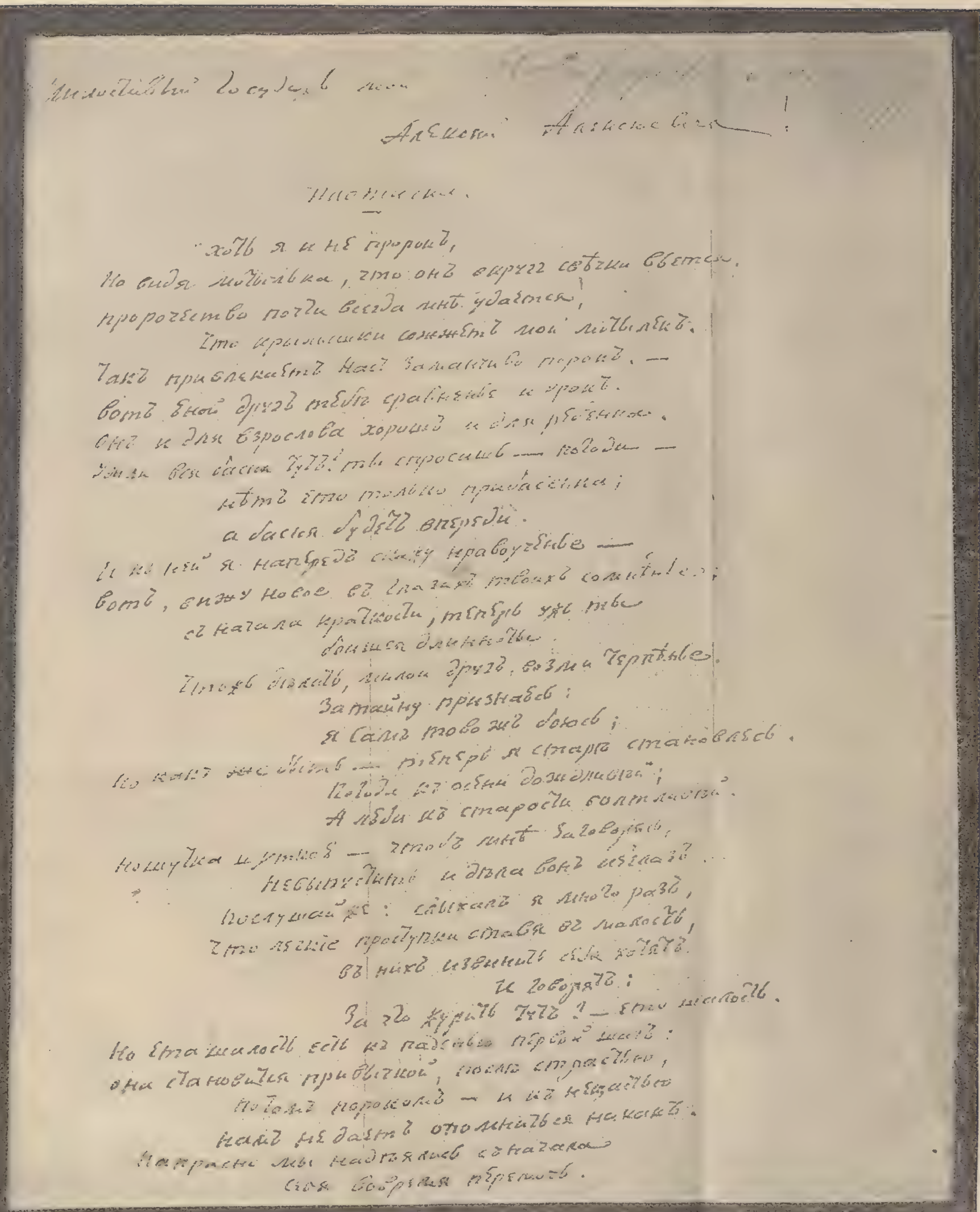
Но ежель мнѣ надъ головою

[1] Въ „Ѳеатрѣ" — вѣрно: очевидная опечатка (рифма чисто-сердечно).

Рога поставятся тобою —
Тогда бѣда твоя.

Всѣ.

Любовь пріятно сердцу бремя,
Когда полюбитъ кто во-время;
А тотъ, кто любитъ не въ чередъ,
Одну въ любви отраву пьетъ.


Милостивый государь мой
Алексей Алексеевичъ!

Плотичка.

Хоть я и не пророкъ,
Но видя мотылька, что онъ вокругъ свечи вьется,
Пророчество почти всегда мне удается,
Что крылышки сожжетъ мой мотылекъ.
Такъ привлекаетъ насъ заманчиво порокъ. —
Вотъ, милой другъ, тебе сравненье и урокъ.
Онъ и для взрослаго хорошъ и для ребенка.
Ужли вся басня тутъ? ты спросишь — погоди —
Нетъ, это только присказенка;
А басня будетъ впереди.
И къ ней я напередъ скажу нравоученье —
Вотъ, вижу новое въ глазахъ твоихъ сомненье;
Сначала краткости, теперь ужъ ты
Боишься длинноты.
Что делать, милой другъ, возьми терпенье.
За тайну признаюсь:
Я самъ того же боюсь;
Но какъ же быть — теперь я старъ становлюсь.
Погода къ осени дождливей;
А люди къ старости болтливей.
Но шутка и урокъ — чтобъ мне заговорясь,
Несбыточное [illegible] ...
Послушай же: слыхалъ я много разъ,
Что легкие проступки ставя въ малость,
Въ нихъ извинить себя хотятъ.
И говорятъ:
За что журить тутъ? — это шалость.
Но эта шалость есть къ паденью первой шагъ:
Она становится привычкой, после страстью,
Потомъ порокомъ — и [illegible]
Намъ не даетъ опомниться никакъ.
Напрасно мы надеялись сначала
Свое [illegible] [illegible].

Крыловъ. I.

Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

Письмо Крылова (съ баснями и припиской А. Н. Оленина) 1821 г.

Изъ собраній А. К. Пожарскаго.

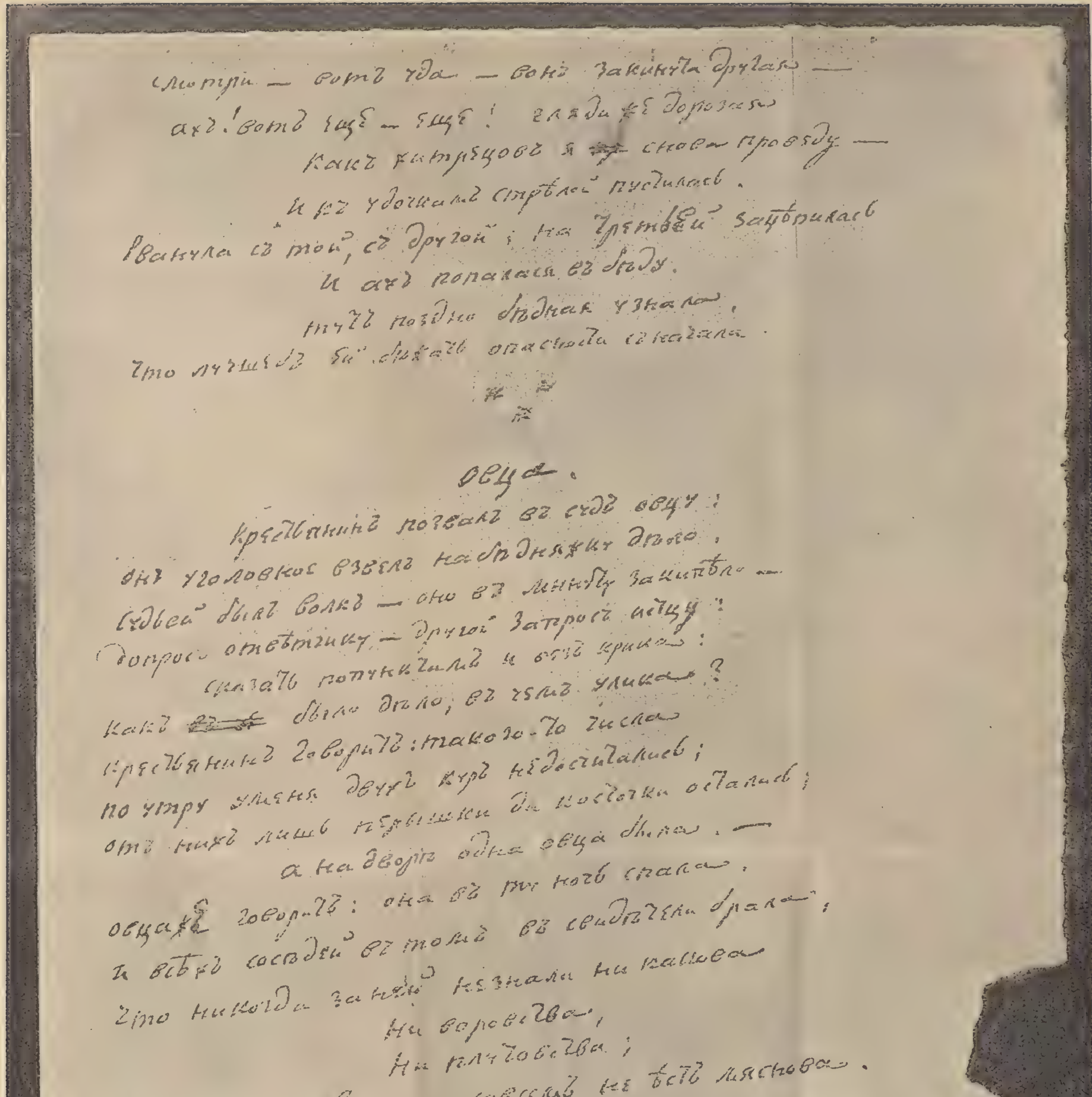
Такая мысль всегда въ погибель вовлекала.
Беги сперва ты лучше прочь.
А чтобъ тебѣ еще сильнѣй представить,
Какъ на себя надѣянность вредна,
Позволь мнѣ баснькой себя ты позабавить.
Теперь изъ подъ пера сама идетъ она
И можетъ съ пользою тебя наставить.
Не помню у какой рѣки,
Злодѣи царства водяного,
Пріютъ имѣли рыбаки.
Въ рѣкѣ поблизости у берега крутого
Плотичка рѣзвая жила,
Проворна и лукава,
Небоязливаго была Плотичка нрава:
Вкругъ удочекъ она вертѣлась какъ юла,
И часто съ ней рыбакъ кляль промыслъ свой съ досады.
Когда за пожданье онъ въ чаяньи награды,
Закинетъ уду, глазъ не сводитъ съ поплавка —
Вотъ кажется взяла — въ немъ сердце встрепенется;
Взмахнетъ онъ удой — глядь: крючокъ безъ червяка;
Плутовка, кажется, надъ рыбакомъ смѣется;
Сорветъ приманку, увернется,
И хоть ты что, обманетъ рыбака.
Послушай, говоритъ другая ей Плотица:
Не сдобровать тебѣ сестрица.
Иль мало мѣста здѣсь въ водѣ,
Что ты всегда вкругъ удочекъ вертишься.
Боюсь я: скоро ты съ рѣкой у насъ простишься.
Чѣмъ ближе къ удочкамъ, тѣмъ ближе и къ бѣдѣ.
Сегодня съ рукъ сошло; а завтра кто порука —
Но глупымъ, что глухимъ разумныя слова.
Вотъ! говоритъ моя Плотва,
Вѣдь я не близорука.
Хоть хитры рыбаки; но страхъ пустой ты брось:
Я вижу всѣ обманы ихъ насквозь.

Крыловъ. I.

Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

Письмо Крылова (съ баснями и припиской А. Н. Оленина) 1821 г.

Изъ собранія А. К. Пожарскаго.



смотри — вотъ тута — вонъ закинута другая —
ахъ! вотъ еще — еще! гляди же дорогая
какъ хитрецовъ я снова проведу —
И къ удочкамъ стрѣлой пустилась.
Рванула съ той, съ другой; на третьей захватилась
И ахъ попалася въ бѣду.
тутъ поздно бѣдная узнала,
Что лучше бъ ей бѣжать опасности сначала.

***

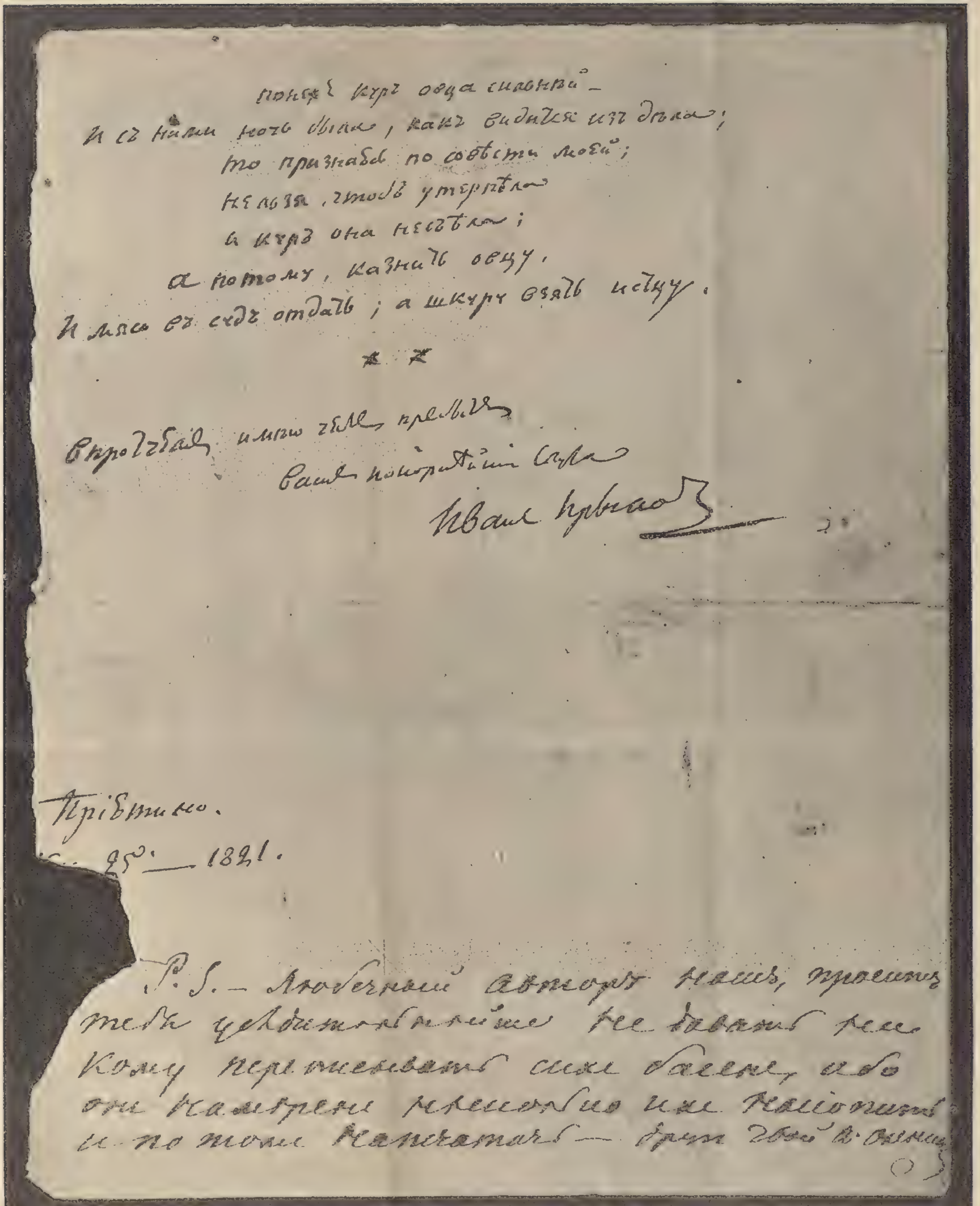
Овца.

крестьянинъ позвалъ въ судъ овцу;
онъ уголовное взвелъ на бѣдняжку дѣло,
Судьей былъ волкъ — оно въ минуту закипѣло —
Допросъ отвѣтчику, — другой запросъ истцу:
сказать попунктамъ и безъ крику:
какъ ~~было~~ было дѣло, въ чемъ улика?
крестьянинъ говоритъ: такого-то числа
по утру у меня двухъ куръ недосчитались;
отъ нихъ лишь перышки да косточки остались;
а на дворѣ одна овца была. —
овца же говоритъ: она всю ночь спала,
и всѣхъ сосѣдей въ томъ въ свидѣтели звала,
что никогда за ней не знали никакого
ни воровства,
ни плутовства;
а сверхъ того, она совсѣмъ не ѣстъ мясного.
но волчій приговоръ, вотъ отъ слова до слова:

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Письмо Крылова (съ баснями и припиской А. Н. Оленина) 1821 г.

Изъ собраній А. К. Пожарскаго.



понеже кур овца [illegible] —
И с ними ночь была, как видно из дела;
То признаюсь по совести моей;
нельзя, чтоб утерпела
а кур она не съела;
А потому, казнить овцу,
И мясо в суд отдать; а шкуру взять истцу.

* *

С [illegible] имею честь пребыть
Ваш покорнейший слуга
Иван Крылов

Приютино.
[illegible] 25. — 1821.

P. S. — Любезный автор наш, просит тебя убедительнейше не давать никому переписывать сих басен, ибо они намерены немедленно их [illegible] и потом напечатать — друг твой А. Оленин

Крыловъ. I.
Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

Письмо Крылова (съ баснями и припиской А. Н. Оленина) 1821 г.
Изъ собранія А. К. Пожарскаго.

IV.

Сочинитель въ прихожей.

1786.

Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ.

Въ письмѣ къ Соймонову самъ Крыловъ пріурочиваетъ свою комедію „Сочинитель въ прихожей“ къ 1786 г. Въ этомъ году она была принята на сцену, но въ виду разногласій и столкновеній съ театральнымъ начальствомъ, была поставлена на С.-Петербургскомъ театрѣ, по указанію Плетнева, (впрочемъ, не подтвержденному документальными данными) только въ 1794 г. Была напечатана въ „Рос. Ѳеатрѣ“ 1794 (ч. 41, стр. 151—228), откуда съ большими отступленіями отъ первоначальнаго текста перепечаталъ ее Плетневъ. Нами взятъ текстъ „Ѳеатра“.

Подъ именемъ Рѣомохвага позднѣе Крыловъ изображалъ Княжнина, но здѣсь оно несомнѣнно имѣетъ общее значеніе — „сочинителя въ прихожей“. Имя Новомодовой взято изъ „Кофейницы“.

Дѣйствующія лица.

Графъ Дубовой.
Госпожа Новомодова, его любовница.
Рифмохватъ, сочинитель.
Андрей, егерь графа.
Дарья, служанка г. Новодомовой.

Дѣйствіе въ прихожей комнатѣ дома г-жи Новомодовой.

Дѣйствіе первое.

Явленіе первое.

Андрей и Рѳомохватъ

(оба входятъ на театръ. Рѳомохватъ несетъ въ рукѣ тетрадь, а въ другой письмо; Андрей идетъ передъ нимъ).

Рѳомохватъ.

Да вить у меня въ письмѣ имя его сіятельства поставлено, такъ оно всякому графу пригодится.

Андрей.

Однако жъ, сударь, ежели бы вамъ удалось поднести моему барину, такъ вы бы ужесть много выиграли!

Рѳомохватъ.

Я было сперва надѣялся имѣть честь поднести ему мое сочиненіе, но какъ вы мнѣ говорите, что онъ такъ неприступенъ, то уже, противъ воли моей, начинаю нѣсколько сомнѣваться.

Андрей.

Правда, онъ неприступенъ; однако жъ есть путь, которымъ до него дойти можно. Онъ влюбленъ въ г-жу Новомодову; г-жа Новомодова во всемъ слушаетъ свою горничную Дарью, а Дашинымъ любовникомъ имѣю честь быть я.

Рнѳмохватъ.

Такъ путь не очень великъ . . .

Андрей.

Меньше, нежели на ружейной выстрѣлъ.

Рнѳмохватъ.

Вы, сударь, я думаю, не откажетесь поговорить обо мнѣ?

Андрей.

О сударь, должность христіанина есть помогать своему ближнему. Я, сударь, вить самъ печатному та немного маракую и знаю, что блажень человѣкъ, аще и скоты милуетъ, а вы мнѣ съ перваго взгляду понравились.

Рнѳмохватъ.

Я надѣюсь, что и господинъ вашъ . . .

Андрей.

О сударь! вы не повѣрите, какъ онъ васъ полюбитъ, когда узнаетъ въ подробность. Онъ самъ до стихотворства превеликой охотникъ и притомъ проказникъ превеликой. Однако жъ мнѣ надобно многое о чемъ васъ увѣдомить, а сидя гораздо способнѣе, — такъ милости прошу садиться.

(Андрей береть стулъ, который во всей комнатѣ одинъ находится. Рнѳмохватъ думаетъ, что то для него, кланяется Андрею и хочетъ у него принять стулъ, но тотъ, ставя, садится самъ.)

Андрей.

Безъ чиновъ, сударь!

Рнѳмохватъ.

А что онъ сочиняетъ, сударь?

Андрей.

Онъ, сударь, выбираетъ изъ многихъ книгъ, что ему полюбится, и у него изъ того выходитъ всегда

добрая книга, и вить за то, сударь, ученой человѣкъ!

Риѳмохватъ.

Такъ я и не ошибся, выхваляя его достоинства! Признаться, я боялся, не почелъ бы онъ лестію.

Андрей.

О, нѣтъ, сударь, не опасайтесь! Какъ бы вы его ни хвалили, онъ, вѣрно, не поставитъ это въ ошибку. Но позвольте мнѣ посмотрѣть ваше письмо.

Риѳмокватъ (кланяясь.)

Охотно; вотъ оно.

Андрей.

Также и книгу.

Риѳмохватъ (кланяясь.)

Съ радостію.

Андрей (читаетъ.)

„Сіятельнѣйшій графъ“ . . . Ахъ, вотъ это не хорошо! нѣтъ ли . . .

Риѳнохватъ (испужавшись).

Чего вамъ надобно?

Андрей.

Чернильницы съ перышкомъ нѣтъ ли у васъ?

Риѳмохватъ.

Ахъ, да вить письмо то бѣлое, и должно будетъ его переписывать . . . (особо) и уже въ тринадцатый разъ . . . Да што вамъ тутъ не понравилось?

Андрей.

Да вы, сударь, немного неучтиво поставили . . . сіятельнѣйшій графъ . . . это неотмѣнно надобно перемѣнить.

Риѳмохватъ.

Да вить онъ графъ, я думаю?

Андрей.

Эхъ, сударь, не мѣшаетъ. Вить вы знаете, что этихъ господъ, а особливо въ глаза, всегда больше цѣнить надобно, нежели чего они стоятъ.

Риѳмохватъ.

Да онъ осердится.

Андрей.

И, кстати ли, сударь; этимъ то ихъ братью и подстрѣливаютъ! Я, сударь, бывши отпущенъ отъ господина съ пачпортомъ, служилъ здѣсь одной барынѣ, у которой былъ братъ знатнымъ человѣкомъ, такъ ей и частехонько подписывали: ея превосходительству... Однако жъ, впрочемъ, какъ изволите. Посмотримъ, сударь, сочиненіе. (Андрей кладетъ оное на колѣни и когда указываетъ на что, то Риѳмохватъ наклоняется, чтобы разсмотрѣть, а Андрей издали смотритъ.) Это, сударь, что?

Риѳмохватъ.

Это значитъ явленіе 8-е.

Андрей.

Каково то оно?

Риѳмохвватъ.

О! я еще очень скроменъ, ежели скажу, что оно прекрасно.

Андрей.

А это, сударь.

Риѳмохватъ.

Это явленіе 10-е, не меньше прекрасное.

Андрей.

Радуюсь, сударь, радуюсь. А это?

Рнѳмохватъ (съ восхищеніемъ).

А это? это всѣхъ лучшее и возводящее піесу на верхъ славы, гдѣ неотмѣнно мозоли наколотятъ, хлопая въ ладоши . . . это явленіе . . . пожалуйте, сударь . . . . которое онпь это явленіе?

Андрей.

Какъ, сударь, и все явленіе? вотъ это не хорошо! Мой баринъ, вѣрно, ни одному не повѣритъ; вить, между нами сказано, онъ, сударь, атеистъ. Пожалуйте, назовите лучше, вмѣсто явленій, главами: ему и читать веселѣе, да и понятнѣе будетъ.

Рнѳмохватъ.

Однако жъ самъ Аристотель говоритъ . . .

Андрей.

А давно ль онъ жилъ?

Рнѳмоватъ.

Пить тысячи за двѣ съ небольшимъ . . .

Андрей.

Смотрите же, какъ это далеко; тогда еще и етерей за каретами не ставили, а ночье свѣтъ сталъ просвѣщеніе.

Рнѳмохватъ.

Ахъ, да вотъ, конечно, г-жа Новомодова! . . .

Андрей.

Нѣтъ, сударь; это ея служанка Дарья. Я объ васъ поговорю. Однако, позвольте намъ остаться. Вы знаете, что между людей такихъ, какъ мы, всегда имѣются тайности. Пожалуйте сюда.

Рнѳмохватъ.

Да куда тутъ?

Андрей.

Тутъ, сударь, прямо на парадное крыльцо... нѣтъ, ничего; вить нынче морозъ не въ десять градусовъ... или, выйдши въ двери, направо въ темныя сѣни... постойте хоть тамъ немного.... однако же, сударь, лучше на крыльцо то: оно очень широко.

Явленіе второе.

Дарья и Андрей.

Дарья.

Барыня приказала благодарить графа за тафту и за бюро, и приказала сказать, что она сегодня графа не увидитъ. Да съ кѣмъ ты разговаривалъ?

Андрей.

Это мой пріятель, стихотворецъ. Онъ хочетъ поднести графу явленія его выдумки... такъ я тебя хочу употребить предстательницею.

Дарья.

Очень хорошо. А какъ его зовутъ?

Андрей.

Его зовутъ... его зовутъ... да вить это все равно... его зовутъ стихотворцемъ!

Дарья.

Да ты сказалъ, что онъ тебѣ знакомъ...

Андрей.

Да до имени то его мнѣ что за нужда? Однако поговоримъ о нашемъ дѣлѣ. Вить мой ужъ баринъ начинаетъ ревновать къ твоей госпожѣ. Сіи недопуски такъ ему кружатъ голову, что они иногда и насъ задѣваютъ; такъ поговори-тко твоей госпожѣ,

чтобъ она хоть надъ нами сжалилась. Знаешь ли, Царья, у насъ какой обычай: коли которой день не посчастливилось барину въ любовницахъ, такъ онъ вечеромъ намъ то . . . .

Дарья.

Бѣдные! такъ вы таки, я чаю, нерѣдко биты бываете?

Андрей.

То нѣтъ, Царьюшка, вить онъ платитъ всегда наличными: ты сама свидѣтель . . .

Дарья.

Что ты бредишь, Андрей, и за кого ты барыню то мою почитаешь? Знаешь ли, что она дама благородная, такъ кстати ли, чтобы она деньгами брала? Да и, по совѣсти сказать, мы отъ графа ни полушки не видимъ!

Андрей.

Повѣрю; однако жъ, Царьюшка, вить перстни да серьги — тѣ же деньги; а къ твоей то барынѣ отъ графа нерѣдко летятъ тафты, атласы, часы и еще кое-что, такъ. нечего сказать, эдакія безсеребренницы выведутъ на свѣжу воду!

Дарья.

Такъ ты думаешь, что графу дорого стоитъ его любовь?

Андрей.

За всякое свиданье стоитъ ему новаго векселя.

Дарья.

Однако жъ, вить ты знаешь, что онъ женится на барынѣ?

Андрей.

Ха! ха! ха! а я не тебѣ. Какая жъ это будетъ добрая пара! Твоя госпожа и мой баринъ, кажется.

другъ для друга родились. Твоя госпожа самая модная кокетка, влюбившаяся въ себя, а мой баринъ вложилъ себѣ въ голову . . . (увидя потихоньку графа) четыре банки французской помады.

Явленіе третье.

Графъ, Дарья и Андрей.

Графъ.

Кто это?

Андрей.

Я говорю, ваше сіятельство, что вы, желая показаться прекраснѣйшимъ госпожѣ Новоломовой, вложили себѣ въ голову четыре банки французской помады.

Графъ.

Ха! ха! ха! вотъ прекрасно сказано: вложить въ голову французской помады! это новой терминъ и совершенно щегольской. Знаешь ли ты, мой другъ, что я его введу въ употребленіе? Какъ это остро! и эти низкія твари такъ счастливы на выдумки! ей, ей, и я лучше этого ничего не выдумывалъ! Какъ же это прекрасно, когда, вмѣсто, чтобъ сказать: у него намазана голова французскою помадою, будутъ говорить: у него въ голову накладена французская помада, — безподобно! обойми меня, мой другъ! Ты не повѣришь, Дарья, какъ мнѣ хочется ввести въ нашъ языкъ свои модныя слова; и для того то я съ мѣсяцъ думаю, какъ перенначить слово пудра.

Дарья.

Это, сударь, не такъ то тяжело — напримѣръ: каково бы это было, если бы я вамъ сказала: графъ, у тебя ужесть какъ голова набита пылью?

Графъ.

Точно такъ!... и ты, право, можешь быть учительницею модныхъ словъ. Но кстати о головахъ съ пылью: когда я увижу твою госпожу?

Дарья.

Она, сударь, севодни невидима.

Графъ.

Такъ-таки, — и это вѣчно! Да что жъ препятствуетъ?

Дарья.

У неѣ, сударь, севодни мигрень.

Графъ.

Что это значитъ?

Дарья.

Это значитъ: головная болѣзнь, которая ей препятствуетъ говорить и употреблять зрѣніе.

Графъ.

Прекрасно; это дѣлаетъ ее совершенною. Да вить ты знаешь, что мнѣ нѣтъ нужды до ея головы, пусть не глядитъ она на меня; по крайней мѣрѣ я на нее буду глядѣть. Однако жъ, каковы показались ей тафта и бюро?

Дарья.

Она ими очень довольна, и хотя на тафтѣ есть пятнышка съ четыре, а отъ бюро одна шпучка отклеилась, однако жъ это все ничего не стоитъ.

Графъ.

А, плутовка! какъ же ты сказала, что у твоей барыни мигрень и ей нельзя глядѣть, а я лишь теперь прислалъ къ ней тафту и бюро!

Дарья.

Э . . . сударь . . . мигрень . . . почемъ я знаю! Вить онъ у меня не бываль! Можетъ быть, съ нимъ на васъ глядѣть нельзя, а на пятнышки и на дерево можно!

Графъ.

Шалунья! Да коли ей можно на дерево глядѣть, для чего жъ на меня не можно? Поди скажи ей, что я дожидаюсь!

Дарья.

Слушаю, сударь!

Явленіе четвертое.

Графъ и Андрей.

Графъ.

Осмотри меня, Андрей, не нужно ли гдѣ поправить.

Андрей (осматривая его кругомъ).

Нѣтъ, ваше сіятельство, все въ порядкѣ, только бы голову немножко . . . позвольте мнѣ.

Графъ.

Нѣтъ, нѣтъ, не трогай, лишь пуще испортишь. Но былъ ли ты сегодни на почтѣ? Ты знаешь, что мнѣ нужно дядино письмо, о разтѣлѣ монхъ деревень; родня госпожи Новомодовой не дозволяетъ ей за меня выходить, пока я не получу совершеннаго права на свою часть; а я хочу на поюшихъ же днихъ жениться. Итакъ, видишь ли, глупая голова, что мнѣ письмо нужно!

Андрей.

Я былъ, сударь, да на почтѣ его нѣтъ.

Графъ.

Какой негодяй! А я говорю тебѣ, что мнѣ безъ него обойтись нельзя.

Андрей.

Да не прикажете ли развѣ мнѣ написать, ваше сіятельство? а на почтѣ точно нѣтъ.

Графъ.

Ну, такъ слышишь ли, глупецъ, чтобъ оно было завтре неотмѣнно принесено, а я между тѣмъ удостовѣрюсь въ своихъ подозрѣніяхъ. Знаешь ли, Андрей, я начинаю подозрѣвать въ невѣрности мою любовницу . . .

Андрей.

Да почему жъ, ваше сіятельство? она, мнѣ кажется, барыня постоянная . . .

Графъ.

Правда, правда, постоянная въ нонишномъ свѣтѣ. А ты знаешь ли, мой другъ, что значитъ постоянная женщина нонишняго свѣта?

Андрей.

Никакъ нѣтъ, ваше сіятельство!

Графъ.

Это женщина, которая не болѣе имѣетъ вдругъ, какъ по одному любовнику, и любитъ его до новой перемѣны; а мнѣ бы и этого не хотѣлось. Въ Новомодовой, признаться, я въ любви люблю старинной вкусъ, и не люблю такихъ частыхъ перемѣнъ, я особливо съ женниой стороны; ты же знаешь, сколь много нынѣ болванчиковъ . . .

Андрей.

И, сударь, госпожа Новомодова — барыня честная; и она вмѣсто всѣхъ ихъ одними вами до-

вольна будетъ; это я собственноустно слышалъ отъ ея Дарьи, дѣвки такъ же постоянной, по которой мои взоры потрафили въ самое сердце.

Графъ.

Впрочемъ, признаться, желалъ бы я быть безъ роговъ, и для того, чтобъ быть одинакимъ въ своемъ родѣ. Ты не повѣришь, Андрей, какъ я люблю отъ другихъ отличаться!

Андрей.

О! вашему сіятельству въ этомъ не за что на себя жаловаться; и коли мнѣ не повѣрите, то спросите только у своихъ заимодавцевъ: они ваше сіятельство въ тысячѣ добрыхъ плательщиковъ узнаютъ.

Графъ.

И для того то видной человѣкъ нигдѣ не можетъ затеряться. Однако, плутовка Дарья шутитъ: не думаетъ ли она, что я ея стану дожидаться; а мнѣ крайняя надобность ѣхать къ бриллiантщику! Знаешь ли, Андрей, что я своей невѣстѣ дѣлаю бриллiантовъ на 20,000, и подарю ихъ ей прежде свадьбы . . . Какъ ты думаешь?

Андрей.

Да, такъ и должно: вить вашему сіятельству неприлично взять за себя невѣсту съ малымъ приданымъ.

Графъ.

Прекрасно! Ты такъ судишь, какъ философъ. Только мнѣ чудно, что я ее ужесть какъ много дарю, а изъ того все у нея ничего не вижу.

Андрей.

Какъ ничего, ваше сіятельство? она содержитъ трехъ постельныхъ собачекъ.

Графъ.

И того нѣтъ: только одна. Но вотъ и моя красавица!

Явленіе пятое.

Графъ, Дарья и Андрей.

Графъ.

И такъ, могу ль я видѣть твою госпожу?

Дарья.

Она, сударь, приказала васъ просить, чтобъ вы на тепереш̀ней часъ ее извинили, а черезъ часъ она можетъ васъ видѣть; между тѣмъ приказала васъ просить о томъ склаважѣ[1] . . .

Графъ.

Въ сію минуту лечу къ бриллiантщику. - А тебя позволь, душа моя, за такую хорошую вѣдомость поцѣловать въ щечку.

Дарья.

И, ваше сіятельство!

Андрей (особо Дарьѣ).

Дашенька, ради Бога не цѣлуй!

Графъ.

Ну, ну, безъ обиняковъ; или ты думаешь, что, любя твою барыню, тебя поцѣловать неможно? вздоръ, голубушка; а мы такi поцѣлуемся (Хочетъ ее поцѣловать а Андрей подставляетъ ему надъ щеко Дары: свою руку, которую Графъ съ восхищеніемъ цалуетъ). Какъ, бездѣльникъ!

Андрей (на колѣняхъ).

Ахъ, сударь, вить она моя любовница!

[1] Бриллiантовое ожерелье или бриллiантовая застежка на груди.

Графъ.

Ха, ха, ха! какая пустота! Такъ ты думаешь, мой другъ, что ты въ правѣ...

Андрей.

Виноватъ, ваше сіятельство, ни справа, ни слѣва не люблю, коли кто ее цѣлуетъ. Я жъ надѣюсь, что вы, послѣ свадьбы съ ея барышей, позволите и намъ свою сыграть; а ваше сіятельство такъ милостивы, такъ щедры...

Графъ (даетъ ему денегъ).

На же, вотъ тебѣ во утѣшеніе; но поди за мною; мнѣ неотмѣнно нужно и въ сію же минуту ѣхать къ брилліантщику.

Андрей (Дарьѣ).

Вотъ такъ то наши помахиваютъ, Дарья! Баринъ у меня ручку поцѣловалъ, да мнѣ же императальчикъ пожаловалъ: не завидной ли я гусь!

Явленіе шестое.

Дарья (одна).

Нечего, благодатной домикъ будетъ, когда графъ на барынѣ женится. Мнѣ кажется, они въ три дни все оборотятъ вверхъ дномъ... но что же нужды? Пусть себѣ могаютъ, а намъ съ Андреемъ поживка: по пословицѣ: орлы дерутся, а молодцамъ перья... Да это что за человѣкъ? ба! это тотъ стихотворецъ. Какъ же онъ разсержень! Однако не лучше ли отъ него убраться? эти господа, осердившись на бѣшеную собаку, ради всѣхъ здоровыхъ людей перекусать.

Явленіе седьмое.

Дарья и **Ріѳмохватъ** (входитъ на театръ съ измятою тетрадью и въ отчаяніи).

Ріѳмохватъ.

Эдакая дьявольщина!.. ну, что ты будешь дѣлать, все измято... перековеркано, никуды то не годится...

Дарья.

Что вамъ сдѣлалось, сударь?

Ріѳмохватъ.

Да вотъ, сударыня, имѣлъ желаніе поднести его сіятельству графу книгу моего сочиненія, и увидѣлъ я его бѣгущаго къ своей каретѣ: я поклонился, однако же онъ не догадался и сѣлъ въ карету, а я былъ такъ неосторожень, что, протягивая къ нему руку съ сею тетрадью, уронилъ ее подъ колесо — и оно все[1] ее перемяло... Ну, вотъ такая досада, что лучше бы это проклятое колесо мнѣ по животу переѣхало!

Дарья.

Да графъ скоро будетъ, такъ вы еще успѣете.

Ріѳмохватъ.

Да тетрадь то такъ измята...

Дарья.

И, сударь, она очень тонка да и сыра немножко, такъ пожалуйте, я ее выутюжу.

Ріѳмохватъ.

Ахъ, сударыня, какъ вы меня одолжите! (особо) Какая это услужливая дѣвица, и... ахъ! я въ нее влюбился. (Дарьѣ) Вы ее выутюжите, сударыня?

---

[1] Всю?

Дарья.

Это ничего не стоитъ, я буду сейчасъ же уложить свои косынки, такъ вмѣстѣ...

Ринѳмохватъ.

Вмѣстѣ съ вашими косынками? вы меня восхищаете. Но вы сожжете, сударыня?

Дарья.

И, нѣтъ, я положу подъ косынку вашу тетрадь.

Ринѳмохватъ.

Подъ косынку? ахъ, я внѣ себя... ахъ, сударыня!

Дарья.

Что, сударь?

Ринѳмохватъ (особо).

Я влюбился, и прямо по-стихотворчески: воображеніемъ. (Дарьѣ) Я, сударыня...

Дарья.

Да, вы, ну...

Ринѳмохватъ.

Увы! я васъ люблю.

Дарья.

И, сударь, кстати ли? вы шутите!

Ринѳмохватъ.

Ей-ей, нѣтъ.

Дарья.

Прекрасно! право, я не вѣрю!

Ринѳмохватъ.

Да почему же?

Дарья.

Я слышала, что вы, господа стихотворцы, никого въ свѣтѣ, кромѣ себя, не любите.

Риѳмохватъ.

Я таки ни кого и не любилъ; но, увидѣвши тебя, твой образъ сталъ поселенъ въ моемъ сердцѣ.

Дарья.

И, сударь, этого мнѣ, право, жаль: мой образъ будетъ весь выпачканъ, потому что въ вашемъ сердцѣ гораздо болѣе чернилъ, нежели любви.

Риѳмохватъ.

Какъ вы суровы! А я клянусь, что я васъ вѣчно любить буду.

Дарья.

Да по крайней мѣрѣ кто вы таковы, сударь?

Риѳмохватъ.

Я, сударыня, любимецъ девяти Музъ.

Дарья.

Довольно много; а кто таковы госпожи Музы?

Риѳмохватъ.

Это, сударыня, такія жъ прекрасныя женщины, какъ вы; онѣ наставляютъ меня въ моихъ сочиненіяхъ.

Дарья.

А, сударь! Да не для того ль и меня вы полюбили, что отъ меня надѣетесь наставленія? Такъ увѣряю васъ, что я грамотѣ почти не знаю и, сказать чистосердечно, утюжить ваши измятыя сочиненія я въ состояніи, а поправлять ихъ ни съ которой стороны не возьмусь.

Риѳмохватъ (особо).

Какая невинность! какая простота! какія прелести! Вотъ прямо женщина золотого вѣка! (Дарьѣ) Мнѣ, сударыня, ничего этого не надобно.

Дарья.

Однако жъ, какой вы чинъ имѣете?

Риѳмохватъ.

Я могу носить шпагу.

Дарья.

И, подлинно, сударь? О! такъ вы имѣете право меня любить; но только, сударь, вы не знаете, сколь я разборчива въ разсужденіи чести!

Риѳмохватъ.

О, сударыня, я женюсь на васъ.

Дарья.

А я, сударь, за васъ за мужъ выйду, такъ у насъ и ни въ чемъ нѣтъ спора. Однако, позвольте мнѣ вамъ услужить: я пойду отнесу вашу тетрадь.

Риѳмохватъ.

Съ охотою, сударыня!

Дарья (воротясь).

Э, сударь, я позабыла было вамъ сказать: молчите до-времени про нашу любовь; у васъ есть соперникъ, которой можетъ всѣ наши намѣренія испортить.

Риѳмохватъ.

Да любите ли вы его?

Дарья.

Не такъ то, чтобы...

Ричмохватъ.

О! такъ не безпокойтесь: я на него сатиръ съ двадцать напишу, — да на что же я и стихотворецъ?

Явленіе восьмое.

Ричмохватъ (одинъ).

Такъ хорошо одѣта, такъ прекрасно говоритъ и такъ прелестна! кому иному быть, какъ не воспитанницѣ этой госпожи, а, можетъ быть, и болѣ... О! да кабы сбылось то, что я думаю, такъ я бы нашелъ и въ графѣ и въ его любовницѣ счастье; я и ноньче таки пишу довольно хлесткія сатиры, а подъ покровительствомъ графа я бы такъ началъ пѣть, чтобы и самъ чортъ побоялся съ мною встрѣтиться!

Дѣйствіе второе.

Явленіе первое.

Новомодова и Дарья (которая несетъ за нею тетрадь).

Новомодова.

Какой это пренесносной человѣкъ! Вертяй съ своими новостями меня уморилъ. Дарья, знаешь ли, что изъ всѣхъ моихъ любовниковъ нѣтъ его скупѣе; однако, посмотри, когда должно быть ко мнѣ Вѣтрону и Пустону, — это два такіе любовника, чтобъ я вѣчно желала быть съ ними. Но кстати: гдѣ тотъ стихотворецъ? Введи его сюда, мнѣ ужесть хочется съ нимъ познакомиться.

Дарья.

Онъ, сударыня, въ кухнѣ; еще успѣетъ здѣсь быть. Пожалуйте, я посмотрю напередъ, когда должно быть вашимъ господамъ. (Развернувъ книгу.) Пустону въ среду поутру въ 10-мъ часу; Милону въ субботу по полудни въ четвертомъ.

Новомодова.

Очень хорошо. Однако, какъ ты думаешь, не удивительная ли и не съ разсчетомъ ли я женщина? Вить эдакая книжка не у всякаго водится! Я для

того то и довела своими разсчетами до того, что графъ на мнѣ женится.

Дарья.

Признаться надобно, сударыня, что вы въ этомъ случаѣ совершенны; не всякой бы вступился въ такія подробности. Да полно, вѣдь вы и память преострую имѣете: какъ вы думаете? Я понынѣ не надивлюсь, что вы помните не только имена своихъ любовниковъ, но и время, въ которое каждый изъ нихъ долженъ къ вамъ приходить, помните

Новомодова.

Въ такомъ разсчетѣ много погрѣшаютъ женщины, и отъ того то выходитъ иногда суматоха. Въ сей же книгѣ записываю я, сколько съ кого получаю подарковъ... Кстати о подаркахъ: умѣешь ли ты ариѳметикѣ?

Дарья.

Сложеніе, только, сударыня!

Новомодова.

Да оно то мнѣ и нужно. Сложи, пожалуй, сколько я въ нонишной мѣсяцъ получила подарковъ, чтобы по тому можно было расположить мою свадьбу.

Дарья.

И я, сударыня, имѣю также намѣреніе просить у васъ позволенія за мужъ.

Новомодова.

За кого?

Дарья.

Да за стихотворца то. Вы не повѣрите, какъ онъ въ меня влюбился!

Новомодова.

Ха, ха, ха! стихотворецъ хочетъ жениться на служанкѣ, — это противно законамъ общежитія.

Дарья.

Какіе тамъ законы, сударыня, гдѣ деньги или любовь впутаются!

Новомодова.

Да введи его ко мнѣ, пожалуй!

Явленіе второе.

Новомодова (одна).

Признаться, что такой женихъ, какъ графъ, не скоро подвернется въ пару женщинѣ моего состоянія. Однако любовь и хитрость много чудесъ дѣлаютъ, такъ для чего жъ мнѣ не употреблять того, чѣмъ весь нынѣшній свѣтъ пользуется?

Явленіе третье.

Новомодова и Ріѳмохватъ (входитъ съ смущеніемъ).

Ріѳмохватъ.

Я, сударыня, имѣю честь быть... тѣмъ... тѣмъ самымъ, котораго... вы... имѣете честь видѣть, и пришелъ просить вашего графскаго сіятельства... о томъ... о томъ... что вамъ угодно... (Кланяется).

Новомодова.

Конечно, о томъ, чтобы представить васъ графу. Будьте увѣрены, что я дамъ ему о васъ понятіе. Я смертельная охотница до стихотворства — не доказываетъ ли это одно, что я отмѣнная женщина?

Риѳмохватъ.

Конечно, ваше сіятельство: охота до поэзіи есть такой даръ, которой удѣляется небомъ самымъ отличнѣйшимъ смертнымъ, и въ которомъ числѣ находятся я и ваше сіятельство.

Новомодова.

Да въ какомъ родѣ сочиненій вы упражняетесь?

Риѳмохватъ.

Сударыня, души просвѣщенныя и пылкаго воображенія никогда не привязываются къ одному роду; онѣ равно ко всѣмъ стремятся, ни на которомъ не останавливаются, во всемъ успѣваютъ и во всемъ прославляются. (Новомодова, не слушая его, отходитъ къ зеркалу, начиная безъ словъ арію, а онъ продолжаетъ.) Я пишу, сударыня, трагедіи, комедіи, поэмы ... (Увидя, что его не слушаютъ.) Сударыня...

Новомодова.

Прекрасно, продолжайте, сударь, я слушаю!

Риѳмохватъ

(подходя къ ней, кричитъ въ самое ухо).

Я пишу, ваше сіятельство, поэмы, рондо, баллады (она уходитъ къ другой сторонѣ, а онъ за нею), еще, ваше сіятельство, сонеты, эпиграммы, сатиры (она отъ него уходитъ, а онъ за нею), письма, романы (остановя ее), еще, ваше сіятельство...

Новомодова.

Нѣтъ, нѣтъ, довольно, сударь: я и отъ этого чуть на ногахъ стою.

Риѳмохватъ.

Нѣтъ еще, ваше сіятельство, я пишу похвальные стихи.

Новомодова.

Ахъ, сударь! не можете ли вы потрудиться въ похвальныхъ стихахъ ...

Рнѳмохватъ.

Съ превеличайшею охотою, скажите только достоинство того, кому вы хотите, чтобы я сдѣлать стихи.

Новомодова.

Моей собачкѣ.

Рнѳмохватъ.

И, сударыня, вмѣсто собачки, я лучше вамъ сдѣлаю!

Новомодова.

Вы можете описать собачкину красоту, достоинства, рѣзвость, ласковость . . .

Рнѳмохватъ.

Это все въ васъ находится, сударыня, и повѣрьте, ваше сіятельство, что я во всей строгости похвальныхъ писемъ опишу ваши достоинства.

Новомодова.

Ну, такъ ежели не хотите одолжить собачку, одолжите хотя меня, для того, что, признаться, я великая охотница до стиховъ; и еще сказать вамъ дурачество, — я сама хочу учиться стихи дѣлать.

Рнѳмохватъ.

Ваше сіятельство, превеликое дарованіе къ тому имѣете, то есть охоту. Повѣрьте, что нынѣ, не имѣя другихъ, съ однимъ симъ дарованіемъ ужасно много сочиняютъ.

Новомодова.

То-то и мнѣ было хотѣлось, да правила не знаю.

Рнѳмохватъ.

И, сударыня, какая безтѣлица! Вѣрите ли вы, что я безъ всякаго правила написалъ шесть томовъ.

Новомодова.

Какое пылкое воображеніе! Вы, я думаю, скоро можете сочинять?

Риѳмохватъ.

Я сударыня, въ одинъ вечеръ могу по 600 стиховъ ставить.

Новомодова.

Возможно ль? Такъ сдѣлайте жъ теперь опыть вашего искусства и напишите мнѣ маленькіе стишки, а я велю подать столикъ и бумаги.

Риѳмохватъ.

Какъ, сударыня, такъ скоро? однако не лучше ли, какъ бы нѣсколько послѣ!

Новомодова.

Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста, теперь. Дѣвка! (Дарья приходитъ) подай столикъ, чернильницу и бумаги... Сколько вамъ надобно?

Риѳмохватъ.

Да велики ли стихи вы желаете?

Новомодова.

Строкъ въ 12.

Риѳмохватъ.

Такъ не болѣе 49 листовъ.

Новомодова.

Подай же двѣ дести. (Дарья уходитъ.)

Риѳмохватъ.

Развѣ эта дѣвушка у васъ горничная, сударыня?

Новомодова.

Горничная. Однако жъ это ничего; ежели вы хотите, она можетъ вамъ быть доброю парою.

Графъ и я ее очень любимъ. И такъ, вы можете получить двойную милость.

Риѳмохватъ (особо).

Ну, попалъ я въ просакъ! (Ей) Нѣтъ, ваше сіятельство, я никакъ на ней жениться не хочу, извините... у меня совсѣмъ охоты нѣтъ жениться.

Новомодова.

Да какъ же, вить вы сами сказали, что вы на ней женитесь...

Риѳмохватъ.

Я?... нѣтъ, сударыня, она вамъ соврала. Кстати ли паперснику Аполлона вздумать такую околесицу?

Новомодова.

Какая это вѣтреная! Но вотъ вамъ столикъ, а я выйду, чтобы вамъ не помѣшать.

Явленіе четвертое.

Риѳмохватъ

(одинъ думаетъ, ходя по театру).

Чортъ знаетъ, ума не приложу, чѣмъ начать!... Если бы она велѣла на себя написать сатиру, такъ я бы пропасть нашелъ матеріи, а похвала ни съ которой стороны не клеится... Э!... пожалуй... вздумалъ!

Прекрасна красота, краса красотъ прекрасныхъ,
Собранье прелестей открытыхъ, зрѣлыхъ, ясныхъ.

Браво, г. Риѳмохватъ! лучше этого цѣлой городъ не выдумаетъ: дай положу скорѣе на бумагу... ну, вотъ уже и позабылъ... Прекрасна...

Явленіе пятое.

Рюмохватъ и Дарья.

Дарья

(вбѣгая съ сердцемъ на театръ, ударяетъ его по плечу, а онъ пугается).

Послушай-ка, господинъ мой будущей супругъ, я уже слышала, что ты отдумалъ на мнѣ жениться...

Рюмохватъ.

Кто, я?

Дарья.

Да, ты, стихотворная голова! Да знаешь ли, я докажу, что я прямо женщина, и женю тебя на себѣ по-неволѣ.

Рюмохматъ.

Какъ?

Дарья.

Я донесу правительству...

Рюмохватъ.

Ну, пропалъ я! Да помилуй, что донесешь?

Дарья.

Я донесу и признаюсь, что ты со мною...

Рюмохватъ.

Ахъ, сохрани Богъ! Что ты скажешь?...

Дарья.

Да, да, что ты со мною уговорился меня взять за себя.

Рюмохватъ (особо).

Ухъ, какъ я испужался! Ну, теперь какъ гора съ плечъ свалила. (Ей) Я уговорился, но развѣ не могу отговориться?

Дарья.

Знай же, коли такъ, что дорого тебѣ отговорка! будетъ стоить: я пойду и въ сей часъ изорву твою пакостную книгу, которую я вытюжила, наскажу на тебя графу и сдѣлаю не только то, что ты не поднесешь ему книги, но будешь отсель прогнанъ въ три шеи.

Ріѳмохватъ.

Меня въ три шеи?

Дарья.

А что ты думаешь? или вы, стихотворцы, надѣетесь на то, что вы можете ругать? Однако, ежели вы можете писать сатиры... то графы могутъ васъ травить своими собаками. Прощай. Я генерь же все къ тому приготовлю.

Ріѳмохватъ.

Пропалъ я! Что мнѣ дѣлать? Дарья! постой

Дарья.

Зачѣмъ? чтобы видѣть, какъ ты надо мною смѣяться станешь?

Ріѳмохватъ.

Ахъ, нѣтъ, повѣрь, нѣтъ; я хочу съ тобою помириться.

Дарья.

Ты и этого не достоинъ, а ежели генерь помиришься, то можешь ли ты меня увѣрить, что впередь еще не измѣнишь?

Ріѳмохватъ.

Я тебѣ клянусь.

Дарья.

О, пустое! И давича вить ты уже клялся... Нѣтъ, коли хочешь, чтобъ я повѣрила тебѣ, такъ клянись мнѣ, стоя на колѣняхъ, по праву настоящихъ любовниковъ.

Ріѳмохватъ.

Какъ, стихотворцу на колѣняхъ?

Дарья.

О! такъ въ сей же часъ пойду издеру твое сочиненіе!

Ріѳмохватъ (съ жалостію).

Инъ, изволь, Дарья!

Дарья.

Вотъ такъ то лучше! Постой же, я сяду.

Ріѳмохватъ (стоя на колѣняхъ).

Я клянусь тебѣ небомъ и землею, солнцемъ и луною, мѣсяцемъ и звѣздами, что я на тебѣ женюсь, и что я... ну, довольно ли тебѣ? (Входитъ Андрей).

Дарья.

Полно покамѣстъ! Ну, смотри, сударь, я отъ тебя клятву по формѣ приняла. На же, запечатай ее.

Ріѳмохватъ.

Какъ?

Дарья.

Ты долженъ поцѣловать мою руку.

Ріѳмохватъ.

Ахъ!

Дарья.

Ну, ну! или у меня все будетъ ни въ грошъ!

Ріѳмохватъ

(цѣлуетъ морщась и особо).

Уфъ, какъ солоно!

Явленіе шестое.

Рѣзмохватъ, Дарья и Андрей.

Андрей.

А, а, мошенница, поймалъ я тебя! Такъ то ты клялась мнѣ въ своей легучей вѣрности!

Дарья.

А теперь мнѣ другой клянется. Неужели ты хочешь, чтобъ я тебя всѣмъ на свѣтѣ предпочла?

Андрей.

А то какъ же бы ты думала? Знаешь ли ты, голубушка, что ты меня любить такъ люби, а не то ежели только хоть носъ за ворота выставишь, то у тебя и его не будетъ.

Дарья.

Какая диковина! носъ не голова; я на тебя плюну.

Андрей.

Помни же ты, плутовка!

Явленіе седьмое.

Рѣзмохватъ и Андрей.

Андрей.

А ти, господинъ стихоткачъ, затѣмъ развѣ сюда пришелъ, чтобъ подманивать чужихъ дѣвокъ? Знаешь ли, что я имѣю позволеніе на ней жениться?

Рѣзмохватъ.

Я ее подманиваю... небо меня сохрани!

Андрей.

Ба! какъ, развѣ не ты теперь перетъ нею на колѣняхъ ползалъ? Да знаешь ли ты, умная голова,

что я тебя въ состояніи заставить вѣчно такъ ползать? Я не люблю соперниковъ, не только стихотворцевъ, ни французскихъ парикмахеровъ.

Рифмохватъ (особо).

Ну, попался я изъ огня въ полымя!... однако жъ не струсимъ... (гордо) Послушай, государь мой, я тебѣ говорю, чтобъ ты не мѣшалъ мнѣ сочинять.

Андрей.

Чортъ ли тебѣ мѣшаетъ! А ты для чего мнѣ мѣшаешь любить?

Рифмохватъ.

Ты у меня ни въ чемъ отчету не можешь требовать. Знаешь ли ты, что я пишу похвальные стихи госпожѣ Новомодовой?

Андрей.

Ну, такъ я у тебя на спинѣ напишу по-своему стихи же.

Рифмохватъ.

И! Знаешь ли, другъ мой, что у меня теперь въ головѣ всѣ девять Музъ и съ Аполлономъ?

Андрей.

Послушай же, господинъ стихотворецъ, ежели ты отсель добровольно не выберешься, такъ я выгоню палкой на улицу и тебя и всю твою нищую братью!

Рифмохватъ.

Андрей, я пожалуюсь графу или барынѣ!

Андрей.

Нѣтъ, такъ я бьюсь объ закладъ моей перчатки, противъ головы, что ты съ нынѣшнихъ поръ никогда ихъ не увидишь. Я тебя къ воротамъ близко никогда не велю подпускать.

Ріѳмохватъ.

Нѣтъ, мой другъ, я выйду на улицу и передъ окнами барыни буду на тебя жаловаться.

Андрей.

Да помнишь ли ты, что мы живемъ въ четвертомъ этажѣ?

Ріѳмохватъ.

А ты думаешь, что я охрипъ! Благодаря небо, я своимъ голосомъ двѣнадцать голосовъ заглушить могу. Я таки выйду на улицу, стану передъ окномъ, закричу: милостивая государыня, ваше будущее сіятельство благоизволило повелѣть мнѣ написать въ вашу славу похвальные стихи (Ріѳмохватъ, подымши вверхъ голову, кричитъ, а Андрей, взявъ его подъ руку, выводитъ; Ріѳмохватъ, не переставая вверхъ глядѣть, кричитъ): и для того, чтобы написать вамъ 12 стиховъ, запасся я 48-ю листами, изъ которыхъ уже половина была написана. Я расположился въ прихожей вашего сіятельства, но мнѣ помѣшалъ его сіятельства егерь Андрей, не знаю чей сынъ. И этотъ Андрей, по неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ, вывелъ меня на улицу въ самомъ жару моего воображенія.

Андрей.

Поди, поди, прохолодись немного! Чортъ бы тебя взялъ, какой еще навязался на мою шею соперникъ!

Явленіе восьмое.

Андрей и Графъ.

Графъ.

Андрей! что это за кричащей человѣкъ встрѣтился со мною на лѣстницѣ? Я его сколько ни спрашивалъ, онъ на меня взглянуть не хотѣлъ.

Андрей.

Это, сударь, бѣшеной стихотворецъ. Вы удивитесь...

Графъ.

Чему дивиться? Можетъ быть, ночче на Парнасѣ каникулы. Онъ же и давича за мною бѣжалъ, но я подумалъ, что это кто-нибудь изъ моихъ должниковъ, и для того бросился скорѣе въ карету. — Какія жъ прекрасныя серьги и склажъ я привезъ моей невѣстѣ!

Андрей.

Да вы таки на ней женитесь, сударь?

Графъ.

Ты это знаешь.

Андрей.

Однако, не худо бы сдѣлали, ваше сіятельство, еслибы исполнили давнишнее ваше предпріятіе, то есть чтобы получить испытаніе о ея вѣрности. Я здѣсь что то нерѣдко вижу гостей, которые заставляютъ меня подозрѣвать.

Графъ.

Плюнь на всѣ подозрѣнія; можетъ быть, какіенибудь знакомые...

Андрей.

Какіе знакомые! Когда бы они были что-нибудь не болѣе, такъ она бы ихъ отъ вашего сіятельства не таила.

Графъ.

Правда, Андрей; я и самъ то же думаю. Однако... Да вотъ и она! Посмотримъ, какъ то я буду принятъ; а то, вить, я не хочу жениться

для того, чтобы содержать на свой кошть... Поди отселѣ.

Андрей.

Смотрите же, ваше сіятельство, чтобъ не выросли...

Явленіе девятое.

Графъ, Новомодова и Дарья.

Новомодова.

А, графъ! тебя ль я вижу? Я умирала, думая, что мнѣ севоднишней день должно будетъ томиться въ скукѣ, не видя тебя; и ты не повѣришь, что все утро ворожила о тебѣ въ карты. Извини, что я давича не приняла; божусь тебѣ, что у меня былъ смертельной мигрень.

Графъ (особо).

Ну, можно ль удержаться? (Къ Я, сударыня, только для того отлучался, чтобъ сдѣлать новую маленькую жертву моей любви. Вотъ склаважь Онъ хотя не достоинъ украшать прелестную вашу грудь, но мое усердіе достойно того, чтобы его вамъ поднести.

Новомодова.

Графъ, ты заставляешь меня краснѣться. Но я люблю тебя, принимаю твой подарокъ... Но что же твой раздѣлъ?

Графъ.

Севодни обнадежили меня получить копію съ указа на мою часть. Итакъ, сударыня, по полученіи его вы согласитесь, наконецъ, чтобъ намъ сдѣлать изъ себя пару?

Новомодова.

По дозволенію моей родни, я буду вся въ твоей волѣ. Но пожалуй ко мнѣ въ комнату. Куда какъ пристало тебѣ быть въ прихожей челобитчикомъ!

Графъ.

Я похожъ на него, сударыня! Но пойдемте.

Новомодова.

Пожалуй ты, я въ минуту за тобою буду: мнѣ надобно только одно слово сказать Дарьѣ, и то касающееся до тебя.

Графъ.

Такъ я васъ оставлю и не хочу быть до времени обладателемъ вашихъ тайнъ.

Явленіе десятое.

Новомодова и Дарья.

Новомодова.

Старайся же ты помириться лучше до времени съ Андреемъ: ты не знаешь, что пьянѣйшія вѣтреницы слушаютъ болѣе своихъ егерей, нежели матерей и отцовъ.

Дарья.

Но онъ до такого дошелъ дурачества, что ежели бы я осталась еще здѣсь въ комнатѣ, то онъ былъ бы въ состояніи со мною подраться.

Новомодова.

Нѣтъ, ничего: онъ тебя любитъ, такъ тебѣ легко съ нимъ помириться; это же не надолго.

Дарья.

А съ стихотворцемъ то что же будетъ? я до смерти хочу быть за нимъ за-мужемъ.

Новомодова.

Ты таки и будешь за нимъ. Этимъ высокимъ умамъ стоитъ только показать золото, такъ они ради взять за себя за-мужъ...

Дарья.

О, такъ мнѣ навѣрное быть за нимъ!

Новомодова.

Однако, прощай: мой графъ, вѣрно, измучился зѣвавши.

Явленіе одиннадцатое.

Дарья (одна).

Полюбовалась бы я, глядя на себя стихотворцевою женою. Да полно, правду сказать, мои услуги и достойны отъ барыни такого награжденія; вѣрно, мой будущей супругъ столько стиховъ не сдѣлалъ, сколько я помогла ей мужчинъ обмануть; а если она когда была сама обманута, то въ тѣхъ случаяхъ меня никогда не было.

Явленіе двѣнадцатое.

Дарья и Андрей.

Андрей.

Что, безстыдница, не совѣстно ли тебѣ теперь взглянуть на меня своими плутовскими глазами?

Дарья.

А что?

Андрей.

Вотъ, прямо отвѣтъ, достойной такой невинной

дѣвушки, какова ты! какъ будто не ея дѣло! Или уже за тобой такъ много подобныхъ приключеній, что ты забыла, за что я на тебя сердитъ?

Дарья.

Ха, ха, ха! и ты вздумалъ приревновать меня къ стихотворцу!

Андрей.

Да, кажется, есть хорошія причины! Что же еще надобно было для удостовѣренія въ твоей невѣрности?

Дарья.

Такъ знай же, простакъ, что онъ самъ въ меня до смерти влюбленъ и вздумалъ изъясниться въ своей страсти, а я надъ нимъ только шутила. Неужели ты думаешь, что я промѣняю егеря на стихотворца?

Андрей.

Нѣтъ, конечно, ты не такого худого вкусу... Такъ, вподлинно, моя красавица, ты мнѣ вѣрна?

Дарья.

И конечно!

Андрей.

Ну, не глупъ ли же я былъ, что столько разсердился? Ха, ха, ха! Всели чортъ мысли въ голову приревновать къ стихотворцу!

Дарья.

Я надѣюсь, что вы впередъ будете поумнѣе. Однако же, пойдемъ отсюда лучше на минуту въ мою комнату. (Уходятъ).

Дѣйствіе третье.

Явленіе первое.

Новомодова и Рнѳмохватъ.

Рнѳмохватъ.

Вотъ, сударыня, достойные васъ стихи!

Новомодова.

Вы меня ужасно одолжили! Будьте увѣрены, что какъ скоро пріѣдетъ графъ, я ему о васъ скажу. Но прочтите мнѣ ваши стихи.

Рнѳмохватъ.

Извольте выслушать.

Вѣтеръ вѣтра вѣтромъ гонитъ,
Все идетъ на оборотъ:
Время все къ премѣнѣ клонитъ,
Окромѣ твоихъ красотъ.
Хоть еще сто лѣтъ на свѣтѣ
Ты, прекрасна, проживешь —
Все въ такомъ же будешь цвѣтѣ,
Какъ и нынѣ ты слывешь.
Ты, ахъ! солнце негасимо
И блестящая луна,
И уму невообразимо,
Ты колико... ахъ! умна.

Новомодова.

Прекрасно, сударь, а особливо послѣдняя фраза мнѣ кажется божественная.

Риѳмохватъ.

Вы со мною одного мнѣнія, ваше сіятельство!

Новомодова.

Дожидайтесь же здѣсь графа; онъ скоро сюда пріѣдетъ, и вы можете ему поднести свое сочиненіе. Однако жъ, не пропустите случая, потому что онъ сегодня на мнѣ женится, а завтре мы ѣдемъ изъ города.

Риѳмохватъ.

Я сегодня подамъ.

Новомодова.

Между тѣмъ, позвольте спросить васъ: для чего вы не берете за себя Дарью? Развѣ не знаете, что она мною любима; а какъ скоро мною, такъ и графомъ. Вы не знаете, отъ какого счастія вы отзываетесь?[1] Вы, вить, сударь, стихотворецъ, слѣдовательно знаете, что въ любви всѣ равны.

Риѳмохватъ.

Такъ, сударыня, это было во дни золотого вѣка: тогда соединялись сердца по любви.

Новомодова.

А нынече по корысти, — не все ли то равно? Вѣрьте, что вы этою женою много выиграете.

Риѳмохватъ.

Да что я могу выиграть женою, сударыня?

Новомодова.

То, что многіе нынѣ женами выигрываютъ. Вглядитесь хорошенько въ нынѣшней свѣтъ: вы болѣе увидите, нежели я вамъ разсказать могу; къ сему же, я васъ прошу сдѣлать мнѣ удовольствіе...

[1] Вѣроятно, опечатка — вмѣсто „отказываетесь".

Рнѳмохватъ (особо).

Изрядное удовольствіе — сдѣлать человѣка рогоносцемъ! Но что дѣлать, должно на все согласиться. (Ей) Если вамъ только угодно, я на все соглашаюсь.

Новомодова.

Вы одолжите меня и графа. Но, пожалуйте, подождите: я думаю, графъ скоро будетъ, а я къ вамъ вышлю вашу невѣсту.

Явленіе второе.

Рнѳмохватъ (одинъ).

Чортъ догадай надоумить проклятую дѣвку въ меня влюбиться! Ну, что ты будешь дѣлать! Теперь не знаю, какъ и быть; просятъ сдѣлать одолженіе—жениться для другихъ, а самому быть титулярнымъ мужемъ! Нѣтъ, государи мои, мнѣ только бы съ графа что-нибудь сорвать за книгу, а тамъ я вамъ дамъ знать, каково стихотворца принуждать жениться на служанкѣ!

Явленіе третье.

Рнѳмохватъ и Дарья.

Дарья.

О чемъ ты размышляешь, свѣтъ мой? Я думаю, у тебя въ головѣ всегда больше новостей, нежели въ цѣломъ городѣ; однако жъ это ничего: я помаленьку пріучу тебя не думать.

Рнѳмохватъ.

Какъ! да для чего?

Дарья.

Для того, что мнѣ задумчивой мужъ всегда кажется хуже веселаго любовника.

Ринѳохватъ.

Да знаешь ли, что мы мыслію отъ скотовъ отличаемся ...

Дарья.

Этого еще мало: надобно на людей походить. Ты погляди на нонишнихъ молодыхъ господчиковъ: кто изъ нихъ когда думаетъ? они этого стыдятся, но всегда веселы, обходительны, учтивы, ласковы — такого то мужа изъ тебя хочу я сдѣлать.

Ринѳохватъ.

Возможно ли, чтобы я согласился быть похожимъ на такихъ вертопраховъ?

Дарья.

О, я все это беру на себя. Однако жъ, ты знаешь, что у тебя есть соперникъ. Онъ скоро придетъ сюда; старайся передъ нимъ казаться какъ можно болѣе влюбленнымъ. Это нужно какъ барышѣ, такъ мнѣ и тебѣ, а для чего, я послѣ тебѣ скажу; но покамѣстъ онъ еще не бывалъ, мы успѣемъ кое-о-чемъ поговорить.

Ринѳохватъ.

Изволь. Хочешь ли, напримѣръ, я разскажу тебѣ свои доказательства о Гомерѣ, гдѣ онъ родился, и о спорѣ семи городовъ о его рожденіи?

Дарья.

Говори-тко, я послушаю.

Ринѳохватъ.

Во-первыхъ, Гомеръ родился.... гдѣ бишь, вотъ только не помню земли.... Однако, поговоримъ лучше о чемъ другомъ.

Дарья.

Изволь. Напримѣръ: разскажи мнѣ, кто у васъ выдумалъ дурачество сочинять и вселилъ его всѣмъ въ голову, отъ котораго ежечасно умножается число печатныхъ книгъ?

Ринѳохватъ.

Это... это... коли хочешь, я посмотрю въ своихъ ученыхъ запискахъ. Знаешь ли, Дарья, какая у меня прекрасная библіотека?

Дарья.

Право? я рада: она на первой случай, послѣ нашей свадьбы, будетъ намъ служить для экономіи.

Ринѳохватъ.

Да, конечно, ты тутъ почерпнешь всѣ мнѣнія о своей должности; ты усмотришь тамъ совѣты и предписанія великихъ мужей о добронравіи, о экономіи, о порядкахъ, словомъ: изъ сей великой библіотеки ты научишься быть совершенною женою.

Дарья.

Я уже давно совершена. Однако же, будетъ ли твоей библіотеки истопли на четыре?

Ринѳохватъ.

Уфъ! что ты это!...

Дарья.

Какъ что! Или ты думаешь, что я женщина безъ разсчета? такъ знай, что я изо всего выгоды умѣю выводить: книги могутъ у насъ быть въ каминѣ, вмѣсто фашинника, а дрова служить будутъ въ печахъ.

Ринѳохватъ.

Какъ, ты хочешь сожечь мои книги! Да знаешь ли ты, что въ томъ числѣ есть сочиненія: Платона, Аристотеля, Сенеки, Сократа и прочихъ...

Дарья.

Да на камнѣ, что ль, онѣ написаны?

Рнѳмохватъ.

Нѣтъ, на бумагѣ...

Дарья.

А коли нѣтъ, такъ стало, что онѣ такъ же хорошо горятъ, какъ и другія.

Рнѳмохватъ.

Какое невѣжество! Возможно ли не почитать Аристотеля, Сократа, Сенеку, Платона, такъ великихъ мужей!

Дарья.

Такъ, я чаю, такіе ученые мужья только на то знаются съ такими дураками, каковъ ты, чтобы придти въ домъ и напиться до-пьяна. Однако, я тебѣ напередъ сказываю: если ты когда, въ благой часъ, ихъ ко мнѣ приведешь, такъ я и тебѣ и имъ глаза выцарапаю.

Рнѳмохватъ.

Ахъ! что со мною будетъ?...

Дарья.

Но вотъ и Андрей. Смотри жъ, сударь, помни, что я тебѣ сказала. Кажись въ меня влюбленнымъ, или ты узнаешь, какова я!

Явленіе четвертое.

Дарья, Андрей и Рнѳмохватъ.

Андрей.

Здравствуйте, друзья мои. Дарья, господинъ Рнѳмохватъ! Здравствуй! Помиримся, сударь! Я, право, давя ошибкою съ тобою дурно поступилъ; однако

теперь уже болѣе не сержусь, что Дарья васъ, а вы ее любите.

Дарья (съ насмѣшкою).

Да уже теперь поздно: дѣло сдѣлано и воротить нечѣмъ: не правда ли, сударь?

Ринѳохватъ.

Точно такъ, моя Венера! (Особо.) Что ей сдѣлалось, что она такъ стала учтива?

Андрей (отведя его на сторону).

Только, сударь, признаться, вы нажили прелутоватую любовницу. Берегитесь ея: она всѣхъ стихотворцевъ въ состояніи за носъ водить.

Ринѳохватъ (особо).

Онъ болѣ не ревнуетъ, — что за чудо! (Ему особо.) Пожалуй, привороти ее къ себѣ, коли хочешь, я тебѣ ее уступаю.

Андрей (особо).

Ба, что за дьяволыцина! да онъ ея не любитъ. (Дарьѣ.) Да любитъ ли тебя твой новой любовникъ?

Дарья.

Любите ли вы, сударь, меня? (Ему же особо.) Смотри же, берегись!

Ринѳохватъ.

Ахъ, моя принцесса, и сердцемъ и душою! Хочешь ли, тебѣ поклянусь, что ты одна мила мнѣ на вольномъ свѣтѣ.

Дарья (Андрею).

Видишь ли, что онъ отъ любви съ ума сошелъ. Но чѣмъ же вы, сударь, увѣрите, что меня любите?

Ринѳохватъ

(цѣлуетъ у ней, морщась, руку).

Неужели ты и этому не повѣришь?

Андрей (особо).

Такъ, онъ въ нее по уши влюбился! ха, ха, ха! На скромницу же онъ нашелъ!

Ріѳмохватъ (Андрею тихо).

Неужели ты ея болѣе не любишь?

Андрей (ему же тихо).

Нѣтъ, нѣтъ; я вамъ охотно ее уступаю, если вамъ угодно.

Ріѳмохватъ.

Да возьми ее себѣ! что мнѣ въ ней?

Андрей.

Ба! ба! ба! онъ ея не любитъ! Дарья, что это значитъ?

Дарья.

Что такое?

Ріѳмохватъ (тихо Дарьѣ, струся).

Мнѣ хочется еще испытать, любитъ ли онъ тебя, и для того я его подговариваю, чтобы онъ тебя къ себѣ склонилъ.

Андрей.

Э!... господа, что вы тамъ говорите?

Дарья.

Развѣ ты не знаешь, что между любовниковъ всегда есть тайность, — не правда ли, сударь? (ему тихо). Да цѣлуй чаще у меня руки!

Ріѳмохватъ.

Такъ, мой ангелъ... (особо) Чтобъ чортъ взялъ хотъ домъ, съ тобой, съ твоей барыней, съ графомъ и его слугою, словомъ: со всѣмъ, выключая меня и моего сочиненія!

Андрей.

Что за дьяволыщина! и любитъ и нѣтъ; мнѣ совсѣмъ въ голову не лѣзетъ. (Ему.) Да любите ли вы ее?

Рнѳмохватъ (ему тихо).

Ахъ, нѣтъ, то-то и досадно.

Дарья (Андрею тихо).

Поглядн, пожалуй, какъ любовь то его коверкаетъ. (Рнѳмохвату.) Но будете ли, сударь, вы мнѣ вѣрны? я, право, боюсь, чтобъ у васъ и въ любви такъ же, какъ въ мысляхъ, много новостей не было.

Рнѳмохватъ.

Ахъ, нѣтъ, я тебѣ божусь всѣмъ, что̀ свято, что я тебя одну люблю и любить буду. (Андрею тихо.) Отвяжи ты ее, пожалуйста, отъ меня и надоумь, чтобъ она тебя любила. Я божусь, что я тебѣ похвальную оду въ 52 фразы напишу. (Дарьѣ особо.) На колѣни что ль стать для увѣренія?

Дарья (тихо).

Хорошо.

Рнѳмохватъ (ей, ставъ на колѣни).

Вотъ тебѣ клятва, которую ничто не нарушитъ. (Особо.) Я бы желалъ лучше быть чортъ знаетъ гдѣ, нежели на колѣняхъ стоять передъ сею безстыдницею!

Андрей.

Нѣтъ мочи ни слушать, ни смотрѣть! (Особо Дарьѣ.) Да ты, видно, сама его любишь, плутовка!

Дарья.

Ну, кстати ль! Коли хочешь, я тебѣ это тотчасъ покажу. — Послушайте, сударь, я не могу васъ любить и признаюсь чистосердечно, что люблю Андрея.

Ричмохватъ (вставъ).

Ну, такъ я... (Увидя, что Дарья тихо ему грозитъ, особо.) Опять на колѣни! (Громко.) О небо, что я слышу! возможно ли? вы меня не любите! пойду, зарѣжусь! (порывается встать; Дарья его удерживаетъ).

Дарья.

Ахъ, постойте, сударь!

Ричмохватъ (особо).

Нѣтъ, право, зарѣзался бы, только отъ досады, а не отъ любви. (Дарьѣ тихо.) Дарья, я, право, упаду, нѣтъ мочи болѣе.

Дарья (ему въ слухъ).

Встаньте, сударь, вы мнѣ жалки.

Ричмохватъ (особо).

Да я и самъ чуть не плачу. (Тихо Андрею.) Сдѣлай милость, докончивай поскорѣе; ты уже, ни слова не говоря, ее плѣнилъ. Вымолви хотя одно, такъ, вѣрно, она вся твоя будетъ.

Андрей.

Ну, потерялъ терпѣніе! (Схватя Ричмохвата за воротъ, а Дарью за рукавъ.) Послушайте, господа, сказывайте всю правду, или я васъ другъ о друга, какъ глиняные горшки, переколочу!

Дарья.

Ахъ, Андрей! что тебѣ сдѣлалось?

Ричмохватъ (особо).

О Господи! вытащи ты меня отселѣ. (Дарьѣ тихо.) Дарья, я все скажу.

Дарья (грозно).

Сказывай, сударь, если не боишься всего, что тебѣ я сдѣлать въ состояніи.

Андрей.

Послушайте жь, безъ притворства! Дарья, начинай ты. Скажи мнѣ въ слухъ всю правду, любишь ли ты его?

Дарья (въ полголоса).

Вѣдь ты знаешь, ей, ей не люблю.

Андрей.

А ты, сударь, любишь ли ее? сказывай.

Риѳмохватъ.

Ахъ! конечно, люблю. (Ему тихо.) Божусь тебѣ что такъ ее ненавижу, какъ Мегеру.

Андрей.

Да чортъ тебя знаетъ, можетъ быть, и та была твоя любовница; однако жь, нѣтъ силъ, принло караулъ кричать.

Явленіе пятое.

Риѳмохватъ, Новомодова, Дарья и Андрей.

Новомодова.

Андрей, что ты дѣлаешь?

Андрей.

Да вотъ, ваше сіятельство, бьюсь съ полчаса и не добьюсь толку.

Риѳмохватъ.

Поступать такимъ образомъ съ стихотвореміемъ, это казни достойно.

Дарья.

У меня терпѣнія болѣе нѣтъ, сударыня!

Андрей.

И у меня также.

Рнѳмохватъ.

Съ позволенія сказать, и у меня также, ваше сіятельство!

Новомодова.

Оставьте, пожалуйте, ваши ссоры, онѣ всѣ искорепятся. Андрей, скоро ли хотѣлъ быть графъ?

Андрей.

Онъ за мною жъ хотѣлъ пріѣхать въ превеликолѣпномъ экипажѣ, чтобы ѣхать къ вѣнцу съ вами, — и для того послалъ меня о томъ васъ увѣдомить.

Новомодова.

Поди жъ внизъ, и какъ скоро его увидишь, увѣдомь меня и надѣйся, что какъ скоро я за графа выйду, Дарья будетъ за тобою.

Дарья.

Я согласна.

Рнѳмохватъ (особо).

Дарья, право, за весь свѣтъ за-мужъ въ состояніи идти.

Андрей.

Слушаю, сударыня! (Особо.) Чортъ знаетъ, какъ разжевать это дѣло!

Явленіе шестое.

Новомодова, Рнѳмохватъ и Дарья.

Новомодова.

Графъ уже ѣдетъ, и я готовлюсь къ вѣнцу. Ты не повѣришь, Дарья, какъ меня смущаетъ мое новое состояніе!

Дарья.

И, сударыня, обо всемъ можно послѣ подумать, теперь должно радоваться!

Ріѳмохватъ.

Ежели позволите мнѣ, сударыня, я на этотъ случай сдѣлаю эпическую поему въ 24-хъ пѣсняхъ и посвящу ее вашему сіятельству. Я опишу вѣрность, любовь, желанія, скуку въ разлученіи, ваши добродѣтели, приступы къ вамъ другихъ любовниковъ, коимъ вы отказывали.

Новомодова.

Вы прекрасно сдѣлаете, сударь, а графъ вамъ щедро заплатитъ за трудъ. Что же до меня, то, признаться, я бы за собою хотѣла видѣть на бумагѣ толь похвальныя дѣла.

Дарья.

Не сокровище ли у меня муженекъ, сударыня?

Новомодова.

О, Дарья, вить ты и сама дѣвушка знатнаго дому.

Явленіе седьмое.

Прежніе и Андрей.

Андрей.

Графъ ѣдетъ на колесницѣ, сударыня!

Ріѳмохватъ (оторопѣвъ).

Позвольте жъ мнѣ, ваше сіятельство, поднести мнѣ ему свои книги.

Новомодова.

Очень хорошо.

Дарья.

Она у меня, но я ее тотчасъ принесу, только, сударь, сдержи свое слово.

Риѳмохватъ.

Я бы тебѣ еще поклялся, но ты сама видишь, что некогда.

Явленіе восьмое.

Графъ, Новомодова, Риѳмохватъ и Андрей.

Графъ.

Итакъ, сударыня, уже все сдѣлано; указъ о раздѣлѣ полученъ, и я заѣхалъ за вами, чтобъ ѣхать къ вѣнцу.

Новомодова.

И теперь же? какъ ты нетерпѣливъ, графъ!

Графъ.

Прекрасно! но не знакъ ли это моей любви, сударыня? Вѣрите ли, что я отъ нетерпѣливости и отъ любви къ вамъ не знаю, живъ ли я, или мертвъ

Новомодова.

Такъ увѣрь же себя, что ты не умеръ: посмотри, какъ ты прекрасно одѣтъ-вотъ главное доказательство, что ты живъ.

Явленіе девятое.

Графъ, Новомодова, Риѳмохватъ, Дарья и Андрей.

Дарья

(вбѣгая и подавая Риѳмохвату тетрадь).

Поскорѣй же, сударь!

Риѳмохватъ (струся).

Онъ вить графъ, Дарья?

Дарья.

Ха, ха, ха! Не опоздай: видишь ли, они идутъ

Рѣзмохватъ.

Мнѣ было хотѣлось посмотрѣть письмо.

Графъ.

Поѣдемъ, сударыня!

Дарья.

Слышишь ли?

Новомодова.

Я уже совсѣмъ готова; поѣдемъ, графъ!

Рѣзмохватъ.

Не лучше ли до завтра? теперь точно некогда.

(Графъ и Новомодова идутъ съ театра, а Дарья ведетъ насильно къ графу Рѣзмохвата)

Дарья.

Поди жъ, сударь, или оставайся здѣсь. Я, Богъ знаетъ, что въ состояніи съ тобою сдѣлать!

Рѣзмохватъ.

Ахъ! не еще ли больше влюбиться? (бѣжитъ и подаетъ графу письмо, потомъ тетрадь.)

Графъ

(осматривая его съ головы до ногъ).

Что это за человѣкъ, сударыня?

Новомодова.

Это одинъ стихотворецъ, которой тебѣ подноситъ книгу своего сочиненія.

Графъ.

А! благодаренъ, сударь! Побывайте завтра ко мнѣ.

Рнѳмохватъ.

Восхитьтесь хоть однимъ явленіемъ, ваше сіятельство!

Графъ.

Ба! да онъ изъясняется очень отборными словами, и я божусь, что въ его книгѣ есть много любопытства. (Развертывая книгу, особо отходя, читаетъ.) Книга руки Новомодовой... ба! счетъ моимъ обожателямъ и получаемымъ съ нихъ подаркамъ. О небо! что я вижу — такъ это, ея рука!

Новомодова.

Что это значитъ? посмотрите, какъ сердится графъ!

Рнѳмохватъ.

Примѣчайте, сударыня, что главное дарованіе и должность автора состоитъ въ томъ, чтобы возбудить страсти, и смотрите, какъ я успѣлъ въ своемъ намѣреніи! Его сіятельство лишь началъ читать, такъ тотчасъ страсть гнѣва въ немъ подѣйствовала; и я бьюсь объ закладъ, что онъ къ концу страницы, не стерпя движенія своихъ страстей, закричитъ.

Графъ.

Возможно ли! какъ я обманутъ! (Читаетъ.) Какое множество имѣетъ любовниковъ... непонятное дѣло!

Новомодова.

Что, графъ, какова книжка? сочинитель мнѣ знакомъ.

Графъ.

Вѣрю, и книга прекрасна. Но позвольте мнѣ еще прочесть нѣсколько: откупщику Толстобрюхову въ четвергъ къ ужину; капитану Размотаеву въ первомъ часу по полудни; купцу Скопидомову во второмъ; секретарю Тихокрадову въ третьемъ... Попался было я въ хорошее обязательство! (Продолжаетъ тихо.)

Риѳмохватъ.

Какъ страсти въ немъ умножаются, и какая это прелестная картина! Вѣрите ли вы, сударыня, что я самъ на себя не нарадуюсь!

Новомодова.

Да всякой ли изъ васъ можетъ возбуждать страсти?

Рихмохватъ.

О, о! сударыня, такое дарованіе очень рѣдко дается, и его съ превеличайшимъ трудомъ достигаютъ.

Графъ.

Невѣрная, такъ то ты меня любишь!

Новомодова.

Прекрасно, графъ, я уже угадала, что книга хороша.

Графъ.

И ты еще смѣешь шутить! А ты, бездѣльникъ, сказывай, что ты за человѣкъ?

Риѳмохватъ.

Ваше сіятельство, я... я... (Особо) Ахъ, какъ много я возбудилъ, что и самъ не радъ!

Графъ.

Сказывай, или...

Риѳмохватъ.

Я.... я.... да неугодно ли прочесть вашему сіятельству, у меня есть также стишки для успокоенія страстей.

Новомодова.

Не пылкое ли воображеніе у автора?

Графъ.

Да, признаться, очень пылкое — имѣть 44 лю-

бовника и видѣться со всѣми съ ними каждую недѣлю! Смотри, недостойная, твоя ли это рука?

Дарья.

Что за безтолковщина!

Новомодова (увидя свою книгу).

Ахъ! Дарья, поддержи меня!

Риѳмохватъ.

Вотъ-те разъ, какой я авторъ! Право, я было и не думалъ о себѣ такъ много!

Графъ.

Ищи жъ, моя красавица, обманывать другихъ, а я слуга покорный: только, пожалуй, покрѣпче держи свою записную книгу. Поѣдемъ, Андрей!

Андрей.

Поѣдемъ, ваше сіятельство! (Дарьѣ.) Кстати, и я отказываюся отъ тебя, моя голубушка, для того, что я пріучилъ своихъ собакъ травить оленей, а съ тобою самъ боюсь сдѣлаться оленемъ. Женись на ней, господинъ стихотворецъ! Если ты всякому гостю здѣсь будешь стихи подносить, такъ, право, безъ хлѣба не останешься. (Уходитъ.)

Явленіе послѣднее.

Риѳмохватъ, Новомодова и Дарья.

Риѳмохватъ.

Тьфу къ чорту! да что жъ такое сдѣлалось, Дарья?

Дарья.

А то, что я тебѣ, вмѣсто твоей книги, дала за-

рынину записную книгу о любовникахъ, а ты ее и поднесъ графу!

Рнѳмохватъ.

Га, та, та, га!... понимаю... такъ будто въ немъ страсти то и не отъ меня дѣйствовали?

Новомодова.

Ахъ! Дарья, ты ужасно какъ мнѣ досадила! Возможно ли чѣмъ загладить твою ошибку? Подай мнѣ шоколату, а я пойду въ свою комнату.

Дарья.

Слушаю, сударыня!

Рнѳмохватъ.

Пойдемъ же. Да отдай мою книгу, а тамъ и прощай, моя голубушка; мнѣ здѣсь дѣлать болѣе нечего; пойду, и на всѣхъ на васъ буду писать сатиры; пойду и возьму на кухнѣ свое сочиненіе, и лучше поднесу его первому встрѣтившемуся мнѣ человѣку, нежели вамъ.

Дарья.

Э, э, господинъ стихотворецъ! а вить ты хотѣлъ на мнѣ жениться и клялся совѣстью и добродѣтелью...

Рнѳмохватъ.

Пустое, голубушка, вить я не Аполлономъ клялся!

V.

Проказники.

1787—1788.

Комедія въ пяти дѣйствіяхъ.

1788 и 1789 гг. ознаменованы въ біографіи Крылова его ожесточенною борьбою съ извѣстнымъ трагикомъ Княжнинымъ и Соймоновымъ (завѣдывавшимъ тогда горною экспедиціей и театромъ). Крыловъ одно время (въ 1787 и 1788 гг. съ мая по май) служилъ подъ начальствомъ Соймонова и, повидимому, пользовался въ началѣ его покровительствомъ. Затѣмъ, вслѣдствіе неизвѣстныхъ причинъ, отношенія эти испортились, начались недоразумѣнія, которыя привели къ отставкѣ Крылова и его письму-памфлету противъ его прежняго начальника, опубликованному въ 1889 г. Майковымъ [1].

Еще раньше, задѣтый чѣмъ то семьею Княжнинныхъ, онъ задумалъ отомстить имъ комедіей, въ которой должны были быть разоблачены и низость ихъ характеровъ, и грязь ихъ семейной жизни.

Причины ненависти не вполнѣ ясны.

С. Н. Глинка [2] говоритъ, что Крыловъ будто бы жилъ у Княжнинныхъ въ первое время послѣ пріѣзда въ Петербургъ и отплатилъ имъ за гостепріимство пасквилемъ.

Но самъ Крыловъ въ письмѣ къ Княжнину говоритъ, что онъ „не имѣлъ чести быть ему знакомымъ". Между тѣмъ безпощадное преслѣдованіе своего врага на театрѣ и въ журналахъ, въ стихахъ и прозѣ, самая сила сарказма, не останавливающагося ни передъ чѣмъ, даже передъ смертью, — все это указываетъ на какіе то обостренные личные счеты. Въ одной статьѣ Крылова есть намекъ на то, что Княжнинъ, случайно узнавъ сюжетъ будущей пьесы молодого автора, беззастѣнчиво имъ воспользовался;

[1] Первые шаги Крылова на литературномъ поприщѣ, стр. 21—33.
[2] Записки, Спб., 1895, стр. 87.

въ другихъ заключаются очень опредѣленныя указанія на интимныя подробности семейной жизни Княжниныхъ. Сарказмъ его направленъ не столько на самого Княжнина, сколько на жену его, дочь Сумарокова. Не съ нею ли главнымъ образомъ и считался Крыловъ?

Въ 1837 г. Гречъ въ „Сѣверной Пчелѣ“ [1] указалъ на то, что комедія „Проказники“ направлена была противъ Княжнина [2]. Рифмокрадъ — самъ Княжнинъ, Тараторá — его жена, урожденная Сумарокова, Тянислевъ — извѣстный бездарный стихотворецъ того времени Карабановъ, Ланцетинъ — докторъ и переводчикъ для театра Віенъ, другъ дома Княжниныхъ.

По словамъ Греча [3], „Крыловъ былъ вхожъ въ домѣ одного драматическаго писателя, человѣка съ умомъ и дарованіемъ, но подвергавшагося упрекамъ въ заимствованіи многаго изъ піесъ французскаго театра. Жена его, женщина умная, бойкая, дочь другого знаменитаго трагика, невзлюбила за что-то Крылова, юношу тихаго, кроткаго и, какъ сказывали сверстники его, худощаваго и застѣнчиваго. Для усовершенствованія своего во французскомъ языкѣ и для изученія италіанскаго онъ переводилъ оперы. „Что вы получили“, спросила однажды эта барыня у Крылова: „за ваши переводы?“ — „Мнѣ дали свободный входъ въ партеръ!“ — „А сколько разъ вы пользовались этимъ правомъ?“ — „Да разъ пять!“ — „Дешево же! Нашелся писатель за пять рублей!“ Крыловъ оскорбился этимъ отзывомъ, не отвѣчалъ, но рѣшился отомстить и написалъ комедію „Проказники“, въ которой выставилъ мужа ея, назвавъ его Рифмокрадомъ, а ее вывелъ подъ именемъ Тараторы. Разумѣется, на нихъ сплетено было много вздору [4]“.

На то же, хотя и очень сдержанно, намекаетъ Лобановъ [5]: „онъ былъ вспыльчивъ иногда до крайности; любилъ

---

[1] № 147.

[2] То же говоритъ и М. А. Дмитріевъ (Мелочи изъ запаса моей памяти. М., 1869, стр. 243).

[3] Его разсказъ, между прочимъ, подтверждается тѣмъ, что изъ письма Крылова къ Соймонову [illegible] оказывается, что онъ получилъ отъ театральной дирекціи право безплатнаго посѣщенія рублевыхъ мѣстъ партера.

[4] С. Н. Глинка (Записки, стр. 78—79) даетъ, вопреки Крылову, очень сочувственную, обоснованную фактами, характеристику Княжнина.

[5] Жизнь и соч. Крылова, стр. 67, 17.

отомстить своимъ врагамъ, особливо за оскорбленное самолюбіе. Вся комедія Проказники есть не что иное, какъ мщеніе, въ которомъ онъ и самъ впослѣдствіи признавался и раскаивался". „Говорятъ, что въ ней (въ „Проказникахъ") выставленъ на позоръ цѣлый, весьма извѣстный, домъ того времени, со всѣмъ его развратомъ и безпорядками".

Задѣтый Княжниной (вѣроятно, у кого-нибудь изъ общихъ знакомыхъ — хотя бы у актера Дмитревскаго) и взбѣшенный похищеніемъ сюжета, Крыловъ написалъ свой злостный памфлетъ — комедію и отдалъ ее Соймонову для театра. Она была принята, и Крыловъ уже собирался ее напечатать, но тутъ начались недоразумѣнія съ Соймоновымъ. Княжнинъ, прослышавшій про готовящуюся ему непріятность, тоже поднялъ исторію, и „Проказники" Крылова только черезъ нѣсколько лѣтъ могли увидѣть раму и печать.

Озлобленные протесты Княжнина вызвали со стороны Крылова очень характерный отпоръ — крайне саркастическое письмо, найденное Майковымъ въ старинной копіи и напечатанное имъ въ 1889 г. [1]. Неизвѣстно, дѣйствительно ли оно было послано Княжнину или было пущено по рукамъ — обычный способъ тогдашней полемики, но во всякомъ случаѣ оно было новымъ и тяжкимъ оскорбленіемъ для несчастнаго трагика.

Вотъ что Крыловъ писалъ Княжнину.

Милостивый Государь Яковъ Борисовичъ!

Къ немалому моему огорченію услышалъ я отъ П. А. г. Дмитревскаго, что вы укоряете меня въ сочиненіи на васъ комедіи, а его въ согласіи о семъ со мною, и будто я самъ сказывалъ, что онъ сію комедію переправлялъ, въ чемъ, пишете вы [2], и уличить меня можно. Я удивляюсь, государь мой, что вы, а не кто другой, вооружаетесь на комедію, которую я пишу [3] на пороки, и почитаете критикою своего дома толпу развращенныхъ людей, описываемыхъ мною, и не нахожу самъ никакого сходства между ею и вашимъ семействомъ. Я бы въ оправданіе свое сказалъ, что я никакихъ не имѣю причинъ на васъ негодовать и описы-

[1] l. c., стр. 21—23.

[2] Дмитревскому?

[3] Письмо, повидимому, относится къ тому времени, когда Крыловъ еще не кончилъ своей комедіи, и слухи о ней уже распространились въ литературномъ и театральномъ кругахъ.

вать довольно уже извѣстный вашъ домъ; но вы, можетъ быть, сыщете на то возраженіе. И такъ, чтобы оправдать себя и уничтожить ваши подозрѣнія, я въ малыхъ строкахъ желаю вамъ подать нѣкоторое понятіе о моей комедіи.

Она состоитъ изъ главныхъ четырехъ дѣйствующихъ лицъ: мужа, жены, дочери и ея любовника. Въ мужѣ вывожу я зараженнаго собою парисскаго шалуна, который, выкрадывая лоскутія изъ французскихъ и изъ италіанскихъ авторовъ, выдаетъ за свои сочиненія и который своими колкими и двоесмысленными учтивостями восхищаетъ дураковъ и обижаетъ честныхъ людей [1]. Признаюсь, что сей характеръ учтиваго гордеца и бездѣльника, не предвидя вашего гнѣва, старался я рисовать столько, сколько дозволяло мнѣ слабое мое перо, и если вы за то сердитесь, то я съ христіанскимъ чистосердечіемъ прошу у васъ прощенья. Въ женѣ показываю развращенную кокетку, украшающую голову мужа своего извѣстнымъ вамъ головнымъ уборомъ, которая, восхищаяся моральными достоинствами своего супруга, не пренебрегаетъ и физическихъ дарованій въ прочихъ мужчинахъ. Дѣйствующее лицо ихъ дочери и ея жениха есть любовники, которымъ старался я дать благородныя чувства. Вы видите, есть ли хотя одна черта, схожая съ вашимъ домомъ! Прочія же лица низозическія и не стоятъ того, чтобы объ нихъ упоминать. По симъ характерамъ расположилъ я весьма обыкновенныя любовныя интриги, которыя развязываются свадьбою любовниковъ, чѣмъ и вся комедія кончится.

Вотъ все, государь мой, на чемъ можете вы основывать свои подозрѣнія. Я надѣюсь, что вы, слича сіи характеры съ вашимъ домомъ, хотя мысленно оправдаете мою комедію и перестанете своими подозрѣніями обижать человѣка, который не имѣетъ чести быть вамъ знакомымъ. Обижая меня, вы обижаете себя, находя въ своемъ домѣ подлинники толико гнусныхъ портретовъ. Я бы во угожденіе вамъ уничтожилъ комедію свою и принялся за другую; но границы, полагаемыя вами писателямъ, столь

[1] Въ этихъ словахъ слышится какъ бы намекъ на личную обиду со стороны Княжнина, который могъ знать Крылова по наслышкѣ и, со словъ жены, рѣшилъ отомстить комедіей. Только это предположеніе можетъ помирить всѣ противорѣчія имѣющихся фактовъ.

тѣсны, что нельзя бранить ни одного порока, не прогнѣвя васъ или вашей супруги: такъ простите мнѣ, что я не могу въ оныя себя заключить.

Но чтобы доказать вамъ, государь мой, колико я послушливъ, вы можете выписать изъ сихъ характеровъ всѣ тѣ гнусные пороки, которые вамъ или вашей супругѣ кажутся личностію, и дать знать мнѣ, а я съ превеличайшимъ удовольствіемъ постараюся ихъ умягчить, если интересъ комедіи не позволитъ совсѣмъ уничтожить.

Я не знаю, какихъ слѣдствій ожидали вы, говоря про меня, будто я сказывалъ, что Нв. Аѳан.[1] переправлялъ сію комедію и переправлялъ неудачно. Повѣрьте, государь мой, что еслибъ онъ переправлять, то, конечно бъ, она была ближе къ природѣ, и хотя онъ всѣмъ моимъ сочиненіямъ дѣлаетъ честь, ихъ переправляя, но я увѣряю васъ, что я столько же ему обязанъ сею комедіею, сколько вамъ. Мнѣ бы очень хотѣлось видѣть того, по вашимъ словамъ, честнаго человѣка, который имѣлъ твердость духа сказать, чего отъ меня не слыхалъ; когда жъ вы намѣрены сердиться на всѣхъ тѣхъ, которые только что читали или будутъ читать мою комедію, такъ я жалѣю, что она, можетъ быть, поссоритъ васъ со многими.

Я удивляюся, государь мой, что съ достоинствами, какія въ васъ — говорятъ — есть, вы боитесь комедіи, и не знаю, что изъ того заключить. Вамъ извѣстно, я думаю, что предметъ комедіи есть осмѣивать пороки, а не достоинства, и для того одни порочные должны ея страшиться и ненавидѣть, а вы на меня сердитесь. Повѣрьте, что васъ обидѣлъ не я, описывая негодный домъ, который отъ трактира только разнится тѣмъ, что на немъ нѣтъ вывѣски, но обидѣли тѣ, кои сказали, что это картина вашего дома. Вы, можетъ быть, оправдаете меня сами, когда увидите мою комедію, и, читая въ ней критику на пороки, не будете мнѣ говорить: „за что ты бранишься?“ или и я вамъ буду почти то же отвѣчать, что Бригадиръ Совѣтнику[2].

Я слышалъ также, государь мой, что вы, еще не читавъ ни строчки моей комедіи, уже меня браните; но я надѣюся,

---

[1] Дмитревскій.

[2] Намекъ на „Бригадира“ Фонвизина (дѣйствіе IV, явл. VII): бригадиръ бранитъ совѣтника того, кто рѣшился бы приволокнуться за его женою, а совѣтникъ относитъ эту брань къ себѣ.

что вы не выйдете изъ благопристойности, сродной здравому разсудку, и не будете употреблять противъ меня брань, это гнусное оруdіе пьяныхъ ямщиковъ и солдатскаго сословія. Впрочемъ, напоминаю вамъ, что я благородный человѣкъ, хотя и не былъ столь много разъ жалованъ чинами, какъ вы, милостивый государь! Вашъ покорный слуга Иванъ Крыловъ.

Возникшія въ тогдашнихъ литературныхъ и театральныхъ кругахъ сплетни, такимъ образомъ, еще болѣе осложнили отношенія. Комедія была представлена Крыловымъ Соймонову въ 1787 или 1788 г. г. Въ концѣ 1788 или началѣ 1789 г., когда у Крылова обострились уже отношенія съ его бывшимъ начальствомъ, онъ сдѣлалъ попытку, оказавшуюся неудачной, вторично пристроить своихъ „Проказниковъ“ на сцену.

Въ 1789 г. онъ писалъ Соймонову: „еще не осмѣливался я подумать, чтобы я былъ, а не сочиненія мои причиною вашего гнѣва, и для того имѣлъ честь быть у васъ, доложилъ я вамъ, не угодно ли вамъ будетъ принять на театръ мою комедію „Проказники“, которая уже у васъ нѣкогда была, и вы мнѣ дозволили ее напечатать, когда я находился подъ вашимъ начальствомъ; а какъ вы сказали, что вы не помните сей комедіи, и я вамъ донесъ, что она написана на рогоносца, на которую столько вооружался г. Княжнинъ, то вы мнѣ изволили отвѣчать, что вы не пріемлете личности. Позвольте сей отвѣтъ, ваше превосходительство, приписать вашему ко мнѣ неблаговоленію, ибо я не думаю, чтобы вы подлинно почитали личностію комедію на дурные нравы и захотѣли бы обидѣть г. Княжнина, нашедши въ его домѣ что-нибудь сходное съ пороками, которые изобразилъ я въ своей комедіи. Правда, что г. Княжнинъ вооружился противъ сей комедіи, но сему могъ быть причиною какой-нибудь повѣса, который ему или не хотѣлъ, или не умѣлъ подробнѣе пересказать о рогоносцѣ, котораго я вывелъ въ своей комедіи, и потому Як. Бор. могъ легко ошибиться и почелъ по справедливости должностію вступиться за свою честь, которой однако же я не прикасался. Но вы, милостивый государь, видѣли сію комедію, къ вамъ первому я ее принесъ, и вы дали мнѣ позволеніе ее напечатать. Итакъ, неужели вы бы дозволили напечатать пасквиль? А если сія комедія не была и

прежде личною, то и нынѣ она должна быть таковою же, и развѣ одинъ вашъ гнѣвъ могъ признать ее личною, чѣмъ вы сколько меня огорчили, столько обидѣли г. Княжнина, который, какъ разумный человѣкъ, конечно, самъ, увидя ее, не признаетъ личностію на себя и не воспротивится, чтобъ она была на театрѣ".

По указанію Плетнева, не подтверждаемому однако документальными свѣдѣніями, комедія эта была поставлена на Петербургскомъ театрѣ только въ 1793 г. Она вошла въ „Россійскій Ѳеатръ"[1] (г. 40, 1793, стр. 155—329; второе изданіе 1829 г. положено нами въ основу текста). Первоначально фамилія автора была обозначена только „І. К." Въ отдѣльномъ изданіи 1793 г. и во второмъ изданіи „Ѳеатра" фамилія обозначена полностью.

Имена „Пріята" и „Милонъ" обычны для любовниковъ комедій того времени („Смѣхъ и горе" Клушина, „Бѣшеная семья" Крылова, „Недоросль" Фонвизина и пр.). На протяженіи всей піесы съ Пріятою происходитъ постоянная путаница: она то дочь, то племянница Риѳмокрада и Тараторы.

[1] Характерно, что Крыловъ все-таки рѣшился напечатать ее вскорѣ послѣ смерти Княжнина († 1791).

Дѣйствующія лица:

Риѳмокрадъ.
Таратора, жена его.
Пріята, дочь ихъ.
Азбукинъ.
Милонъ, племянникъ его.
Княжна Тройкина, сестра Азбукина.
Ланцетинъ, докторъ.
Тянисловъ.
Плутана, служанка Пріяты.
Иванъ, парикмахеръ Тараторы.

Дѣйствіе въ С.-Петербургѣ.

Дѣйствіе первое.

Явленіе первое.

Таратора сидитъ передъ убориымъ столикомъ; передъ нею стоитъ другой столъ, на которомъ она пишетъ; Иванъ оказываетъ свое неудовольствіе, не успѣвая чесать ея голову, которую она повертываетъ то къ зеркалу, то къ бумагѣ.

Иванъ.

Ваша голова, боярыня, безпрестанно вертится.

Таратора.

Ств!... (Пишетъ.) Предметъ моей души и лѣкарь чувствъ и духа... духа!... Ванька! какой бы сыскать стихъ къ слову духа?

Иванъ.

Чтобъ у этого проклятаго лѣкаря отрѣзать оба уха! Онъ причиною тому, что вашу голову поймать не можно.

Таратора.

И ты еще, мошенникъ, смѣешь мнѣ указывать! Да знаешь ли ты, что я духъ изъ тебя вымучу палками? Твое дѣло, бездѣльникъ, чесать мнѣ голову!

Иванъ.

Да чѣмъ же я виноватъ? Вы такъ ворочаетесь, что мнѣ и за волосы схватить васъ нельзя.

Таратора.

Ну, перестань же. Развѣ ты позабылъ, что мнѣ сегодня надобно скорѣй обыкновеннаго, часу къ двѣнадцатому убраться, для того, что у меня уже будетъ свадьба моей дочери съ Милономъ... (Смотря въ бумагу.) Почти все ... однако еще не всѣ его достоинства описаны. Ванька! не знаешь ли ты какихъ дарованій въ нашемъ лѣкарѣ Ланцетинѣ?

Иванъ.

Какихъ дарованій?

Таратора.

То есть, чего-нибудь хорошенькаго.

Иванъ.

Ну, гдѣ мнѣ его такъ знать, какъ вамъ, боярыня; мое дѣло холопское; я въ немъ ничего хорошаго не вижу.

Таратора.

Какъ, бездѣльникъ! да развѣ не для того онъ сюда вхожъ, чтобъ васъ лѣчить? неблагодарная каналья! и развѣ не лѣчитъ онъ васъ?... Въ немъ нѣтъ ничего хорошаго!

Иванъ.

Ну, вѣдь не что говорить, боярыня: да онъ только лѣчилъ Петруху покойника да покойницу Дарью, а за насъ еще, слава Богу, ни за кого не принимался.

Таратора.

Да его ль вина, бестія, что вы всѣ здѣсь хотите, какъ слоны, и ни одного изъ васъ чортъ не придавитъ?... Чеши же, говорю!

Иванъ.

Вотъ уже почти и совсѣмъ.

Таратора (дописывая).

Я окончала!... Какъ я рада! Элегія эта безпримѣрна ... Ахъ, дорогой Ланцетинъ, въ ней то ты увидишь мои чувства! (Наклоняется, разсматриваетъ стихи и подталкиваетъ Ивану.)

Иванъ.

Ну, все пошло къ чорту, боярыня!

Таратора.

Такъ, плутъ, въ счастливую минуту сдѣлалъ ты со мною свое дурачество; я бы дала тебѣ себя знать!... Ну, что жъ ты будешь дѣлать съ моею головою?

Иванъ.

Да развѣ снова передѣлать, боярыня?... а то ни къ чорту не годится... я заложу ее въ бумажки.

Таратора.

Поскорѣе жъ! Я вѣдь тебѣ сказывала, что здѣсь свадьба, да и лѣкарь именинникъ.

Иванъ.

Смотри-тко, сколько у насъ праздниковъ столкнулось! Ужь я постараюсь, чтобъ ваша то голова хоть для нихъ была лучше.

Таратора.

Какъ я рада, что все дописала! Постой же, я встану и возьму въ бюро бѣлой бумаги: надобно заставить это на-бѣло переписать... весь городъ будетъ восхищаться! (Уходитъ и беретъ въ стоящемъ у стѣны письменномъ столикѣ бумагу, потомъ возвращается.)

Иванъ (между тѣмъ).

Такъ, листъ, кажется, весь исписанъ; сверху всю голову уверчу.

Таратора (садясь передъ зеркаломъ).

Стихи такіе, что ни мужу не написать; однако дамъ ихъ ему прочесть: что то онъ скажетъ? Гдѣ жъ они? (Вырывается у Ивана изъ рукъ и ищетъ своихъ стиховъ, бѣгая по всему театру.)

Иванъ (бросая гребенку).

Дьяволъ тебя побери! это чортъ, не женщина! Ну гдѣ одному парикмахеру съ нею возиться! Надобно ихъ десять, чтобы ее держать!

Таратора.

Ванька, да не видалъ ли ты моихъ стиховъ, что я написала?

Иванъ

(показывая изодранныя бумажки).

Да вотъ они! садитесь поскорѣе, сударыня: вѣдь уже обѣдъ на дворѣ.

Таратора.

Что? гдѣ они, плутъ!

Иванъ.

Да вотъ, я вамъ говорю! за что тутъ браниться? Изъ вашей же головы, да на вашу же голову и пойдетъ. Вѣдь вы сказали, что все написано.

Таратора.

Ну, что ты со мною, бездѣльникъ, сдѣлалъ! Но я дамъ тебѣ знать, какъ должно почитать меня!

Иванъ.

Помилуйте, боярыня, да я вамъ десть бѣлой бумаги принесу; а мараной то хоть стопу у мастера выпрошу, и, вѣрно, еще черньe вашей измарана будетъ.

Таратора (хочетъ его бить).

Вотъ я тебя, мошенникъ!

Явленіе второе.

Таратора лѣзетъ драться съ **Иваномъ**, который обороняется отъ нея ладонями. **Тянисловъ** входитъ съ равнодушнымъ видомъ, держа бумагу въ рукахъ, и читаетъ тихонько съ важнымъ видомъ стихи.

Тянисловъ (говоритъ всегда протяжно).

Все ли въ добромъ здоровьѣ, государыня моя милостивая? Иванъ, здорово!

Таратора.

Помогите мнѣ, господинъ Тянисловъ, управиться съ этою бестіею; часа два прыгаю вкругъ него и не достану до его плутовской рожи!

Тянисловъ.

Только одну строфу передѣлаю, сударыня! (Подходитъ къ столику, беретъ перо и думаетъ.)

Таратора (Ивану).

Я тебѣ говорю, мошенникъ, дай мнѣ свою плутовскую рожу!

Иванъ.

Да помилуйте, боярыня!...

Таратора.

Зажми ротъ, негодница!

Тянисловъ.

Да что же... и такъ ладно! бонъ форбонъ![1]... послушайте-ко, благодѣтельница ...

Таратора.

Эхъ, подите къ чорту, сударь!... развѣ не видите, что мнѣ недосугъ? (Ивану.) Вонъ, бездѣльникъ! Я тебѣ покажу себя, увидишь ты, какова я!

Иванъ (особо).

Эдакая повина! ужъ ты давно себя кажешь по грѣхамъ нашимъ.

---

[1] Вѣроятно, bon, fort bon (хорошо, очень хорошо).

Таратора.

Что ты ворчишь? вонъ!... Да помогите мнѣ, сударь!... (Иванъ уходитъ.)

Тянисловъ.

Въ минуту, сударыня! эта рѣчь не такъ чиста. Ну, да вѣдь не всѣмъ старцамъ въ игумнахъ быть; ужъ зато по другимъ то узнаютъ, что я дѣлать.

Явленіе третье.

Таратора и Тянисловъ.

Таратора.

Не стыдно ли, сударь, что ты не хотѣлъ вступиться за меня противъ этого бездѣльника и забылъ ласку моего мужа и мою. Ежели впередь будешь столь неблагодаренъ, такъ я тебя велю выголкать въ-шеей съ тѣмъ, чтобы никогда на дворъ не впускать.

Тянисловъ.

Да развѣ вы сердиты были?

Таратора.

А ты развѣ не видалъ, что я дѣлала?

Тянисловъ.

Вы съ Иваномъ своимъ дрались, и я вамъ обоимъ кланялся. Да что онъ передъ вами согрѣшилъ?

Таратора.

Изорвалъ мои стихи на завивныя бумажки!

Тянисловъ.

Да вы сами виноваты; вы бы дѣлали подобно мнѣ: съ годъ уже, какъ я своихъ стиховъ изъ кармана не выпускаю, и у меня съ тѣхъ поръ никто ихъ на завивныя бумажки не беретъ.

Таратора.

Эти стихи съ ума у меня нейдутъ ... Но какъ быть, оставимъ это! Былъ ли же ты хотя гдѣ-нибудь? нѣтъ ли вѣстей какихъ?

Тянисловъ.

Былъ, благодѣтельница, премѣремань, я зашелъ ...

Таратора.

Оставь, пожалуй, свою дурацкую привычку, не зная по-французски, болтать и портить французскія слова, да и вѣчно мямлить. Ну, кстати ли говорить премѣремань ... premierement[1] надобно, сударь ...

Тянисловъ.

Да что жъ дѣлать то, коли у меня носомъ то не выходитъ? Мое дарованіе — произносить слова твердо.

Таратора.

Такъ лучше ихъ совсѣмъ не говорить. Однако, скажи: гдѣ ты былъ, что видѣлъ, что слышалъ?

Тянисловъ.

Былъ во многихъ домахъ, слышалъ многое, а не видалъ ничего. Въ домѣ у Спознаева говорятъ, что вашъ мужъ выкрадываетъ свои сочиненія.

Таратора.

Ну, оставь это. Еще что?

Тянисловъ.

Въ домѣ у Разумова говорятъ, что сочиненія его всѣ выкрадены.

Таратора.

Ну полно, еще что слышалъ?

[1] Прежде всего, во-первыхъ.

Тянисловъ.

Въ домѣ Твердомысла говорятъ, что онъ воруетъ свои сочиненія.

Таратора.

Ахъ, батька мой! да это одно и то же, и вотъ уже девять лѣтъ, какъ ты мнѣ все только такія вѣсти приносишь.

Тянисловъ.

Есть и еще кое-что, да я сказать не смѣю.

Таратора.

Такъ, сударь, мнѣ твоя рабость уже не въ первый разъ досаждаетъ. Ну, что жъ такое?

Тянисловъ.

Во всѣхъ домахъ этихъ согласно утверждаютъ, что докторъ Ланцетинъ вашему мужу, а моему благодѣтелю, не безъ вѣдома твоего, моей благодѣтельницы, рога ставитъ.

Таратора.

Какое поношеніе! Что жъ ты, сударь, слушая это, молчалъ, вытаращя глаза, по твоему обыкновенію?

Тянисловъ.

И, нѣтъ, сударыня! я смотрѣлъ, отъ скуки, лѣкарство, присланное ко мнѣ.

Таратора.

Чтобъ тебѣ околѣть и съ тѣмъ, кто его выдумалъ. Ты сущій оригиналъ, сударь?

Тянисловъ.

Такъ, благодѣтельница моя, я всѣмъ генералъ но не я виноватъ ...

Таратора.

Поди вонъ, ты не достоинъ моего знакомства! За пріятелей своихъ не такъ вступаются: ты бы долженъ былъ сказать, что этотъ лѣкарь знакомъ со мною для моихъ частыхъ [1] припадковъ, а особливо лѣчитъ моихъ маленькихъ дѣтей; ты бы долженъ былъ сказать, что они, по милости его, еще здоровы, и что безъ него этихъ маленькихъ ребяточекъ, можетъ быть, на свѣтѣ бы не было.

Тянисловъ.

А я было расположился сегодня у васъ за обѣдомъ прочитать одну тетрадь изъ моихъ прозаическихъ сочиненій; однако прощайте, я гдѣ-нибудь да прочту ее.

Таратора (особо).

Есть случай посмѣяться! (Въ слухъ) Воротитесь, сударь! Но извѣдалъ ли ты хотя о состояніи Азбукина и племянника его, Милона? Вѣдь, это не шутка: я за послѣдняго свою дочь отдаю; можетъ ли онъ что-нибудь ...

Тянисловъ.

Какъ не можетъ, сударыня: онъ еще молодъ, дядя его, Азбукинъ, богатъ и со многими знатными въ дружбѣ; да говорятъ, въ такой сильной, что знатные ни у кого не хотятъ занимать денегъ, кромѣ его.

Таратора.

О, такъ онъ много можетъ! Пойду же и одѣнусь. Какъ я люблю одѣваться на свадьбѣ, а особливо на своей. Ахъ! это удовольствіе я только одинъ разъ въ жизни имѣла...

[1] Во второмъ изданіи частныхъ — несомнѣнно, опечатка.

Явленіе четвертое.

Тянисловъ (одинъ)

Чудно, подумаешь, какъ людскія то намѣренія не удаются! Она хочетъ выдать дочь свою за Милона, а выдастъ за меня; это вѣрно. Однако, какъ бы сдѣлать — подумаемъ — бонъ, вотъ и докторъ. Онъ все можетъ; посовѣтую съ нимъ.

Явленіе пятое.

Тянисловъ и Ланцетинъ.

Тянисловъ.

Viens, [1] мой ami! помоги мнѣ!

Ланцетинъ.

Я никому въ свѣтѣ помогать не стану; и пусть всякой умираетъ самъ, какъ хочетъ: я пальцемъ ни до кого не дотронусь.

Тянисловъ.

Ты сердитъ, такъ возьми оду да прочти: она, конечно, тебя успокоитъ.

Ланцетинъ.

Я? я больше дѣлалъ: я прочелъ свои примѣчанія, какъ должно лѣкарю оберегать себя во время прилипчивыхъ болѣзней [2]; но и то все меня не успокоило.

Тянисловъ.

Да что жъ тебя разсердило?

---

[1] Грачъ („Сѣв. Пчела" 1857, № 147) считаетъ это намекомъ на фамилію Віена.

[2] Можетъ быть, имѣется въ виду книга Віена: „Loimologia, или описаніе мороной язвы, ея существа, происшествія, причинъ пораженія и производства припадковъ, съ показаніемъ образа предохраненія и врачеванія сея скорби". (СПБ., 1786).

Ланцетинъ.

Неблагодарность людей. Знай, другъ мой, что подъ моимъ смотрѣніемъ болѣе людей умерло, нежели сколько ты написалъ стиховъ. Я прошу себѣ награжденія, и мнѣ его не даютъ!

Тянисловъ.

Неужели не имѣешь ты благодѣтелей, знатныхъ людей? Поднеси имъ по одѣ, — это лучшій способъ.

Ланцетинъ.

То ли я дѣлалъ! Я имѣлъ въ знакомствѣ очень знатныхъ людей; я предписалъ имъ рецепты, посадилъ ихъ на діеты; они всѣ перемерли, — и я остался безъ покровителей.

Тянисловъ.

Да, это подлинно худо, что всѣ твои благодѣтели покойники, такой благодѣтель и канцелярискаго чина не выходитъ: это такая истина.. Однако, другъ мой, оставимъ людей, пусть всѣ умираютъ безъ лѣкарей и не читая моихъ стиховъ: это невѣжество! Помоги мнѣ: я хочу жениться на Пріятѣ и сдѣлать на этотъ случай стихи.

Ланцетинъ.

Что жъ тебѣ надобно: рецептъ, или кровь пустить?

Тянисловъ.

Совсѣмъ нѣтъ. Мнѣ надобно, чтобъ ты уговорилъ къ тому ея мать, а мою благодѣтельницу Таратору.

Ланцетинъ.

Это самая трудная операція. Ты знаешь, что она дала слово Милону и его дядѣ: второе, ждутъ отъ этого брака великихъ выгодъ; а третье, свадьба назначена сегодня, — и тебѣ осталось мало времени.

Тянисловъ.

Багатель![1] ты можешь все своимъ убѣжденіемъ: ты знаешь, какъ ты здѣсь важенъ, какъ Палладина[2] статуя въ Троѣ: здѣсь нѣтъ тебѣ враговъ.

Ланцетинъ.

Когда бы всѣ, мой другъ, слушались моихъ рецептовъ и принимали бы мои лѣкарства, то, конечно, у меня бы мало непріятелей осталось.

Тянисловъ.

О, ты великій человѣкъ! Уломай лишь только Таратору, а мужъ то ея все сдѣлаетъ, чего ей захочется.

Ланцетинъ.

Хорошо, я помогу тебѣ жениться. Да знаешь ли, что я самъ имѣю ко тому важную причину!

Тянисловъ.

Какую?

Ланцетинъ.

Ты знаешь, что я дѣлаю стихи, и очень не худые. Дядя Милоновъ, Азбукинъ, занемогъ, и я ему, вмѣсто рецепта, привязалъ къ пузырьку эпитафію ошибкою, за что онъ на меня разсердился. Недавно занемогъ его сродникъ, богатый человѣкъ: меня туда позвали, а проклятый Азбукинъ, ветрѣтясь со мной гамъ, сдѣлалъ то, что вмѣсто меня приняли другого лекаря, а больной то вѣдь умеръ же!

Тянисловъ.

Ну, не все ли бы равно? Ты хорошо сдѣлаешь, если, услужа мнѣ, отомстишь тѣмъ его племяннику. Поди жъ, уговори Таратору.

[1] Bagatelle, пустяки, вздоръ.
[2] Палладіумъ охранялъ Трою отъ гибели.

Ланцетинъ.

Иду. Правда, мнѣ это будетъ стоить одного рецепта, но для тебя я и себя не пожалѣю.

Явленіе шестое.

Азбукинъ и Тянисловъ.

Тянисловъ.

Это Азбукинъ, дядя Милоновъ! Постараюсь отвратить его отъ благодѣтеля моего, Рѣомокрада.

Азбукинъ.

Здорово, мой другъ! Не человѣкъ ли ты здѣшняго дома?

Тянисловъ.

Кто? я человѣкъ? Вы очень ошибаетесь!

Азбукинъ.

Извини меня, мой другъ; я было по лицу твоему заключилъ.

Тянисловъ.

Мой видъ и мой разумъ не доказываютъ того, что вы обо мнѣ говорите.

Азбукинъ.

А я, право, думалъ, что ты человѣкъ. Прости же меня, мой другъ, я вижу, что мы съ тобою одинаковы: ты, конечно, другъ въ здѣшнемъ домѣ?

Тянисловъ.

Да, я знакомъ Рѣомокраду и его женѣ; а вамъ ихъ же знать надобно?

Азбукинъ.

Да, я ихъ яицу; но какъ еще не знаю, то, пожалуй, покажи мнѣ ихъ, чтобъ я, ошибкою, на другихъ не набрелъ.

Тянисловъ.

Вы можете узнать его по головѣ: она у него очень не гладко причесана.

Азбукинъ.

По-городски, мой другъ! У насъ такъ въ деревняхъ, бывало, квасомъ примочишь; а зѣсь вездѣ духъ французской носъ воротитъ, и зато кого ни посмотри, всѣ съ рогами, — такъ какъ же я его узнаю? неужели онъ рогатѣй всѣхъ!

Тянисловъ.

Да, сударь, у него очень не гладка голова, отъ того, что онъ всегда занятъ.

Азбикинъ.

Спасибо, мой другъ! Но какъ мнѣ нужда спросить тебя, такъ надобно тебѣ во всемъ признаться. Мой племянникъ беретъ его дочь; мнѣ говорили многіе, что это свойство для насъ выгодно, такъ скажи, пожалуй, каковъ господинъ Риѳмокрадъ. Я слышалъ, онъ ужасно много пишетъ.

Тянисловъ.

Невѣжи ему удивляются, но я могу доказать, что у него ничего собственнаго нѣтъ, а все краденое.

Азбукинъ.

Вотъ-те разъ! Какъ же племянникъ писалъ ко мнѣ въ деревню, — очень честной человѣкъ!

Тянисловъ.

Да, сударь, его такимъ почитаютъ.

Азбукинъ.

Однако жъ, у насъ, въ деревняхъ, честные дворяне не крадутъ, другъ мой! Но правду ль ты говоришь? какимъ образомъ?

Тянисловъ.

Какъ, сударь! Я вамъ докажу, что онъ обокралъ Вольтера, Расина, Кребильона, Метастазиса, Мольера, Реньярда...

Азбукинъ.

Смотри, пожалуй, эдакой звѣрь! Можетъ быть, эти бѣдные люди отъ него по-міру пошли. Благодаренъ, мой другъ, что ты глаза мнѣ открылъ. А все-таки — прошу извинить — мнѣ что то невѣроятно.

Тянисловъ.

Хотя онъ мнѣ и знакомъ, но я въ сію минуту вамъ это докажу, подождите меня.

Явленіе седьмое.

Азбукинъ (одинъ).

Хорошо, племянничекъ, ты со мною спроказишь! Я бы въ-вѣкъ не въѣзжалъ въ городъ, а ты на старости меня заманилъ, обнадежа, что я радъ буду, породнившись съ Рюмокрадомъ. А я лишь пріѣхалъ, то и вижу совсѣмъ не то: чешется рогато; вѣдь это, я чай, ему денегъ стоитъ; онъ же и воръ. Нѣтъ, мой другъ, не думай, чтобъ я сдѣлалъ себѣ стыдъ такимъ родствомъ!

Явленіе восьмое.

Азбукинъ и Тянисловъ (несетъ беремя книгъ).

Азбукинъ.

Что это, мой отецъ?

Тянисловъ.

Это книги, въ которыхъ напечатано то, что онъ укралъ.

Азбукинъ.

Какъ, да неужели это есть и въ печати?

Тянисловъ.

Какъ, сударь, въ печати! Послушайте только, знаете ли вы Береницу? [1]

Азбукинъ.

Нѣтъ, мой другъ, прозванье это, кажется, не русское, а я съ нѣмцами не знакомъ.

Тянисловъ.

Зайру?

Азбукинъ.

И не слыхивалъ.

Тянисловъ.

Идоменея?

Азбукинъ.

И этого не знаю. Да, конечно, они не проѣзжали мимо моихъ вотчинъ?

Тянисловъ.

Нѣтъ, сударь, они жили за нѣсколько тысячъ лѣтъ до нынѣшняго времени.

Азбукинъ.

О! такъ нѣтъ, мой другъ: знакомые все гораздо моложе.

Тянисловъ.

Ну, да нѣтъ, ничего. Я буду вамъ читать напередъ по-французски и по-итальянски, что онъ укралъ.

Азбукинъ.

Такъ онъ не на шутку воръ? Смотри, пожалуй, ужъ и во Франціи это напечатано! Да онъ публичной воръ, братецъ ты мой, а я совсѣмъ этого и не думалъ!.. И часто онъ въ этомъ упражняется?

[1] Какъ и дальше, имена трагическихъ героевъ.

Тянисловъ.

Всякой день.

Азбукинъ.

Къ чему у него охота? что онъ по большей части крадетъ?

Тянисловъ.

Самая малая картина, ежели она ему понадобится и понравится, то будьте увѣрены, что онъ и ее выкрадетъ.

Азбукинъ.

То бы онъ у меня этимъ не поживился; я до картинъ не слишкомъ охочъ. Еще не крадетъ ли онъ чего?

Тянисловъ.

Все, сударь, что ему полюбится: напримѣръ, вотъ изъ этой книги, если ему понадобится одна строчка, такъ онъ ее и выкрадетъ.

Азбукинъ.

Эдакой пакостникъ! да онъ бы эдакъ у меня псалтырь укралъ, а у меня псалтырь то дѣдушкина!

Тянисловъ.

Впрочемъ, онъ человѣкъ честной. Я рекомендую его вамъ, и теперь же пойду сказать, что вы здѣсь.

Азбукинъ.

Благодарствую! Только скажи, пожалуй, ему, что я человѣкъ бѣдной, и что у меня въ карманахъ ничего нѣтъ.

Явленіе девятое.

Азбукинъ (одинъ).

Онъ человѣкъ честной, а воръ преестественной! — Это такая чертовщина, которой въ деревняхъ

нѣтъ, и которая мнѣ въ въ голову не лѣзетъ. Однако, не думай онъ быть мнѣ сватомъ!

Явленіе десятое.

Азбукинъ и Милонъ.

Милонъ.

Получа отъ васъ, дядюшка, позволеніе жениться на Пріятѣ...

Азбукинъ.

На дочери Ріѳмокрада? — Пустяки, ты никогда ея не получишь!

Милонъ.

Что вы мнѣ сказываете? какъ?

Азбукинъ.

Для того, что отецъ ея воръ.

Милонъ.

Опомнитесь, какія названія даете вы ему!

Азбукинъ.

А чего мнѣ трусить? Онъ воръ привиченной. На, читай: по-французски и по-итальянски напечатано, что онъ воръ,

Милонъ.

Вы, конечно, не въ ту сторону приняли сказанныя вамъ слова.

Азбукинъ.

Нѣтъ, въ ту: мнѣ по-русски сказано. Да и можно ли спорить, когда есть на то письменныя доказательства? Да вотъ и имена, кого онъ обокралъ — Вольтера, Расина...

Милонъ.

Какъ вы худо растолковали, сударь! Онъ подражалъ симъ великимъ людямъ.

Азбукинъ.

И тѣмъ не менѣе виноватъ: въ воровствѣ подражать никогда не надобно.

Милонъ.

Вы и меня не понимаете...

Азбукинъ.

Нѣтъ, ты меня не понимаешь! Прощай. Я чрезъ часъ сюда буду съ тѣмъ, чтобъ взять свое условіе. А ты и не думай имѣть женою Пріяту. Ну ежели она вздумаетъ подражать своему батюшкѣ, такъ это будетъ очень худой щелчокъ моей экономіи, а у насъ давнешняя пословица: отъ домашняго вора не убережешься!

Явленіе одиннадцатое.

Милонъ (одинъ).

Какой несносной ударъ! Жестокая судьба! ждалъ ли я этого, когда уже совсѣмъ надѣялся! Ты полагаешь мнѣ препятствіе, но нѣтъ, ничто не разлучитъ меня съ Пріятою!

Явленіе двѣнадцатое.

Милонъ и Пріята.

Пріята.

Что сдѣлалось твоему дядюшкѣ, Милонъ? Онъ опрометью побѣжалъ съ лѣстницы и не хотѣлъ взглянуть на меня: не сердитъ ли онъ?

Милонъ.

Ахъ, Пріята!

Пріята.

Ты смущаешься! Не скрывайся болѣе: я вижу, что мы несчастливы.

Милонъ.

Такъ, дядюшка не хочетъ, чтобъ ты была моею; но я увѣряю тебя небомъ и нашею любовью, что я соглашусь скорѣе потерять свою жизнь, нежели твою руку.

Пріята.

Нѣтъ, Милонъ, я не хочу, чтобъ ты его огорчалъ, и соглашусь лучше быть сама несчастлива, нежели навести на тебя его гнѣвъ. Вспомни, что ты у него подъ опекою, и что ты его наслѣдникъ.

Милонъ.

Нѣтъ, чего бы то ни стоило, я докажу ему его несправедливость, и сама любовь поможетъ мнѣ изъяснить истину.

Пріята.

Когда ты принесъ мнѣ несчастливую вѣсть, такъ и я тебѣ объявлю не слишкомъ счастливую.

Милонъ.

Какъ!.. Все вооружается противъ моей любви!

Пріята.

Теперь я была въ своей комнатѣ. Матушка, думая, что меня тутъ нѣтъ, была возлѣ сей комнаты съ Ланцетинымъ; онъ ей представлялъ въ женихи мнѣ Тянислова, этого скучнаго педанта, котораго я, да и сама она терпѣть не можетъ, и которой въ здѣшнемъ домѣ служитъ всѣмъ игрушкою.

Милонъ.

Неужели его предпочли мнѣ?

Пріята.

Матушка хотя и долго не соглашалась, но, наконецъ, обѣщала Ланцетину это сдѣлать, а если она этого захочетъ, то, конечно, батюшка за меня не вступится: онъ, кажется, полагаетъ всю свою славу въ томъ, чтобъ ей повиноваться.

Милонъ.

Со всѣхъ сторонъ препятствія! Но неужели, любезная Пріята, любовь слабѣе происковъ?.. Она, конечно, намъ поможетъ. Послушай, я жду сюда Плутану, ту дѣвушку, которую моя двоюродная сестра обѣщала прислать тебѣ въ горничныя. Она тотчасъ будетъ. Это — очень хитрая дѣвка, и, можетъ быть, ея плутовство болѣе намъ поможетъ, нежели наше чистосердечіе не кстати. А вотъ и она!

Явленіе тринадцатое.

Милонъ, Пріята и Плутана.

Плутана.

Я, сударь, прислана отъ вашей сестрицы.

Милонъ.

Знаю, зачѣмъ. Но ахъ, Плутана, мнѣ уже не должно льститься получить Пріяту!

Плутана.

Какъ, сударь, какія причины?

Милонъ.

Я послѣ тебѣ скажу. Но обѣщай намъ помочь, ежели можешь, своею хитростію.

Плутана.

О сударь! всѣ мои дарованія вамъ на услугу. Мы посмотримъ, за что взяться надобно. Если за ученость, то я, дочь школьнаго учителя, была сама ученицею, а потомъ и учительницею, и знаю столько наукъ, сколько нужно, чтобы показать себя ученымъ невѣжею. Если нужна вѣтреность, такъ и за тѣмъ не станетъ дѣло. Я ѣздила съ вашею сестрицею по разнымъ землямъ: по нѣмецкой, по англійской и три мѣсяца была во французской; я могу, отъ одного

обыкновенія, говорить такъ много по-французски, что и лучшій бы изъ нонишнихъ щеголей могъ позавидовать моему знанію. Если нужна мораль, такъ и за тѣмъ дѣло не станетъ: я читала столько романовъ, что могу безъ затрудненія представить Анжелику [1].

Милонъ.

Всѣ сіи знанія будутъ намъ полезны, если ты употребишь ихъ съ пользою.

Пріята.

И ты можешь надѣяться, что не останешься безъ вознагражденія.

Плутана.

Я не такъ корыстолюбива, какъ тщеславна, сударыня; я, вѣрьте, бывши не богатая дѣвка, я бы сама была въ состояніи потерять что у меня ни есть дорогого, лишь бы поставить на свой ладъ.

Милонъ.

Эта ревность много обѣщаетъ хорошаго. Пойдемъ же отсель, чтобы тебя здѣсь не видали.

Плутана.

Какъ, сударь! да я было нарочно пришла показать себя.

Милонъ.

А я въ головѣ имѣю такое чудное предпріятіе, для котораго нужно, чтобы тебя теперь здѣсь не видали. Такъ ты можешь отвратить мое несчастіе? — и вѣрь, что будешь награждена!

Плутана.

Я вамъ вѣрю. Что жъ дѣлать, сударь: кто больше вѣритъ, того больше и обманываютъ!

---

[1] Намекъ на героиню новаго романа („прекрасная Анжелика").

Дѣйствіе второе.

Явленіе первое.

Княжна Тройкина (одна).

Какой несчастливой день! всѣ тузы и короли меня оставили, а съ ними вмѣстѣ и невѣрной Тяниловъ меня покидаетъ! Онъ женится на Пріятѣ! Я бъ лучше согласилась дней десять сряду играть sans honneurs [1], нежели слышать такую вѣдомость. Но постараюсь отыграться. Уже здѣсь велѣно подать столы. Если счастіе ко мнѣ возвратится, такъ и Тяниловъ опять будетъ мой. Любезные тузы, на васъ моя надежда! Правда, говорятъ, вы часто измѣняете, но зато, если вы держите сторону какого-нибудь и дурака, то всегда приносите ему счастіе.

Явленіе второе.

Княжна Тройкина и Азбукинъ.

Азбукинъ.

Сатана тебя побери, проклятой домъ! ни минуты долѣе въ тебѣ не останусь!

1 Безъ онеровъ — въ карточной игрѣ.

Тройкина.

Что съ тобою сдѣлалось, братецъ!

Азбукинъ.

У меня здѣсь въ передней плащъ украли!

Тройкина.

Кто?

Азбукинъ.

Кто!... или господинъ, или его слуги, чортъ вѣлетъ, кто изъ нихъ у кого перенимаетъ: онъ ли у нихъ, или они у него... Эти бездѣльники все у меня обобрали: шляпу, трость и плащъ.

Тройкина.

И, изъ такой бездѣлицы ты столько шуму дѣлаешь! Да ежели бы у меня все взяли...

Азбукинъ.

У тебя уже взять нечего, сестрица, а живешь ты картами.

Тройкина.

Опомнись, братецъ: ты позабываешь, кто я.

Азбукинъ.

Помню, помню, ваше сіятельство: ты княжна Тройкина и, прожившии дѣвичьи лѣта, пойдешь замужъ для того, что надѣешься быть графинею.

Тройкина.

Ты мнѣ въ этомъ указать не можешь.

Азбукинъ.

Я тебѣ и никогда не указывалъ, сестрица: ты издѣтства у насъ сама была догадлива.

Тройкина.

Да, для того то я ни съ кѣмъ не совѣтую и стою того, чтобы со мной совѣтовали.

Азбукинъ.

Кто съ тобою?

Тройкина.

А хотя бы ты!

Азбукинъ.

Будто мало на тебя всхожихъ: я самъ также ни съ кѣмъ не совѣтую.

Тройкина.

Однако не стыдно ли пріѣхать сюда съ тѣмъ, чтобы женить племянника на Ніяпѣ, и отмѣнить, не знаю для чего...

Азбукинъ.

Для того, что, ничего не видя, меня обокрали.

Тройкина.

Да если это слуги...

Азбукинъ.

Полно, сестрица! Сказывали мнѣ, каковъ и онъ!

Тройкина.

Ахъ, братецъ, вотъ и онъ съ женою! Воздержись, пожалуй!

Азбукинъ.

Нѣтъ, я хочу....

Тройкина (зажимая ему ротъ).

Опомнись...

Азбукинъ.

Дай мнѣ...

Тройкина.

Нѣтъ, я не дамъ тебѣ насказать имъ грубостей и, противъ воли твоей, тебя съ ними познакомлю.

Явленіе третье.

Тройкина, Таратора, Рнѳмокрадъ и Азбукинъ.

Тройкина.

Вотъ, сударь, мой родной братецъ: я вамъ его рекомендую.

Рнѳмокрадъ.

Я, сударь, съ превеликимъ удовольствіемъ вижу васъ у себя.

Таратора.

Это чудно, мать моя, что вы родные: ты княжна, а онъ не князь.

Тройкина.

А это отъ того, свѣтъ мой, что мы одной матери, да не одного отца. Мать моя сперва вышла за дворянина, отъ котораго родился онъ, а потомъ за князя, отъ котораго родилась я; это ясно, кажется.

Рнѳмокрадъ.

О, очень ясно, сударыня! Я знаю во многихъ фамиліяхъ многихъ дѣтей отъ одной матери и разныхъ отцовъ.

Тройкина.

Да вотъ таки, сударь, и насъ послѣ матушки-покойницы осталось не мало, всѣ разныхъ батюшекъ.

Азбукинъ.

Перестань, сестра! Я, сударь, хочу донести...

Рнѳмокрадъ.

Донести! Вы можете мнѣ приказывать, сударь!

Таратора.

Вы не повѣрите, какъ мы всегда довольны, видя въ нашемъ домѣ новаго человѣка. Въ нынѣшнемъ свѣтѣ надобно умѣть всѣмъ пользоваться. Повѣрите

ли, что всякому новому знакомству я ужасно рада. Разумной человѣкъ—хотя еще мы ихъ не видали—приноситъ мнѣ удовольствіе своимъ знаніемъ, а дуракъ своею глупостію меня не меньше забавляетъ.

Тройкина.

Мой братецъ хочетъ вамъ сказать, что ему очень хочется поскорѣе быть вамъ роднею ...

Азбукинъ (сестрѣ).

Дай мнѣ напередъ о плащѣ ...

Ривомокрадъ.

Я, жена, дочь и весь мой домъ къ вашимъ услугамъ, сударь; распоряжайте, повелѣвайте.

Азбукинъ.

У меня, сударь, въ передней ...

Таратора.

Мужъ мой удивительной въ терпѣніи человѣкъ: ему говори всякой, что хочетъ, онъ радъ цѣлыя сутки слушать, и вѣчно не скажетъ — нѣтъ ...

Азбукинъ.

Однако, я не добьюсь сказать ...

Ривомокрадъ.

Скажите, сударь, скажите все, что вамъ надобно.

Азбукинъ.

У меня сегодня...

Таратора.

Ему только стоитъ сказать одинъ разъ, и онъ вѣчно помнитъ будетъ: это такая крѣпкая память, какой на свѣтѣ нѣтъ. Я думаю, что у него и теперь тысячи двѣ французскихъ стиховъ въ головѣ.

Азбукинъ (кричитъ)

У меня въ передней плащъ украли!

Таратора.

Ха, ха, ха! это забавное приключеніе! Вѣрите ли, что здѣсь во многихъ домахъ люди живутъ только воровствомъ.

Ріѳмокрадъ.

Да какъ же и не воровать людямъ, когда господа за ними не смотрятъ!

Азбукинъ.

Да это сдѣлалось ...

Таратора.

Вѣрю, вѣрю! Конечно, госпожа этого дому какая-нибудь вѣтреная кокетка, которой не остается времени посмотрѣть въ домѣ.

Ріѳмокрадъ.

А мужъ, можетъ быть, кто-нибудь изъ писателей и занимается болѣе стихами, нежели домомъ.

Азбукинъ.

Да это ...

Таратора.

Мнѣ кажется, ничто не можетъ быть глупѣе и смѣшнѣе женщины, которая не умѣетъ своихъ людей въ уздѣ держать. Вы не повѣрите, какъ меня всѣ люди боятся, и мнѣ кажется, въ какомъ бы домѣ я ни была, мнѣ ничего не стоитъ привести ихъ въ страхъ ...

Ріѳмокрадъ.

По крайней мѣрѣ, мужъ долженъ принуждать къ тому свою жену, чтобы въ домѣ была благоустройность.

Азбукинъ.

Да вы не дадите мнѣ выговорить; я съ часъ добиваюсь вамъ сказать, что у меня въ вашей передней украли плащъ, трость и шляпу.

Тройкина.

Постыдись, братецъ, изъ такой малости тревожить честныхъ людей!

Ріѳмокрадъ.

Я сердечно объ этомъ сокрушаюсь.

Таратора.

Правда, это малость...

Азбукинъ.

Какая малость! Плащъ былъ въ мою мѣру и обертывался раза три кругомъ меня, а шляпа и трость также другъ друга стоили. У меня же, вѣдь, все было свое, а не Расиново и не Мольерово.

Ріѳмокрадъ.

Вы говорите прекрасно, сударь!

Азбукинъ.

Я еще доношу, что я свое условіе ...

Таратора.

А я вамъ за него ручаюсь, что онъ никогда не льститъ. Посмотрите, онъ самъ это пишетъ въ своихъ одахъ[1] ...

Азбукинъ.

У меня, сударь, голова закружилась.

Ріѳмокрадъ (не вслушаясь).

Самая истина, сударь! Ну, право, вы дѣлаете честь всему дворянству.

Азбукинъ.

Тьфу, какая дьявольщина! ну есть ли способъ сказать хотя одно слово! ... Да дайте вымолвить: я не хочу болѣе ...

[1] Такого мѣста въ одахъ Княжнина мы не нашли

Ріѳмокрадъ.

Мы всѣ ваши слова святыми почитаемъ, сударь...

Азбукинъ.

Нѣтъ, видно, въ этомъ домѣ говорятъ только одни хозяева! Чортъ его побери! Сестра, скажи имъ, что я Милона женю лучше на сатанѣ, нежели на ихъ дочери. Прощайте, государи мои!

Явленіе четвертое.

Тройкина, Ріѳмокрадъ и Таратора.

Таратора.

Ха, ха, ха! какой глупецъ этотъ твой[1] братецъ, княжна: можно, право, подумать, что у васъ и батюшка одинъ!

Тройкина.

Да, по грѣхамъ моимъ ... Вѣрите ли, какой это дуракъ, что въ картахъ счету не знаетъ! Я васъ удивлю: онъ не знаетъ различить короля отъ дамы.

Ріѳмокрадъ.

По крайней мѣрѣ вы заглаждаете собою это незнаніе.

Тройкина.

О, мой батюшка, я уже лѣтъ съ тридцать учусь ихъ различать!

Таратора.

Мнѣ чудно, что онъ ни одного слова не сказалъ умнаго, все такъ не остро, такъ глупо; и думаю, пошелъ отселѣ увѣренъ, что разумнѣе Соломона!

Ріѳмокрадъ.

Это слабость человѣческая: мы всѣ о себѣ много думаемъ.

---

[1] У Крылова „это твоя".

Таратора.

Нѣтъ! Да таки вотъ ты, мой батюшка, о себѣ не много думаешь; я, право, о себѣ также мало думаю.

Рнѳмокрадъ.

Я признаюсь, что я о себѣ никогда много не думаю.

Тройкина.

Вѣрю, вѣрю, мой батюшка! Ты, сказывали мнѣ, изстари таковъ. Нѣтъ пять, шесть назадъ, говорятъ, настроилъ такія штуки, которыя совершенно доказываютъ, что ты мало думаешь о своей головушкѣ [1].

Рнѳмокрадъ.

Помню, помню, сударыня! Но, оставя это, поговоримъ лучше о Пріятѣ. Онъ, кажется, приходилъ просить, чтобы мы съ нимъ сдѣлали это родство.

Таратора.

Такъ, такъ; и просилъ прямо по-деревенски. Примѣтилъ ли ты, батюшка, что онъ чуть въ ноги не повалился?

Рнѳмокрадъ.

Н, матушка, допущу ль я человѣка до такой слабости! Ты видѣла, что я его удержалъ.

Таратора.

Но со всѣмъ тѣмъ онъ ужасно мнѣ не понравился. Послушай, душа моя, мнѣ сватали другого жениха моей дочери, — какъ ты думаешь?

Рнѳмокрадъ.

Очень хорошо! это прекрасно вздумано! Какъ ты изволишь, радость моя! Да кто это такой? и кто его представляетъ?

---

[1] Намекъ на сдѣланную Кивакинымъ растрату, за которую онъ былъ присужденъ къ разжалованію въ солдаты, но потомъ и помилованъ Императрицей.

Таратора.

Представляетъ господинъ Ланцетинъ, нашъ лѣкарь, а женихъ господинъ Тяниславъ.

Рнѳмокрадъ.

Тяниславъ! Ну что жъ, человѣкъ очень изрядной!

Тройкина.

Ахъ, плутъ! Тяниславъ, матушка? Да онъ прегорькой пьяница и волокита престрашной; онъ во всѣхъ, я думаю, женщинъ въ городѣ влюбленъ; онъ и меня любитъ.

Таратора.

И, ну, право, онъ малой доброй!

Тройкина.

Спроси-ко, жизнь моя, хорошенько о немъ того же лѣкаря: онъ его короче знаетъ... Ахъ, и я, по грѣхамъ моимъ, его узнала!

Таратора.

Ну да, братецъ твой сущая деревенщина! Въ немъ ни капли городского нѣтъ.

Тройкина.

То такъ, матушка, это правда, что у него все еще тянется деревенское.

Рнѳмокрадъ.

Братецъ вашъ, правда, забавной человѣкъ... Да что онъ говорилъ о пропажѣ?

Таратора.

Кстати! Ну есть ли въ этомъ путь: у него въ передней плащъ украли, а намъ объ этомъ доносить? Ну, льзя ли за всѣмъ усмотрѣть?

Тройкина.

Конечно, онъ сглуповалъ. Я сама по себѣ знаю,

что за всѣмъ усмотрѣть нельзя: иное проглядишь, какъ проглядишь.

Ришмокрадъ.

И, какъ въ эту мелочь входить, чтобы съ людьми связываться! Я жъ, признаюсь, такъ мягкосердеченъ... Впрочемъ, мы всѣ смертные: ну что же, если и украли?

Тройкина.

Такъ, мой батюшка, такъ; надобно по себѣ и о людяхъ судить.

Таратора.

Такъ, право, за Тянислова? а у насъ, вѣдь, будетъ же сегодня балъ, такъ вотъ и сдѣлаемъ помолвку.

Тройкина (особо).

Что мнѣ дѣлать?

Ришмокрадъ.

Какъ изволишь, душа моя! ты знаешь, что я всѣмъ этимъ мало занимаюсь. Да какой у насъ сегодня балъ?

Таратора.

Я было приготовила его для помолвки дочери съ Милономъ. Какъ здѣсь много денегъ надобно! Княжна, куда ни оберись, вездѣ деньги нужны; за что ни схватись, все денегъ стоитъ.

Ришмокрадъ.

Однако, душа моя, чтобы не нести лишнихъ убытковъ, ты бы записывала, когда сколько даешь.

Таратора.

И, батюшка, это будетъ безконечной счетъ!

Тройкина (особо).

Хорошо, господинъ Тянисловъ, отучу я тебя быть измѣнникомъ: полюбишь ты меня и нехотя! (Уходитъ.)

Явленіе пятое.

Таратора и Рнѳмокрадъ.

Рнѳмокрадъ.

Мнѣ кажется, можно, не зная, угадать, что княжна сестра Азбукину.

Таратора.

Ахъ, батюшка, я съ-роду такой дуры не видала! Но что же о Пріятѣ, душа моя

Рнѳмокрадъ

Воля твоя, свѣтъ мой: жени на ней, кого ты хочешь. Сама ты знаешь, что я въ эти дѣла не вступаюсь. Правда, Милонъ во многіе дома вхожъ, малой не дуракъ, а Тяниславъ простенекъ.

Таратора.

Но какъ ты думаешь, вѣдь и Пріята то очень проста! Я, право, не помню, въ кого она родилась: ни въ тебя, ни въ меня.

Рнѳмокрадъ.

Такъ! у ней очень вздорной разумъ; нѣтъ такой скорости, какую ты имѣешь.

Таратора.

И такой тонкости, какая у тебя находится, жизнь моя!

Рнѳмокрадъ.

Въ ней нѣтъ такой глубокости и обширности, какая у тебя.

Таратора.

Она совсѣмъ не такъ проницательна, какъ ты, свѣтъ мой! Примѣть самъ: ну, право, въ ней ни капли твоего нѣтъ; а Тяниславу то бы она была кстати: онъ парень простой.

Риѳмокрадъ.

То-то, не слишкомъ ли уже простъ?

Таратора.

Тѣмъ лучше, душа моя: мнѣ хочется, чтобы во всей нашей родинѣ никого умнѣе насъ не было.

Риѳмокрадъ.

Но кстати: сегодня Тяниславъ хотѣлъ мнѣ читать свои стихи. Ты знаешь, можетъ ли онъ хорошо писать?

Таратора.

И ты знаешь, что я всегда хохочу!

Риѳмокрадъ.

Онъ мнѣ хотѣлъ принести ихъ на судъ. Но тебѣ извѣстенъ мой нравъ, что я ничего хулить не люблю и все называю прекраснымъ.

Таратора.

Разумѣю. Ты хочешь, чтобы, вмѣсто тебя, я ему хорошенько напѣла

Риѳмокрадъ.

Еслибы стихи хороши были, то бы я и самъ отдалъ имъ справедливость.

Таратора.

Да чѣмъ они дурны?

Риѳмокрадъ.

Я... я еще ихъ не видалъ. Ну, да довольно того, что здѣсь никто не можетъ хорошо писать.

Таратора.

Довольно и того, душа моя, что они не твои! Пожалуй же, сядь возлѣ меня и тихонько дерни меня за платье, когда надобно будетъ.

Риѳмокрадъ.

Хорошо, хорошо. И когда я стану хвалить, да тебя дерну, то ты старайся какъ можно болѣе замѣчать во всѣхъ родахъ... Ну, да тебя уже не переучивать, радость моя!

Таратора.

Знаю, батюшка! Признаться, я люблю цѣнить всѣхъ, кого знаю; и еслибъ ты не былъ моимъ мужемъ, то бы и въ тебѣ я нашла тысячу глупостей... Только, пожалуй, дергай меня почаще, а то ты такъ терпѣливъ, что я часто и тебя не дожидаюсь.

Риѳмокрадъ.

Не бойся, уже я и самъ не замедлю.

Явленіе шестое.

Таратора, Риѳмокрадъ, Ланцетинъ и Тянисловъ.

Ланцетинъ (Тянислову тихо).

Уже надѣйся на меня; только, пожалуй, не перебивай моихъ словъ.

Тянисловъ.

Лишь говори по грамматикѣ.

Ланцетинъ.

(съ ораторскою декламаціею).

Прогнавъ столь много разъ горячку или лихорадку изъ вашего дому и изъ васъ самихъ, надѣюсь...

Тянисловъ (оттаскивая его).

Надобно говорить: прогоняя, мой шеръ, ибо „прогнавъ“ будетъ въ прошедшемъ; такъ, чтобы возбудить болѣе страсти, говори въ настоящемъ, то есть, что ты выгоняешь изъ нихъ горячку, а не выгналъ уже.

Ланцетинъ.

Негодной человѣкъ! ну что я теперь скажу? Приготовилъ было я малую диссертацію, но ты у меня все изъ головы вышибъ, что̀ въ ней ни было.

Тянисловъ.

Ахъ, да неужели ты ничего не вспомнишь?

Ланцетинъ.

Одни только имена болѣзней.

Риѳмокрадъ.

Вы, государи мои, кажется, что то хотѣли мнѣ сказать?

Ланцетинъ (съ смущеніемъ).

Да, сударь ... что ... у васъ ... горячка ...

Тянисловъ (кланяясь).

И лихорадка, сударь! Какія еще имена болѣзней?

Ланцетинъ (особо).

Спазмы, подагры и водяная.

Тянисловъ.

Спазмы, подагры и водяная, сударь!

Риѳмокрадъ.

Вы говорите истину, сударь! Правда, точная правда! (Дергаетъ жену.

Таратора.

И, господинъ Ланцетинъ, гдѣ жъ у него водяная и горячка? право, это неправда.

Ланцетинъ (въ пущемъ замѣшательствѣ).

Извините меня, сударыня, онъ бредитъ.

Таратора.

И, батюшка, съ тѣхъ поръ, какъ я его знаю, онъ все таковъ.

Ланцетинъ.

Я говорю, что бредитъ Тянисловъ, сударыня! Онъ, сударь, помѣшалъ сказать мнѣ передъ вами маленькую рѣчь на всѣ болѣзни, въ томъ числѣ про него, что онъ плѣненъ вашею дочерью, какъ Сангрядо кровопусканіемъ [1].

Тянисловъ.

Кстати ли, сударь? Я ею плѣненъ, какъ Александръ Гомеромъ; онъ положилъ его сочиненія въ золотой ящикъ, а я, еслибы мнѣ можно было, положилъ бы вашу дочь въ бриллiантовой.

Риѳмокрадъ.

Вы ей много чести дѣлаете, сударь, симъ желаніемъ.

Ланцетинъ.

А чтобы излѣчить свою болѣзнь, то есть любовь, онъ желаетъ на ней жениться.

Риѳмокрадъ.

Мнѣ ничто не можетъ быть пріятнѣе этого предложенія. Онъ человѣкъ молодой и ученой, а я ищу себѣ пріятелей изъ такихъ людей.

Тянисловъ.

Да, сударь! у меня изъ младости къ ученію охота, а особливо я плотно прилежалъ къ латинскому языку, такъ что, бѣжавши изъ школы, унесъ съ собою латинскую грамматику.

Риѳмокрадъ.

Это очень похвально, сударь, въ молодомъ человѣкѣ. Не изволите ль знать еще какихъ наукъ?

Тянисловъ

Многія знаю, сударь, а особливо я очень старался

---

[1] Докторъ (въ переводѣ „кровопускатель") въ „Жиль-Блазѣ" Лесажа.

о генеалогіи; если угодно, и вамъ могу служить симъ знаніемъ.

Риѳмокрадъ.

Вы меня обяжете, сударь! Какимъ же образомъ?

Тянисловъ.

Напримѣръ: вы знаете, Александру Великому доказали, что отецъ его Юпитеръ, для того, что онъ любилъ громъ; а какъ вы любите науки, то я услужу вамъ совсѣмъ другимъ образомъ. Скажите напередъ, какой народъ вамъ болѣе своими науками и своимъ краснорѣчіемъ нравится.

Риѳмокрадъ.

Признаюсь, что я очень замѣчательно внимаю французовъ.

Тянисловъ.

Ну, такъ я вамъ докажу, мой благодѣтель, что ваши дѣти французы! [1]

Таратора.

Оставь это; я очень вѣрю, что ты ученой человѣкъ, и рада за тебя отдать мою дочь.

Тянисловъ.

Я такъ восхищенъ, сударыня, что я безъ ума; въ состояніи написать теперь оду, которая будетъ самая прекраснѣйшая изъ моихъ твореній.

Риѳмокрадъ.

Ваши сочиненія всѣ прекрасны, сударь; въ нихъ греческая простота.

Тянисловъ.

Нѣтъ; право я съ греческаго ничего не крадъ, а въ нихъ простота моя собственная.

---

[1] Вѣроятно, намекъ на отношенія Княжниной къ Вѣну.

Таратора.

Ну, да мудрено ль, мой батюшка? ты самъ у насъ такъ чуденъ, что похожъ на грека.

Тянисловъ.

А что, сударыня? это легко станется! Вѣдь мы всѣ отъ Адама, а Адамъ то, можетъ быть, грекъ былъ, — такъ вотъ и я грекъ.

Рнѳмокрадъ.

Это, сударь, вамъ честь дѣлаетъ, что, несмотря на то, что у васъ русское прозванье, вы изволите быть грекомъ.

Ланцетинъ.

Такъ это дѣло рѣшено. Пойдемъ же, мой другъ, я тебѣ, для лучшаго цвѣту, кровь пущу, да дамъ десятка два — три пилюль.

Тянисловъ.

Я бы хотѣлъ прочесть свою оду.

Ланцетинъ.

Поговори лучше у невѣсты.

Тянисловъ.

Хорошо, хорошо, я у ней побываю; а къ вамъ такки буду, моя благодѣтельница! (Уходитъ съ Ланцетинымъ.)

Явленіе седьмое.

Таратора, Рнѳмокрадъ и Плутана (въ мужскомъ платьѣ).

Плутана.

Pardonnez mois, monsieur, что, не имѣя чести васъ знать, я рискую своими знаніями къ вамъ адресоваться. Ваше познаніе, monsieur, и ваша слава, мадамъ, такъ фрапировала мои уши, что я самъ, ни-

тересуясь Парнассомъ, должностью почелъ сдѣлать съ вами connoissance [1].

Рнѳмокрадъ.

Я, сударь, ищу пріятелей, и вамъ очень радъ...

Таратора.

Прошу почаще жаловать, сударь: такіе гости очень мнѣ пріятны. (Особо.) Какой любезной мужчина!

Рнѳмокрадъ.

Въ какомъ родѣ сочиненій изволите упражняться, сударь?

Плутана.

Я все пишу, что мнѣ вздумается, сударь, и пишу безподобно. Sans vanité [2], сказать: я довольно умень; иные говорятъ, что я невѣжа, но прошу васъ имъ не вѣрить, потому что я самъ анонсирую [3], что я уменъ: а мнѣ, вѣдь, самому себя знать гораздо легче можно

Рнѳмокрадъ.

Съ вами грѣшно объ этомъ спорить.

Таратора.

Я бы, сударь, желала видѣть ваши сочиненія, и думаю, что они такъ же прекрасны, какъ и вы.

Плутана.

О, сударыня, вы имъ много чести дѣлаете! Mais diable m'en porte [4], я и самъ объ нихъ хорошаго мнѣнія; напримѣръ: вотъ стихи, которые я сдѣлалъ вашей красотѣ... Но эти стихи до такой степени чувствительны, что и французской мой парикмахеръ смѣялся, какъ русской толстой откупщикъ, когда я ихъ ему читалъ.

---

[1] Знакомство. Фрапировала - поразила.
[2] Безъ пустого тщеславія.
[3] Объявляю.
[4] Чортъ возьми.

Таратора.

И сударь, будто моя красота такъ совершенна?

Плутана.

Ваша красота, сударыня... Чортъ меня возьми, если ей можно быть совершеннѣе. И рыси не могутъ быть такъ востры глаза, какъ у васъ, а ваши зубы, сударыня, не уступаютъ слоновымъ, и словомъ, если вы еще триста и пятьдесятъ лѣтъ проживете, то, божусь вамъ, что вы прекраснѣе не будете, и я всѣмъ парирую за эту истину.

Риѳмокрадъ.

Позвольте мнѣ удивляться вашимъ стихамъ!

Плутана.

Извольте, сударь!

Сколько пчелъ ни налетаетъ
Красоту твою сосать...

Пчелами разумѣю я время, дни, часы, то есть, что на нее находитъ время, или находятъ часы, которые будто борются съ ея красотою... Но это ясно, кажется!

Сколько пчелъ ни налетаетъ
Красоту твою сосать,
Но она не увядаетъ,
А изволитъ процвѣтать;
Залпомъ[1] ты по всѣмъ стрѣляешь
Изъ твоихъ прелестныхъ глазъ;
Ты плѣнишь и разрѣшаешь
Всякой день и всякой часъ.

Тутъ, кажется, и безъ изъясненія не темно... Вотъ и все. Какъ вамъ кажется?

Риѳмокрадъ.

Прекрасны, сударь, можете ли вы въ томъ сомнѣваться?

[1] Во 2-омъ изданіи „зальвомъ".

Плутана.

Я? Чортъ меня возьми, сударь, если я о томъ сомнѣваюсь; по крайней мѣрѣ, за всякими двумя стихами я сгрызъ три пера. Я вамъ, сударыня, ихъ дарю (въ полголоса) и съ такимъ сердцемъ.

Таратора (въ полголоса).

Я тебѣ дарю свое! (Взявъ стихи, обертываетъ на другую сторону и говоритъ тихо). Ба! это письмо ко мнѣ, и вѣрно ко мнѣ, любовное. Прощайте, сударь! Я пойду любоваться вашими стихами и твоею красотою.

Плутана.

Но скоро ли я буду любоваться твоею?

Таратора.

Чрезъ минуту, mon cœur, какъ ты нетерпѣливъ!

Явленіе восьмое.

Плутана и Рнѳмокрадъ.

Плутана.

Позвольте, сударь, прибѣгнуть подъ ваше покровительство несчастной дѣвкѣ.

Рнѳмокрадъ.

Что я слышу! Вы шутите?

Плутана.

Ахъ, нѣтъ, сударь, мои несчастія докажутъ вамъ истину моихъ словъ.

Рнѳмокрадъ.

Я нетерпѣливо желаю слышать вашу исторію и, чѣмъ могу вамъ помочь ... Сядемте, сударыня!

Плутана.

Я, сударь, дочь дворянина города Захолустья, въ которомъ учился Тяниславъ. Мы полюбили другъ

друга; онъ обѣщалъ мнѣ вѣчную вѣрность; уже я думала скоро увѣнчать бракомъ съ нимъ мою любовь, какъ вдругъ онъ скрылся изъ школы. Я увѣдомилась, что онъ здѣсь; писала къ нему, но не получала отъ него отвѣтовъ. Думая, что мои письма къ нему не доходятъ, переодѣлась я въ мужское платье и ушла тайно отъ моихъ родителей. Пріѣзжаю сюда, увѣдомляюсь, что онъ у васъ, и... ахъ! что еще несноснѣе, что онъ женится на Пріятѣ, вашей племянницѣ [1], тогда ... Простите моимъ слезамъ, мнѣ нѣтъ силъ болѣе продолжать!

Рнѳмокрадъ.

Боже мой! ваши несчастія достойны быть изданы четырьмя тисненіями... (Въ сторону.) Какъ она прекрасна!

Плутана.

И такъ, я принуждена была взять совсѣмъ мнѣ несвойственный характеръ молодаго вѣтреника, чтобы войти въ вашъ домъ, и чтобы онъ меня гѣмъ болѣе не узналъ. Теперь, сударь, избираю васъ судьею между невѣрнымъ Тяниславомъ.

Рнѳмокрадъ (въ сторону).

Она меня восхищаетъ! (Въ слухъ.) Чего же вы желаете, сударыня?

Плутана (смотря на него нѣжно).

Я уже не чувствую къ нему любви. Но вы знаете, что мщеніе всегда занимаетъ въ нашемъ сердцѣ мѣсто, если насъ принудятъ изгнать изъ него любовь: такъ могу ли я видѣть Тяниславова счастливымъ, бывши сама такъ несчастлива?

Рнѳмокрадъ.

Разумѣю, сударыня: вы хотите, чтобы я отказалъ ему въ племянницѣ?

[1] Въ спискѣ отсутствующихъ лицъ она названа дочерью.

Плутана.

Могу ли я желать чего другого?

Риѳмокрадъ.

Но моя жена уже дала ему слово; я бы хотѣлъ. . .

Плутана.

Ахъ, сударь! я всѣмъ рада пожертвовать, лишь бы отмстить сему измѣнинику. . . Позвольте мнѣ у ногъ вашихъ просить сей милости.

Риѳмокрадъ.

Что вы дѣлаете, сударыня!

Плутана.

Но ахъ, я чувствую, что моя слабость умножается: мнѣ не дожить до моихъ счастливыхъ минутъ! Прощайте, сударь! (Падаетъ въ обморокъ.)

Риѳмокрадъ.

Ахъ, что мнѣ дѣлать . . . она безъ чувствъ! (Садится ее на кресла.) Боюсь глядѣть на эту полумертвую красавицу, и надобно ей помочь!

Явленіе девятое.

Плутана (въ обморокѣ), Риѳмокрадъ и Тянисловъ.

Тянисловъ.

Гдѣ жъ моя невѣста, любезной Риѳмокрадъ? . . я. . .

Риѳмокрадъ.

Ахъ, вы все со стихами!

Тянисловъ.

Нѣтъ, я ей еще ничего не сдѣлалъ, но уже купилъ двѣ дести бумаги, и хочу приготовить для нея мадригалъ. Но это что значитъ? Не стихами ли ты его своими усыпилъ?

Ріѳмокрадъ.

Ахъ, это господинъ, котораго схватилъ обморокъ! Я бѣгу послать въ аптеку и сказать женѣ ...

Тянисловъ.

Хорошо! Такъ чтобы привесть кровь въ движеніе посредствомъ жара, я прочту ему свою оду.

Ріѳмокрадъ.

Ахъ, нѣтъ, вы его простудите ... не читайте ничего, только побудьте съ нимъ.

Явленіе десятое.

Тянисловъ и Плутана (въ обморокѣ).

Тянисловъ.

Такъ мнѣ надобно доказать, что мои стихи могутъ воскресить изъ мертвыхъ, и сдѣлать себѣ вѣчную славу. (Внимаетъ стихи и читаетъ надъ Плутаною.)

Въ полуночь нощи мракъ возталъ,
Вихрь въ твердь вдругъ дохнулъ —
И твердь тряхнулась,
Марсъ бодръ вмигъ одръ свой оставилъ,
Утроба гнѣвомъ въ немъ раздулась.

Посмотримъ, что произвели мои стихи! (щупая рукою голову Плутаны). Ахъ, какой въ немъ жаръ появился! Не уморить бы мнѣ его первою строфою; но посмотрю, если отъ жару легче ему не будетъ, такъ я распахну ему грудь.

Цвѣтки листки, склубясь, свивали.

Плутана.

Ахъ какое мученіе!

Тянисловъ.

Онъ оживаетъ: я не на шутку авторъ!

Явленіе одиннадцатое.

Таратора, Ланцетинъ (котораго она тащитъ).

Таратора.

Онъ въ обморокѣ! Поскорѣе, господинъ Ланцетинъ; его надобно разстегать, чтобы провѣять.

Ланцетинъ.

Нѣтъ; онъ не оживетъ безъ того, доколѣ изъ обѣихъ рукъ и изъ обѣихъ ногъ по три тарелки крови не выпущу и не дамъ ему выпить полведра воды.

Таратора.

Ахъ, нѣтъ, лучше спирту въ носъ...

Тянисловъ

Не безпокойтесь, мои стихи стоятъ спирту: въ носъ ему ударились, — и онъ ожилъ.

Таратора.

Онъ ожилъ! правда ли это?

Плутана.

Oui, madame, къ вашимъ услугамъ!

Ланцетинъ.

Какъ, вы были въ обморокѣ, и ожили, не дождавши меня? это очень неучтиво, сударь!

Тянисловъ.

Не вини его, любезный другъ: онъ, право, не виноватъ; этому мои стихи причиною.

Ланцетинъ.

Какъ, и ты противъ меня? Женю же я тебя, мой другъ, на Пріятѣ! женю! Да знаешь ли ты, бѣдной Тянисловъ, что отъ твоихъ стиховъ можно умереть, а не ожить!

Тянисловъ.

О! такъ ты еще не видалъ въ послѣдній разъ мною сдѣланныхъ. Послушай-ка. . .

Ланцетинъ.

Прочь отъ меня! вступаться въ состояніе больныхъ есть долгъ лѣкарей, а не стихотворцевъ.

Тянисловъ.

Да выслушай. . .

Ланцетинъ.

Я разрываю съ тобою все дружество и бѣгу отъ тебя, какъ отъ заразы.

Тянисловъ.

А я поймаю тебя и насильно тебѣ прочту.

Явленіе двѣнадцатое.

Таратора и Плутана.

Таратора.

Какъ я перепужалась, душа моя: мнѣ сказали, что ты умеръ. Ну, ты не повѣришь, я этимъ такъ сконфузилась, что у меня всѣ волосы дыбомъ стали.

Плутана.

По крайней мѣрѣ, сударыня, я былъ въ опасности оставить свѣтъ, не видя вашихъ прелестей.

Таратора.

Какъ ты прекрасно шутишь! Я читала твое письмо: складъ, ей-ей, хорошъ.

Плутана.

Parbleu, madame, мнѣ не учиться писать любовныя письма. . . Но я еще не получалъ отъ васъ отвѣта, неужели вамъ это первоучника?

Таратора.

То нѣтъ, но я, право, боюсь сдѣлаться слабою... а должность...

Плутана.

Diable m'en porte! [1] если у васъ не другое теперь на умѣ... Я бѣшусь! вы дѣлаете меня ревнивымъ, сударыня!

Таратора.

Помилуй, свѣтъ мой, чѣмъ я это заслужила?

Плутана.

Ахъ, мадамъ, ваше нѣжное сердце приводитъ меня въ смущеніе; ваши острые глаза, которые, кажется, все хотятъ палить огнемъ любви, заставлаютъ по справедливости ревновать васъ ко всякому; и, воля ваша, если я еще буду у васъ въ домѣ видѣть тѣхъ людей, кого подозрѣваю, то, думаю, что я умру съ отчаянія.

Таратора.

Ахъ, нѣтъ, не умирай! ты нуженъ... Но кого тебѣ надобно, чтобы здѣсь не было? только скажи,— всѣхъ съ двора собью, и перваго мужа!

Плутана.

Нѣтъ, ничего; а этого Тянислова, который, кажется, вамъ куръ дѣлаетъ [2].

Таратора.

Ахъ! да онъ нареченный моей племянницѣ мужъ...

Плутана.

Воля ваша, сударыня, или онъ, или я долженъ отсель выйти; мнѣ съ нимъ не только у васъ, но и въ цѣломъ свѣтѣ кажется тѣсно.

---

[1] Чортъ возьми.

[2] Ухаживаетъ.

Явленіе тринадцатое.

Плутана, Таратора, Ріомокрадъ и Азбукинъ.

Ріомокрадъ (особо).

Она ужъ ожила, — какъ я счастливъ! (Азбукину.) Съ моей стороны, сударь, съ превеликимъ удовольствіемъ, ежели жена согласится.

Таратора.

Что такое?

Азбукинъ.

А вотъ что мать моя: давича вашъ знакомой сказалъ мнѣ, что вашъ мужъ воръ, и для того я отмѣнилъ было свое слово; а какъ мнѣ добрые люди, по просьбѣ моего племянника, растолковали, что онъ крадетъ, не грѣша противу заповѣдей, чему, я думалъ, быть нельзя, то соглашаюсь утвердить наше слово.

Таратора.

Я бы охотна, мой батюшка; но какъ мы также дали слово, такъ позволь и намъ подумать съ своей стороны.

Ріомокрадъ.

Такъ, сударь; я у васъ о томъ же прошу; а, впрочемъ, я за честь ставлю. . .

Азбукинъ.

Хорошо, братъ, думай, только думай своею головою, а то говорятъ, что ты все чужими думаешь . . .

Ріомокрадъ.

Вамъ, сударь, конечно, завистники обнесли меня; но, чтобы доказать, что я самъ могу вздумать что-нибудь достойное примѣчанія. . .

Таратора.

А что тамъ ты вздумать, душа моя?

Риѳмокрадъ.

О, преславное дѣло! Но мнѣ надобно еще посекретничать, чтобы кто другой не перехватилъ.

Таратора.

Господа, пожалуйте въ эту комнату: мы тотчасъ къ вамъ будемъ. (Азбукинъ и Плутала уходятъ.) Что жъ ты вздумалъ?

Риѳмокрадъ.

Новой родъ стиховъ.

Таратора.

Какой?

Риѳмокрадъ.

Я сдѣлаю такимъ образомъ, чтобъ было въ стопѣ четыре долгихъ и одна короткая.

Таратора.

Прекрасно, свѣтъ мой! Но не лучше ли, чтобъ короткихъ то ни одной не было, а все бы долгія?

Риѳмокрадъ.

Да это уже очень трудно набирать будетъ.

Таратора.

Долгія то придаютъ болѣе важности.

Риѳмокрадъ.

Добро, я подумаю. (Особо.) Пойду поскорѣй къ моей прекрасной незнакомкѣ.

Таратора.

Признаться, что если мужъ меня дѣлаетъ славною, то не меньше и онъ мною славенъ. Но какъ бы ни было, новая выдумка его прибавитъ о немъ много шуму; а мнѣ его слогъ при долгихъ еще болѣе понравится. Признаюсь, я бы и теперь имъ восхищалась, но бѣда, что у него почти всегда бревисъ[1].

[1] Brevis — короткій слогъ или звукъ.

Дѣйствіе третье.

Явленіе первое.

Театръ открывается. **Тройкина** и **Тяниславъ** играютъ въ карты. **Пріята** сидитъ за клавирами. **Ланцетинъ**, взявъ на столѣ скрипку, настраиваетъ, чтобы ей аккомпанировать; **Милонъ** возлѣ ея садится; **Плутана** дѣлаетъ любовные знаки то **Рнѳмокраду**, то **Тараторѣ**. **Рнѳмокрадъ** и **Таратора** сидятъ по обѣимъ сторонамъ передъ чашею съ пуншемъ. На столѣ поставлено множество стакановъ пустыхъ и половина выпитыхъ, въ знакъ того, что уже пуншъ роспитъ. **Иванъ** разноситъ чай.

Азбукинъ (пьетъ пуншъ).

Пуншъ такой прекрасной, что одна чашка въ состояніи свести съ ума двѣ головы.

Таратора.

Это я старалась, сударь! (Мужу.) Да что же ты не пьешь, батюшка? я для тебя его дѣлала.

Рнѳмокрадъ.

Я уже выпилъ двѣ чашки, свѣтъ мой!

Милонъ.

И такъ, сударыня, я могу льститься, что судьба перестала противиться моему благополучію?

Пріята.

Если дядюшкѣ и тетушкѣ угодно, я соглашаюсь.

(Иванъ подаетъ чай Тройкиной.)

Тройкина.

Какой у васъ дюжій дѣтина! гдѣ вы эдакого подцѣпили, моя матушка?

Иванъ.

Родился въ господской деревнѣ, сударыня; да вотъ Богъ привелъ въ городѣ барину голову убирать.

Тройкина.

Смотри, еще какой разумникъ! да эдакой парень, право, не худо можетъ всчесать на головѣ. . . Господинъ Ріѳмокрадъ, послушай-ка, батюшка, онъ, што ль, у тебя всегда голову чешетъ?

Ріѳмокрадъ.

Я, сударыня, не примѣчаю совсѣмъ этого, бывши занятъ; у меня жена ихъ къ тому наряжаетъ.

Таратора.

Нѣтъ, матушка: иногда онъ, иногда другой.

Тройкина.

Какъ, да развѣ не одинъ причесываетъ ему головушку?

Таратора.

И, нѣтъ, мать моя: кому досугъ.

Тройкина.

Позволь же, мать моя, чтобъ онъ и меня иногда причесалъ.

Тянисловъ.

Ну, вотъ, Иванъ, новый доходъ!

Иванъ.

Я бы, сударь, съ охотою...

Тянисловъ.

Однако же и давича побранился съ госпожею Тараторою ...

Иванъ.

Да вить это отъ того, что я не привыкъ такихъ верглявыхъ головъ чесать, какова у ея милости. У мастера, бывало, мы все вечесываемъ на болванѣ. Вы сами знаете, сударь, жалуюсь ли я когда на вашу голову.

Тянисловъ.

То-таки я не люблю вертѣться.

Иванъ.

Право такъ, сударь! Ваша голова такъ же спокойна на своемъ туловищѣ, какъ парикмахерской болванъ.

Азбукинъ.

Такъ, сударь, благословясь да и по рукамъ!

Риѳмокрадъ.

Какъ угодно женѣ: я соглашаюсь.

Таратора.

Какъ онъ хочетъ: за мной слова нѣтъ.

Азбукинъ.

Да когда жъ я толку то отъ васъ дождусь?

Плутана (Лѣкарю).

Parbleu, monsieur le docteur, что жъ вы не скрипите?

Ланцетинъ (Пріятѣ).

Зачнемте, сударыня! Пуще всего трель выдѣлывайте чище.

Тянисловъ (бросилъ карты).

Нѣтъ, не хочу болѣе: ты эдакъ все у меня выиграешь. Княжна, или ты играешь очень счастливо?

Тройкина.

Коли бы меня не обманывали, то бъ, конечно, я не такъ много проиграла.

Ланцетинъ.

Сто дневныхъ бы вамъ лихорадокъ, проклятые картежники... дернуть не дадутъ!

Тройкина (кричитъ).

Кто хочетъ со мною въ карты?

Тянисловъ (садясь возлѣ Азбукина).

У васъ, сударь, самой веселой уголъ во всей комнатѣ.

Азбукинъ.

Сядь-ко лучше здѣсь, такъ встанешь не съ легкимъ карманомъ, а съ тяжелою головою.

Тройкина (кричитъ, тасуя карты).

Въ карты со мною кому угодно?

Азбукинъ.

Да въ чемъ ты игралъ?

Тянисловъ.

Въ крестахъ [1], сударь!

Азбукинъ.

Ну, такъ о чемъ тужить? зови своимъ, что̀ ни увидишь: это самая счастливая масть: въ крестахъ никогда не проиграешь.

Тройкина (кричитъ, тасуя карты.)

Въ пикетъ кто изволитъ?

Ланцетинъ.

Проклятая картежница! Постойте, сударыня, я съ нею поиграю, а то она всѣхъ здѣсь оглушитъ. (Садится за столъ съ Тройкиной.) Давайте, сударыня!

Таратора.

Ба, Ланцетинъ сѣлъ въ карты! куда какъ мнѣ

---

[1] Названіе карточной масти.

хочется съ нимъ поиграть!.. Пусти-тко меня, матушка, я съ нимъ немного поиграю.

Тройкина.

А я съ кѣмъ буду, мать моя?

Таратора.

И, матушка, отдохни хоть немножко: неужли ты не устала?

Тройкина.

Я хоть погляжу на васъ.

Ріѳмокрадъ.

Воспользуюсь теперешнею минутою... И такъ, сударыня, я рѣшился отказать Тяниславу... Но позвольте, въ награжденіе за этотъ отказъ... Вы краснѣете? Ахъ, сударыня, это отъ того, что я несчастливъ!

Плутана.

Нѣтъ, сударь! Это отъ того, что я васъ не понимаю.

Таратора.

Ну, пять, сударь!

Ланцетинъ.

Три, сударыня!

Таратора.

Какъ ты забавенъ! пять, свѣтъ мой!

Ланцетинъ.

И ты умильна! три, моя красавица!

Таратора.

Пять, мой ангелъ, пять, говорю я!

Ланцетинъ.

Три, матушка, три!

Таратора.

И, мой батюшка, да съ тобою вѣчно не сла-

лишь! (Бросая ему карты въ лобъ.) Чортъ впередъ съ тобою и связываться захочетъ!

Ланцетинъ.

Такъ, опять въ лобъ! Долго ли вамъ надъ моимъ лбомъ шутить? все въ лобъ, да въ лобъ!

Тянисловъ.

Ха! ха! ха! благодѣтельница моя и мужниного лба не щадитъ: какъ же ты хочешь свой уберечь? ты знаешь, что ея шутки всегда на лбу кончатся.

Таратора.

Перестань, сударь! Я тебѣ сказываю, что я никогда больше съ тобою играть не намѣрена... А этотъ Тянисловъ мнѣ уже досаденъ... (Тихо Плутаньѣ.) Хочешь ли, душа моя, чтобы я тебѣ сдѣлала забаву? (Тянислову.) Пожалуй ко мнѣ, сударь, послушай, обходись поучтивѣе съ господиномъ Азбукинымъ: онъ у насъ генералъ.

Тянисловъ.

Вотъ! да полной, что ли?

Таратора.

Нѣтъ! онъ полныхъ то у насъ не много.

Троїкина (перекидывая карты).

Кто хочетъ талію въ банкъ?

Азбукинъ.

Княжна, какъ ты кричишь, какъ будто французскіе хлѣбы продаешь.

Тянисловъ.

Оставимъ ее и выпьемъ лучше еще по стакану, ваше превосходительство!

Азбукинъ.

Что? что? кто превосходительной?

Таратора (тихо Азбукину).

О, сударь! онъ у насъ великой сатирикъ, и всѣмъ даетъ свои прозванья и имена.

Азбукинъ.

Послушай-ко, мой другъ, я ни чуть тебѣ не клянялся дѣлать меня превосходительнымъ.

Тянисловъ.

Я бы никогда не осмѣлился этого сдѣлать, ваше превосходительство... правда, я стихотворецъ; но стихотворцы дѣлаютъ героями, а не генералами.

Азбукинъ.

Слышишь ли ты, пустая голова, я хочу, чтобъ ты никакимъ меня не дѣлалъ!

Тянисловъ.

Да меня въ этомъ и обвинять нельзя, ваше превосходительство!

Азбукинъ.

Еще такъ! Господинъ Рѣомокрадъ, коли хочешь мнѣ быть родней, такъ не будь знакомымъ этому пню... такъ смѣяться надъ заслуженнымъ штаномъ[1] и звать его превосходительнымъ! вынеси его, господинъ Рѣомокрадъ!

Рѣомокрадъ.

Ну, что же, сударь, вить всѣ видять, что онъ сказалъ не похоже на истину.

Азбукинъ.

За то-то я и сержусь! Онъ, видно, только въ томъ и упражняется, что на людей хвастаетъ. Вотъ и на тебя насказалъ, будто ты человѣкъ шесть обокралъ, которыхъ я и имена уже не помню.

[1] Штабъ?

Таратора.

Какъ, сударь, ты мужа моего называешь воромъ? ты позабылъ, что я обѣщала, при малѣйшемъ твоемъ проступкѣ, тебя со двора согнать взашей; а какъ ты это заслужилъ теперь, такъ — вонъ, милости прошу!

Плутана.

Bravo! madame, если вы устоите въ своемъ словѣ, такъ я вамъ вѣрить стану.

Тройкина.

Вонъ его, матушка, вонъ! Онъ только и живетъ обманами; и меня, грѣшную, сколько разъ ты, окаянной, обманывалъ.

Тянисловъ.

Что же вы это всѣ на меня! развѣ позабыли, что я стихотворецъ?

Таратора.

Что жъ, не эпиграмму ль ты на меня хочешь написать?

Тянисловъ.

Что тамъ въ эпиграммѣ, гдѣ ты сама; а я еще не столь великой авторъ, чтобы написать эпиграмму смѣшнѣе тебя. (Уходитъ.)

Явленіе второе.

Прежніе, кромѣ Тянислова.

Плутана.

Parbleu! Eh bien, madame! часто ли вы дѣлаете такіе прекрасные спектакли?

Таратора.

Всякой день, mon cher; вѣдь надобно же чѣмъ-нибудь время проводить.

Тройкина.

То-таки ты великая проказница, моя матушка! Знаешь ли, мой батюшка, какъ она любитъ ссору, что гостей къ себѣ, какъ петуховъ, сбираетъ!

Азбукинъ.

Да что же наше то дѣло?

Милонъ.

Могу ль я льститься, сударыня, что вы окончите препятства?

Пріята.

Если позволитъ мнѣ матушка открыть вамъ мои чувства . . .

Таратора.

Съ Богомъ, мать моя! Ты мнѣ только досажала . . .

Пріята.

Чѣмъ я вамъ досажала?

Таратора.

Всѣмъ! Не стыдно ли, что ты меня переросла, свѣтъ мой, и дѣлаешь меня бабушкою? Дѣвушка уже ты невѣста, а все растешь.

Пріята.

Но льзя ль обвинять меня, въ чемъ одна природа . . .

Таратора.

Природа, мать моя, природа! Да для чего жъ я не росла въ твою пору? И мужъ мой лѣтъ за пять до свадьбы зналъ меня такою же, какою я за него вышла.

Рнѳмокрадъ.

Такъ, радость моя! Мнѣ сказывали, что ты еще за нѣсколько лѣтъ и до меня была такою же, какою я тебя зачалъ знать.

Таратора.

Въ нашей фамиліи всѣ женщины скоро расти перестаютъ. Она первая у насъ выродокъ. Но Богъ съ ней! Наживъ себѣ партію, она избавитъ меня лишнихъ хлопотъ; а господинъ Милонъ, сдѣлавшись намъ родней, я думаю, не подастъ причины мнѣ на себя жаловаться.

Милонъ.

Сколько силъ моихъ станетъ, сударыня!

Таратора (мужу).

Но мнѣ, батюшка, еще кое-что надобно тебѣ сказать. Выдь отсель, Пріята; а госпожа Тройкина и господинъ Милонъ сдѣлаютъ тебѣ товарищество.

Тройкина.

Пойдемъ, мать моя! Коли хпчешь, я тебя въ тинтере [1] выучу.

Ланцетинъ.

Когда же... концертъ?...

Таратора.

Послѣ, господинъ Ланцетинъ!

Ланцетинъ.

А я было совсѣмъ приготовился: и смычокъ наканифолилъ. Пойду же и отнесу все это въ свою комнату, да проиграю соло. (Уходитъ со скрипкою.)

Плутана.

А я, madame и monsieur, съ вашего позволенія, пойду умножать общество.

---

[1] Карточная игра.

Таратора.

Подите, сударь, и я не замедлю его умножить!

Рѣмокрадъ.

Если позволите, такъ и я его умножу.

Явленіе третье.

Рѣмокрадъ, Таратора и Азбукинъ.

Таратора.

Мнѣ нужно съ тобою поговорить.

Рѣмокрадъ.

Этотъ дуракъ намъ мѣшаетъ.

Азбукинъ.

Всѣ ушли, а мнѣ идти, что ли?

Рѣмокрадъ.

Помилуйте, сударь, за что же насъ лишать удовольствія васъ видѣть?

Азбукинъ.

Ну, такъ ини сядемъ же, да покалякаемъ.

Таратора (особо).

Эдакая деревенщина! Если бы ты не былъ дядя моего зятя, то я выголкала бы тебя въ шею. — Сядемте, сударь!

Рѣмокрадъ (тихо женѣ).

Выживи его какъ-нибудь отселѣ. — И такъ, сударь, вы, слава Богу, благополучно сюда доѣхали?

Азбукинъ.

Да, доѣхалъ.

Таратора.

Я задыхаюсь отъ досады! (Ему.) Гдѣ жъ, сударь, вамъ веселѣе: здѣсь или въ деревнѣ?

Азбукинъ.

Какъ же здѣсь не весело: здѣсь куда ни обернись, тамъ разсмѣешься.

Риѳмокрадъ.

Да, что ты хотѣла мнѣ сказать? Скажи, этого урака нельзя выжить: онъ очень смѣшонъ. Ха! ха! ха!

Таратора.

А при немъ говорить нельзя. Я также чуть не тресну отъ смѣха. Ха, ха, ха!

Азбукинъ.

Скажите-тко, чему вы смѣетесь, такъ и я вамъ подсоблю, тутъ же посмѣюсь.

Риѳмокрадъ.

Ничего, сударь! Я надъ нею смѣюсь.

Таратора.

А я, право, надъ нимъ, сударь!

Азбукинъ.

А что тебѣ на немъ смѣшно стало?... Однако пойти было и мнѣ къ нимъ же. (Встаетъ.)

Риѳмокрадъ.

Останьтесь у насъ, сударь! Неужели вамъ такая нужда?

Азбукинъ.

Да я, пожалуй...

Таратора

(отставя къ сторонѣ его стулъ).

Да ежели, сударь, есть надобность, такъ мы васъ не безпокоимъ.

Азбукинъ

(хочетъ садиться на стулъ Риѳмокраду).

Нѣтъ, право, никакой.

Рнѳмокрадъ (заслоняя свой стулъ).

Я вижу, сударь, что вы изъ учтивости къ намъ остаетесь, но мы васъ никакъ не просимъ; вамъ, вѣрно, есть нужда.

Азбукинъ.

Повѣрь, что никакой нѣтъ. Я только хотѣлъ посмотрѣть, какъ княжна-сестра учитъ вашу племянницу играть. (Хочетъ садиться на стулъ Таратора.)

Рнѳмокрадъ (заслоняя ея стулъ).

Неправда, сударь: вы изъ учтивости скрываете свою нужду.

Таратора.

Я это по глазамъ вижу; но я, право, не стерплю, чтобъ вы долѣе себя принуждали (беретъ его подъ руки, чтобъ вывесть).

Азбукинъ (упираясь).

Сватья! сватья! да право мнѣ никакой нужды нѣтъ.

Рнѳмокрадъ.

Нѣтъ, сударь, я не люблю, чтобъ для меня принуждались. Я люблю, чтобъ со мною обходились вольно, и, съ позволенія вашего, пособлю васъ вывесть. (Схватываетъ его подъ другую руку.)

Азбукинъ.

Да оставьте свои церемоніи!

Таратора.

Воля ваша, сударь, я удовольствіемъ почитаю угадывать мысли и угождать людямъ.

Рнѳмокрадъ.

Безъ чиновъ, сударь, прощайте! прощайте! (Выводятъ Азбукина.)

Азбукинъ.

Ну, добро, ин прощайте! — Какіе это учтивые люди! право, я въ нихъ кладъ нашелъ!

Явленіе четвертое.

Ріѳмокрадъ и Таратора.

Таратора.

Ха! ха! ха! какое у тебя пылкое воображеніе, душа моя! Ты такъ учтиво его вытолкать, что онъ почелъ то одолженіемъ.

Ріѳмокрадъ.

Такъ и должно жить въ нынѣшнемъ свѣтѣ, душа моя! Надобно выталкивать такъ, чтобъ за то благодарили. Но что ты хотѣла мнѣ сказать?

Таратора.

Да вотъ что: испросивши отъ тебя позволеніе, чтобъ выдать Пріяту за Тянислова, я немножко поторопилась и до свадьбы позволила ему . . .

Ріѳмокрадъ.

Что такое?

Таратора.

Взять десять тысячъ ассигнаціями, назначенныхъ ей въ приданое.

Ріѳмокрадъ.

Что ты говоришь! . . Ну, что мы станемъ дѣлать? на что ты дала Тянислову то, душа моя?

Таратора.

Ахъ мой батюшка! не столько жаль, что я ему, собакѣ, дала, да то бѣда, что внѣ Милону то опять таки дать надобно.

Ріѳмокрадъ.

То-то и горе, мой свѣтъ! Вотъ какъ ты неосторожна! десять тысячъ, — будто это шутка!

Таратора.

Но добро же онъ, бездѣльникъ! Я его заманю къ себѣ и велю его прибить, какъ каналью, сво-

имѣ людямъ; а потомъ пойду къ нему въ домъ, разобью сама у него всѣ двери, войду къ нему въ спальню и выну у него насильно...

Ріѳмокрадъ.

Нѣтъ, душа моя, за это въ полицію попадешь. Ты у него насильно не вынимай, а надобно дѣлать все съ добраго согласія. А я такъ вотъ какъ думаю: надобно, чтобъ онъ сюда пришелъ; если это будетъ, то я его обласкаю, расхвалю его стихи, подтвержду мое обѣщаніе выдать за него Пріяту и выманю у него наши деньги... А потомъ ты можешь сказать мнѣ, что будто ты на это не согласишься, — такъ вотъ это и будетъ учтивой отказъ.

Таратора.

Но если онъ деньги не отдастъ?

Ріѳмокрадъ.

Такъ пусть же ужъ возьметъ и Пріяту нашу.

Таратора.

Да бѣдняжка то любитъ Милона!

Ріѳмокрадъ.

Все на свѣтѣ привычка, свѣтъ мой: и кошка съ собакой привыкаютъ дружно жить въ одномъ домѣ. Вить и я къ тебѣ привыкъ же.

Таратора.

Хорошо, батюшка! Такъ надобно за нимъ послать: но, право, не лучше ли поколотить то его?

Ріѳмокрадъ.

Нѣтъ! ни того, ни другаго не надобно, а надобно его самого дождаться. Онъ просилъ меня просмотрѣть планъ театедіи: не прилетъ ли онъ со мною о немъ посовѣтовать? Но поди, жизнь моя, къ гостямъ, и прими мнѣ сюда французскія трагедіи, которыя ле-

жать въ моей комнатѣ. Мнѣ надобно докончать одинъ монологъ.

Таратора.

Да не прислать ли также и русскихъ трагедій?

Рнѳмокрадъ.

А на что? и во французскихъ то же есть, что въ русскихъ!

Явленіе пятое.

Рнѳмокрадъ (одинъ).

Сочинять стихи, а особливо трагедіи, есть вещь довольно трудная. Для нея оставилъ я попеченіе о домѣ, о женѣ, о дѣтяхъ, и, кажется, съ помощію Расина и прочихъ пишу не хуже другихъ. Но, къ несчастію, живу въ такой вѣкъ, когда французской языкъ сдѣлался у насъ употребителенъ, и всякой стихъ... (Слуга вноситъ книгу.) Но вотъ и трагедіи! Подай сюда! Поди вонъ. (Слуга выходитъ). Вотъ отселѣ одинъ стихъ... дай замѣчу... (развернувъ другую.) отселѣ можно шесть... Эти два стиха очень хороши. Ахъ! этотъ стихъ изъ „Аталанды“ онъ сдѣлаетъ украшеніе не только монологу, но и всей трагедіи. Я имъ заключу... ну, кажется, онъ будетъ изряденъ! Хотя я наружно скроменъ, но внутренно надобно отдать себѣ справедливость, что я великой авторъ! Вить вотъ и одинъ монологъ трудно набрать: каково же цѣлую то трагедію! ей, ей, очень мудрено!

Явленіе шестое.

Рнѳмокрадъ и Тянисловъ.

Тянисловъ.

Ваше благородіе, господинъ Рнѳмокрадъ, во снѣ или наяву я брежу?

Ріѳмокрадъ.

Помилуйте, сударь, вы, право, наяву, или я самъ сплю.

Тянисловъ.

Полно, правда ли, что меня моя благодѣтельница выгнала изъ вашего дома?

Ріѳмокрадъ.

И, сударь, что вы смотрите на женскія причуды!

Тянисловъ.

То-то! Я такъ думаю, что вы глава своей женѣ.

Ріѳмокрадъ.

Забудьте все это; о бездѣлицѣ помните, сударь!

Тянисловъ.

То я бы вѣкъ-вѣкъ не заглянулъ въ вашъ домъ, не подорожа ни вами, ни невѣстою, ни приданымъ: но у васъ осталось одно, что меня притягиваетъ.

Ріѳмокрадъ.

Кто же имѣетъ это счастіе? Я на себя не смѣю надѣяться![1]

Тянисловъ.

Нѣтъ, ваша жена къ себѣ многихъ притягиваетъ, только не меня.

Ріѳмокрадъ.

Кто-нибудь изъ нашихъ дѣтей?

Тянисловъ.

И изъ дѣтей ея никто.

Ріѳмокрадъ.

Такъ я не догадываюсь. Что же такое, сударь?

Тянисловъ.

Какъ не догадываетесь! а планъ то моей трагедіи!

---

[1] Въ текстѣ, повидимому, пропускъ — указаніе на жену.

Риѳмокрадъ.

А, сударь! Этотъ магнитъ достоинъ такого желѣза, какъ вы!

Тянисловъ.

Сядемъ же, забудемъ все прошедшее и порезонируемъ іонь піо [1].

Риѳмокрадъ (особо).

Мнѣ бы деньги были милѣе негоднаго твоего плана. . . (Вынимая бумагу.) Извольте, сударь, вотъ онъ!

Тянисловъ.

Вы вить уже знаете завязку, характеры всѣхъ персонажей, также и развязку!

Риѳмокрадъ.

Помню, сударь! Это ей, ей, все прекрасно; я, право, вамъ не льщу.

Явленіе седьмое.

Тянисловъ, Риѳмокрадъ и Азбукинъ.

Азбукинъ (особо).

Добрая родня! не знаетъ, куда дѣвать свою Ирію: то отдаютъ ее Тянислову, то племяннику. Ба! да вотъ здѣсь и Тянисловъ съ Риѳмокрадомъ: послушаю, на чемъ то они дѣло рѣшатъ.

Тянисловъ.

И такъ, сударь, теперь объ одномъ остается съ вами посовѣтовать: какъ лучше и какою смертью умертвить княжну и ея брата?

Азбукинъ (особо).

Уфъ! что я слышу! . . . вотъ-те разъ!

---

[1] Un peu, немножко.

Рнѳмокрадъ.

Это, сударь, состоитъ въ вашей волѣ; надобно только, чтобы сдѣлать жалко.

Азбукинъ (одинъ).

О негодной! ему, какъ-будто курицу, стоитъ человѣка потерять!

Тянисловъ.

Но когда лучше, сударь, убить то: вдругъ или порознь?

Рнѳмокрадъ.

Лучше вдругъ, или тогда, когда кто первой по содержанію попадается.

Азбукинъ (особо).

Ахъ бѣда, не сносить мнѣ своей головушки! дай-ко выду.

Тянисловъ.

Но, чтобы намъ не помѣшали, я запру двери. (Вставая.) Такъ, я подлинно убью, когда кто первой по содержанію попадется.

Азбукинъ (особо).

Живъ ли я, или нѣтъ? пырнетъ онъ меня, собака, а вытти нельзя. . . спрячусь хоть подъ столъ. (Подлѣзаетъ подъ столъ, а Тянисловъ запираетъ двери.)

Рнѳмокрадъ (особо).

Желалъ бы я, чтобы онъ поступилъ по моему совѣту: я бы прямо въ шуты его записалъ.

Тянисловъ.

Теперь намъ никто не помѣшаетъ. А вѣдь въ такихъ дѣлахъ всегда нужна тайность. . . Какою жъ бы смертію совѣтовали вы мнѣ ихъ уморить?

Рнѳмокрадъ.

По моему мнѣнію, чтобъ умножить красоту ихъ-

ствія, надобно княжну опоить... или окормить; а брата, брата...

Азбукинъ (особо).

Ахъ? что то мнѣ будетъ, убьютъ они меня, собаки, вмѣсто вороны!

Тянисловъ.

А для него, сударь, я выдумалъ новой образъ смерти, только хоронить ли онъ будетъ?

Риѳмокрадъ.

О сударь, прекрасной! А какой?

Тянисловъ.

Я хочу его удавить; вѣдь это афрапируетъ зрителей.

Риѳмокрадъ.

Какъ же сударь, это будетъ божественный coup de théâtre![1]

Азбукинъ (особо).

О проклятые! они смѣются, какъ-будто за чаркой водки, не жалѣя невинныхъ душъ. Я уже о княжнѣ не говорю: та моя прѣсная душенька чѣмъ виновата?

Тянисловъ.

Такъ какъ вы думаете: княжну то можно опоить или окормить?

Риѳмокрадъ.

Для чего же, сударь, для чего же не такъ, если вамъ угодно! Гдѣ интересъ требуетъ, чтобы кого убить, тамъ ни на что смотрѣть не нужно. Вѣдь она женщина злонравная, гордая, упрямая и непостоянная...

[1] Сценическій эффектъ. Афрапируетъ — поразитъ.

Азбукинъ (особо).

Такъ это портретъ сестринъ![1] Бѣдная сестра моя, пропала ты, познакомясь съ симъ негоднымъ человѣкомъ!

Тянисловъ.

Но что жъ, ваша Пріята будетъ ли скоро за мною? я хочу поскорѣе жениться. Если у меня будетъ дочь, то отдамъ ее также за стихотворца, — какъ вотъ у насъ Парнасъ то и пойдетъ по наслѣдству; а я уже и приданаго половину истратилъ.

Азбукинъ (особо).

О проклятые! вижу для чего и меня удавить хотятъ!

Риѳмокрадъ.

Вы судите, какъ аѳинской мудрецъ, сударь! (Тихо.) Пріятѣ, видно, быть за нимъ. Дѣлать нечего.

Тянисловъ.

Такъ я княжну то заставлю отравить ядомъ, а брата то мы уже удавимъ, гдѣ только по интересу попадется; и это будетъ, право, прекрасно.

Азбукинъ (особо).

Чтобъ тебѣ, плуту, самому петлею то любоваться!

Риѳмокрадъ.

И такъ, вашъ нижайшій слуга, сударь! (Провожаетъ его за дверь.)

---

[1] Есть свѣдѣніе, что въ первоначальномъ (рукописномъ?) текстѣ Крылова было княжнинъ — игра словъ (см. Кеневичъ, Примѣчанія къ баснямъ Крылова, Спб., 1878, стр. 293).

Явленіе восьмое.

Азбукинъ
(вылѣзаетъ изъ-подъ стола).

Умереть, доколѣ послужатъ мои ноженьки! Нѣтъ, сохрани Богъ породниться съ этимъ кровопійцею. Живши въ его домѣ, отъ одного страха умрешь... Но кто то . . .

Явленіе девятое.

Рѣзомокрадъ и Азбукинъ (который труситъ во все явленіе).

Рѣзомокрадъ.

А, государь мой, вы здѣсь? . . . Я сердечно радъ. . .

Азбукинъ (особо).

Ну, вотъ и смерть моя пришла! (Кланяясь очень низко.) Вашъ слуга, сударь!

Рѣзомокрадъ.

Я восхищаюсь, видя васъ: мнѣ нуждица съ вами поговорить. (Хочетъ взять его за руку.)

Азбукинъ (не давая руки).

Виноватъ, сударь! У меня, ей, ей, рука болитъ!

Рѣзомокрадъ.

Да вы хотите, кажется, вонъ идти?

Азбукинъ.

Ахъ нѣтъ, нѣтъ, сударь; я съ вами останусь. (Осѣнясь.) Ужь не въ карманѣ ли у него удавка?

Рѣзомокрадъ.

Пожалуйте, сядьте, сударь! (Садится самъ.)

Азбукинъ (садясь).

Слушаю, сударь! Вынеси меня отсель, Владыко!

Ріѳмокрадъ
(подвигаясь къ нему со стуломъ).

Мнѣ хочется отобрать отъ васъ извѣстіе, когда намѣрены вы назначить свадьбу.

Азбукинъ (отодвигаясь отъ него).

Когда вамъ угодно, сударь! Не даромъ онъ ко мнѣ подвигается.

Ріѳмокрадъ (придвигаясь къ нему).

Помилуйте, сударь, это зависитъ отъ вашего повелѣнія.

Азбукинъ (отодвигаясь отъ него).

Какъ сударь, мнѣ приказывать въ вашемъ домѣ? Конечно, онъ хочетъ придраться.

Ріѳмокрадъ (подвигаясь къ нему).

По мнѣ, хоть сегодня, сударь; я какъ можно скорѣе желаю быть вамъ роднею.

Азбукинъ (отодвигаясь).

И я отъ этого не прочь. . . Зарѣжетъ онъ меня!

Ріѳмокрадъ.

Такъ позвольте жъ мнѣ объ этомъ увѣдомить жену.

Азбукинъ.

Хорошо, сударь! Кабы тебя поскорѣе чортъ вынесъ!

Ріѳмокрадъ.

А вы подождете, сударь?

Азбукинъ.

Нѣтъ, мнѣ нужда. . .

Ріѳмокрадъ
(возвращаясь, хочетъ его обнять).

Такъ вы хотите идти? Прощайте, сударь!

Азбукинъ.

Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, божусь вамъ, что ждать васъ стану.

Явленіе десятое.

Азбукинъ (одинъ).

Уфъ! живъ ли я? не удавили ли меня? Нѣтъ, Богъ еще пустилъ на покаяніе грѣшную мою душу. Нѣтъ, сохрани, Владыко, чтобы я еще долѣ здѣсь остался. Худо въ большомъ городѣ деревенскому жителю: не знаешь, куда голову приклонить. А какъ попадешься въ такой благодатной домъ, какъ здѣшній, такъ и не увидишь, какъ душу потеряешь.

Явленіе одиннадцатое.

Азбукинъ и Тройкина.

Тройкина.

Что мнѣ дѣлать съ бездѣльникомъ Тяниловомъ? онъ и глядѣть на меня не хочетъ.

Азбукинъ.

А! сестрица голубушка, здорово! ты еще жива? а я думалъ, что уже тебя и меня на свѣтѣ нѣтъ.

Тройкина.

Что ты, братецъ, такъ всполошился? ты весь безъ ума.

Азбукинъ.

Го, сестра, нечего сказать, будешь безъ ума, какъ посулятъ удавку. Я такъ то переполошился, что то и дѣло щупаю себя за шею, нѣтъ ли уже на ней удавки.

Тройкина.

Да растолкуй мнѣ, что это значитъ: не проигрался ли ты?

Азбукинъ.

Нѣтъ, я ничего не проигралъ, да и не выигралъ; но посмотри напередъ, нѣтъ ли здѣсь кого?

Тройкина.

Нѣтъ никого. Да скажи, что такое?

Азбукинъ.

Послушай: Риѳмокрадъ да Тянисловъ сбираются тебя да меня. . . уфъ, кто то идетъ!

Тройкина.

Ну, ну, да растолкуй мнѣ пояснѣе. . .

Азбукинъ.

Насъ сбираются потерять.

Тройкина.

Охъ! . . .

Азбукинъ.

Ну, ну, чего бояться? Не стыдно ли такъ трусить. Лучше уйдемъ поскорѣе.

Тройкина.

Такъ, я знаю, для чего это. Вотъ каковы вѣроломные мужчины!

Азбукинъ.

Тебя отравятъ ядомъ, а меня удавятъ.

Тройкина.

Что же намъ дѣлать?

Азбукинъ.

Убѣжимъ поскорѣе, покамѣстъ насъ здѣсь не захватили.

Тройкина.

Да какъ же свадьба то моего племянника?

Азбукинъ.

Все вздоръ: я никогда не соглашусь; да Рюмокрадъ съ Тяпсловомъ уговорился, потерявши насъ, отдать за него Ніяту.

Тройкина.

Ахъ, срѣзалъ онъ меня, собака! (Падаетъ въ кресла.)

Азбукинъ.

Уйдемъ, уйдемъ поскорѣе!

Тройкина.

Постой, братецъ; я хоть въ тиктере доиграю, и . . .

Азбукинъ.

Ну, есть ли у тебя умъ? до Терентья ли теперь, когда надъ головою. . .

Тройкина.

Да постой, возьми хоть свою шляпу, она въ той комнатѣ. . . да и карты мои захвати.

Азбукинъ.

Пропадай все, лишь бы души здѣсь не потерять! (Уходятъ.)

Дѣйствіе четвертое.

Явленіе первое.

Пріята, Милонъ и Плутана.

Пріята.

Но на что это передѣванье? Я не хочу, чтобъ ты обманывала дядюшку и тетушку.

Плутана.

Но на что вамъ это знать? Довольно для васъ того, что уже и дядюшка и тетушка ваша склонились на мои представленія; и мнѣ очень малаго не достаетъ, чтобы окончать скорѣй это дѣло.

Пріята.

Мнѣ кажется, Плутана, что ты очень дерзка. Или я должна знать, или скажу тетушкѣ, что ты женщина.

Плутана.

Вы не обрадуете ее такое вѣдомостью!

Милонъ.

Ахъ, любезная Пріята! ты насъ обѣихъ погубишь.

Пріята.

Но если тетушка знаетъ способъ, какимъ ты ее уговариваешь, для чего и я не могу знать?

Плутана.

Тетушка знаетъ, сударыня, тетушка знаетъ, а вы послѣ узнаете.

Милонъ.

Ради самой любви, Пріята, оставь это вредное для меня любопытство. Довольно, если способъ намъ полезенъ.

Пріята.

Но когда онъ происходитъ черезъ обманы, когда онъ не честенъ!...

Плутана.

Повѣрьте, сударыня, что я не трону добродѣтели вашей тетушки; надобно выманивать только приданое отъ Тянислова; но положитесь во всемъ на меня.... Кто то идетъ; подите отсель.

Пріята.

Помни, Плутана, что въ рукахъ твоихъ наше счастіе.

Милонъ.

И помни, что ты щедро будешь награждена, если счастливо окончишь.

Явленіе второе.

Плутана и Иванъ (входитъ тихо).

Плутана.

Нѣтъ, кажется, никто нейдетъ. Признаться, я очень опасной выбрала способъ помочь нашимъ любовникамъ; однако мое предпріятіе по сю пору идетъ, кажется, удачно: господинъ и госпожа здѣшняго дома въ меня влюблены...

Иванъ.

Вотъ еще какая дьявольщина! это на колдовство похоже!

Плутана.

И я бы продолжала свои любовныя предпріятія, но чѣмъ ближе они подходятъ къ концу, тѣмъ болѣе я опасаюсь.

Иванъ.

Да, это подлинно хлопотливо! Господинъ, да госпажа... тутъ и премудрость задумается...

Плутана.

Но награжденіе побѣждаетъ мой страхъ. Наступлю храбро, какъ кавалеръ.

Иванъ.

Нѣтъ, это мужчина...

Плутана.

Дамъ себя побѣдить, какъ хитрая постоянница ...

Иванъ.

Тьфу, дьяволъ! нѣтъ, точно женщина!

Плутана.

И оставая ихъ въ проигрышѣ, выверчусь сама, какъ хитрая дѣвка.

Иванъ.

Въ голову не лѣзетъ. Куда бы мнѣ хотѣлось знать дѣвка ли она.

Плутана.

Ба, это ты, Иванъ! что тебѣ надобно?

Иванъ (кланяясь).

Пожалуйте, сударь, растолкуйте, мнѣ очень хочется знать: дѣвушка вы или..

Плутана (особо).

Пропала я!.. (ему) Какъ ты смѣешь во мнѣ сомнѣваться...

Иванъ.

Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, сударь! я не говорю, чтобъ вы были дѣвка. Но скажите мнѣ: мужчина ли...

Плутана (хватаясь за эфесъ).

Послушай, бездѣльникъ, если я выну...

Иванъ (становится на колѣни).

Ахъ нѣтъ, нѣтъ, не вынимайте, сударь! я и безъ того вамъ вѣрю.

Плутана.

Но почему ты могъ подумать, что я дѣвка?

Иванъ.

Виноватъ, мнѣ послышалось, сударь...

Плутана.

Простякъ! Правду узнать не одни уши надобны: напримѣръ, вотъ ты и теперь обманулся.

Иванъ.

Но впередъ, сударь, я ужъ не одними ушами буду развѣдывать истину.

Плутана (особо).

Какъ несносны всѣ любопытные! Я ждала здѣсь Ріомократа. Однако, надобно оставить свое нетерпѣніе. Этотъ дуракъ за мною присматриваетъ не даромъ. И боюсь быть открытою; уйду отсель. Послушай, мой другъ, барыня твоя просила меня, чтобъ я перебралася къ вамъ въ домъ.

Иванъ.

Къ намъ, сударь? Да полно, найдется ли для васъ порожнее мѣсто? не будетъ ли вамъ тѣсно, сударь? здѣсь всѣ комнаты уже заняты.

Плутана.

Она, какъ хозяйка, должна стараться, чтобъ ея жильцамъ тѣсно не было... Послушай же: если она меня спроситъ, то скажи, что я вышелъ за своими дѣлами и готчасъ назадъ буду.

Явленіе третье.

Иванъ (одинъ).

Не даромъ бы я взялъ задатокъ отъ лѣкаря Ланцетина за провѣдываніе тайностей въ здѣшнемъ домѣ, еслибъ этотъ вертлявой господинъ былъ дѣвка. Ну, да какъ ты узнаешь? словамъ то, вить, подлинно не всегда вѣрить надобно!

Явленіе четвертое.

Ланцетинъ и Иванъ.

Ланцетинъ.

Такъ это не безъ причины, что Таратора нынѣ ко мнѣ перемѣнилась. Эту перемѣну никакой болѣзни приписать нельзя. Я щупалъ у ней пульсъ и нашелъ въ крови всегда равно скорое движеніе; ея глаза такъ же прыгаютъ, какъ прыгали прежде, — а это знакъ здоровья; кажется, и я все тотъ же Ланцетинъ: такъ, точно, она кѣмъ-нибудь занята.... Но вотъ Иванъ! — Ну, мой другъ, провѣдалъ ли ты что-нибудь?

Иванъ.

Кажется, не совсѣмъ; но я думаю, что не даромъ взялъ отъ васъ задатокъ.

Ланцетинъ.

Ну, что же ты узналъ?

Иванъ.

А вотъ что: этомъ молодой господинъ, которой сегодня сталъ знакомъ боярынѣ...

Ланѣетинъ.

Что онъ?

Иванъ.

Что онъ не парень, а дѣвка.

Ланцетинъ.

Правда ли это? Но что жъ бы это значило? Что ни есть, только надобно думать, что тутъ скрывается какая-нибудь любовная гайна... Я доволенъ тобою, мой другъ; обойми меня... въ награжденіе безденежно лѣчить обѣщаю тебя ото всѣхъ болѣзней. (Въ сторону) Я, кажется, хорошо сказалъ: то есть, безденежно обѣщаю, а не обѣщаю лѣчить безденежно.

Иванъ.

Ахъ, нѣтъ сударь! я въ награжденіе прошу никогда меня не лѣчить!

Ланцетинъ.

Я соглашаюсь на твое невѣжество, хотя и имѣю благородную душу лѣчить всѣхъ больныхъ.

Иванъ.

Эта охота, сударь, въ васъ мила больнымъ такъ же, какъ зайцамъ заячья травля.

Ланцетинъ.

Но точно ли ты узналъ, что это дѣвка?

Иванъ.

Точно то мнѣ узнать было нельзя, потому что она скоро меня оставила; но я думаю, что это точно такъ.

Ланцетинъ.

Для чего же ты не обличилъ ее, любезный другъ?

Иванъ.

Да я еще тогда сумнѣвался, сударь, и боялся не быть бы мнѣ по законамъ наказану, если я не дѣвку назову дѣвкою.

Ланцетинъ.

Ничего, мой другъ, ничего! А еслибъ это и было такъ, ты бы пришелъ ко мнѣ: я бы далъ тебѣ опіумъ, отъ котораго бы ты навсегда сошелъ съ ума, — и мы бы сказали, что ты это въ безуміи сдѣлалъ.

Иванъ.

Благодаренъ за покровительство, сударь!

Ланцетинъ.

Я думаю, что это не безъ причины; есть какія-нибудь намѣренія. Чтобы ихъ распортить, надобно все вывести наружу. (Садится за столъ и пишетъ. Сворачиваетъ маленькое письмецо, отдаетъ Ивану и говоритъ:) Послушай... да не сказывай никому, что это чрезъ меня. Бумажка написана такъ, что не узнаютъ моей руки. Поди скорѣе, и помни, что я тебѣ приказывалъ.

Явленіе пятое.

Ланцетинъ (одинъ).

Я не напрасно подозрѣваю; но что нужды, хотя бы Тарагора и перемѣнилась. Подъ видомъ, чтобы пересчитать и пересмотрѣть, вѣрны ль ассигнаціи, отданныя въ приданое за Пріятою, я ихъ всѣ выманилъ у Тяпелова; и если я хотя косой взглядъ увижу отъ Тарагоры, то уйду и деньги унесу съ собою.

Явленіе шестое.

Ланцетинъ и Таратора.

Таратора.

А, господинъ Ланцетинъ! не здѣсь ли молодой Славолюбовъ?

Ланцетинъ.

Вы уже ищете Славолюбова, сударыня! а меня перестали искать!

Таратора.

Ахъ, сударь, да ты и такъ у меня всегда, какъ бѣльмо въ глазу! какъ мнѣ еще тебя искать? И для чего же мнѣ не искать Славолюбова? онъ здѣсь человѣкъ молодой и человѣкъ новой...

Ланцетинъ.

Да, да, я знаю, что вы любите новости.

Таратора.

Такъ, сударь, конечно, люблю, а стараго ничего терпѣть не могу. Да какое право имѣешь ты требовать отчету въ моихъ поступкахъ? Не вздумалъ ли ты уже подозрѣвать меня? такъ я, сударь, во всемъ городѣ извѣстная женщина.

Ланцетинъ.

Знаю, знаю; но развѣ вы меня слѣпымъ почитаете?

Таратора.

Ну, да что жъ это значитъ? пожалуй, растолкуй мнѣ, господинъ лѣкарь! Ты очень меня обижаешь. И что мнѣ за нужды, слѣпъ ты, или нѣтъ! Если бъ ты имѣлъ и тысячу глазъ... то бы не больше увидѣлъ, сколько видишь двумя!

Ланцетинъ.

Да что же вы ко мнѣ придираетесь? Я же имѣю право жаловаться, да я же и виноватъ!

Таратора.

Какъ-такъ, развѣ я виновата? Вотъ прекрасно! Гдѣ это видано, сударь, чтобы кто-нибудь, а не только я, передъ своимъ лѣкаремъ виновата была; ты виноватъ передо мною, и я наказать тебя могу.

Ланцетинъ.

Но что же дѣлать, коли передъ вами всякая голова виновата.

Таратора.

И всякая голова будетъ наказана — нѣтъ ни одной, таки нѣтъ проценія [1].

Ланцетинъ.

Да что же вы сердитесь?

Таратора.

А для чего же бы мнѣ на тебя и не сердиться; развѣ ты запретить мнѣ можешь? Я, сударь, въ своемъ домѣ и, слѣдственно, вольна сердиться, когда мнѣ угодно.

Ланцетинъ.

Да по крайней мѣрѣ надобны причины.

Таратора.

Врешь, сударь, мнѣ никакихъ не надобно. Развѣ я не могу сердиться такъ же хорошо безъ причинъ, какъ и съ причинами? стало, что онѣ не нужны.

Явленіе седьмое.

Таратора, Ланцетинъ и Тянисловъ.

Тянисловъ.

Ну, господинъ Ланцетинъ, перечелъ ли ты мои деньги?

[1] Такъ во всѣхъ изданіяхъ. Искаженное мѣсто.

Ланцетинъ.

Какія деньги? Я никакихъ у тебя не бралъ.

Тянисловъ.

Что ты это, боимо [1] что ли говоришь? . . такъ это самое глупое!

Ланцетинъ.

Ты самъ еще мнѣ долженъ за два кровопусканія.

Тянисловъ.

А я написалъ тебѣ двѣ эпиграммы на комедію, которую я не читалъ и которою хотѣлъ, какъ ты говоришь, угодить какой то госпожѣ, — это ты позабылъ?

Ланцетинъ.

Оставь это. Какихъ денегъ ты просишь?

Тянисловъ.

Да тѣхъ, моя благодѣтельница [2], что ты за Ірія-лою мнѣ отдала; я ихъ отдалъ ему пересчитать, а онъ, видно, хочетъ въ итогѣ то ноль поставить.

Ланцетинъ.

Перестань же меня обижать, сударь! Ты, конечно, въ стихотворческомъ восторгѣ позабылъ, куда сунулъ свое богатство.

Тянисловъ.

Къ тебѣ, сударь!

Таратора (Лѣкарю).

Однако жъ, вить онъ съ чего-нибудь да взду-малъ это!

Ланцетинъ.

Не думаете ли, что я такъ подлъ? Да знаете ли, сколько я имѣю доходу?

[1] bon mot.

[2] Повидимому, пропущенъ вопросъ Тараторы.

Тянисловъ.

Объ этомъ надо спросить, сударь, у тѣхъ покойниковъ, которые черезъ твои руки на тотъ свѣтъ ушли!

Таратора.

Оставьте меня, господинъ Тянисловъ! А ты, сударь, возврати его деньги, или я принужу тебя къ этому силою и докажу, что я госпожа въ своемъ домѣ.

Ланцетинъ.

Не надо всѣми: есть люди, которые не захотятъ вамъ повиноваться.

Таратора.

Вотъ прекрасно! Это возраженіе достойно быть выдумано такою безмозглою головою, какова твоя! Да знаешь ли, сударь, что я въ своемъ домѣ и надъ головою твоей властна сдѣлать все, что мнѣ захочется!

Ланцетинъ.

О! такъ я не спорю болѣе. Вы мнѣ дали такое доказательство, въ которомъ на меня сослаться можете.

Таратора.

Поди, сударь, вонъ!

Ланцетинъ.

Пожалуй!

Тянисловъ.

А деньги?

Таратора.

О, поди, господинъ Тянисловъ, и прикажи не спускать его со двора.

Ланцетинъ.

Меня? да развѣ я здѣсь въ бѣшеномъ домѣ?

Тянисловъ.

Посмотрите, сударыня, онъ говоритъ, что онъ въ бѣшеномъ домѣ.

Таратора.

Не тронь его, мой батюшка: онъ на себя бѣду говоритъ: вить здѣсь всѣ его лѣкарства принимали.

Тянисловъ.

Стало, отъ него и перебѣсился, моя благодѣтельница! Такъ вамъ и отвѣчать не за что... Пойду, и съ двора его не выпущу.

Явленіе восьмое.

Таратора (одна).

Бѣшеный бѣшенаго будетъ стеречь. Но что я не вижу моего предмета?

Явленіе девятое.

Таратора и Плутана.

Плутана.

Ah, madame, pardonnez! Я весь виноватъ передъ вами.

Таратора.

Ничего, mon coeur, ничего! Правда, мнѣ было до всего тебя была нужда.

Плутана.

И такъ, я весь подверженъ наказанію, сударыня!

Таратора.

Оставь мнѣ его выбрать, душа моя!

Плутана.

Mais à propos о наказаніи: я хочу также наказать Тянислова за то, что я его подозрѣваю, и за то, что онъ не примѣчаетъ моихъ достоинствъ, и за то, что онъ невѣжа. И для того то я, любя вашъ домъ и почитая васъ, не хочу, чтобъ вы были ему пищею. А если это случится, такъ одинъ изъ насъ другого долженъ будетъ приколоть.

Таратора.

Но вить Пріята невѣста; ей надобно жениха.

Плутана.

Отдайте ее за Милона: малой, право, не дуракъ. Я его не знаю, и для того вы можете разсудить, что я безъ пристрастія о немъ говорю... Правда, онъ не такъ уменъ и прекрасенъ, какъ вы; стихи пишетъ во сто разъ хуже вашего мужа, но со всѣмъ тѣмъ онъ хорошаго поведенія и, право, безъ всякой помощи можетъ быть довольно порядочнымъ мужемъ.

Таратора.

Я бы сама, мой свѣтъ, постаралась это узнать, но вотъ бѣда моя, что у Тянислова уже въ рукахъ приданое Пріяты; а я не смѣю мужу заикнуться, чтобы, оставя его въ рукахъ у этого семинариста, выдать дочь за другого!

Плутана.

Ахъ, я прошу у васъ этой милости, madame!

Таратора.

Ты просишь, mon cher, и мнѣ нельзя тебѣ отказать; но что же я стану дѣлать? Э, постой! я дамъ тайное позволеніе Пріятѣ, чтобъ она уѣхала съ Милономъ къ приходскому священнику и обвѣнчалась а къ нему напишу письмецо, такъ онъ тотчасъ ихъ и обвѣнчаетъ; потомъ пусть онъ пріѣдетъ

сюда и признается въ своемъ проступкѣ: прощеніе легче выпросить, нежели позволеніе.

Плутана.

Que diable, madame! Я не думалъ, чтобъ у васъ была такая острая голова.

Таратора.

Въ сію минуту побѣгу и дамъ племянницѣ наставленіе, а потомъ уже напишу письмецо къ приходскому священнику: онъ мнѣ знакомъ и, конечно, это сдѣлаетъ; а потомъ буду къ тебѣ.

Плутана.

Если вы замедлите ко мнѣ прійти, такъ я умру; и напередъ вамъ анонсирую, что если вы ко мнѣ придете минуту спустя послѣ моей смерти, такъ не застанете меня живого.

Таратора.

Ты пужаешь меня, мой свѣтъ; но я потороплюсь какъ можно скорѣе.

Явленіе десятое.

Плутана (одна).

Дѣло идетъ такъ удачно, какъ я не и надѣялась. Удастся ли то провесть другого? Но не моя же вить вина, что я не могу уговорить обѣихъ, а то бы въ свадьбѣ, конечно, остановки не было. Но вотъ и господинъ Риѳмокрадъ: надобно сдѣлать второй приступъ.

Явленіе одиннадцатое.

Плутана и Риѳмокрадъ

Риѳмокрадъ.

Ахъ, сударыня, какое удовольствіе находите вы скрываться отъ меня?

Плутана.

Я, сударь, отъ васъ скрываюсь! можете ли вы это думать?

Ріѳмокрадъ (особо).

Или я не Ріѳмокрадъ, или она въ меня влюблена. (Въ слухъ) Но я васъ искалъ въ негерпѣливости . . .

Плутана (потупя глаза).

А я васъ искала, сударь!

Ріѳмокрадъ.

Это чудно, что мы не нашли другъ друга!

Плутана.

Не отъ того ли это, что мы другъ друга искали въ разныхъ мѣстахъ?

Ріѳмокрадъ.

Я васъ искалъ по всему дому.

Плутана.

А я васъ искала на Паріасѣ, то есть, въ вашемъ кабинетѣ.

Ріѳмокрадъ.

Я сто разъ виноватъ, сударыня[1] . . . Но если вы изволите, мы можемъ идти.

Плутана.

Нѣтъ, нѣтъ, мы можемъ и здѣсь говорить. Мнѣ до васъ нужда, сударь!

Ріѳмокрадъ.

Ахъ, еслибъ была такая, какую я до васъ имѣю, то я бы былъ счастливѣе Расина!

Плутана.

Можно ли, сударь, чтобъ я была такъ счастлива и вамъ бы на что нибудь понадобилась?

---

[1] Въ первомъ изданіи прибавлено еще „что тамъ не было".

Ріѳмокрадъ.

Ахъ, сударыня, я хочу просить у васъ...

Плутана.

Чего, сударь?

Ріѳмокрадъ.

Сердца, сударыня!

Плутана.

Сердца, сударь? Пощадите мою слабость... я не знаю, что мнѣ дѣлать.

Ріѳмокрадъ.

Вы слабѣете, сударыня! Боже мой! я и самъ не знаю, что дѣлать. Да пойдемте, пойдемте поскорѣй: мы увидимъ, что намъ дѣлать надобно.

Плутана.

Постойте, сударь; я не окажу своихъ чувствованій до тѣхъ поръ, доколѣ вы не исполните моей просьбы и не откажете Тяниславу въ вашей племянницѣ. Но мнѣ мало этого: чтобы прекратить всю его надежду ею обладать, вы должны отдать ее за Милона.

Ріѳмокрадъ.

Но уже приданое въ рукахъ у Тянислова; я не смѣю заикнуться женѣ, чтобы оставить его въ рукахъ у Тянислова: она такъ вспыльчива...

Плутана (особо).

Первый способъ можетъ и здѣсь сдужить. (Въ слухъ) Отпишите, сударь, тихонько священнику, что вы позволяете имъ вѣнчаться. А мы сохранимъ въ тайнѣ ваше позволеніе и отправимъ ихъ съ письмомъ въ церковь, чтобы сдѣлали скоропостижную свадьбу. Послѣ они пріѣдутъ. Они у васъ будутъ просить прощенія, такъ вы притворитесь сердитымъ...

Ріѳмокрадъ.

Это прекрасно вздумано, сударыня! Какъ вы разумны! Ей, ей, вы можете писать прекрасные стихи... Я соглашаюсь, сударыня; придите ко мнѣ въ кабинетъ: вы получите письмецо.

Плутана.

Нѣтъ, сударь, я помѣшаю вамъ сочинять.

Ріѳмокрадъ.

Вы мнѣ помѣшаете, сударыня? Напротивъ, я тамъ безъ васъ ничего не сдѣлаю.

Плутана.

Позволь е, сударь, избѣгнуть опасности слабому моему сердцу... Ахъ! я почти уже совсѣмъ открылась!

Ріѳмокрадъ.

Откройтесь, сударыня, откройтесь передо мной! Это сдѣлаетъ счастливымъ и меня и всѣхъ моихъ девять музъ!

Плутана.

Отсрочьте это. Я въ такомъ смущеніи...

Ріѳмокрадъ (становится на колѣни)

Такъ позвольте, чтобъ я предъ вами открылся.

Плутана.

Ахъ, нѣтъ! и это отсрочьте, сударь: я и такъ довольно слаба.

Ріѳмокрадъ (особо).

Льзя ли не ласкаться надеждою!

— — —

Явленіе двѣнадцатое.

Ріѳмокрадъ, Плутана и Тянисловъ.

Тянисловъ.

Послушайте-тко, когда же я поѣду вѣнчаться съ Пріятой? я уже ей и мадригалъ приготовилъ.

Риѳмокрадъ (особо).

Прескучная тварь! — Удостойте насъ его прочесть, сударь!

Тянисловъ.

Его у меня теперь нѣтъ, а переписывается набѣло въ шесть рукъ.

Риѳмокрадъ.

Куда такъ много экземпляровъ? знать, вы сегодни жъ хотите прославиться!

Тянисловъ.

Нѣтъ, не много; только одинъ и будетъ готовъ къ завтрему.

Плутана (тихо къ Риѳмокраду).

Ахъ, сударь, долго ли вы медлить станете отказать этому измѣнинику?

Риѳмокрадъ (тихо Плутанѣ)

Зачѣмъ отказывать? Пусть онъ надѣется, а Пріята уйдетъ.

Плутана (тихо).

Мнѣ видъ его несносенъ, а особливо при васъ, сударь!

Риѳмокрадъ (тихо).

Это самая отвратительная рожа изъ всѣхъ семинаристовъ.

Тянисловъ.

О чемъ вы разглагольствуете, государи мои?

Риѳмокрадъ.

Хвалимъ вашъ мадригалъ, милостивой государь!

Тянисловъ.

Нѣтъ, ничего; хвалите хоть въ глаза мнѣ, я, право, не осержусь. Но этотъ господинъ что то морщась на меня глядитъ.

Плутана.

Если вспомните все, что вы дѣлали, то вспомните, что вы обидѣли особу, за которую я имѣю право вступаться.

Рнѳмокрадъ (тихо Плутанѣ).

Перестаньте, сударыня, онъ васъ узнаетъ!

Плутана (Рнѳмокраду).

Не опасайтесь . . . для того что онъ меня и не видывалъ.

Тянисловъ.

Я что то не помню, чтобы я сдѣлалъ такъ важное. А! я понимаю: вы, конечно, стихотворецъ, и сердитесь, что я превзошелъ васъ славою! Такъ не дивитесь, сударь, и безъ хвастовства скажу, что вить моя то голова одна во всей Европѣ.

Рнѳмокрадъ.

Какъ вы скромны, сударь! Въ Европѣ, въ Азіи, въ Африкѣ и въ Америкѣ ваша голова только одна.

Тянисловъ.

Право, такъ! Вотъ гдѣ жъ вамъ за мною гоняться? Вы сами мнѣ должны жизнію; но я такъ скромень, что и позабылъ о томъ.

Плутана.

Я вамъ долженъ жизнію? Я совсѣмъ не вашей фамиліи!

Тянисловъ.

Это не мѣшаетъ. Я не однихъ лишь своихъ однофамильцевъ могу воскрешать своими стихами . . .

Рнѳмокрадъ.

О! вы такъ велики, что вамъ въ честь можно поставить статую.

Тянисловъ.

Я таки и хочу заказать ее сдѣлать скульптору Туподолотову. Вѣдь это великой человѣкъ: онъ можетъ сдѣлать съ меня изрядную статую.

Риѳмокрадъ.

Изрядную, сударь? Онъ сдѣлаетъ такую, что въ васъ станутъ ошибаться.

Тянисловъ.

Такъ, я зналъ, что онъ не худой мастеръ. Но, оставя статую, скоро ль же вѣнчаться то? Пріята ужъ одѣвается, а я давно готовъ.

Риѳмокрадъ.

Надобно, сударь, признаться: я купилъ ей на голову каменьевъ; они уже у ней; а купецъ не получалъ еще денегъ и проситъ, чтобы я скорѣй ему ихъ отдалъ, такъ ссудите меня изъ приданыхъ.

Тянисловъ.

Хорошо. Да на что Пріятѣ каменье въ голову?

Риѳмокрадъ.

Какъ, сударь, на что? — чтобы поддержать честь вашей и нашей фамиліи; она безъ того не поѣдетъ и въ церковь.

Тянисловъ.

Видно, мнѣ сегодня не вѣнчаться; деньги не скоро отъ Ланцетина выманишь. Ну, да вить когда-нибудь да обвѣнчаюсь же!

Явленіе тринадцатое.

Ланцетинъ, Тройкина и Тянисловъ.

Ланцетинъ (Тройкиной).

Такъ, сударыня, это содержаніе трагедіи? я давно ее знаю . . . Васъ совсѣмъ не хотѣли уморить въ

здѣшнемъ домѣ; впрочемъ, я лѣкарь, и должен скорѣй всѣхъ знать, кому здѣсь умереть надобно.

Тройкина.

Смотри, пожалуй, мой батюшка, что онъ со мною напроказилъ, а я такъ перепужалась и ушла домой, что и карты не собрала. (Рнемокраду.) Извини, мой батюшка, что я давича скоропостижно отъ васъ выѣхала: у братца моего въ головѣ сдѣлалась вдругъ такая блажь, которая заставила насъ уѣхать, не простясь съ вами.

Рнемокрадъ.

Ничего, сударыня, ничего . . . Я еще давича примѣтилъ, что у вашего братца голова нездорова; да и у васъ, кажется, она болитъ.

Тройкина.

Нѣтъ, мой батюшка! она у меня съ тѣхъ поръ, какъ я родилась, всегда одинакова. Развѣ не перемѣнится ли, какъ выду замужъ!

Ланцетинъ.

Судя по физіогноміи, и этого не думаю.

Тройкина.

То-то, мой батюшка! Братецъ мой убралъ уже и комнаты для будущихъ молодыхъ, то есть, для вашей племянницы.

Тянисловъ.

Нѣтъ, нѣтъ, скажите ему, что я у него жить не стану; что ему до моей жены за дѣло?

Тройкина.

Какъ, измѣнникъ, развѣ ты на ней будешь женатъ?

Тянисловъ.

Да, конечно! А коли не на ней, такъ на другой никогда не буду.

Тройкина.

Какъ, господинъ Ріѳмокрадъ, вы соглашаетесь? . . .

Ріѳмокрадъ.

Вотъ жена моя, сударыня! Мы съ ней никогда не живемъ разныхъ мнѣній.

Явленіе четырнадцатое.

Ріѳмокрадъ, Таратора, Тройкина, Ланцетинъ, Тянисловъ и Плутана.

Таратора (особо).

Я думала найти одного Славолюбова, а здѣсь цѣлая шайка . . . (Тихо Плутанѣ.) Я уже, mon coeur, дала во всемъ Пріятѣ наставленіе въ разсужденіи замужества.

Плутана.

Она, конечно, его исполнитъ.

Тянисловъ.

Послушайте, сударыня, за кого вы хотите вашу племянницу отдать: за ея племянника или за меня?

Тройкина.

Неужели хочешь ты отдать Пріяту, мать моя, за эдакого пня?

Тянисловъ.

Я пень, сударыня? Ни одинъ пень не знаетъ по-латынѣ!

Тройкина.

Вотъ расхвастался съ своею латынью! Ты и по-латынѣ то такой же дуракъ, какъ по-русски.

Тянисловъ.

Совсѣмъ нѣтъ: латинской и русской языкъ ни чуть не сходны.

Ланцетинъ.

Однако, по-латынѣ и по-русски написанной рецептъ производитъ одно дѣйствіе; напримѣръ: еслибъ я далъ тебѣ латынской рецептъ, то бы ты выздоровѣлъ отъ русской горячки!

Тянисловъ.

Послушай, не задѣвай меня, господинъ лѣкарь! Я, конечно, не отъ твоихъ рукъ умру; не умри только ты отъ моихъ!

Ланцетинъ.

Мнѣ умереть? но забылъ ты, что я лѣкарь?

Тянисловъ.

Даромъ что ты лѣкарь! Несмотря на то, ты долженъ выйти уже на поединокъ, если не отдаешь мои деньги!

Таратора.

А! а! каково, господинъ лѣкарь!

Ланцетинъ.

Не думаете ли, что я трушу отъ поединковъ, сударыня . . . (Тянислову.) Не струсь голько ты. Знаешь ли, сколько отъ моихъ рукъ людей перемерло?

Тянисловъ.

Да . . . отъ твоихъ лѣкарствъ!

Явленіе пятнадцатое.

Прежніе и Иванъ.

Иванъ.

Вотъ письмецо, которое мнѣ отдалъ у воротъ одинъ незнакомой; велѣлъ его вамъ отдать.

Ланцетинъ (особо).

Вотъ и письмо мое; что-то выльется?

Таратора.

Подай, что это? (Читаетъ.) „Берегитесь обмана: одинъ изъ вашихъ знакомыхъ, котораго вы почитаете мужчиною, — есть дѣвушка“ Что за вздоръ! Я что то не помню ни одного изъ моихъ знакомыхъ, котораго бы можно было въ этомъ подозрѣвать.

Риѳмокрадъ (тихо Плутанѣ).

Мы открыты, насъ хотятъ разлучить; надобно это предускорить, сударыня!

Тройкина.

Кто же бы такой былъ здѣсь дѣвушка? Я не могу догадаться.

Тянисловъ.

Да вы, княжна, еще не были замужемъ?

Тройкина.

Я? обманщикъ! . . . да развѣ ты оглохъ? тутъ не обо мнѣ говорятъ.

Плутана (особо).

Я пропала!

Риѳмокрадъ.

Я въ смущеніи!

Таратора.

И я не меньше. Мнѣ, право, досадно, если кто изъ моихъ знакомыхъ мужчинъ очутится дѣвушкою.

Ланцетинъ.

Надобно это разыскать.

Тянисловъ.

Я могу доказать, что я мужчина тѣмъ, что у меня усы и борода.

Плутана.

Parbleu, madame, что до меня касается, такъ болѣе ста кавалеровъ могутъ доказать, что я не дѣвка.

Ріѳмокрадъ.

Если вы хотите принять отъ меня письмецо для свадьбы Пріятиной, такъ придите же[1] въ садъ: я вамъ тамъ его отдамъ.

Плутана.

Надѣйтесь, сударь!

Ріѳмокрадъ (тихо Ивану).

Ужо смотри, чтобы въ садъ никто не входилъ, кромѣ этого господина. (Уходитъ.)

Иванъ.

Слышу . . .

Тянисловъ.

Пойдемъ, господинъ лѣкарь; я пойду съ тобою условиться о нашемъ сраженіи. Знаешь ли, что я это не на шутку вздумалъ!

Ланцетинъ (уходя).

Я тебѣ докажу, что и я не трусъ. Ступай напередъ, я за тобою буду, чтобъ тебѣ назначить время. (Тихо Ивану.) Послушай, чтобы ужо въ садъ никто не входилъ, кромѣ меня и его. Слышишь ли?

Иванъ.

Слышу.

Ланцетинъ.

Пойдемъ, я тебѣ еще кое-что прискажу.

Иванъ (уходя.)

Что за сумагоха отъ двухъ строчекъ! Надобно посмотрѣть, чѣмъ это развяжется.

---

[1] Въ первомъ изданіи „ужо".

Тройкина (уходя.)

Надобно провѣдать, что это за безпорядокъ, и гдѣ мой племянникъ. Я не знаю, что со мною будетъ. Невѣсту одѣваютъ, а для кого, не вѣдаю!

Явленіе шестнадцатое.

Таратора и Плутана.

Плутана.

Вы что то думаете, сударыня?

Таратора.

Это въ первой разъ въ жизни; но я имѣю и важныя къ тому причины.

Плутана.

Что такое?

Таратора.

Изо всѣхъ моихъ знакомыхъ ты такъ прекрасенъ, что походишь болѣе на дѣвушку, нежели на мужчину; и такъ, воля твоя, mon cocur, я сомнѣваюсь, не обманываешь ли ты меня!

Плутана.

Вы сумнѣваетесь, сударыня! (Тихо.) Попалась я въ бѣду! (Въ слухъ.) Но какъ же мнѣ васъ увѣрить?

Таратора.

Какъ увѣрить меня? Кажется, выходить изъ подозрѣнія есть дѣло виноватаго, а не обвиняющаго! Еслибъ не это письмецо, я бы, конечно, не сумнѣвалась; но . . . но оставимъ это. Хочешь ли ты, чтобъ я отдала за Милона Пріяту?

Плутана.

Да, сударыня! для того, что Тянислова я терпѣть не могу.

Таратора.

Приходи же ужо въ садъ за письменомъ: оно будетъ готово.

Плутана (особо.)

Ахъ, всѣ мои намѣренія лопнутъ!

Таратора.

Что жъ ты такъ смутился?

Плутана.

Ужо въ садъ, сударыня? Не подумали бы чего злословные!

Таратора.

Я злословій не боюсь и къ нимъ уже давно привыкла.

Плутана.

Послушайте жъ: такъ какъ теперь у васъ свадьба, такъ, чтобы избѣжать вредныхъ замѣчаній, наденьте мужское платье: такъ если кто насъ и увидитъ, или, лучше, чтобы насъ никто не видалъ, то...

Таратора.

Такъ я прикажу стеречь. Иванъ, Иванъ! . . .

Явленіе семнадцатое.

Плутана, Таратора и Иванъ.

Таратора.

Смотри приляжнѣе, чтобы ужо въ саду никого кромѣ господина Славолюбова не было. Пойдемъ!

Плутана (особо.)

Надобно имѣть дьявольскую хитрость, чтобы выпутаться изъ такихъ негодныхъ хлопотъ!

Иванъ.

Что за дьяволыцина! всякой приказываетъ стеречь, чтобы въ саду лишнихъ не было; только, видно, лишнихъ тамъ не миновать!

Явленіе восемнадцатое.

Иванъ и Тройкина,

Тройкина.

Погубятъ меня, если опоздаю послать за братомъ. Тяниславъ собирается въ церкву. Послушай, Иванушка, сбѣгай поскорѣе къ брату и приведи его сюда.

Иванъ.

Новая забота! Да гдѣ онъ живетъ?

Тройкина.

Послушай: какъ пойдешь отсель прямо, то съ мосту первая улица направо; тутъ на правой рукѣ второй домъ о двухъ этажахъ; внизу живетъ мадамъ D'argopos, а вверху онъ. Бѣги же.

Иванъ (возвращаясь).

Послушайте-тко, барыня, мадамъ то Argopos, какъ: вверху или внизу?

Тройкина.

Внизу, безразсчетная голова! Да что тебѣ до нея за дѣло? помни только, что онъ наверху.

Иванъ.

Ну, такъ зачѣмъ же мнѣ туда?

Тройкина.

Послушай же: ты приди и вели ему сказать, чтобъ онъ поскорѣй сошелъ долой.

Иванъ.

Слушаю. (возвращается). А какъ онъ не сойдетъ, боярыня?

Тройкина

Ахъ! уже сойдетъ! А если столько хмелен, что сойти не можетъ, такъ прикажи стащить.

Иванъ.

Стащить, боярыня? да не дурно ли это? не сочелъ бы онъ себѣ обидою?

Тройкина.

Ахъ, нѣтъ! скажи, что я велѣла. Но пойдемъ, я тебѣ это растолкую.

Иванъ.

Что за дьяволыщина! или я самъ сошелъ съ ума, или здѣсь всѣ господа перебѣсились!

Дѣйствіе пятое.

Театръ представляетъ садъ и ночь.

Явленіе первое.

Плутана и Иванъ.

Плутана.

Но что тебѣ за дѣло? ты можешь идти своею дорогою.

Иванъ.

Воля ваша, сударь, мнѣ приказано ни на пядь отсель не отступать.

Плутана.

Знаешь ли, мой другъ, что я не люблю всѣхъ любопытныхъ! Развѣ ты не видишь, что я имѣю здѣсь намѣренія? Можешь ли ты подумать, что я ночью прогуливаюсь одинъ безъ всякой причины? а къ сему намѣренію ты не нужень; и такъ ты здѣсь лишній!

Иванъ.

Напротивъ того, я смотрю, чтобъ здѣсь лишнихъ не было.

Плутана.

Да кто просилъ тебя объ этомъ?

Иванъ.

Господинъ, госпожа, докторъ и Тяниславъ: всѣ просили меня; то есть, каждый порознь, чтобы я похаживалъ здѣсь и смотрѣлъ до тѣхъ поръ, пока они не придутъ и не скажутъ мнѣ, чтобы я ихъ оставилъ.

Плутана.

А! мой другъ, я знаю, что это значитъ! Мы всѣ имѣемъ согласились здѣсь быть. Послушай же: такъ и я тебя прошу смотрѣть также, чтобы здѣсь не было лишнихъ.

Иванъ.

Да какъ мнѣ всякой приходящій станетъ тоже приказывать, такъ здѣсь лишнихъ то и много будетъ.

Плутана (про себя.)

Надобно его отсель выжить . . . (Ивану.) Послушай мой другъ: я ужъ самъ буду смотрѣть, чтобъ въ огородъ твоего господина не заскочилъ кто лишній, а ты, пожалуй, поди и дожидайся меня въ передней, чтобъ ѣхать въ церковь съ невѣстою и съ женихомъ . . . А чтобъ тебѣ не скучно было, такъ вотъ, возьми на водку.

Иванъ.

Да кто же на нашей то барышнѣ будетъ женать?

Плутана.

Кому удастся. Поди поскорѣй.

— —

Явленіе второе.

Иванъ, Плутана и Таратора (въ мужскомъ платьѣ).

Иванъ (сходится съ Таратором.)

Кто тутъ?

Таратора (взявъ его за руку.)

А! мой дорогой! я тебя ищу.

Иванъ.

Барыня, барыня, тише: здѣсь люди ходятъ.

Таратора.

Тьфу пропасть, какъ я оплошалась! Да кто здѣсь?

Иванъ.

А новой то нашъ знакомой!

Таратора.

А! я это предчувствовала . . . Поди жъ вонъ отсель.

Иванъ.

Вижу, что я здѣсь лишній. Бѣдной мой баринъ! полно, надобенъ ли и ты здѣсь?

Таратора (отдавая Плутанѣ письмо.)

Вотъ, душа моя, записка къ священнику. Ты не повѣришь, какъ я тебя нетерпѣливо искала . . . Признаться, я люблю свою дочь[1] и хочу сдѣлать ее счастливою . . . она столько страстна, что то и дѣло воздыхаетъ . . . а я такъ мягкосердечна, что не терплю долго смотрѣть любовныхъ воздыханій.

Плутана.

Mais je crois, madame, что всѣ дамы завидуютъ вашему нѣжному сердцу: вы, ей, ей, примѣрная женщина!

Таратора.

О, я и не безъ подражательницъ! Впрочемъ, не сущее ли это безчеловѣчіе, чтобъ видѣть передъ собою воздыхающаго и томящагося, такого, напримѣръ, прекраснаго кавалера, какъ вы, сударь - не надобно ли стараться возвратить ему разумъ? — Мое такъ и желаніе все въ томъ, чтобы помогать своему ближнему. Вы сами это увидите.

---

[1] То дочь, то племянница: эта путаница проходитъ черезъ всю піесу.

Плутана.

Ваша добродѣтель меня восхищаетъ. Я надѣюсь, шафане, что вы включите и меня въ число вашихъ ближнихъ.

Явленіе третье.

Ріѳмокрадъ, Таратора, Плутана и Иванъ.

Иванъ (тихо).

Кто идетъ? не велѣно пускать!

Ріѳмокрадъ (цѣлуя у него руку).

Вы шутите, сударыня!

Иванъ.

Баринъ, баринъ, что вы это! Коли вы у меня руку цѣлуете, что же мнѣ у васъ поцѣловать достанется?

Ріѳмокрадъ.

Тьфу пропасть! это ты, Иванъ? Кто здѣсь есть?

Иванъ.

Тотъ, сударь, молодой господинъ.

Ріѳмокрадъ.

А! понимаю. Поди отсель . . .

Иванъ.

Постой же, сударь, и боярыня здѣсь . . .

Ріѳмокрадъ.

Моя жена здѣсь? Да нѣтъ ли еще кого?

Иванъ.

То-то, тотъ молодой господинъ . . .

Ріѳмокрадъ.

О, такъ это, конечно, безъ намѣренія. Поди жъ и посмотри, чтобъ еще кто-нибудь не вошелъ. Что жъ ты нейдешь?

Иванъ.

Иду, сударь! (Особо.) А хотѣлось было пристально на троихъ то на нихъ посмотрѣть!

Плутана (уходя.)

Посидите здѣсь, сударыня! Здѣсь кто то есть, я послушаю.

Таратора.

Никого: мы во всемъ саду одни, я головой своей парирую [1]. Не думаешь ли, свѣтъ мой, что во мнѣ нѣтъ хитрости? я дьявольскія употребила предосторожности. Нѣтъ, не оставляй меня: ты мнѣ нуженъ!

Плутана.

Вы мнѣ льстите, madame; однако позвольте мнѣ посмотрѣть, а вы посидите здѣсь. (Сажаетъ ее на деревянное канапе, а сама сходится съ Римокрадомъ, и говоритъ тихо.) Кто тутъ?

Римокрадъ.

А! наконецъ, я нашелъ васъ, прекрасная Постояна . . . Жаль, что вы не можете въ сію минуту ощущать пламени, который произвели во мнѣ ваши прелести, и шесть нѣжнѣйшихъ пиръ, прочтенныхъ мною изъ Расиновой трагедіи . . . вы бы узнали всю цѣну сего великаго автора! Но вотъ письмо: я сдержалъ свое слово!

Плутана.

Я много обязана покойному Расину, сударь!

Римокрадъ.

О! это великій человѣкъ, и мнѣ, право, сегодня много помогутъ нѣжные его стихи. Жаль, что здѣсь темно: я бы вамъ прочелъ нѣсколько изъ лучшихъ его мѣстъ въ трагедіяхъ; онѣ и теперь у меня въ карманѣ.

[1] Отвѣчаю.

Плутана.

Мы послѣ успѣемъ, сударь! . . . но говорите, какъ можно тише: я слышала, что ваша жена здѣсь. Ахъ, я опасаюсь подозрѣній!

Рнѳмокрадъ.

И я это слышалъ . . . но не опасайтесь: она, право, женщина добрая; и если она здѣсь, такъ, конечно, не съ тѣмъ, чтобъ за другими присматривать!

Плутана.

Пойдемте, сударь, я очень устала.

Рнѳмокрадъ.

Вы устали, сударыня? Пойдемъ и расположимся отдохнуть!

Плутана.

Сядемъ на эту дерновую скамейку, сударь!

Рнѳмокрадъ.

На дерновую скамейку, сударыня? . . только не занято ли уже это мѣсто женою?

Плутана.

Не опасайтесь: я велѣла за тѣмъ смотрѣть. Она пошла совсѣмъ въ другую сторону.

Рнѳмокрадъ (идетъ передъ Плутаною). (Особо.) О счастливыя минуты! вы сдѣлаете мою трагедію вторе совершенѣе . . . если я не опоздаю за нее сѣсть!

Таратора.

Да, да, сядьте; здѣсь прекрасной воздухъ.

Плутана (особо.)

Уйду. Я болѣе не надобна.

Иванъ.

Кто это? не велѣно пускать.

Плутана.

Это я . . .

Иванъ.

А, это вы, сударь? Что, уже вы и вонъ идете? Не простудитесь, на дворѣ сдѣлалось очень холодно.

Плутана.

Не опасайся. Пойдемъ отсель: ты мнѣ надобенъ.

Иванъ.

Да какъ же здѣсь барыня то съ барномъ останутся?

Плутана.

Неужели они другъ друга боятся? Пойдемъ скорѣе.

Иванъ.

Пойдемте. Да застегните хоть кафтанъ покрѣпче, право, погода очень сыра!

Явленіе четвертое.

Ріѳмокрадъ и Таратора.

Таратора.

Какова́ я, душа моя, въ мужскомъ платьѣ?

Ріѳмокрадъ.

Моя душа . . . ахъ, я почти уже счастливъ! Вы, сударыня, для меня въ тысячу разъ прелестнѣе въ мужскомъ, нежели въ женскомъ.

Таратора.

Для того то я очень люблю мужское платье; и это дурно, что всѣ женщины его не носятъ: оно такъ статно, такъ вездѣ плотно, что нигдѣ фигуры не теряетъ. Но знаешь ли, свѣтъ мой, чѣмъ мнѣ ваше платье не нравится?

Ріѳмокрадъ.

Она со мною такъ говоритъ, какъ будто бы 30 лѣтъ была мнѣ знакома!.. О женщины!.. Чѣмъ же, сударыня, имѣетъ несчастіе не нравиться вамъ наше платье?

Таратора.

Тѣмъ, что на немъ ужасно много пуговицъ, это, ей, ей, очень скучно... я бы желала половину обрѣзать!

Ріѳмокрадъ.

Такъ, сударыня! Я очень чувствую эту погрѣшность.

Таратора.

Но что ты сдѣлался такъ тихъ, мой свѣтъ! Надобно привыкать быть смѣлѣе съ женщинами. Вспомни, что ты за четыре минуты былъ совсѣмъ не тотъ.

Ріѳмокрадъ.

Не тотъ, сударыня .... (ооо) Она говоритъ правду. Давича, когда она была робка, тогда я былъ очень смѣлъ; а теперь я чувствую, что она храбрѣе меня.

Таратора.

Ты совсѣмъ онѣмѣлъ; не боишься ли ты того, что здѣсь темно!

Ріѳмокрадъ.

О нѣтъ, сударыня! Какая чудная перемѣна: я передъ нею сталъ ребенкомъ!

Таратора.

Оставь эту скучную робость, душа моя! Неужели ты не примѣчаешь, что она дѣлаетъ смѣшнымъ всякаго мужчину въ глазахъ знающей свѣтъ женщины? Надобно умѣть судить нашъ полъ и быть нѣжнѣе, чтобы не принуждать насъ къ необходимости быть самимъ себѣ проводниками; надобно, сударь, льстить нашему самолюбію и цѣнить дороже

побѣду, чтобъ женщина могла сказать, что она защищалась. Что въ той побѣдѣ, гдѣ, не дождавшись непріятеля, кладутъ ружье? Храброй воинъ, чтобы возвысить цѣну побѣды, долженъ тѣмъ сильнѣе приступать, чѣмъ слабѣе обороняется непріятель.

Риѳмокрадъ.

Я думалъ быть учителемъ, но вижу, что попался въ школу.

Таратора.

А вы, молодые люди, такъ жестокосерды, что принуждаете насъ безъ защиты признаться побѣжденными.

Риѳмокрадъ.

Молодые! Она, отъ любви ко мнѣ, позабыла, что мнѣ слишкомъ за сорокъ!

Таратора.

Будь же смѣлѣе, душа моя! Чего тебѣ бояться? помни по крайней мѣрѣ, что ты здѣсь не одинъ.

Риѳмокрадъ.

Ахъ, сударыня! это съ ума у меня нейдетъ; сюда кто то идетъ! я трепещу ... (уходитъ.)

Таратора.

Онъ ушелъ; побѣгу за нимъ.

(Уходитъ въ другую сторону.)

Явленіе пятое.

Ланцетинъ и Плутана.

Ланцетинъ.

Подите, подите, сударь, вы будете между насъ посредникомъ.

Плутана (особо).

Пріята и Милонъ уѣхали уже вѣнчаться. Ахъ, еслибъ я могла достать деньги! — Очень хорошо, сударь, вы прекрасно сдѣлали, что рѣшились драться! Однако это опасно.

Ланцетинъ.

Вздоръ! не бойтесь ничего; со мною съ 50 пузырьковъ и столько же пластырей.

Плутана.

Но если, со всѣми вашими предосторожностями, онъ васъ зарѣжетъ, такъ кому достанутся эти деньги, если вы вподлинну ихъ взяли?

Ланцетинъ.

Кому достанутся? Да я ихъ не брать у него . . .

Плутана.

Ахъ, какъ вы не чистосердечны! Не думаете ли вы, что я хочу, чтобъ онъ возвратилъ себѣ эти деньги? Стихотворцы, сударь, льстятъ или бранятся; а лѣкарямъ, какъ нынѣ, такъ и тогда, какъ я быть во Франціи, я столько обязанъ, что желалъ бы всѣхъ ихъ сдѣлать богатыми!

Ланцетинъ.

Я вижу, что вы предпочитаете декокгъ чернилъ, а ланцетъ перу.

Плутана (особо)

Одно другого стоитъ . . О, сударь! еслибъ была моя воля, такъ я бы всѣхъ стихотворцевъ отдалъ подъ смотрѣніе лѣкарей.

Ланцетинъ.

Обоймите же меня! Я вижу, что вы очень не любите стихотворцевъ; итакъ, я вамъ признаюсь,

что деньги я у него взялъ. Вотъ онѣ; возьмите и поберегите ихъ во время нашего сраженія, а послѣ поединка отдайте ихъ мнѣ.

Плутана.

А если васъ убьютъ?

Ланцетинъ.

Такъ . . . такъ вы таки все мнѣ отдайте!

Плутана.

Кто то идетъ . . .

Ланцетинъ (струся).

Это точно онъ. Постойте жъ и скажите, что я тотчасъ буду, а я пойду и приложу къ себѣ пластыри.

Плутана.

Какъ, сударь, еще прежде поединка?

Ланцетинъ.

Для того, что послѣ этого, гдѣ онъ ни сдѣлаетъ рану, у меня вездѣ будетъ приложенъ пластырь.

Плутана (уходитъ).

И деньги выманены, — остаться ли мнѣ здѣсь, или . . . но чего думать! надо поскорѣй отдать деньги Милону; я ненужна въ этомъ поединкѣ!

Явленіе шестое.

Тянисловъ

(онъ выноситъ, имѣя на рукахъ и на ногахъ по нѣскольку пришпиленныхъ бумажекъ).

Что ни отруби, ко всему готова эпитафія: къ рукамъ и къ ногамъ, вездѣ пришпилено по эпитафіи. Не великой ли я человѣкъ на предосторожности? Те-

перь нетерпѣливо хочу его заколоть... Кто то идетъ!.. Нѣтъ, это еще не онъ. (Оглядываясь) Не позабыть бы однако же, гдѣ садовая калитка... близехонько! Ей, ей, не для чего трусить... но для чего же и драться? Цицеронъ и Сократъ хвалятъ дружество, а поединковъ еще никто не хвалилъ... Не всѣ ли мы братья по Адамѣ? Хорошо вить, что я его убью... а если онъ меня убьетъ? сколько прекрасныхъ стиховъ потеряно! Но нѣтъ, сама судьба сбережетъ меня для свѣта. Кто же останется, коли я умру?... А если вить и его убью, такъ заго какъ слово [1] лѣкаря убить!.. Стану драться... кто идетъ?

Явленіе седьмое.

Тянисловъ и Иванъ.

Иванъ.

Ну, не миновать бѣды! Барышня съ Милономъ ушла, а въ комнатахъ ни барина, ни барыни, никого нѣтъ. Побѣгу ихъ искать по саду.

Тянисловъ

(становится на колѣни, и закрывъ голову рукою, а другую, въ которой шпага, спрятавъ подъ пазуху, кричитъ).

Ан-гардъ! разъ, два!... полно!...

Иванъ

(набѣгая на него, упадаетъ и его роняетъ).

Кой чортъ! давно ли здѣсь дрязгу навалили?

Тянисловъ.

Уфъ! это ты, Иванъ? не ранилъ ли я тебя?

Иванъ.

Тьфу пропасть!... не зашибъ ли я васъ, сударь?

---

[1] Славно?

Тянисловъ.

Ты мнѣ обѣими колѣнами въ лобъ попалъ; ну, то свадьбы заживетъ. Однако, я думаю, тутъ будутъ рога!

Иванъ.

Да скоро ли ваша свадьба?

Тянисловъ.

Да вотъ, только лѣкаря убью, да и въ церковь!

Иванъ.

Не прозѣвать бы тебѣ, сударь; невѣсту то твою ужъ увели.

Тянисловъ.

Какъ, увели? врешь ты . .

Иванъ.

Нѣтъ, сударь, не вру; я самъ видѣлъ.

Тянисловъ.

Не вѣрю.

Иванъ

Да почему же?

Тянисловъ.

Развѣ увезли, а не увели.

Иванъ.

Вы, чудо, сударь! Да не все ли, сударь, равно, увезли ли, увели ли ее? для васъ, я думаю, все не слишкомъ выгодно.

Тянисловъ.

Нѣтъ, другъ мой, не все равно. Я еще нигдѣ не читалъ, чтобъ любовницъ уводили, а увозятъ, такъ много. Напримѣръ, Парисъ Елену.

Иванъ.

Экой, сударь, человѣкъ! да я не о Борисѣ съ

Олёной говорю, а о нашей барышнѣ. Вамъ надобно ихъ догонять поскорѣе.

Тянисловъ.

Дай ты мнѣ только лѣкаря то убить, а то я самъ за ними побѣгу.

Иванъ.

Пѣшкомъ, сударь? ну, да какъ и этого въ книгахъ то нѣтъ, чтобъ пѣшкомъ погони отправлять?

Тянисловъ.

И вподлинну такъ . . . такъ я возьму извощика. Но поди отсель; я лѣкаря жду.

Иванъ (особо).

Коли и тотъ такъ же храбръ, какъ этотъ, такъ сраженіе то не кровопролитное будетъ. Побѣгу искать боярыню и барина.

Явленіе восьмое.

Тянисловъ и Ланцетинъ.

Тянисловъ.

Убѣжать было мнѣ . . . подлинно! да нѣтъ, лишь про деньги вспомню, то сердитая одурь меня возьметъ. Какъ оставить у Ланцетина такое богатство!

Ланцетинъ

(входя съ обвязанною головою въ пластыряхъ).

Пластыри то привязаны немножко крѣпко . . . я еще нигдѣ не раненъ, а чувствую, что уже вездѣ нарываетъ. Вся голова пузыремъ стала. Не упетать бы самому себя!

Тянисловъ (ощупывая бумажки).

Всѣ ли то эпитафіи цѣлы? . . . всѣ, кажется . .

однако я позабылъ одну еще пришпилить къ головѣ. Какъ же быть? Обо всемъ вдругъ не вспомнишь!

Ланцетинъ (особо, пробуя шпагу).

Кажется, довольно остеръ этотъ мечъ; только коротокъ немного.

Тянисловъ.

Позабылъ я надѣть башмаки съ бантиками: въ нихъ бы самъ чортъ меня не догналъ.

Ланцетинъ.

Нѣтъ ли здѣсь кого?

Тянисловъ (вынувъ тесакъ).

Я здѣсь, берегись!

Ланцетинъ.

А, господинъ поединщикъ, я проучу тебя. Становись-ка въ позитуру . . . Нѣтъ, постой, какое оружіе у тебя?

Тянисловъ.

Тесакъ.

Ланцетинъ.

То-то, кажется, у тебя дологъ, и моего длиннѣе, такъ намъ сражаться съ тобою нельзя.

Тянисловъ.

У меня длиннѣе! . . врешь ты, господинъ лѣкарь; я не выбиралъ, мнѣ какой достался; выходи-тка, я тебя проучу!

Ланцетинъ

(схватясь на своей сторонѣ за дерево).

Обороняйся: наступаю.

Тянисловъ

(ставъ на своей сторонѣ за деревое канапе).

Защищайся, или отдай деньги!

Ланцетинъ.

Тише же, по рукамъ не бей: вить мнѣ не зубами операціи то дѣлать.

Тянисловъ.

Тише же и ты, по ушамъ задѣваешь, а я и забылъ на нихъ эпитафію привѣсить.

Ланцетинъ.

Разъ, два . . . (спрятавшись за дерево) что жъ?

Тянисловъ.

Кажется, машу храбро, а ни разу не попаду; дай-ко, подойду поближе.

Ланцетинъ.

Что за дьявольщина! не могу утрафить . . . Дай-ко зайду сзади, не попасть бы на грѣхъ! (Идутъ другъ къ другу, сталкиваются и упадаютъ.)

Тянисловъ.

Доволенъ, доволенъ, зарѣзали меня!

Ланцетинъ.

Караулъ, караулъ, нежачаго колютъ!

Явленіе девятое.

Тянисловъ, Ланцетинъ, Тройкина, Азбукинъ, Иванъ и слуги со свѣчами.

Тройкина.

Что вы это, собаки, что вы! перегрызлись, мои батюшки!

Азбукинъ.

Сказывай, кто безъ головы! надо скорѣе объявку подать!

Тянисловъ.

Да вотъ, за суету въ кровь передрались.

Ланцетинъ.

Ты на меня, какъ воръ, напалъ сзади; а у меня вить тамъ пластыря не было.

Тянисловъ.

Врешь, здѣсь всѣ свидѣтели, что это неправда. Перевяжи мнѣ хоть раны то, собака!

Ланцетинъ.

Я собака?

Тройкина (Тянислову).

Ахъ, ты! погубилъ ты и меня и себя! Да гдѣ у тебя рана то?

Тянисловъ.

Это не мое дѣло; онъ, какъ лѣкарь, долженъ про то знать.

Ланцетинъ.

Я послѣ освидѣтельствую, дайте мнѣ наперед свои пересчитать.

Азбукинъ.

Да за что у васъ сталось?

Ланцетинъ.

За деньги, сударь . . . Ба! да гдѣ же нашъ посредникъ? Честному ль то человѣку я повѣрилъ деньги?

Тянисловъ.

Ну, что жъ ты деньги то? или я мало доказалъ себя? . . .

Ланцетинъ.

Я божусь тебѣ, что я отдалъ ихъ Славолюбову, а онъ и съ ними пропалъ.

Тянисловъ.

Да хотѣлъ ли воротиться?

Явленіе десятое.

Прежніе, Таратора и Ріѳмокрадъ.

Таратора (вытаскивая его насильно)

Поди, сударь, поди! я передъ всѣмъ свѣтомъ обличу твою измѣну.

Ріѳмокрадъ.

Да помилуй, матушка, намъ обѣимъ будетъ стыдно!

Таратора.

Какъ, возможно ли, за нѣсколько десятковъ лѣтъ непоколебимой моей вѣрности, за мою любовь, за мою горячность, ты ищешь мнѣ измѣнять, когда я стараюсь во всемъ угождать тебѣ! Я разведусь съ тобою, сударь! Ты недостоинъ имѣть такую жену, какъ я!

Ріѳмокрадъ.

Помилуй, да помолчи хоть немного, ты видишь, что здѣсь люди . . .

Таратора.

Это то мнѣ и мило: я хочу осрамить тебя предъ цѣлымъ свѣтомъ.

Ріѳмокрадъ.

Ты и такъ срамишь меня передъ всѣмъ свѣтомъ. Но съ чего ты взяла свое подозрѣніе? Почему ты знаешь, для чего я здѣсь? Зачѣмъ ты сама переодѣлась?

Таратора.

Ахъ ты, безчестной человѣкъ! можешь ли ты подозрѣвать мою невинность? Да если дѣло дойдетъ до суда, то всѣ знакомые за нее подпишутся, и ты, сударь, долженъ всякую минуту радоваться, что имѣешь такую тихую и прекрасную жену, которая тебя дѣлаетъ славнымъ. Не думаешь ли ты, что я

по тебѣ славна? нѣтъ! Еслибъ я была и не замужемъ, то меня бы не меньше знали, сколько я извѣстна и за мужемъ.

Риѳмокрадъ.

Кто съ тобою спорить о томъ, свѣтъ мой, ты очень разумна, но и моя голова . . .

Таратора.

Твоя голова, сударь, баранья! Ты измѣнникъ! Я не хочу болѣе тебя видѣть, ты пришелъ сюда затѣмъ, чтобъ. . .

Риѳмокрадъ.

Ну, а ты зачѣмъ пришла?

Таратора.

Я тебя хотѣла испытать, невѣрной; я хотѣла узнать, любишь ли ты меня.

Риѳмокрадъ.

Когда такъ, то тебѣ не на что и жаловаться. Я, кажется, не былъ къ тебѣ суровъ.

Азбукинъ.

Да за что онъ бранится, сестра? я ни слова не пойму.

Тройкина.

Развѣ ты не знаешь, что они лѣтъ съ тридцать обвѣнчаны: можетъ быть, за то.

Ланцетинъ.

Имъ надобно обоимъ головы выбрить, вымыть льдомъ и кровь пустить; а безъ того они въ опасности умереть, не принявши лѣкарства.

Тянисловъ.

Перестаньте браниться, государи мои, пойдемъ лучше догонять невѣсту. Я слышалъ, что ваша племянница ушла.

Азбукинъ (Тройкиной).

На комъ же обвѣнчается Милонъ? Ты меня притащила сюда, чтобъ ему дать позволеніе; я уже ему и позволилъ.

Тройкина.

Не опасайся ничего.

Риѳмокрадъ.

Моя племянница ушла? не худо бъ, еслибъ и жена ушла; я бы не принялъ ея вмѣсто Постояны. . .

Таратора.

Она ушла? да какъ? . . . куда? рано я дала записку, не каяться бы мнѣ мужу. Вотъ, сударь, такъ ли должно стеречь дѣвицъ, не ты ли долженъ смотрѣть за честнымъ поведеніемъ дочери?

Риѳмокрадъ.

Но я думалъ, что ты, свѣтъ мой. . .

Ланцетинъ.

И конечно такъ, сударыня; на что ему въ чужія дѣла мѣшаться?

Явленіе одиннадцатое.

Таратора, Риѳмокрадъ, Тройкина, Азбукинъ, Иванъ, Пріята, Милонъ и Плутана (въ своемъ платьѣ).

Тройкина.

А, вотъ и племянникъ съ Пріятой! подите сюда; здѣсь всѣ перетревожились. Намъ сказали, что вы ушли.

Тянисловъ.

Да, ушли; я точно это слышалъ отъ Ваньки, а Ванька лгать не станетъ.

Азбукинъ.

Ну, что жъ, ушли, а теперь и пришли; такъ, стало, что у насъ все благополучно.

Милонъ (Таратор.)

Простите, сударыня, проступокъ, который любовь заставила насъ сдѣлать.

Пріята.

Простите меня, матушка!

Таратора.

Дерзкая! ты смѣла безъ моего позволенія выйти замужъ; позабывъ примѣры матери своей, ты ушла и тайно обвѣнчалась! Нѣтъ, ты недостойна прощенія и не Ріѳмократова ты дочь.

Ріѳмокрадъ.

Такъ, конечно, она говоритъ правду и неоспоримую правду. Мнѣ все равно, за кѣмъ бы ты ни была, но для молодаго человѣка очень нужно быть послушнымъ и несамовольнымъ.

Пріята

(становись передъ нимъ на колѣни).

Помилуйте, батюшка! . . . я по вашему дозволенію.

Ріѳмокрадъ.

Ну, ну; перестань же, тише.

Милонъ

(становясь на колѣни передъ Тараторою).

Вступитесь въ наше состояніе, сударыня! Вы сдѣлали насъ счастливыми; мы по вашему письму. . .

Таратора.

Тише, тише; развѣ я оглохла?

Плутана.

Перестаньте, сударыня! Вы такъ притворились сердитою, что насъ перепугали; однако совѣмъ тѣмъ служанка вашей племянницы покорнѣйше благодаритъ васъ, что вы помните совѣтъ Славолюбова и хорошо играете сердитую роль: она же проситъ простить ей маленькую хитрость . . .

Таратора.

Ахъ плутовка, ты не мужчина? Какъ, я обманута! Нѣтъ, я никогда тебѣ не прощу этого.

Плутана (Риѳмокраду).

Вступитесь хоть вы за насъ.

Риѳмокрадъ.

За васъ, прекрасная?

Плутана.

Оставьте такія учтивости: этого много для служанки Плутаны.

Риѳмокрадъ.

Какъ, такъ ты не Постояна? . . . какъ я легковѣренъ! Хорошо, еслибъ я хотя половину былъ обманутъ.

Плутана.

Я у васъ за все прошу прощенія.

Риѳмокрадъ (особо).

Боюсь быть открытымъ. (Плутанѣ) Ты великая обманщица.

Плутана.

Я женщина, сударь; простите меня . . . вступитесь хоть вы за насъ, господинъ докторъ!

Ланцетинъ.

Ба, это ты, господинъ Славолюбовъ? что тебѣ вздумалось надѣть женское платье? вить оно не защищаетъ ото всѣхъ болѣзней . . . но пожалуй мои деньги!

Тянисловъ.

Какія твои? Мнѣ, сударь, ихъ отдайте. Я ему далъ.

Плутана.

Деньги принадлежали, сударь, молодой моей боярынѣ, такъ я ихъ ей и отдала.

Таратора.

Такъ денегъ у тебя уже нѣтъ? съ двора долой, господинъ Ланцетинъ, и вѣчно на глазахъ моихъ не будь!

Ланцетинъ (Риѳмокраду).

Какъ вы прикажете?

Риѳмокрадъ.

Какъ вамъ угодно. Не худо, еслибъ вы послушались жены; я, право, и самъ часто ея слушаюсь.

Ланцетинъ.

Да и я ея часто слушался . . . Но не жаль ли только вамъ меня будетъ? Вспомните, какъ меня всѣ въ вашемъ домѣ любятъ, а особливо ваши маленькія дѣти.

Таратора.

Вонъ, сударь, вонъ! мнѣ твои лѣкарства болѣе не нужны!

Ланцетинъ.

Счастливо же вамъ немочь, государи мои; и если, чего я желаю, случится у васъ лихорадка, водяная, колотье, удушье, такъ я увѣдомляю напередъ, чтобы вы ко мнѣ ни за чѣмъ не присылали въ аптеку.

Тянисловъ.

Ты позабылъ спазмы, подагру, хирагру и прочая. . .

Ланцетинъ.

Лопните вы, а я ничего не приплю.

Азбукинъ.

Ну, что жъ онъ расхвастался! вить это, я чай, и въ другихъ аптекахъ продаютъ.

Пріята.

Склонитесь, тетушка, на нашу просьбу. Вы найдете во мнѣ всегда послушную племянницу.

Милонъ (Тараторѣ).

Во мнѣ послушнаго сына.

Плутана.

А во мнѣ покорную служанку.

Таратора.

Я не одна обманута . . . Ну, добро, я васъ прощаю. Но ты, плутовка, ты великаго наказанія достойна.

Риѳмокрадъ.

И я соглашаюсь васъ простить! (Жене.) Забудемъ все, сударыня . . . Наша ссора будетъ смѣшнѣе происшедшаго случая.

Тройкина (Тянислову).

Ну, сударь, ты видишь, что тебѣ нѣтъ надежды жениться на Пріятѣ: скоро ль же ты на мнѣ женишься?

Тянисловъ.

Какъ мои сочиненія будутъ печататься четвертымъ тисненіемъ.

Тройкина.

Я тебѣ вѣрю, обманщикъ; но постарайся хотя, чтобъ я не долго ждала четвертаго го тисненія.

Азбукинъ.

Пойдемъ-те всѣ, господа, въ покои. Что теперь вамъ въ саду дѣлать? я чаю, здѣсь многіе помнятъ, что ночь на дворѣ.

Таратора.

Какъ не помнить, батюшка! . . . (Мужу.) А ты, сударь, сыщи мнѣ какого-нибудь лѣкаря; я чувствую, что я очень слаба.

Ріѳмокрадъ.

Да чѣмъ ты больна, душа моя?

Иванъ.

Такъ, сударь, мнѣ давно примѣтно, что барыня больна; но не опасайтесь, я голову прозакладую, что ей чрезъ 30 лѣтъ будетъ легче.

Тянисловъ.

Сомнѣваюсь, Иванъ, для того, что чѣмъ больше ее лѣчатъ, тѣмъ становится она слабѣе!

Гнѣдичъ, Жуковскій, Пушкинъ и Крыловъ
на гуляніи.

По фотографическому снимку съ картины Чернецова, написанной по приказу императора Николая Павловича (начало 30-хъ годовъ).

VI.

Трумфъ (или Подщипа).

1800.

Шуто-трагедія въ двухъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ.

Шуто-трагедія „Трумфъ“ или „Подщипа“ пользовалась большою популярностью въ началѣ XIX в. и расходилась по всей Россіи во множествѣ списковъ.

Подлинная Крыловская рукопись до насъ не дошла, но въ бумагахъ Лобанова сохранился списокъ (неизвѣстной руки), съ несомнѣнными поправками самого Крылова. Онъ былъ напечатанъ въ „Русской Старинѣ“ 1871 г. (т. III, стр. 163—200; поправки и дополненія — стр. 536, 643—646). На немъ сохранилась очень важная надпись: „Сочиненіе И. А. Крылова. 1800 года въ селѣ Казацкомъ“[1].

Еще раньше по неизвѣстному, очень плохому списку „Трумфъ“ былъ изданъ въ Берлинѣ. Въ Петербургѣ въ 1880 г. онъ былъ изданъ въ третій разъ по старинному списку Вессели, въ общемъ неважному.

Въ основу нашего текста положены: 1) Лобановскій текстъ, 2) списокъ изъ библіотеки Сандунова, пріятеля Крылова, первыхъ годовъ XIX в. по почерку, принадлежащій Историческому Музею (Чертковской библіотекѣ) и 3) принадлежащій намъ старинный списокъ. Въ виду того, что во всѣхъ этихъ спискахъ есть очевидные пропуски и недоразумѣнія, мы, путемъ сличенія ихъ со всѣми другими изданіями[2], дѣлаемъ дальше попытку возстановленія основнаго текста — примѣнительно, конечно, къ текстамъ Лобановскому и Сандуновскому.

О томъ, при какихъ условіяхъ былъ сочиненъ „Трумфъ“, мы имѣетъ два очень важныхъ свидѣтельства.

[1] Этимъ опровергаются указанія Бантыша-Каменскаго (Словарь, II 1847, стр. 175) и Плетнева (Соч., II, 64), будто бы „Трумфъ“ сочиненъ въ Ригѣ и исправляется хронологическая ошибка Лобанова (сочиненъ будто бы въ Казацкомъ въ 1798 г. — „Жизнь и соч. Крылова“, стр. 24).

[2] Воспользовались мы также и рукописью Полторацкаго (Румянцевскій Музей) и рукописью Публичной библіотеки (F. XIV. № 61).

По словамъ Лобанова (l. c., стр. 24, 30), „въ 1798 году Крыловъ находился въ помѣстьи кн. С. Ѳ. Голицына, бывшаго впослѣдствіи рижскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ. По приглашенію хозяина, чтобъ молодые люди, находившіеся тогда въ его домѣ, выдумывали бы какія-нибудь забавы и веселились, Крыловъ, будучи въ самомъ юмористическомъ расположеніи духа, написалъ „Трумфа". При чтеніи его, говорилъ онъ, всѣ помирали со смѣху. Это самое повторяется и теперь со всякимъ, въ первый разъ читающимъ эту піесу... Это шалость, это проказа таланта. Но разсыпать въ шутовской піесѣ столько веселости, столько остроты и сатирическаго духа — могъ одинъ Крыловъ! И въ этомъ родѣ, каковъ онъ ни есть, въ русской словесности нѣтъ ничего подобнаго. Созданія характеровъ Вакулы, Подщипы и Слюняя суть созданія каррикатурно-геніальныя".

Отъ ученицы Крылова (въ Казацкомъ), М. П. Сумароковой, Я. К. Гротъ (Труды, III, СПБ., 1901, стр. 241—42) записалъ нѣсколько любопытныхъ дополнительныхъ свѣдѣній.

„Въ Казацкомъ, а не въ Зубриловкѣ, какъ до сихъ поръ думали[1], Крыловъ написалъ свою шуто-трагедію „Трумфъ". Эта пьеса играна въ деревнѣ; самъ авторъ исполнялъ роль Трумфа; роль цыганки онъ нарочно придумалъ для любимой имъ ученицы".

Въ „Трумфѣ" рано начали видѣть что то запретное и оппозиціонное — на основаніи цѣлаго ряда недоразумѣній. Близость Крылова къ опальному въ то время кн. Голицыну заставила видѣть въ этой „шуто-трагедіи" памфлетъ противъ императора Павла и установившагося при немъ режима, хотя, при самомъ богатомъ воображеніи, трудно уловить черты сходства между преемникомъ „Семирамиды Сѣвера" и царемъ Вакулой и между тогдашнимъ положеніемъ Россіи и нашествіемъ Трумфа на столицу Вакулы. Крыловъ по характеру своему не былъ способенъ на такіе опасные памфлеты, которые въ ту смутную пору приводили иногда къ ужаснѣйшимъ наказаніямъ. Опальные вельможи отовсюду были

[1] Обыкновенно указывали не на Зубриловку, Стрелковскую деревню Голицыныхъ, въ которой жилъ Крыловъ, а на Ригу. Въ „Зап. Академіи Наукъ" (1862, II, 1, стр. 51) впрочемъ есть указаніе что Крыловъ будто бы въ Зубриловкѣ игралъ „Трумфа".

окружены доносчиками и сыщиками, и, конечно, самому кн. Голицыну не пришло бы въ голову рисковать изъ-за пустяковъ свободой, если не жизнью [1] ...

Трудно сказать, сознательно или безсознательно придалъ Крыловъ своему Трумфу типическія черты гатчинскихъ нѣмцевъ и ихъ ставленниковъ, нажившихъ свое счастье при дворѣ Петра III, захватившихъ власть при Павлѣ и съ удивительною цѣпкостью сумѣвшихъ сохранить ее и въ слѣдующія царствованія. Благодаря имъ, повидимому, пострадалъ кн. Голицынъ. Ихъ жизненные успѣхи настолько были велики, что позднѣе Ермоловъ не безъ юмора будетъ просить „перечислить его въ нѣмцы", а Чацкій будетъ изумляться,

Какъ съ раннихъ поръ привыкли вѣрить мы,
Что намъ безъ нѣмцевъ нѣтъ спасенья!

Позднѣе въ „Трумфѣ" начали видѣть намеки на пораженіе Наполеона и въ частности на его отношенія къ австрійскому двору, не замѣчая хронологической несообразности („Трумфъ" распространился въ спискахъ съ первыхъ годовъ XIX в., и написанъ былъ въ 1800 г.) и полной непримѣнимости содержанія шуто-трагедіи къ личности и дѣятельности „великаго корсиканца". Страхъ передъ „Трумфомъ" былъ настолько великъ, что за чтеніе его жестоко наказали и исключили однажды трехъ кадетъ [2].

На этой почвѣ сложилась нелѣпая легенда, которая нашла себѣ наиболѣе характерное выраженіе въ воспоминаніяхъ Макарова — о „Тріумфѣ" (sic!).

„Я зналъ на память рукописную комедію Крылова „Тріумфъ" (Вакула тожъ). За эту комико-сатирическую бутаду знаменитый баснописецъ чуть-чуть не угодилъ „въ мѣста отдаленныя". Выручила его изъ бѣды басня „Соловей", которую импровизировалъ онъ пріѣхавшему къ нему оберъ-полицеймейстеру (кажется, Горголи), съ зловѣщею миссіею: допросить и если что не такъ, отправить поэта куда, далеко, на каковой предметъ и пріѣхала вмѣстѣ съ начальствомъ полиція и повозка съ ухарской тройкой для далекаго путешествія. Импровизированная Крыловымъ басня, самая слабая изо всѣхъ его басенъ, кончалась слѣдующей дифирамбической лестью:

[1] Онъ былъ подъ надзоромъ полиціи.

[2] „Рус. Старина", 1895, XI, 190 (Воспом. Еленскаго).

„Я пѣлъ тебѣ, великій Александръ."

Поэтому, если справедливо, что „соловья баснями не кормятъ", то не менѣе справедливо и то, что полицію можно иногда накормить баснею, но съ прибавленіемъ соловья"[1].

Изданіе „Трумфа" за границей въ 1859 г. еще болѣе поддержало общую увѣренность въ его нецензурности, и только въ 1871 г. цензурный запретъ могъ быть снятъ. Между тѣмъ названіе „шуто-трагедія" и содержаніе комедіи ясно показываютъ, что главная цѣль Крылова была — осмѣяніе „ложно-величавой" классической трагедіи.

Классикъ по своимъ убѣжденіемъ, Крыловъ не разъ осмѣивалъ въ своихъ сочиненіяхъ фальшивый паѳосъ тогдашнихъ одъ и трагедій.

Его „Трумфъ", высмѣивая общіе недостатки тогдашней жизни или общечеловѣческіе пороки, примыкаетъ затѣмъ къ ряду пародій и травестій, въ которыхъ — сознательно или безсознательно — сказывалась реакція противъ крайностей и преувеличеній нашего классицизма, во имя неясной еще, но уже назрѣвавшей идеи литературной самобытности, реализма и народности. Смѣсь искусственнаго, взвинченнаго паѳоса (въ особенности въ рѣчахъ Подщины) съ грубоватымъ комизмомъ, характерна не только для „Трумфа", но и для всевозможныхъ" Энеидъ наизнанку", перелицованныхъ „Дидонъ", „Раздраженныхъ Вакховъ" и пр. Въ этомъ заключаются и его общій интересъ, и его историко-литературное значеніе [2].

Пріуроченію „Трумфа" къ 1800 г. противорѣчитъ замѣтка Быстрова въ „Сѣверной Пчелѣ" 1848 г. (№ 196): „И. А. Крыловъ и его піеса Трумфъ". Основана она, повидимому, на недоразумѣніи, такъ какъ идетъ въ разрѣзъ съ авторитетнымъ свидѣтельствомъ Лобановской рукописи и М. П. Сумароковой: Быстровъ что-то напуталъ, или Крылова обманула память. Вотъ что онъ писалъ: „М. Е. Лобановъ, въ біографіи Крылова, упоминая о „Трумфѣ", сказалъ, что эта шуточная трагедія написана И. А. въ

---

[1] „Мои семидесятилѣтнія воспоминанія и съ тѣмъ вмѣстѣ моя полная предсмертная исповѣдь" И. Макаровъ. Часть I. СПБ. 1881 г. стр. 99—100. Названіе басни и цитата изъ нея искажены. Это — „Чижъ и ежъ" (1814 г.).

[2] Кстати, отмѣтимъ одно любопытное бытовое совпаденіе: подобно Вакулѣ, Нарышкинъ во дворцѣ Екатерины забавлялся спусканіемъ кубаря. (Пекарскій, Екатерина II, 17).

1798 г., когда авторъ находилъ въ помѣстьѣ кн. С. Ѳ. Голицына. Это невѣрно. „Трумфъ“ написанъ Крыловымъ въ 1802 г. (И. А. самъ объ этомъ говорилъ А. Ник. [Оленину] и мнѣ), въ Ригѣ, когда онъ былъ на службѣ въ канцеляріи тамошняго военнаго губернатора, того же самаго кн. С. Ѳ. Голицына, и въ этомъ отношеніи эпоха карикатурно-геніальнаго созданія „Трумфа“ П. А. Плетневымъ опредѣлена вѣрно. „Трумфъ“ въ первый разъ представленъ былъ на домашнемъ театрѣ въ Пріютинѣ (прекрасная мыза А. Н. Оленина, продана имъ въ 1840 или 1841 годахъ г. д-ру Адаму), въ день именинъ супруги А. Н. Оленина, Е. М., 5-го сентября 1834 г. И. А. самъ хлопоталъ объ обстановкѣ піесы, выбиралъ способныхъ артистовъ и репертировалъ роли съ искусствомъ неподражаемымъ. Дѣйствующимъ лицамъ въ представленіи „Трумфа“ были: В. А. С-въ (Вакула), А. А. О[ленин]а (Подщина), П. П. Хр-въ (Слюняй), Д. П. Хр-въ (Трумфъ), К. Д. П. В. (Дурдурашь), А. Д. Б-ва (Черновка), В. А. О[ленин]а (Цыганка). Рукопись, по которой И. А. репетировалъ роли героевъ своей шуточной трагедіи, на другой день послѣ представленія піесы, авторомъ подарена была мнѣ. Это самый вѣрный списокъ съ подлинника, объ утратѣ котораго А. Н. крайне сожалѣлъ“.

Къ этому Быстровъ дѣлаетъ примѣчаніе: „однажды А. Н. Оленинъ спросилъ Крылова: „да гдѣ же твой автографъ, братецъ?“ – И. А. отвѣчалъ: „не знаю . . . не помню . . . давно пропалъ . . . кажется, взялъ Измайловъ . . . или Яковлевъ . . . право, не помню . . .“ (9 сент. 1835 г., въ Пріютинѣ).

Караты гинъ въ своихъ „запискахъ“ разсказываетъ (стр. 53), что его братъ Василій игралъ въ „Трумфѣ“, который ставился на домашней сценѣ у ихъ отца. „Трумфъ“ играли и ученики театральнаго училища (стр. 128).

Внукъ А. Н. Оленина, А. П., разсказывалъ намъ, что Крыловъ вообще очень высоко ставилъ свои драматическія произведенія, въ особенности „Трумфа“.

Дѣйствующія лица[1].

Вакула, царь.
Подщипа, княжна, дочь его.
Слюняй, князь, любовникъ Подщипы.
Трумфъ, принцъ нѣмецкій.
Дурдуранъ, наперсникъ Вакулы.
Цыганка.
Пажъ.
Чернавка, наперсница Подщипы.
Вельможи.

Дѣйствіе происходитъ въ палатахъ[2] царя Вакулы.

---

[1] Въ принадлежащемъ намъ спискѣ „Трумфа" Дурдуранъ названъ первымъ министромъ, а вмѣсто „Вельможи" указаны „министры и сенаторы". Дурдуранъ въ нѣкоторыхъ спискахъ называется Дундураномъ.

[2] Въ другихъ рукописяхъ — „въ престольномъ градѣ".

Дѣйствіе первое.

Явленіе первое.

Подщипа и Чернавка.

Чернавка.

Престанете ль, княжна, крушиться столько вы
И молодость губить?

Подщипа.

Увы . . . Увы . . . Увы!

Чернавка.

Ахъ, сжальтесь надъ собой: и такъ ужъ вы, какъ спичка,
И съ горя въ неглиже, одѣты, какъ чумичка:
Не умываетесь, я чаю, дней ужъ шесть;
Не чешетесь, ни пить не просите, ни ѣсть;
Склонитесь, наконецъ, меня, княжна, послушать:
Извольте вы хотя телячью ножку скушать.

Подщипа.

Чернавка милая! нетиту[1] нѣтъ совсѣмъ;
Ну что за прибыль ѣсть, коль я безъ вкусу ѣмъ?
Сегодня поутру, и то совсѣмъ безъ смаку,
Насилу съѣсть могла съ сигомъ я кулебяку.

[1] Аппетитъ.

Ахъ, въ горести моей до пищи ль мнѣ теперь?
Ломаетъ грусть меня, какъ агица лютый звѣрь.

Чернавка.

Лишь мѣру надо знать. Увы! и я не спорю,
Что много есть для васъ причинъ законныхъ къ горю,
Съ тѣхъ поръ, какъ Трумфъ, нѣмчинъ, красой твоей плѣнясь,
Проклятыхъ свахъ заслалъ, и, за отказъ взбѣсясь,
А болѣе за то, что любишь ты Слюняя,
Вошелъ войною къ намъ, все грабя и плѣняя;
Премудрый твой отецъ Вакула, свѣтлый царь,
Въ сенатѣ будучи, спускалъ тогда кубарь,
О близкой толь бѣдѣ когда ему сказали,
Всѣ мѣры предпринять указомъ приказали:
Чтобъ шить на армію фуфайки, сапоги,
И чтобъ пекли скорѣй къ походу пироги.
По лавкамъ въ тотъ же часъ за гакикой послали,
Намазали гуней, подкоски подвязали,[1]
Изъ старыхъ скатертей надѣлали знамень,
И цѣлый былъ поставъ блинами завалень!
Но ахъ! ужъ поздно все: Трумфъ подъ городъ пробрался,
Какъ вихрь, въ поляхъ взвился, и въ городъ онъ ворвался.
Ахъ, сколько видѣла тогда я съ нами бѣдъ!
Изъ-подъ носу у насъ сожралъ онъ нашъ обѣдъ,
Повыбилъ окна всѣ, изъ нашихъ генераловъ
Надѣлалъ онъ себѣ конюшихъ да капраловъ,
По бѣленымъ домамъ министровъ разсадилъ,
Всѣмъ графамъ и князьямъ затыки подобрилъ,
И ахъ! (какъ не пришибъ его тогда Микола?)
Онъ бѣднаго царя спихнулъ пинкомъ съ престола!
Что жъ дѣлать въ крайности и гибели такой?
Вакула, наконецъ, спастись хотѣлъ тобой,

[1] При Петрѣ III и Павлѣ солдаты носили косы, намазанныя салломъ и присыпанныя мукой.

И нѣмцу вдругъ твою онъ руку предлагаетъ!
Любовь и звѣрскія сердца превозмогаетъ:
Согласенъ Трумфъ за то корону возвратить,
И къ свадьбѣ пиво онъ скорѣй велѣлъ варить.

Подщипа.

А бѣдной князь Слюняй, съ его жестокой страстью,
Колико пораженъ такою сталъ напастью!
Увы! изъ дѣтскихъ я къ нему привыкла лѣтъ,
И съ нимъ завѣтнаго у насъ другъ другу нѣтъ!
Какъ вспомнить я могу безъ слезъ его всѣ ласки,
Щипки, пинки, рывки[1] и самыя потаски?
Дѣлали всѣ мы съ нимъ забавы межъ собой:
Катанья въ масляну, качели о святой;
Другъ безъ друга — увы! — въ горѣлки[2] не играли,
И вмѣстѣ огурцы по огородамъ крали . . .
А нынѣ, ахъ! за весь его любовный жаръ
Готовится ему несносный столь ударъ!

Чернавка.

Не скрою, что его опасно то здоровью:
Какъ рѣзью въ животѣ, онъ мучится любовью;
Но если спасть должна ты царево и отца,
Княжна! поступкомъ симъ ты всѣ плѣнишь сердца,
И скажетъ всякъ, что ты героевъ всѣхъ не ниже!

Подщипа.

Да! да - - разсказывай . . . рубашка къ тѣлу ближе!

Явленіе второе.

Тѣ же и Дурдуранъ (съ каплуномъ въ рукахъ).

Дурдуранъ (кланяясь низко).

Княжна, родительскій узнай къ себѣ приказъ,
И будь готова ты вѣнчаться черезъ часъ.

Вар.: [1] толчки.
Вар.: [2] мы въ жмурки.

Сейчасъ лишь каплуна я самъ купилъ на рынкѣ,
И нанялъ на́ вечеръ гудокъ да двѣ волынки.

Подщипа.

Что слышу!... ой, умру!... ой, тошно!... ой, животъ!... (упадаетъ въ кресла).

Чернавка.

Страшусь — она себя съ печали надорветъ!

Дурдуранъ.

Я знаю всю ея великой жертвы цѣну! (къ Чернавкѣ)
Понюхать бы дала царевнѣ ты хоть хрѣну!

Чернавка.

О бѣдная княжна! злосчастная любовь!
Хотя бъ рожечную[1] скорѣй пустить ей кровь.

Дурдуранъ (ощупывая княжну).

Смотри: копна конной! не можно съ мѣста сдвинуть!
Не лучше ль на животъ горшка ей два накинуть?

Подщипа (нѣсколько опамятовавшись).

Гдѣ я?... Скажите мнѣ: теперя ночь иль день?

Чернавка (щупая ей голову).

Царевна! что у васъ?

Подщипа.

Ваперы и миндрень[2].

Дурдуранъ.

Скрѣпися, о княжна, и дай ты Трумфу руку...

Подщипа.

О, нѣтъ! не вытерплю такую злую муку,
Зарѣжусь, утоплюсь...

Вар.: [1] разрѣзную.
[2] Мигрень, vapeurs — ипохондрическіе припадки.

Чернавка.

Опомнитесь, княжна! (Дурдурану)
Ну, что какъ сдуру то утопится она?

Дурдуранъ.

Нашъ царь предвидѣлъ все, и, отчимъ страхомъ движимъ,
Велѣлъ ей пузыри носить на мѣсто фижемъ,
Чтобъ, если кинется въ рѣку, наверхъ ей всплыть,
А за столомъ велѣлъ лишь жеванымъ кормить,
И чтобъ, спустя чулки, ходила безъ подвязокъ . . .
Ну пропадайте вы! мнѣ, право, не до сказокъ!
Мнѣ нынѣ случай есть явить весь разумъ мой:
Кухарка, чай, давно въ стряпущей ждетъ за мной,
А чтобъ гофмаршальской моей чинъ[1] достойно справить,
На кухню каплуна я самъ бѣгу доставить! (Уходитъ).

Подщипа.

Не сонъ ли это все? . . . не брежу ль я?

Чернавка.

Ахъ, нѣтъ!
Но укрѣпись, княжна! се, твой женихъ грядетъ!

Подщица.

О царской санъ! ты мнѣ противнѣй горькой рѣдьки.
Почто, увы! не дочь конюшаго я Федьки!

Явленіе третіе.

Тѣ же и **Трумфъ.**

Трумфъ.

Старофа ль, анкель мой! прелесна мой княшонъ!
Для шапалушна шасъ, кахта мой пудешъ шонъ,
Мой ноши весь не спитъ, и серца польна сшотся;

Вар.: [1] санъ.

Прелесна тфой фикуръ на мой туша пифется.
Курить ли трупка мой — изъ трупка тфой пихтишь;
Или мой кафе пиль — тфой въ пашенка сидишь.
Фезгѣ мой фидитъ тфой, на поля и на пушка,
И кочетъ ауфъ ейнъ маль[1] уфидѣть на патушка.
Карона, скиптра, тронъ и слафа[2] растѣлить,
И фмѣстѣ на слатѣй изъ пушенка палить.

Подщипа.

Конечно, государь, мнѣ много бъ было славы;
Но вспомни, что у насъ совсѣмъ различны нравы:
Ты любишь устрицы, а я ихъ не терплю;
Противны сочни[3] вамъ, а я ихъ смерть люблю.
Привыкъ ты на войнахъ гритѣть и жарь и холодъ,
И къ пищѣ всякой тамъ тебя привадитъ[4] голодъ;
А я лишь выборной[5] люблю вездѣ кусокъ:
Пѣтушьи гребешки, у курочки пупокъ.
Ты радъ дрянь всяку ѣсть, находишь вкусъ въ лягушкахъ,
А я у матушки взросла лишь на ватрушкахъ;
Ты храбръ; но съ нѣжностью и вкусомъ не знакомъ,
И за версту, о князь, воняешь табакомъ!
Помысли жъ, каково твоей мнѣ быть женою!
Подумай, государь, и сжалься надо мною!

Трумфъ.

Фуй! што тутъ налитьея: съ намъ путетъ пить утѣшна,
Кохта на цѣпки[6] насъ амурь[7] сафяшетъ[8] фѣшна:
Изъ крушенка отна мы путемъ пифа пиль,

---

[1] Auf ein Mal.
[2] Вар.: слафа, тронъ и сарство.
[3] Мучныя лепешки, изъ одной стороны пирогомъ, или кашею, затѣмъ согнутыя пополамъ и зажаренныя въ маслѣ. Вар. слизни и клецки.
[4] Вар.: приводитъ.
[5] Вар.: выбраной.
[6] Вар.: сфѣтѣ.
[7] Вар.: люпофь.
[8] Вар.: сопряшетъ.

Изъ трупошка одна тапахъ съ тапой куриль;
Не путеть мала твой ни томикъ[1], ни палатка,
Ни платьиса пахать, ни санка, ни лопатка:
Все это путить таль! Не тушь, мейнъ герцъ[2], не тушъ,
Шестна паролъ тебѣ: мой путеть топра мушъ.

Подщипа.

Нѣтъ, нѣтъ, о государь! не льсти себя напрасно!
Боюсь, съ тобою мнѣ супружество ужасно!

Трумфъ.

Пансь, со мной? Кафо? на всѣхъ стрѣляй фелитъ!
Не пось! не тамъ тепѣ, красафисъ мой, фъ опитъ;
На тфой крофать къ тепѣ подсунься лишь тѣтинка,
Мой псарь тотьшасъ ему тафай фухтель[3] на спинка.
Мой стѣлай, штопъ нихто на твой не мохъ[4] клядить,
И въ спальна сарска къ намъ нихто не смѣй кадить:
Ни крафа, ни министръ, ни сама кенерала,
Отна фельдфебель мой, ундъ два иль три капрала.

Подщипа.

Я музыку люблю.

Трумфъ.

О! мусикъ слафна нашъ!
На кларинеть тенѣ всекта катофа[5] маршъ;
Тва тонка флейтошка, та тольста гва тимпана,
Симфонья на опѣтъ намъ стѣлай съ паранана!

Подщипа.

До танцевъ страстна я.

Трумфъ.

Мой путетъ палъ тафаль,

---

[1] Вар.: садикъ.
[2] Вар. моя трукъ.
[3] Вар.: смѣлъ.
[4] Палочные удары.
[5] Вар.: икрай я путитъ.

И станетъ пиль тафо, кто не буль тансоваль.
Мой любитъ феселъ шить[1], скакать, плясать, рѣсь-
фиться,
И палькой на дворца сканяитъ феселиться.
Фикляра, покуса тебѣ, на кашта шасъ,
Каметья, кукла, фсе, фсе путетъ пиль у насъ!

Подщипа.

Я не люблю тебя, мнѣ видъ противенъ твой!

Трумфъ.

Не люпишъ? . . . Этафа стерпѣль не мошна мой!
Протифна Трумфъ? . . . Фай, фай! такая поруканья
Тастойна саслушить тяшела пакасанья.
Некотна тѣфка! Твой протифенъ мой фикуръ,
Кахта сфѣтлѣйша ей принсеса стѣлай куръ!
Мой снаетъ фсе: Слюняй тфои такъ мысли[2] лятитъ:
Но мерска сей рифаль[3] мой вмикъ на колъ посатитъ.
Смотри, я не шути, кахта пуфай сертитъ.
Люпи менѣ, коль пиль не хошешъ польна питъ!
Рукаться на мене не тамъ тепѣ поташка,
Коль пиль не хошешъ шопъ, такъ мой ты путешъ
прашка!

Подщипа.

Тиранъ! не устрашишь ты сердце тѣмъ мое:
Въ моемъ несчастіи сноснѣй мнѣ мыть бѣлье,
Когда бы только князь Слюняй носилъ мнѣ воду,
Чѣмъ быть супругою столь скверному уроду[4].

Трумфъ.

Деръ-тейфель! мой уротъ? Сносить нѣтъ польша
мошъ!
Ну, фотъ саплатъ са фесь моя люповь! . . . карошъ!

---

[1] Вар.: самъ.
[2] Вар.: Слова твои такъ.
[3] соперникъ.
[4] Вар.: страшному, гнусному.

Мольши! на кородъ сѣсь не путетъ шифъ ни мушка,
Сей шасъ пашолъ фелѣть на фсѣхъ стрѣляй изъ пушка. (Уходитъ.)

Подщипа.

Стунай, тиранъ! твоихъ я ядеръ не боюсь,
О князѣ бѣдномъ лишь своемъ слезами лью́сь [1].

Явленіе четвертое.

Подщипа, Чернавка и Слюняй.

Слюняй (показываясь потихоньку).

Князна! усей и онъ? Ну, бьятъ, какой сейдитой!
Онъ съядитъ хоть бы съ кѣмъ, хоть съ куцеіемъ Микитой!
Пьеесная! какъ я бояйся за тебя!
Узъ такъ за двейью тамъ земъ я сзяй себя,
Ну, такъ и думаю, убьетъ ее до смейти.
На сню побьян ево отсейѣ цейти!

Подщипа.

Что бъ сдѣлалъ ты, мой князь?

Слюняй.

Ну такъ бы и завый!
Безъ миенькой князны куда бъ я годенъ бый?

Подщипа.

Ужли бы симъ мечомъ ты не сразилъ злодѣя?
Скажи, любезной князь! утѣшь меня скорѣя!

Слюняй.

Да, да, подсунсяя-ка къ его ты паясю:
Вить деевянную я спагу то носю!

Чернавка.

Возможно ль, государь!

Вар.: [1] Слюняѣ я страшусь.

Слюняй.

А какъ бы ты хотѣя?
Мнѣ матуска носить зеѣзной не вѣя.

Чернавка.

Но если, князь, на васъ напасть дерзнулъ бы кто . . .

Подщипа[1].

Что бъ сдѣлалъ ты тогда?

Слюняй.

А ноги то на сто?
Небось, какъ дамъ стьецка, такъ поминай, какъ звали!

Подщипа.

Увы, безцѣнной князь! съ тобою мы пропали!

Слюняй.

Ой! какъ мнѣ быть, какъ ты пойдесь съ дьюгимъ къ вѣнцу!
Я такъ тебя юбью: ну пусце еденцу.
Ты знаесь, миня, моей венкость [2] стьясти;
Подумай, какъ бы намъ спастися отъ напасти.
Кой выйдесь за него, не быть со мной добью.

Подщипа.

Отъ нажимацiи [3] одной лишь я умру.
Чернавка милая! бѣги, бѣги скорѣе —
Сказать родителю, что жизнь мнѣ смерти злѣе,
Когда съ Слюняемъ я любезнымъ разлучусь.
Что вѣчно Трумфовой я быть не согласусь;
Скажи родителю, чтобъ онъ со мной скоряе

---

[1] Въ другой рукописи эти слова приписаны Чернавкѣ: скажи жь: чѣмъ спасся бъ ты?

[2] Вар: всю вѣйность.

[3] Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ эти слова приписаны Слюняю. Вар. мазинацiи отъ франц., imagination, воображенiе.

Увидѣлся сейчасъ тихонько хоть въ сараѣ,
Чтобъ тамъ придумать намъ нѣмчину [1] обмануть.
И голову ему, какъ пѣтуху, свернуть!
Бѣги, лети къ нему!

Чернавка.

Бѣгу, но все напрасно! (Уходитъ.)

Явленіе пятое.

Тѣ же кромѣ Чернавки.

Подщипа.

Такъ, такъ! напрасно все! и я то вижу ясно.
Но есть еще одно прибѣжище [2] у насъ,
И смерть отъ хищника спасетъ насъ сей же часъ.
Скажи, мой [3] князь, въ любви ты мнѣ не лицемѣришь?

Слюняй.

Хоть пьесягнуть готовъ! узы ты мнѣ не вѣнсь?

Подщипа.

Готовъ ли вмѣстѣ ты со мною умереть?

Слюняй.

Позяюй!

Подщипа.

Вмѣстѣ намъ пріятна будетъ смерть.
Пойдемъ же, кинемся [4] сей часъ стремглавъ въ окошко,
И сломимъ головы (хватитъ его за руку).

Слюняй.

Постой, постой немноško

Вар: [1] намъ придумать, какъ нѣмчина.
Вар.: [2] для. [3] Вар.: мнѣ, князь. [4] Вар.: бросимся.

Отсѣй вить высоко: позяюй, бьесюсь я,
Да [1] тойко, знаись сто: изъ низняго зійя.

Подщипа.

Я вижу, смерти родъ [2] такой тебѣ ужасень;
Но менѣе ль, скажи, злодѣй для насъ [3] опасень?
Вить умереть [4] же намъ, а, можетъ, насъ убьютъ:
Пойдемъ же, бросимся съ тобою вмѣстѣ [5] въ прудъ,
И Трумфу нашему тѣмъ досадимъ злодѣю.

Слюняй.

Позяюй . . . тойко я вить пьявать не умѣю!

Подщипа.

Жестокій! робостью ты бѣдъ моихъ не множь:
Ну, хочешь ли . . . вотъ я украла въ кухнѣ ножъ:
Зарѣжемся! . . мы тѣмъ отъ бѣдъ себя избавимъ,
И наши имена навѣкъ съ тобой прославимъ.

Слюняй.

Извой.

Подщипа (подавая ему ножъ).

Начни жъ.

Слюняй.

Гьяди.

Подщипа.

Увы! [6] я вся дрожу.

Слюняй (отдавая ножъ).

Киязна! заѣсся ты, я пьездѣ погьязю.

Подщипа.

О варваръ! такъ то ты въ любви своей мнѣ клялся?
Гдѣ нѣжность вся твоя, гдѣ пламень твой дѣвался?
Прочь, прочь! я болѣе тебя ужъ не люблю,

Вар.: [1] И. [2] Вар.: рокъ. [3] Вар.: Но меньше ль тебѣ, скажи, злодѣи опасень? [4] Вар.: умирать. [5] Вар.: Съ тобой хотя мы. [6] Творецъ! Ахти!

И вида твоего слюнявый [1], не терплю!
Прости . . . [2] любимымъ быть ввѣкъ счастья ты [3] не вкусишь!
Прямой Слюняй, когда зарѣзаться ты трусишь!
(Уходитъ.)

Явленіе шестое.

Слюняй одинъ.

Слюняй.

Да, видись, бьятъ! насья, небось, ты дуяка!
Заѣсься-ка сама, кон юка ехка;
И я [4] не пьемахъ вить, меня ты не обманесь!
Цейкнуться дойго и, а посьѣ и не встанесь!
Нѣтъ, сто не говон, я смейги не юбью,
Хотя отъ миенкой и гибвъ за то тейпью.
Да посьѣ помнюсь, пьивьюся, пьяскаюсь,
И сто я зить хощу—ей искьенно [5] пьизнаюсь.
Ну, пьяво, какъ она ни спой себѣ со мной,
А все вить я таки утѣсньѣ зивой!

Явленіе седьмое.

Дурдуранъ, Слюняй, Вакула, пажъ съ кубаремъ и вельможи.

Вакула.

А слышь ты, господа! мы столъ велимъ поставить,
Чтобъ царскій мой совѣтъ, какъ надобно исправить;
Да, слышь, подумаемъ.

Дурдуранъ.

Скорѣй внесите столъ.
Боюсь лишь, чтобъ нѣмчинъ насъ не всадилъ на колъ!

Вар.: [1] Слюнси, я. [2] Прощай. [3] Быть нѣжнымъ ввѣкъ ты счастія. [4] Я самъ. [5] Истинно.

Вакула.

Нѣтъ, въ рынокъ онъ пошелъ [1] теперь за башмаками,
Чтобъ, слышь ты, танцовать ужо на балѣ съ нами;
А у меня межъ тѣмъ подкупленъ ужъ звонарь . . .

Пажъ.

Велите ли теперь [2] спустить себѣ кубарь?

Вакула.

Тотчасъ [3], слышь, погоди! Ну, слышь, чтобъ съ колокольни
Звонарь, какъ сычъ, глядѣлъ во всѣ мѣста окольни.
И далъ бы знать, когда воротится нѣмчинъ.
Молчи: мы, слышь, ему сготовимъ добрый блинъ!
Садитесь же (всѣ садятся; Вакула беретъ первое мѣсто).
Ну, вотъ, бояре, въ чемъ все дѣло:
Насъ сѣмя вражье здѣсь нѣмчинско одолѣло;
Вить, слышь, сказать—такъ стыдъ, а утаить такъ—грѣхъ:
Я, царь, и вы, вся знать, мы курамъ стали въ смѣхъ.
Намъ, слышь, по улицамъ ребята всѣ смѣются;
Вездѣ за нами гвалтъ [4] — обѣсь знаетъ, гдѣ берутся!
Частехонько — ну страмъ! — нѣмчину [5] рессоры.
Подъ царскій, слышь ты, задъ даютъ мнѣ киселя!
Самъ Трумфъ, ругаться вамъ ставъ заражень повадкой,
Слышь, вамъ [6] велитъ носить кафтаны вверхъ подкладкой.
И ужъ задумалъ, слышь, содрать [7] съ васъ парики,
Чтобъ лошадямъ своимъ свалять ихъ въ потники.
Такъ, знашь, [8] нельзя ль самимъ содрать съ него намъ кожу,
Иль, слышь, хоть, отманя къ сторонкѣ, треснуть въ рожу,

Вар.: [1] пошелъ на рынокъ онъ. [2] Прикажете ли намъ спустить теперь. [3] Постойка. [4] Въ гонъ, слышь. [5] Нѣмчина. [6] Вѣмъ. [7] Сорвать. [8] Слышь.

Да вонъ и съ челядью его отсель [1] прогнать?
Ну, такъ ли, господа? Такъ, слышь, сберемъ мы рать!..

Слюняй.

Надёза Государь! вить я въ совѣтъ не пузенъ?

Вакула.

Ты зеленъ еще, князь! Ступай и будь на ужинъ.
Поцицина, слышь ты, мнѣ теперь сказала все . . .

Слуняй.

Пьянай я!

Вакула.

Я съ тобой ужъ помирилъ ее;
Небось [2], слышь, погоди, я [3] съ басурманомъ слажу!

Слюняй.

Езонъ! [4] Такъ я пойду на голюбятню сьязю! (Уходитъ.)

Явленіе осьмое.

Тѣ же, кромѣ **Слюняя.**

Вакула.

Ну, что жъ придумалъ ты, мой дорогой совѣтъ? (Встаетъ и подходитъ къ одному изъ вельможъ.)
А, слышь ты, въ помощи намъ недостатка нѣтъ! (Подаетъ бумагу.)
Прочти, какую намъ сосѣдъ даетъ помогу!
Не безъ кумовъ то вить и я здѣсь, слава Богу!
Ну что жъ, прочелъ ли ты?

Дурдуранъ (привстаетъ).

Онъ слѣпъ, о Государь!

Вакула.

Такъ, слышь ты, не прочтетъ?

Вар.: [1] Отсель его. [2] Молчи. [3] И. [4] Узіо.

Пажъ.

Прикажете ль кубарь?

Вакула.

Тотчасъ, слышь! (Подходя къ другому) Ну такъ ты скажи
свое, слышь, мнѣнье [1],
И докажи свое и знанье и умѣнье:
Съ чего бы заговоръ намъ лучше свой начать,
Умненько произвесть и славно окончать!
Ну, что же думаешь [2]? Скажи хотя ты [3] слово.

Дурдуранъ (привстаетъ).

Онъ нѣмъ, о Государь!

Вакула.

Ну, вотъ тебѣ здорово! (Подходя къ третьему.)
Скажи же ты хотя [4], какъ горю пособить,
А я, ну. право, слышь, не знаю, какъ и быть!
Эхъ, слышь, ну что жь ты сталъ? (Толкаетъ его въ бокъ.)

Дурдуранъ (привстаетъ).

Онъ, государь, не слышитъ.

Вакула (бросаясь къ четвертому).

Хоть ты!

Дурдуранъ.

За старостью, о царь, едва онъ дышитъ.

Вакула.

Ну, братъ, слышь . . .

Пажъ.

А кубарь то вить готовъ совсѣмъ [5]!

Вакула.

Ну, ладно же, такъ мы въ столовую пойдемъ.

[1] Вар.: Постой ты, слышь! Ну ты скажи свое намъ мнѣнье.
[2] Ты молчишь?
[3] Одно хоть.
[4] Хотя ты мнѣ.
[5] Предшествующихъ словъ Вакулы въ нѣкоторыхъ рукописяхъ нѣтъ, а пажъ говоритъ: А у меня кубарь новый, готовъ совсѣмъ.

А вы (къ совѣту), слышь, думайте, да не сходя со стула,
А я, слышь, подмахну вамъ тотчасъ: царь Вакула [1].

(Уходитъ.)

Дурдуранъ.

Молчите жъ, ни гу-гу! и думать мы [2] начнемъ;
А что придумаемъ, царю то донесемъ.

(Одинъ послѣ другого начинаютъ зѣвать и дремать. Всѣ засыпаютъ и храпятъ; занавѣсъ опускается.)

Вар.: [1] И помните, что я нашъ мудрый царь Вакула. [2] Всѣ.

Дѣйствіе второе.

Явленіе первое.

Вакула и Подщипа.

Вакула.

Ну, ну, не видывалъ такой бѣды я съ-роду!

Подщипа.

Что, что ты, отче мой?

Вакула.

Ну, ну, слышь, радъ [1] хоть въ воду!

Подщипа.

Какою новою намъ рокъ грозитъ бѣдой?
Не новый ли [2] злодѣй идетъ на насъ войной?

Вакула.

Вотъ вздоръ бы, слышь, какой; на то вить есть солдаты!
Пускай бы и дрались они себѣ изъ платы.

Подщипа.

Или противъ твоей особы заговоръ?

Вар.: [1] Ну радъ, слышь, ты. [2] Новою ль.

Вакула.

Нѣтъ, нѣтъ, совсѣмъ не то! ты слышь, болтаешь вздоръ.

Подщипа.

Какое жъ новое [1] пасть горе отолѣло?
Не хлѣба ль недородъ?

Вакула.

А, мнѣ, слышь, что за дѣло?
Я развѣ даромъ царь? —Слышь, лежа на печи,
Я и въ голодный годъ ѣсть буду [2] калачи.
Да дѣло все не въ томъ, моя бѣда сильнѣе:
Ну, слышь ты, ничего мнѣ не было больнѣе . .

Подщипа.

Такъ вѣрно Трумфъ? . . .

Вакула.

Охъ, нѣтъ!

Подщипа.

Такъ что жъ, о государь?

Вакула.

Ну, слышь, проклятый пажъ мой изломалъ кубарь.
Я имъ съ ребячества донынѣ забавлялся,
А слышь, теперь хоть кинь [3]; ну, такъ бы разорвался!

Подщипа.

Я думала другой печали сей предметъ,
И знавши [4], государь, что собралъ ты совѣтъ . . .

Вакула.

То дѣло инное [5]! чтобъ имъ придать охотки,
Такъ я послалъ въ совѣтъ салакушки да водки,
Пускай ихъ думаютъ: авось придетъ чередъ

Вар.: [1] Наконецъ. [2] Стану. [3] Брось. [4] Узнавши. [5] Иное дѣло то.

И намъ, Подщипушка, у нѣмца [1] взять передъ.
Когда бъ не пажъ и я бы, можетъ, что затѣялъ.
Да онъ проклятой, слышь ты, мысли всѣ разсѣялъ.
А вотъ и Дурдуранъ! слышь что то онъ несетъ?

Явленіе второе.

Тѣ же и Дурдуранъ.

Вакула.

Ну что же сдѣлалъ, слышь, премудрый мой совѣтъ?

Дурдуранъ.

Штофъ роспилъ вейновой [2], разъѣлъ салакушъ [3] банку,
Да присудилъ, о царь, о всемъ спросить цыганку [4],
Котора на мосту [5] премудростью живетъ,
И знаетъ наизусть, что будетъ за сто лѣтъ;
Какъ отымалками, [6] бѣсами помыкаетъ [7],
И часто за усы ихъ старшаго таскаетъ.
И словомъ, приговоръ совѣта былъ таковъ,
Что голова ея всѣхъ вмѣстѣ ихъ головъ
Умнѣе во сто разъ, а, можетъ быть, и болѣ.

Вакула.

Ну, что же? Вить [8] за ней послать то въ нашей волѣ:
Пошли-ка поскорѣй!

Подщипа.

Пошли, душа моя!
Поворожитесь-ка [9], кому достанусь я.

Вакула.

Да еслибъ занялъ ты мнѣ для нея полтинникъ . . .
Скажи-тка, будто я, ну слышь, ты именинникъ,

Вар.: [1] нѣмцевъ. [2] Виноградной. Вар.: пѣнаго. [3] Вар.: салакушки съѣлъ. [4] Вар.: привесть на помощь къ намъ. [5] Которая, о царь! [6] Тряпка, употребляемая для выниманія горшковъ изъ печи. Вар.: какъ атаманъ, она. [7] погоняетъ. [8] Слышь. [9] Вар.: она поворожитъ, пускай поворожитъ.

Такъ мнѣ подарками тутъ съ рубль перепадетъ,
А между тѣмъ она пускай, слышь, подождетъ.

Дурдуранъ.

О всемъ придумалъ я, и трудность опрокинулъ:
На подданныхъ твоихъ [1] я пошлину накинулъ;
А за цыганкою послалъ ужъ ходока.

Вакула.

Да вотъ, слышь, и она. Экъ, на поминъ легка!

Явленіе третье.

Тѣ же и **Цыганка.**

Цыганка.

О чемъ кручинень, царь, и что на сердцѣ [2], знаю:
Прошу рубля, такъ я [3] на ручкѣ загадаю,
Все про хорóшенько [4] и дóбренько скажу.
Ой, дай же рубóличекъ, царю [5] поворожу!

Подщипа (подаетъ руку).

Скажи, цыганка, мнѣ, да будь лишь [6] справедлива . . .

Цыганка.

Ой, все я знаю, все! то ученька счастлива!

Вакула

(выдергиваетъ руку Подщипы и подаетъ свою).

Постой-ка! руку ты и послѣ можешь дать.
Тутъ, слышь, о царственныхъ [7] дѣлахъ хотятъ гадать.
Скажи-ка—отъ тебя я свѣта [8] ожидаю . . .

Цыганка.

Да дай же рубличекъ, добренько загадаю.

Вар.: [1] На кошель, государь. И на народъ. [2] Я точно, сердце. [3] Пожалуй рубль. Ой дай же рубличекъ! [4] Все хорошехонько. [5] Такъ я. [6] Же. [7] Государственныхъ. [8] Совѣта.

Подщипа.

Ахъ, мнѣ о женихѣ!

Вакула.

Нѣтъ, нѣтъ, слышь, мнѣ скажи . . .

Дурдуранъ.

Вотъ рубль (даетъ деньги).

Вакула.

Да вотъ, слышь, рубль, такъ мнѣ поворожи.

Цыганка (смотря на руку Вакулы).

Богата рученька, разумная головка [1]!
Ой, много мозгу въ ней!

Вакула.

Ну, слышь, пряма [2] колдовка.

Цыганка.

Кручины много есть.

Вакула.

Ну, тото жъ, какъ же быть?
Не вздумаешь ли ты, [3] какъ горю пособить.
Отворожи-тка намъ отселѣ ты [4] нѣмчина.

Цыганка.

Черноволосый гогъ [5], такой большой дѣвица,
На сердцѣ у тебя?

Вакула.

Какъ жерновъ, слышь, лежитъ!

Цыганка.

Онъ худо [6] думаетъ.

Вакула.

Чтобъ взялъ его, слышь, жидъ!

Вар.: [1] Счастлива рученька, талантлива. [2] Ги вирямъ. [3] Скажи хотя ты мнѣ. [4] ты отсюда намъ. [5] онъ. [6] дурно.

Цыганка.

Все угадала я; да [1] всѣмъ болтать не стану,
А за секретъ [2] скажу лишь только Дурдурану.
Когда исполнить онъ совѣтъ мой точно весь,
Такъ вмигъ и съ челядью не будетъ нѣмца здѣсь!

Вакула (Дурдурану).

Слышь, слушайся жъ ея!

Дурдуранъ.

Хоть то мнѣ и обидно,
Но если царь велитъ, такъ мнѣ [3] ничуть не стыдно.

Подщипа (перебивая).

Скажи жъ, любезная, и мнѣ ты [4] поскорѣй
И худо, и добро объ участи моей.

Цыганка.

Прекрасна ученька, талантлива, счастлива;
А есть кручинушка!

Подщипа.

Охъ, тише! я стыдлива.

Цыганка.

Сердечушко твое, княжна, заражено [5],
Ну, хочетъ, кажется, вонъ выпрыгнуть оно.
Пригожій молодецъ! какъ яблочко наливно . . .

Подщипа.

Охъ, стыдно, стыдно мнѣ!

Цыганка.

Однакожъ не противно?

Подщипа.

Ну, нѣтъ . . . да буду ли сегодня я за нимъ?

Вар.: [1] но. [2] на ушко. [3] тотъ. [4] цыганка, мнѣ, да только. [5] за ложено.

Вакула.

Княжна! слышь, надо дать подумать время имъ!

Цыганка.

Да, дай же рубличекъ! [1]

Вакула.

Молчи! когда отмщу злодѣю,
Такъ, слышь, сошью тебѣ кумашну тѣлогрѣю.

Явленіе четвертое.

Тѣ же и Трумфъ (вбѣгая въ бѣшенствѣ).

Трумфъ.

Фай, фай! проклята тфарь! сабашье скверна тѣть!
Какъ можно тумать такъ, упить меня катѣть [2]:
Прекрасна та прошектъ! мой очень плакатарить!
Но преште фея вашъ ротъ на кухня мой испарить [3]!

Вакула.

Помилуй, государь! я слышь . . .

Трумфъ.

Помилюй — нѣтъ!
Проклята фаша гухъ [4], какъ стерфа [5], пропатетъ;
Я снай вся умысла и фаша сакофора:
Сейчасъ я тфой пояръ потслюшаль у сапора.

Дурдуранъ (въ сторону)

Пропали мы!

Вакула.

Бѣды!

Подщипа.

О, ты, жестокій рокъ!

Вар.: [1] Что жъ за труды? Ну дай же рубль! [2] упить меня фелѣть. [3] на фертель мой испарить, на фергеля посадить. [4] ротъ. [5] шерфя.

Трумфъ.

Да, пратъ: и на моя калофка буль умокъ;
Мой снаетъ плютня тфой, и са такая шашня [1]
Мой путетъ фасъ сашай на сѣпи [2] и на пашня,
Да на раношій домъ фасъ путетъ посылать,
И кромѣ клѣпъ та фотъ вамъ кушать не тафать.

Вакула.

Помилуй, государь! я, слышь, впередъ не буду,
Попуталъ бѣсъ меня!

Трумфъ.

Фонъ, стара песъ, отсюду!
(Вакула уходитъ.)

Подщипа.

Ужели нѣтъ и мнѣ пощады никакой? [3]

Трумфъ.

О, китра польно тфой [4]! Мольши, красафисъ мой!
Пошоль, пошоль! теперь [5] мой дастъ на фсе указа.
(Подщипа уходитъ.)

Дурдуранъ.

Я тѣломъ [6], ни душой . . .

Трумфъ.

Ти, клупая прокаса!
Ти много финофатъ! маршъ, маршъ, мой каспатинъ:
Твой тотчасъ пудетъ [7] сутъ и палошка на спинъ.

Дурдуранъ.

Позвольте выдти мнѣ.

Тріумфъ.

Пашоль, пашоль, сапака!
На фешеръ путу галь вамъ тобра перетряка. (Дурдуранъ уходитъ.)

Вар.: [1] Я конши тотчасъ всѣ сатански ваша шашня. [2] яма. [3] чѣмъ я, о государь, виновна предъ тобой? [4] Ты. [5] Сейшасъ. [6] Ни тѣломъ. [7] Тѣлай.

Явленіе пятое.

Трумфъ и Цыганка.

Цыганка.

Во мнѣ, вить, нужды нѣтъ?

Трумфъ.

Постой, красафисъ мой,
Скаши мнѣ, тля шево твой присванъ на пакой?

Цыганка.

Хорошій молодецъ! царевна присылала,
И о тебѣ со мной все утро прогадала.

Трумфъ.

А што каталь такой [1]? мой скоро ль шоргъ восьметъ?
И скоро ль князь Слюняй на сфадьба съ ней пойтетъ?

Цыганка.

Ахъ, нѣтъ! лишь о тебѣ одномъ она тужила,
И любишь ли ее, о томъ лишь [2] ворожила [3].
Милѣе никого тебя ей, баринъ, нѣтъ,
И съ нетерпѣніемъ она день свадьбы ждетъ.

Трумфъ.

Не льшотъ тфой?

Цыганка.

Кетати ли? подумай самъ ладненько:
Ну гдѣ есть личико другое такъ бѣленько,
Гдѣ губки [4] толще есть [5], гдѣ гуще есть усы,
И у кого коса длиннѣй твоей косы?
Гдѣ есть такой носокъ, глазокъ, ротокъ [6], бородка
И журавлиная степенная походка?
Ну, есть ли дѣвушка иль мужняя жена,
Чтобъ на тебя взглянувъ, не ахнула она?

Вар.: [1] Скасала тфой? [2] все. [3] о томъ проворожила. [4] букл. [illegible] булки толще брово. [6] ротокъ, глазокъ.

Трумфъ.

Мой гумаль такъ, та квязь Слюняй мнѣ тутъ сатится. (Показываетъ на затылокъ.)

Цыганка.

Ну, вотъ великій страхъ! я рада побожиться,
Что, можетъ, до тебя казался онъ ей милъ,
Но нынѣ ты ея всѣ мысли полонилъ.
Подай-ка рученьку! Такъ, тутъ сидитъ дѣвочка,
И по тебѣ съ ума царева сходитъ дочка.

Трумфъ.

Са фѣстошка така не шаль [1] польтника даль.
Какта ти прафта мнѣ, сиканошка, скасаль.

Цыганка.

Я съ—роду не лгала.

Трумфъ.

Такъ тфой не лицемѣришь?

Цыганка.

Взглянись лишь [2] въ зеркало, такъ лучше [3] мнѣ повѣришь.

Трумфъ.

Та, та! то прафта тфой: мой фашна есть фикуръ!
Ступай ше, кралишка! кахта моя амуръ
Успѣха полюшитъ, я кликну тфой въ [4] палата,
И накрашенья тамъ фелика и поката;
Ноги [5], красафисъ мой, на домъ себѣ теперь.

Цыганка.

Спасибо, баринъ мой! (особо) и впредь цыганкамъ вѣрь!

Вар.: [1] Сейшасъ. О, я бъ хотяся тебѣ на шаль. [2] Взглянися, взгляни-тко. [3] больше. [4] Тфой будетъ на. [5] Ступай.

Явленіе шестое.

Трумфъ (одинъ).

Она скасаль не лошь. Уменъ, снать, эта тѣвка.
Я, прафо, подшутиль: молотникъ не въ истѣфка [1].

Явленіе седьмое.

Трумфъ и Слюняй.

Слюняй (вбѣгая и не видя Трумфа).

Ну вотъ и я пьисой!

Трумфъ (схватя его за воротъ).

Пати-ка, пратъ, сюта!

Слюняй.

Ай, смейть [2]!

Трумфъ.

Мнѣ ната ти!

Слюняй.

Пьисья моя бѣда!
Помнюй, дядюська [3]!

Трумфъ.

Нѣтъ, милуй [4] мой не мошна!
Смерть тфой.

Слюняй.

Пьяпай [5]!

Трумфъ.

Отъ тфой пришла мнѣ польно [5] тошно.

Слюняй.

Отецъ!

Вар.: [1] Безъ шутокъ. Не шушу. Нѣтъ истѣфка. [2] Пьяпай! [3] Батюська. [4] Помилюй. [5] Ой, смейть! [6] Ошень.

Трумфъ.

Фай!

Слюняй.

Гьяфцикъ!

Трумфъ.

Фсторъ![1]

Слюняй.

Сокьевисце мое!
Сіятейный!

Трумфъ.

Мольшать!

Слюняй.

Свѣтьѣйсій!

Трумфъ.

Ну! не кришать!

Слюняй.

Мусье,
Помиюй!

Трумфъ.

Нѣгь, съ топой мой кошегь траки[2].

Слюняй.

Ай, батюськи! пьяпай на мѣсто я собаки!

Трумфъ (вынимая шпагу)

Катофся умирай.

Слюняй.

Ой, смейтуська моя!
Помиюй! цѣмъ тебя пьягиѣвай стойко я?

Вар.: [1] Пашля! [2] тепѣ тамъ топра перебяка.

Трумфъ.

Не пугеть польше гфой Подщипа гѣлай куръ [1],
Я концу сей минуть тфой именъ и амуръ [2].

Слюняй.

Ой, ой!.,.

Трумфъ.

Но нѣтъ, хоть твой нефѣша и уротъ,
Я кочеть пошитай въ тепѣ твой кьыша ротъ. (Вынимаетъ шпагу.)

Слюняй.

И въ пьявду [3], я вить князь, не тойко бьягоёдный;
А ты со мной ссутій поступокъ стой [4] негодный.
(Особо). Авось онъ стьюситъ!

Трумфъ
(вынимаетъ пару пистолетовъ).

Такъ фибирай люпой!

Слюняй.

(Особо). Смотьи-ка, усь дангъ! (Трумфу). Спасибо, тьяфцикъ мой!
Да не заязенъ и?

Трумфъ.

Та, та! онъ сарешона;
Тафай сейшасъ [5] стрѣляй, кияшна шья будетъ шона.

Слюняй.

(Особо). Ой егце [6]! (Трумфу). Дядюська, я съ-еду не стьеяй.

Трумфъ.

Ну, ну! не то сейшасъ [7] я пуля посылай.
Стой тамъ!

Вар.: [1] Постѣ куръ. [2] тфой шасть и весь амуръ. Амуры твои всѣ съ ней амуры. [3] польявду. [4] твой. [5] И тѣ я тотшась. [6] Ну что ты. [7] тотшасъ.

Слюняй.

Съ умомъ и ты? Застьѣись вить до смейти!
(Особо). Князьну, юбовь, тебя — стобъ всѣ побьян цейти!

Трумфъ.

Фай, фай! какой твой князь? твой потла, мерска трусъ [1]!

Слюняй (кланяясь низко).

Сто хоцесь! виноватъ! а смейти я боюсь.

Трумфъ.

Стрѣляй!

Слюняй.

Ой, нѣтъ!

Трумфъ.

Такъ тфой со мной не кошетъ питься?

Слюняй.

Ну, самъ ты посуди [2], гдѣ мнѣ съ тобой возиться?

Трумфъ.

Я люпитъ тфой княшонъ.

Слюняй.

Ись тойко не убей!
Я отступьюсь совсѣмъ, вьятѣй позяюй ей!

Трумфъ.

Такъ слюшай ше, Слюняй! коль смерти тфой поится,
Такъ пить рифалемъ [3] мнѣ тепѣ стѣсь не гагится.
Смотри ше, вишлю я княшонъ къ тепѣ въ минутъ,
Но пуля въ лопъ тотъ шасъ, какта тфой путетъ плютъ.

Вар.: [1] [illegible] трянка князь! [2] засуди [3] Соперникомъ

Княгина укафари сейчасъ [1] со мной шениться;
Или на шпага мой котофа буть [2] сатиться . . .
Но фоть княгонь идеть, красависъ мила мой!
Смотри шъ: тотчасъ фѣшнать, иль прошъ калофка
тфой! (Уходитъ.)

Явленіе осьмое.

Слюняй (одинъ).

Слюняй.

Когда бъ она есце со мной не помнясь,
Или хотя бъ опять теней вновь [3] побьянясь,
А то бѣда пьисья [4]!

Явленіе девятое.

Слюняй и Подщипа.

Подщипа (вбѣгая).

Миръ, миръ! любезной князь,
Прости, коль дерзко я сказала, разсердясь!

Слюняй (особо).

Ахти! она меня есце спинѣе юбитъ!

Подщипа.

Слюняюшка, мой другъ!

Слюняй.

Ну, ну, совсѣмъ погубитъ!

Подщипа.

Жестокій, ты молчишь! того ль достойна я,
Когда сильнѣй огня къ тебѣ любовь моя!

Слюняй (особо).

Того то и боюсь!

Вар.: [1] тотшасъ. [2] тутъ. [3] тепея. [4] бѣда моя.

Подщипа (плачетъ).

Тронѝсь же хоть [1] слезами!
Взгляни ты на меня умильными глазами!

Слюняй.

Князьна! когда ко мнѣ ты истинно нѣзьна,
Такъ Тьюмфу юку дать севодни зъ ты дойзна.

Подщипа.

Ты ль это мнѣ сказалъ?... Душа летитъ изъ тѣла!

Слюняй.

Но мнѣ витъ гоёва моя не надоѣя!
Тьюмфъ именно сказай: кой сдѣянсь отказъ,
И не пойдесь къ вѣнцу съ нимъ сей зе самый цасъ.
Такъ онъ ... ну [2], видись и ... все это мнѣ [3] отпьятитъ,
И гоёву съ меня, какъ коценьку [4], схватитъ.
Такъ язсуди сама ...

Подщипа.

Умри жъ, любезной мой,
И понеси во гробъ любовь мою съ собой!

Слюняй.

Такъ ты намѣена?...

Подщипа.

Тебя хоть мертвымъ витъть,
И мертваго любить, а Трумфа ненавидѣть!

Слюняй.

Ахъ! онъ убьетъ меня!

Подщипа.

Мой князь, спокоенъ будь:

Вар.: [1] хотя. [2] го. [3] мнѣ готцасъ самъ. [4] Кочерижку.

Душа твоя ко мнѣ переселится [1] въ грудь;
Ты въ мысляхъ у меня и въ сердцѣ будешь вѣчно!
Я буду вспоминать . . .

Слюняй.

Бьягодаю сейдецно!
Князна, позмюста, кой юбись ты меня,
Такъ выдь ты [2] за него . . . .

Подщипа.

Какъ, какъ? [3] Чтобъ вышла я?
Ахъ, нѣжности моей ты мѣры всей не знаешь,
Когда поступокъ мнѣ столь гнусный предлагаешь!

Слюняй.

(Особо). Ну, вотъ тебѣ юбовь! (Подщипѣ). Пьеесная, увы!
За вѣйность эдаку мнѣ быть безъ гоёвы:
Застьѣитъ [4] онъ меня, отказъ его твой взбѣситъ.

Подщипа.

Пусть онъ тебя убьетъ, застрѣлитъ иль повѣситъ,
Но нѣжности къ тебѣ не премѣнитъ моей.

Слюняй (особо).

Стобы ты тьеснюя и съ нѣзностью своей!

Подщипа.

Чтобъ я оставила [5] тебя — избави Боже!
Люблю, люблю тебя, — ты мнѣ всего дороже!

Слюняй.

Ахти, бѣда моя! хоть тисе говои:
Онъ бьиско. Стьястью ты меня не умои.
Задуситъ онъ меня.

Подщипа.

Пусть онъ тебя задушитъ,

Вар.: [1] И вѣрь, твоя душа ко мнѣ вселится. [2] выйди. [3] князь (заѣзетъ. [5] избавила.

Но вѣрности [1] моей ни мало не нарушитъ [2];
Чѣмъ я горжусь [3], о томъ чтобъ стала я молчать!
Люблю, люблю тебя, и буду то кричать!

Слюняй.

Ей-ей, конецъ пьисой! надезды бойсе нѣту!

Подщипа (громче).

Люблю, люблю тебя! будь то извѣстно свѣту!

—

Явленіе десятое.

Прежніе и **Пажъ.**

Пажъ.

Княжна! немедленно ступай ко [4] алтарю!
Ужъ велѣно звонить къ вечернѣ звонарю;
А если вздумаешь хоть мало куралесить,
Такъ есть [5] приказъ за то Слюняя вмигъ повѣсить.

Слюняй.

Гоюбуска, поди! кьясавица моя!

Подщипа.

Скажи, что никогда!

Слюняй (зажимая ей ротъ).

Опомнись .... умей я ... [6]
(пажу) Скази [7]: идетъ.

Подщипа.

Нѣтъ, нѣтъ! поди, скажи тирану ....

Слюняй (зажимаетъ ей ротъ).

Помиюй!

Вар.: [1] Такъ пусть уилетъ онъ, пусть свѣтъ весь намъ измѣнитъ, Но [illegible] моей [illegible] не [illegible]. [2] нѣжности [3] дышу, горю [illegible] [4] [illegible] [6] Постой, умолчь вѣдь я. [7] скажите, сто.

Подщипа.

Что любить Слюняя не престану,
Что можетъ онъ его повѣсить сей же часъ;
Но не ослабитъ тѣмъ любви взаимной въ насъ.

Слюняй.

Пьеестная юбовь [1]!

Подщипа.

Скажи, что имъ пылаю!

Слюняй.

Я эдакой юбви зьядѣю не зеяю!..

Явленіе одиннадцатое.

Тѣ же и **Трумфъ.**

Трумфъ (вбѣгая въ бѣшенствѣ).

Нѣтъ моши польша шлать! скажи, коль тфой нейтетъ,
Въ минута сей Слюняй отъ рукъ моя умретъ!

Подщипа.

Нейду, нейду, нейду! ты бѣсишься напрасно:
(Обнимая Слюняя) Имъ вся пылаю я, имъ сердце нѣжно [2], страстно!

Трумфъ.

(Отдавая изъ рукъ ея Слюняя и принимая шпагу.)

Умри ше.

Слюняй.

Каяуй! изъ тѣя идетъ духъ!

Трумфъ.

Фуй! скферна тухъ какой! какъ тфой фаняетъ фтрукъ!

Вар.: [1] пьекьясная, несцастная. [2] полно.

Слюняй.

Не знаю ...

Трумфъ.

Какъ не знай? ... твой духъ мой носъ упила!

Слюняй.

Сто дѣять! со стьястей зивотъ неейомия [1].

Явленіе двѣнадцатое.

Тѣ же и **Вакула.**

Вакула (вбѣгая).

Ура! ребятушки! а наша, слышь, взяла!

Трумфъ.

Што, што такой?

Вакула.

Да что, слышь, вся бѣда прошла.
Не бойтесь, дѣтки! эхъ нѣмецкій, слышь, проказ-
никъ,
А слышь ты, ужъ теперь на нашемъ полѣ праздз-
никъ!

Трумфъ.

Мольнии, некотна гфарь! я фасъ!.. къ рушья, къ
рушья!

Вакула.

И слышь, какъ не [2] къ ружья! — Самъ бойся ба-
тожья!
А все, слышь, сдѣлала премудрая цыганка,
Сверпѣла [3] дѣло вмигъ, прямая басурманка!

Подщипа.

Да какъ?

Слюняй.

Пьютовка!

Вар.: [1] вить покъивия. [2] А, слышь, кого. [3] сверпила.

Вакула.

Ну [1], слышь, съ шайкою своей
По челяди его разсыпалася всей,
Да подпустила всѣмъ заряда два чихотки,
Да во щи пурганцу поболѣе [2] щепотки:
Такъ, слышь, у нихъ теперь такая чихотня,
А что еще смѣшнѣй — такая бѣготня,
Что наши молодцы ихъ только окружили,
Такъ нѣмцы, слышь ты, всѣ и ружья положили.

Подщипа.

О день, счастливый день! Итакъ любезный мой,
Сегодня свадебку отправимъ мы съ тобой!

Слюняй.

(прыгаетъ и поетъ). Тья-я-я! тья-я-я! Я весей, какъ съ похмейя!
Сто дѣйать съ ядости? Такого я весейя
И съйоду не видай!

Трумфъ.

Пропаль я [3]!

Слюняй.

Сто, небойсь, тепей-то пьить ты ссибъ [4]!
Подсунься-ка ко мнѣ, цюхонскій стаій гьибъ [5]!

Трумфъ.

Мольшать!

Слюняй (отскакивая).

Ай! экой зьой!

Вар.: [1] Да. [2] не болѣе. Слабительное. [3] мой. [4] небось. [5] Не будешь зьиться ты: вить кьюто усь прьисьесь.

Явленіе тринадцатое.

Тѣ же, Черновка, Цыганка и Дурдуранъ.

Цыганка.

Вотъ, на моемъ сбылося!

Дурдуранъ.

Все войско трумфово, о царь, вамъ поддалося [1].

Вакула (цыганкѣ).

А слышь, будь фрейлиной у дочери моей.

Черновка.

Княжна, васъ въ церковь ждутъ — спѣшите [2] поскорѣй.

Трумфъ.

Что путетъ съ мой?...

Вакула.

А слышь, развѣдаюсь [3] со тобой:
(Дурдурану.) Чтобъ парикмахеръ, слышь, гребенкою большою
Сейчасъ, ты знашь [4], его въ пять пуколь причесалъ:
Одѣлъ бы франтомъ, слышь, жабо [5] бы подвязалъ,
Чтобъ прыгать казачка Трумфъ къ вечеру явился.

Трумфъ

О пѣтна мой колофъ! (Дурдуранъ его уводитъ.)

Слюняй.

Езонъ! за то, сто зыйся!

Подщипа.

Ну, что жъ, къ вѣнцу?

Вакула.

Пойдемъ.

Вар.: [1] предалося. [2] Ступайте. [3] раздѣлаюсь. [4] Завилъ бы, слышь. Сейчасъ бы, слышь.

[5] Украшеніе изъ кружевъ на шеѣ, родъ воротника.

Слюняй.

Готовъ, но погоди.

Подщипа.

Чего жъ годить?

Слюняй.

Я въ поїминутоцьки! [1]

Подщипа.

На [2] что же уходить?

Вакула.

На что же медлить, слышь?

Подщипа.

Иль тщетно я пылаю?

Слюняй.

Пьеестная князьна! Я медьить не зелю,
И въ цейковь я тотцасъ васъ всѣхъ пеегоню [3],
Да тойко напеедъ [4] кой-сто пеемѣню.

Конецъ.

Вар.: [1] Въ минутошку. [2] Да. [3] И въ цейковь тотцасъ всѣхъ васъ цейвый пьягоню. Погоню. [4] знаесь сто?

VII.

Пирогъ.

1799—1801.

Комедія въ одномъ дѣйствіи.

О комедіи „Пирогъ“ впервые упомянулъ въ печати Лобановъ [1].

„Нѣтъ за тридцать слишкомъ передъ симъ эту комедію играли на домашнемъ театрѣ въ домѣ А. Н. Оленина. Въ числѣ актеровъ, между прочимъ, былъ самъ авторъ И. А., талантливый и въ этомъ искусствѣ, и я“. Къ этимъ свѣдѣніямъ М. П. Сумарокова добавила Я. К. Гроту [2], что утрачившаяся впослѣдствіи комедія Пирогъ „была написана въ Казанкомъ“. Долго эта піеса считалась утерянной. Это положительно утверждалъ даже Араповъ въ 1861 г. (Лѣтопись русскаго театра, стр. 159), хотя еще въ 1853 г. въ „Спб. Вѣдомостяхъ“ появилась статья съ довольно подробнымъ изложеніемъ содержанія комедіи и съ указаніемъ на то, что она сохранилась. Авторъ почему то хотѣлъ сдѣлать тайну изъ того, откуда онъ досталъ рукопись, и гдѣ она хранится. Точныя указанія времени ея постановки на императорскихъ театрахъ [3], впрочемъ, отчасти раскрывали секретъ. Въ „Библіографическихъ Запискахъ“ 1861 г. (стр. 673) было указано, что рукопись находится въ архивѣ Императорскихъ театровъ. Комедія увидѣла свѣтъ только въ 1869 г. въ Академическомъ Крыловскомъ Сборникѣ (стр. 145—182), и то съ ошибками. Для нашего изданія текстъ тщательно провѣренъ по рукописи [4].

---

[1] Жизнь и соч. Крылова, стр. 16.

[2] Труды, III, 242. Піесы писались для общаго увеселенія по совѣту кн. Голицына, который прожилъ здѣсь съ 1799 по 1801 гг. Къ этому времени и относится написаніе комедіи Пирогъ.

[3] 20 іюля 1802 и 10 іюля 1805 гг. Въ Москвѣ въ пользу Сандунова 25 янв. 1804 г.

[4] Архивъ Императорскихъ театровъ I, VI, 2, 5, № 2759. Писарская копія.

Дѣйствующія лица:

Г-нъ **Вспышкинъ**.

Г-жа **Ужима**, жена его.

Г-жа **Прелеста**, дочь ихъ.

Г-нъ **Милонъ**, любовникъ ея.

Г-нъ **Фатюевъ**, женихъ Прелесты.

Даша, горничная Прелесты.

Ванька, слуга Фатюева.

Потапъ, крестьянинъ.

Явленіе первое.

Ванька входитъ, неся въ салфеткѣ пирогъ, потомъ Мужикъ.

Ванька.

Тьфу пропасть, всѣ руки обломило! — Версты четыре отъ города тащилъ на себѣ цѣлый возъ; да еще туда ли пришелъ? Кажется, туда. — На четвертой верстѣ по большой дорогѣ вправо противъ сельца князя Вѣнецкаго. А не худо бы спросить у кого... Ба! да вонъ мужикъ рубитъ дрова. Допытаюсь у него хорошенько. Эй, мужичокъ! мужичокъ!

Мужикъ.

Што-сте, боляринъ?

Ванька.

Чья это деревня?

Мужикъ.

Што-мылъ? Чья деревня то? Барская.

Ванька.

Да какого барина?

Мужикъ.

акого мылъ барина то? Князя Вѣнецкаго.

Ванька.

Такъ точно. — Вѣдь это мѣсто называется Безрыбные пруды?

Мужикъ.

Безрыбные пруды-мылъ? Это-сте.

Ванька.

Не пріѣзжали ли сюда господа: двое мущинъ да три женщины?

Мужикъ.

Не пріѣзжали ли-мылъ? Давно бродятъ по лѣсу.

Ванька.

Да подойди сюда, скажи мнѣ толковитѣе.

Мужикъ.

Толковитѣе-мылъ? — Прощай, боляринъ, мнѣ неколи.

Ванька.

Ушелъ. Экая деревенщина! Однако я увѣренъ, что отыскалъ мѣсто. Баринъ мой очень будетъ доволенъ [illegible] пирогъ). Ну, за будущему нашему гостю, тещенькѣ и дочкѣ ужъ будетъ надъ чѣмъ позабавиться! — Экой пирогъ! Какъ городъ. Завтракъ будетъ — хоть куда. Нечего грѣха таить, я и самъ люблю такое гулянье, гдѣ бы поить да поѣсть. И для того та всегда любимая моя прогулка по обжорному рынку. Ну, да пирогъ! Кабы да не страшно, такъ бы поразвѣдался съ нимъ слегка, а то, право, досадно. Господамъ будетъ около него масляница, а мнѣ, стоя за ними, великій постъ. Я же сильно проголодался. Ну, ну, право, такъ на меня и смотритъ.

Явленіе второе.

Даша и Ванька.

Даша.

Ба! Иванъ, ты здѣсь? Что ты тутъ дѣлаешь?

Ванька.

Здорово, Дашенька! Да вотъ принесъ пирогъ твоимъ господамъ. Вѣдь ты знаешь, баринъ мой звалъ вашихъ сюда на завтракъ.

Даша.

Ну, да мы за тѣмъ и выѣхали. Господа давно ужъ гуляютъ.

Ванька.

Да кто съ вами?

Даша.

Старые господа, барышня и бѣдный Милонъ, который не можетъ отъ насъ отстать, хотя потерялъ всю надежду жениться на барышнѣ.

Ванька.

Куда ему за нами! Мы и не такихъ соперниковъ съ рукъ сживали. Нѣтъ! да посмотри-тка, Дашенька, каковъ пирогъ, — прямо жениховскій!

Даша.

То правда: какъ городъ.

Ванька.

Ну, такъ бы и взялъ его приступомъ. Право бы взялъ, Дашенька, какъ бы не боялся, что баринъ подоспѣетъ съ сикурсомъ[1].

Даша.

Какой пріятный запахъ! какая корка!

Ванька.

Ахъ! я ужъ давно въ него всматриваюсь. Я ужъ, Дашенька, три дня ѣлъ, право, одинъ хлѣбъ. У моего барина такая привычка, что какъ онъ изволитъ покушать, то думаетъ, что весь свѣтъ сытъ. И вотъ ужъ мѣсяца два не получалъ я моихъ столовыхъ.

[1] Съ помощью.

Даша.

Бѣдненькой! — Да не можемъ ли мы, Иванъ, пирожка то немножко отвѣдать? Вѣдь господа то еще часа два ходить будутъ.

Ванька.

Хорошо бы, Дашенька, да .....

Даша.

Да что жъ? Небось, совѣсть не велитъ? . .

Ванька.

То нѣтъ! — Совѣсть бы мнѣ позволила, да спина запрещаетъ. Она у меня щекотливѣе всякой совѣсти.

Даша.

Положись на меня. Мы же вить не жадимся; вынемъ по кусочку да и полно.

Ванька.

Да, да! Только какъ мы прорѣху то заклеимъ?

Даша.

Молчи, ея и не увидятъ.

Ванька.

Посмотримъ твоихъ плутней.

Даша.

Дѣлай только, что я велю. — Сложи вчетверо салфетки двѣ.

Ванька.

Ну.

Даша.

Положи ихъ на тарелку.

Ванька.

Ну.

Даша.

Нѣтъ, это еще жестко. Подложи еще салфетки двѣ.

Ванька.

Ну.

Даша.

Опрокинь теперь на нихъ пирогъ вверхъ дномъ.

Ванька.

Ну!

Даша.

Вынь же карманный ножичекъ, коли есть.

Ванька.

Ну.

Даша.

Вырѣжь же маленькую дырочку на днѣ.

Ванька.

Ну, ну, ну!

Даша.

Ну, теперь и вынимай оттоль, что попадется.

Ванька.

А, а! догадался! Да ты бѣсъ на выдумки! Я и самъ не промахъ, а мнѣ бы ввѣкъ этого въ голову не пришло. Подсядемъ же мы къ пирожку то чинехонько. (Садятся и начинаютъ ѣсть).

Даша.

Ну, видишь ли, что этого никто не узнаетъ?

Ванька.

Ни во сто лѣтъ! — Скушай же эту ножку.

Даша.

Такъ во рту и таетъ! Признайся, что господамъ не житье, а рай.

Ванька.

Да, особливо, когда у нихъ такіе вѣрные слуги. Ну да пирогъ! Кабы можно, такъ бы сквозь маленькую эту дырочку я самъ туда влѣзъ.

Даша.

Да, да, а ужъ въ немъ скоро будетъ большой просторъ.

Ванька.

Ничего, ничего. Вѣдь можно сказать, что начинка отъ дороги осѣла. — Только, Даша, знаешь, что?

Даша.

Ну, что? — Какое вкусное крылышко!

Ванька.

Я сколько видалъ, что господа какъ сядутъ кушать, такъ они дѣло или не дѣло, только все говорятъ, а мы съ тобой такъ напустили на пирогъ, что и поговорить некогда.

Даша.

Ну, ну, да говори, я готова слушать. Ахъ! это головка.

Ванька.

Нѣтъ, мнѣ въ тысячу разъ пріятнѣе, когда ты говоришь. У тебя такой хорошенькой голосокъ. Поговоритка ты что-нибудь, такъ и мнѣ будетъ веселѣе, да и пирогу-та не такъ будетъ накладно. Смотритка, мнѣ цѣлая птичка попалась.

Даша.

Да гдѣ жъ твой баринъ?

Ванька.

Къ завтраку сюда будетъ. Ну скажи же, Дашенька, когда твоя барышня выдетъ за моего барина? — Съѣшь вотъ эту ножку.

Даша.

Мнѣ бы очень не хотѣлось, чтобъ эта свадьба сдѣлалась; бѣдная барышня любитъ Милона, а при томъ же, между нами сказать, баринъ твой вѣдь очень плохъ. И ума въ немъ меньше, меньше ...

Ванька.

Ну, меньше чѣмъ осталось начинки въ этомъ пирогѣ. Я согласенъ, Дашенька, да что намъ въ барскомъ умѣ? — Чѣмъ господа глупѣе, тѣмъ слугамъ прибыльнѣе. Это моя пословица. Кушай же, кушай на здоровье.

Даша.

То нечего грѣха таить, а монхъ господъ, выключая барышни, изъ десяти дураковъ не выкинешь: старикъ бѣшенъ, вспыльчивъ и вѣтренъ, какъ пятнадцатилѣтній мальчикъ; старушка притворная скромница, которая сошла съ ума на романахъ и на пѣсенкахъ; въ людяхъ она ангелъ, а дома отъ нея никому покоя нѣтъ. Да нѣтъ ли у тебя ложки?

Ванька.

Какъ нѣтъ? со мною четыре прибора. Посудико, душенька, что я, какъ оселъ, все это на себѣ тащилъ!

Даша.

Видишь ли, каково хорошо имѣть добраго товарища. Теперь мы грузъ попаламъ раздѣлили.

Ванька.

Ну, братъ, Даша, да въ пирогѣ то хоть садъ сади. Чистехонько. Что это мы надѣлали?

Даша.

Ужъ я и сама примѣтила, да что дѣлать!

Ванька.

Эй, эй, бѣды! Вотъ какъ мы съ тобой заговорились. Ну, не миновать мнѣ палокъ. Воля твоя, Даша, я скажу, что и ты тутъ же виновата.

Даша.

Куды уменъ! Развѣ спинѣ твоей будетъ легче, коли мнѣ пощочины достанутся? Лучше постарайся какъ-нибудь вывернуться.

Ванька.

Вывернуться, вывернуться! Да развѣ туда сѣна набить, что ли? О проклятая жадность! Дуракъ я, что тебя послушалъ! Даша, ты меня, какъ Ева Адама соблазнила.

Даша.

Ну, да кто виноватъ? вѣдь ты хотѣлъ съѣсть одну ножку, а вмѣсто того жралъ за десятерыхъ.

Ванька.

Ну, не знаю, Даша, однако жъ, у кого больше костей! Улика то передъ тобою!

Даша.

Вотъ еще! ты бы своихъ то оглодковъ больше на мою сторону откладывалъ. Да что и говорить: съ дуракомъ свяжись, такъ самъ дуракъ будешь. Лучше уйти. (Уходитъ).

— —

Явленіе третье.

Ванька. (Одинъ).

Неблагодарная! — Сама же меня уговорила; — для нея я спины своей не послушался, а послѣ меня же разбранила да и была такова. О свѣтъ! О женщины! — Вотъ корми людей пирогами, ты жъ будешь у нихъ въ дуракахъ! — Ну, хорошъ я! Пиро-

жокъ то выпогронень порядочно, и сердце слышитъ, что моей спинѣ не миновать отеческихъ увѣщаній.— Однако, что дѣлать? — Скорѣй, скорѣй поставимъ пирогъ, какъ будто ни въ чемъ не бывало! — А тамъ что будетъ, то будетъ. Еслибъ мнѣ удалось его отсель выжить и прогурить назадъ въ городъ, то бъ еще какъ-нибудь бѣду можно было поправить. Хоть бы ужъ та отрада, что бы я цѣлой день не битой ходилъ. — А къ вечеру, такъ и быть! Пустъ поколотятъ. Крѣпче усну. (Устанавливаетъ пирогъ.

Явленіе четвертое.

Ванька и Фатюевъ.

Фатюевъ. (За театромъ).

Джоке![1] проводи немножко лошадей. Прекрасной карикль![2] Лишь женюсь, заплачу каретнику... Ванька! здѣсь ли они?

Ванька. (Въ половину вслушиваясь).

Цѣлешенекъ, сударь!

Фатюевъ.

Дуракъ! Я спрашиваю о Вспышкиныхъ.

Ванька. (Хочетъ идти).

Слушаю, сударь!

Фатюевъ.

Ты иль пьянъ, иль сочиняешь! Я тебя спрашиваю, скотина, здѣсь ли Вспышкины?

Ванька.

Виноватъ! Здѣсь, сударь! ... Какъ бы его спровадить!

---

[1] Жокей.

[2] Экипажъ.

Фатюевъ.

Видѣли ли они?

Ванька.

Что? — Пирогъ, сударь? — Нѣтъ, я еще имъ не показывалъ.

Фатюевъ.

Все врешь! Видѣли ли они, какъ я ѣхалъ въ кариклѣ? Во всемъ городѣ такого нѣтъ.

Ванька.

Што, сударь, я боюсь, что онъ не допечетъ.

Фатюевъ.

Мой карикль, скотина!

Ванька.

Нѣтъ, сударь, пирогъ! Что го очень тяжелъ. Досадно, если завтракъ не удастся, а особливо когда вы тутъ будете сами.

Фатюевъ.

Какъ это можно! Покажитко мнѣ его (беретъ пирогъ.) — Да онъ легокъ, какъ перо.

Ванька.

Что вы, сударь, изволили сказать объ кариклѣ?

Фатюевъ.

Что эдакова во всемъ городѣ нѣтъ. Дай-ко ножикъ, я взрѣжу.

Ванька.

Ну, сударь, хорошъ карикль. Да и парочка не худа: картина, сударь, какъ вы ѣдете.

Фатюевъ.

Я думаю! — Ножикъ, — я взрѣжу немножко.

Ванька.

На гуляньи такъ съ васъ глазъ не спускаютъ.

Фатюевъ.

Ха, ха, ха! Да видѣли они, какъ я сюда ѣхалъ? Кой чортъ, пирогъ легокъ, какъ перо!

Ванька.

Што, сударь, еслибъ вы проѣхали передъ ними. Вонъ они тамъ ходятъ около прудовъ.

Фатюевъ.

А что ты думаешь? Пусть они полюбуются. Джокей, кариклъ! Да кто съ ними?

Ванька.

Съ ними, сударь? Да вамъ это все равно. Проѣзжайтесь-ка ... Умъ растерялъ ..... Какъ мнѣ быть? Какъ его спровадить?

Фатюевъ.

Конечно, все равно. Я только не люблю, коли есть кто-нибудь, кому я долженъ.

Ванька.

Славно, голубчикъ! Самъ въ ротъ влѣзъ. — Съ ними, сударь, Грубининъ.

Фатюевъ.

Какъ Грубининъ? Чортъ его возьми! Его то мнѣ меньше всѣхъ видѣть хочется. Онъ мучитъ меня, какъ демонъ, изъ 2000 рублей, которые долженъ я ему по картамъ.

Ванька.

Да, сударь! Онъ немножко грубоватъ. И въ послѣдній разъ, какъ онъ пріѣзжалъ къ вамъ за деньгами, и я ему отказалъ, то онъ мнѣ далъ такую оплеуху ... А у меня съ нимъ, кажется, и счетовъ нѣтъ. Да велѣлъ вамъ сказать ...

Фатюевъ.

Помню, помню ... Да какъ его чортъ принесъ?

Ванька.

Они здѣсь встрѣтились.

Фатюевъ.

Богъ-те и завтракъ къ чорту! Ванька, я лучше уѣду!

Ванька.

Напрасно, сударь. Еслибъ вы знали какой прекрасный пирогъ!

Фатюевъ.

Дьяволъ тебя побери и съ пирогомъ! Я ни изъ чего не хочу встрѣтиться съ Грубининымъ, а особливо при нихъ .....

Ванька.

Такъ что же, сударь, въ карикль, да и съ Богомъ! Погода прекрасная .....

Фатюевъ.

Да чѣмъ же я извинюсь? — Э! постой! Мнѣ пришла изрядная мысль. Я имъ все твердилъ, что за меня сватаютъ княжну Снафидину. Это подожгло старика, чтобъ меня изъ рукъ не выпустить.

Ванька.

Знаю, сударь, хотя у княжны Снафидиной этого и въ головѣ не бывало.

Фатюевъ.

Все равно! Я отпишу, что будто въ сію минуту присылалъ за мной по этому свотовству мой дядя, и что я ѣду рѣшительно отказать.

Ванька.

Прекрасно!

Фатюевъ.

Нагнись же — ты будешь мнѣ вмѣсто письменнаго стола.

Ванька.

О, еслибъ моя спина только тѣмъ отдѣлалась! (Фатюевъ задумывается.) Что жъ вы не пишете, сударь?

Фатюевъ.

Послушай — да посмотритка, не уѣхалъ ли Грубининъ.

Ванька.

Нѣтъ, сударь, нѣтъ! — Я слышалъ, какъ они его уняли остаться завтракать съ ними.

Фатюевъ (Стукнувъ по спинѣ).

Чортъ бы его взялъ!

Ванька.

О сударь!

Фатеювъ.

Виноватъ! Этотъ Грубининъ меня вовсе разстроилъ!

Ванька.

Пишите, сударь, пишите; а то они могутъ сюда вернуться, и тогда ужъ поздно.

Фатюевъ.

Хочется мнѣ, чтобъ и письмо имъ порасцвѣтить. — Да! да! прекрасная мысль!

Ванька.

Скорѣе, сударь, я упаду.

Фатюевъ.

Кончилъ! — Прекрасно! Я доволенъ; Ванька! Еслибъ ты могъ чувствовать, какое у меня пламенное воображеніе!

Ванька.

Ахъ, сударь, вся спина моя горитъ. — Да поѣзжайте, вонъ, кажется, это они.

Фатюевъ.

Гдѣ? гдѣ?

Ванька.

Вонъ между деревьевъ мелькаютъ — вонъ въ томъ лѣсу. И Грубининъ — вонъ подъ елями.

Фатюевъ.

И Грубининъ! Прощай. — Отдай записочку и извини меня ... Чтобъ чортъ взялъ этого Грубинина! — Разскажи мнѣ послѣ, довольны ли они будутъ пирогомъ и запис.очкою.

Явленіе пятое.

Ванька (Одинъ).

Уфъ! наконецъ сжилъ его съ рукъ; отъ сердца немножко отошло. Теперь, пока время есть, придумать нельзя ль хотя вполовину бѣды поправить.

Явленіе шестое.

Ужима, Прелеста, Милонъ, Даша и Ванька.

Ужима.

Боже мой! Я чувствую ваше страданіе.. Ничего нѣтъ мучительнѣе, какъ несчастная любовь; но это не отъ меня зависитъ.

Прелеста.

Матушка! убѣдите вашими просьбами батюшку!

Милонъ.

Сдѣлайте наше благополучіе.

Ужима.

Ахъ, Боже мой! Вы знаете мою чувствительность;

я терзаюсь, глядя на препятствія, которыя судьба полагаетъ взаимной вашей нѣжности. Но мужъ мой совсѣмъ другихъ сантиментовъ: съ нимъ способу нѣтъ сладить.

Ванька.

Баринъ приказалъ поклониться, прислалъ пирогъ и при томъ письмецо.

Ужима.

Какъ онъ милъ! Милонъ, не правда ли, что у насъ будетъ сантиментальный завтракъ, подъ лѣскомъ у ручейка. — Ахъ, еслибъ нѣжный соловей украсилъ его своею гармоніею!

Ванька.

Не прикажете ли, сударыня, сбѣгать на село къ прикащику — можетъ быть, у него есть въ клѣткѣ; то бъ мы повѣсили на дерево.

Милонъ (Особо.)

Въ такихъ лѣтахъ и такое легкомысліе! Это несносно! (ей.) Но скажите, сударыня, ужъ ли вы съ равнодушіемъ будете смотрѣть на наше несчастіе.

Ужима.

Ахъ, Боже мой! Я затерзаюсь, глядя на ваши страданія.

Прелеста.

Итакъ я осуждена быть несчастливою!

Милонъ.

Прощайте же, сударыня!

Прелеста.

Милонъ, ты оставляешь меня?

Даша.

Жалко глядѣть на нихъ.

Ужима.

Ахъ, нѣтъ, не уходите, не уходите, сударь, останьтесь съ нами! Послѣ завтрака мы сядемъ гдѣ-нибудь въ тѣни развѣсистыя ивы, и я спою въ утѣшеніе вамъ любимую мою пѣсенку: „Я птичкой быть желаю“ ... Даша! Да здѣсь ли мои пѣсни?

Даша.

Нѣтъ, сударыня, я не знала ...

Ужима.

Это ужасно! ты знаешь, что я безъ нихъ, какъ безъ души; какая ты вѣтренная.

Даша.

Вы наградите то голосомъ, сударыня, чего не упомните въ словахъ.

Ужима.

Это правда, что мой органъ съ нѣкотораго времени сталъ чувствительнѣе и мягче, однако прошу впередъ быть памятливѣе.

Прелеста.

Я страдаю!

Милонъ.

Я въ отчаяніи!

Ужима.

И я терзаюсь съ вами! выслушайте, теперь очень кстати будетъ эта пѣсенка: мы всѣ въ прекрасномъ расположеніи для сантиментальной музыки (Начинаетъ пѣть.)

Я птичкой быть желаю,
Вездѣ чтобы лет.....

Явленіе седьмое.

Вспышкинъ и тѣ же.

Вспышкинъ
(говоритъ за кулисы).

Ну слышишь ли, чтобъ тамъ дожидались и чтобы все было готово — это прекрасно вздумано.

Ужима.

Что такое, жизнь моя?

Вспышкинъ.

Такъ, такъ! Это будетъ безподобно. — Жена! мнѣ надобно поговорить съ тобою.

Ужима.

Боже мой! какъ это слово деретъ уши! — Отвыкнешь ли ты отъ него, душа моя!

Вспышкинъ.

Вотъ въ пору хватилась! Кажется, ужъ тридцать лѣтъ, какъ это слово ты отъ меня слышишь, и мнѣ трудно на старости отъ него отвыкать!

Ужима.

Если тридцать лѣтъ кто дѣлалъ дурачество, похвально на тридцать первомъ его оставить!

Вспышкинъ.

Ну, ну, добро! Что за бездѣлицу сердиться! Послушай же, Маланья Сысоевна!

Ужима.

Ай, какое варварство! — Да зовите меня просто Маланіей, сударь! — Посмотрите, я вамъ во всѣхъ романахъ покажу.

Вспышкинъ.

Да вить мы съ тобою не романъ! Оставь же пустяки то; мнѣ надобно теоѣ дѣло сказать. Прелесть.

и ты Милонъ, прогуляйтесь съ полминуточки съ Дашей и приходите скорѣе назадъ. (Ивану.) Ба! и ты здѣсь?

Ванька.

Баринъ, сударь, приказалъ свидѣтельствовать вамъ свое почтеніе и прислалъ пирогъ.

Вспышкинъ.

О, я ему этотъ пирогъ заплачу доброю монетою; онъ не будетъ о немъ сожалѣть. Пройдись, дружокъ, и ты за дочерью.

Ванька.

Вотъ письмецо.

Вспышкинъ.

Хорошо, хорошо, содержаніе угадать не мудрено; только мнѣ теперь прочесть его некогда; ужо послѣ и ты съ ними воротись.

Явленіе восьмое.

Вспышкинъ и Ужима.

Вспышкинъ.

Послушай-ко меня: вѣдь надобно признаться, что Фатюевъ всѣ мѣры прилагаетъ намъ угодить, и онъ давно стоитъ счастья, которое мы ему обѣщали, т. е., чтобъ выдать за него нашу дочь. Да что ты наморщилась?

Ужима.

Это ужасно, сударь, что вся моя страсть и всѣ мои ласки не могутъ васъ привесть къ тому, чтобы вы нѣжнѣе со мною обходились. Еслибъ вы знали, какъ я чувствительна!

Вспышкинъ.

Тьфу, пропасть! да что же я тебѣ сдѣлалъ? Я, кажется, ни руки, ни ноги тебѣ не переломилъ!

Ужима.

Ахъ! Это бы мнѣ сноснѣе было, нежели грубыя ваши обхожденія!

Вспышкинъ.

Грубыя! грубыя! Кажется, намъ пора перестать чиниться! Вить ты ужь чуть не бабушка ...

Ужима.

Сносно ли это! Вы это можете, сударь, свои годы, а мои ...

Вспышкинъ.

Ну и у твоихъ итогъ будетъ изрядень — тридцать лѣтъ, какъ ты за мною.

Ужима.

Ахъ! я вышла за васъ еще ребенкомъ — дѣвочкою ...

Вспышкинъ.

Ну, не стыдно ли тебѣ такъ лгать, жена! Изъ дѣвочекъ тогда ты давно вышла. Тебѣ же и тогда было за двадцать.

Ужима.

Ахъ! какое ругательство! Спиргу, спиргу! я умру съ досады!

Вспышкинъ.

Ну, ну, миръ, ангелъ мой! что за бездѣлицу умирать? Мнѣ, право, надобно дѣло тебѣ говорить.

Ужима.

Дѣло, дѣло, сударь? А я такъ думала, сударь что, пріѣхавши сюда за городъ, мы будемъ наслаждаться пріятнымъ воздухомъ; что мы гдѣ-нибудь ся-

демъ у ручейка; что вы станете цѣловать мои руки, а я буду отвѣчать на ваши нѣжности умильными взорами.

Вспышкинъ (передразнивая).

Умильными взорами! — Экая тебѣ на старости въ голову дичь лѣзетъ! А это все твои романы. Я давно зналъ, что ты когда-нибудь съ ума отъ нихъ сойдешь.

Ужима.

Еслибъ вы болѣе ихъ читали, то бы чувствительнѣе обходились съ вашею Меланіею. Вы бы научились любить!

Вспышкинъ.

Въ мои лѣта этому разучиваются.

Ужима.

Ахъ! прекрасная Елена 70-ти лѣтъ была похищена Парисомъ.

Вспышкинъ.

Да оставимъ ли мы весь этотъ вздоръ? Я съ часъ собираюсь говорить тебѣ объ дѣлѣ, а ты съ своими сладостями не даешь мнѣ слова вымолвить.

Ужима.

Говорите, сударь! вы знаете, что я слова ваши ставлю закономъ.

Вспышкинъ.

Ну, въ добрый часъ. Слушай же, что я вздумалъ: видишь ли ты вонъ эту церковь?

Ужима.

Въ тѣни пальмовыхъ и кипарисныхъ деревъ?

Вспышкинъ.

Нѣтъ, нѣтъ, просто у березовой рощи ... да что то этого за нужда? — А вотъ въ чемъ дѣло:

я приготовилъ тамъ попа, и какъ Фатюевъ пріѣдетъ, то мы тотчасъ его обвѣнчаемъ.

Ужима.

Ахъ, какая мысль!

Вспышкинъ.

Да, да, мысль самая умная! Мы съ нимъ вчера бились, кто изъ насъ другъ другу болѣе удружитъ. Онъ мнѣ присылаетъ на гулянье пирогъ, а я отплачу ему дочерью. При томъ же сказать, шутка шуткой, а дѣло дѣломъ: я не люблю тѣхъ пышныхъ свадьбъ, на которыхъ въ нѣсколько дней столько денегъ издерживаютъ, что послѣ въ годъ не поправишься! итакъ, видишь ли, что это избавитъ насъ отъ большихъ издержекъ. Ну, скажи теперь, согласилась, ли ты на это?

Ужима.

Мысль въ самомъ дѣлѣ романическая, и мнѣ нравится, да бѣдный Милонъ ... Онъ мнѣ, право, жалокъ.

Вспышкинъ.

Ну, ну, вить ты сама умная голова, и знаешь, что въ романѣ безъ несчастнаго любовника не бываетъ. А то кому жъ бы было пѣть жалобныя пѣсенки и наполнять лѣса и долины именемъ своей любовницы? Эта роль достанется Милону, тѣмъ болѣе, что онъ человѣкъ не богатый, а играть ее не дорого стоитъ.

Ужима.

Ну, такъ хорошо, мой ангелъ, будь воля твоя; только Милона надобно неотмѣнно удержать. Я очень люблю утѣшать несчастныхъ любовниковъ; мы станемъ читать съ нимъ вмѣстѣ элегіи, гдѣ бы была ночь, луна, звѣзды и блестящая слеза ... Ахъ! я воображаю, что мы съ нимъ зачувствуемся!

Вспышкинъ.

Стало, дѣло и слажено. Да вонъ и они подходятъ. Эй, дочь! Милонъ! подите сюда.

Явленіе девятое.

Прелеста, Милонъ, Даша, Ванька и тѣ же.

Вспышкинъ.

Подите-ко, подите, ребятушки! Теперь то мы плотно приберемся къ пирожку. Признаюсь, что меня голодъ очень разбираетъ ... Ба! это что?

Ванька.

Да я, сударь, выпросилъ у прикащика этой деревеньки изъ барскаго дома столъ и стулья для васъ.

Ужима.

Ахъ, Боже мой! все испорчено: я думала, что мы просто на лужку.

Вспышкинъ.

Мнѣ гораздо пріятнѣе ѣсть, сидя за столомъ на стулѣ, нежели по-турецки на полу и сложа калачикомъ ноги.

Ужима.

По крайней мѣрѣ, нельзя ли столъ поставить возлѣ какого-нибудь дерева, у чистова источника.

Вспышкинъ.

Пустое, пустое, мы и здѣсь поѣдимъ. — Ставь скорѣе. (Ванька ставитъ.)

Даша. (тихо Ванькѣ).

Сборы велики, каковъ то вкусенъ будетъ завтракъ!

Ванька.

Ужъ не говори, Дашенька, сердце у меня такъ ходенемъ и ходитъ!

Вспышкинъ.

Ну, да пирогъ! — Прелестушка, мой свѣтъ! Ты у меня всегда была послушная дочь, такъ вѣрно не откажешь ты за этотъ прекрасный пирогъ заплатить такою монетою, какую я у тебя потребую.

Прелеста.

Батюшка!

Милонъ.

Что я слышу!

Ужима.

Какъ чувствительна! Она вся въ меня. — Прелестушка, другъ мой, съ тобою ли Флоріанъ?[1]

Вспышкинъ.

Ну, да еще объ этомъ послѣ пирога; а теперь я голоденъ, какъ собака. Вить вы пріѣхали сюда въ каретѣ, а я на старости протрясся пѣшкомъ, заго и пирогъ мнѣ покажется вкуснѣе вчетверо, чѣмъ вамъ. Ну, ну, садитесь же! Ну пирогъ! Да кто его дѣлалъ?

Ванька.

Фрипоно, сударь, французъ!

Вспышкинъ.

Знаю, знаю! О, да пирогомъ шутить нечего! Ножикъ — скорѣй ... Какъ хорошо имѣть услужливаго пріятеля! Заго и мы, Прелестушка, докажемъ, что мы умѣемъ чувствовать и награждать услуги.

[1] Сантиментальный французскій писатель.

Ужима.

Ахъ! умѣть чувствовать — рѣдкій даръ чувствительныхъ сердецъ.

Вспышкинъ.

Полно, Милонь, грустить. — Не порть нашего пирога. Ты намъ будешь всегда пріятелемъ. Человѣкъ ты честный и хорошій; но согласишься, что точери моей ты не пара. У тебя ничего нѣтъ. Однакожъ молчи. Мы дѣло поправимъ. У меня есть на примѣтѣ племянница, дѣвушка хорошая, душь двѣсти приданаго. Я даю слово тебя на ней женить.

Милонъ.

Ахъ! кто можетъ замѣнить мнѣ Прелесту?

Вспышкинъ.

Ну, ну, неужели ты думаешь, что всѣ дѣвушки выходить замужъ, а мущины женятся по своему выбору! Пустое, мой другъ! На двѣсти царь трехъ такихъ не выберешь. Вѣдь ты знаешь пословицу: любовью сыть не будешь ... Да оставь это, и разъѣдимъ весело нашъ пирогъ ... Ну, наточилъ же я ножикъ! Какъ бритва!

Ужима.

Какое каменное сердце! — Ахъ, это огь того, что онъ не читалъ ни эклогъ, ни идилій!

Вспышкинъ (взрѣзывая пирогъ).

Иванъ! пирогъ съ курою съ куропатками?

Ванька.

Думаю, сударь! — (Тихо.) Даша, у тебя вкусъ тоньше, — съ чѣмъ онъ былъ?

Даша (тихо Ванькѣ).

И мы ихъ за простыхъ куръ съѣли!

Вспышкинъ (снимая корку).

Что за дьяволыцина! Я думаю, я ослѣпъ! (Ростъ въ пирогѣ.) Ной чортъ! Жена, поглядитка ты!

Ужима.

Ахъ, какое варварство! Жена! все жена! Да куда, сударь?

Вспышкинъ.

Вотъ прекрасно! Да въ пирогъ га, дурища?

Ужима (заглядываетъ въ пирогъ).

Ахъ! да въ немъ пусто, какъ въ Трофоніевой пещерѣ. Прелестушка! — Посмотри-тка, жизнь моя!

Прелеста (заглядываетъ въ пирогъ).

Этотъ завтракъ не испортитъ обѣда!

Вспышкинъ.

Нѣтъ, чортъ меня возьми, если это шутка, такъ она самая глупая! Милонъ, поглядн-ка сюда!

Милонъ.

Фатюевъ мастеръ угощать.

Вспышкинъ.

Ванька ...

Ванька.

Ну, пропалъ я! Чево изволите, сударь?

Вспышкинъ.

Что это значитъ?

Ванька.

А что, сударь?

Вспышкинъ.

Да поглядитка въ пирогъ.

Даша.

Ахъ, да онъ пустешенекъ!

Ванька.

Смотри, какая диковинка!

Вспышкинъ.

Да съ ума что ль сошелъ твой баринъ? Выманилъ насъ за городъ съ тѣмъ, чтобъ морить съ голоду! Мы для этова проклятова пирога дома не завтракали.

Ужима.

Это самая глупая насмѣшка. Я ему никогда не прощу этого.

Вспышкинъ.

Чортъ меня возьми! Да я радъ съ нимъ за это подраться. Такъ глупо поступать съ нареченнымъ своимъ тестемъ!

Ужима.

Этова поступка ни въ какомъ романѣ не отыщешь.

Вспышкинъ.

Безподобный завтракъ! — Хорошо, хорошо! Мы расплатимся. — Молчи же онъ, позѣла проклятый! Когда уже къ лѣтамъ не имѣетъ почтенія ...

Ужима.

Такъ поступать съ дамами!

Вспышкинъ.

Не растолкуемъ ли мы эту глупую шутку изъ его письма? Да ты несъ этотъ пирогъ?

Ванька.

Я сударь, и берегъ его, какъ глазъ!

Вспышкинъ.

Потайко письмо. — Что это? Не подписано, не запечатано! Грубіянъ! (развертываетъ) И карандашомъ! Хорошо, зятюшка! Когда еще въ женихахъ не наблюдаетъ ко мнѣ почтенія ... Да гдѣ жъ начало?

Ванька.

Тутъ, сударь!

Вспышкинъ [1].

„Извините, что я не могу“ - .. Видано ли это? Эдакъ можно начинать къ своему портному, или сапожнику! „Извините, что я не могу“! ... Гдѣ жъ „милостивый государь“, или „милостивый государь мой?“ ужъ бы хоть: „государь мой!“ изволилъ поставить. „Извините, что я не могу!“ Какъ это глупо сказано! Какой глупый слогъ! — Читай, жена! Чего онъ не можетъ?

Ужима.

„Извините, что я не могу разъѣсть съ Вами пирога“ ... Разъѣсть пирога! — Какія низкія выраженія! „Божусь, что мнѣ некогда. Вы, я думаю, помните, что моя родня сильно приступаетъ ко мнѣ, чтобъ я женился на княжнѣ Снафидиной. Наконецъ, дядя мой въ сію минуту присылалъ за мной по этому сватовству, — и я лечу окончить это дѣло, а какимъ образомъ? Пирогъ сей вамъ скажетъ это за меня!“

Вспышкинъ.

О да, это отказъ и самый дурацкій! —

Ужима.

Читайте, сударь, сами; у меня силъ нѣтъ читать такія глупости. Грубіянъ!

---

[1] Чтеніе письма нѣсколько напоминаетъ подобную же сцену въ „Ревизорѣ“.

Вспышкинъ:

„Да, мой пирогъ вамъ скажетъ, что сердце мое такъ же полно любовью къ Прелестѣ, какъ онъ полонъ начинкою". Дерзкій!

Прелеста.

Теперь, батюшка, вы понимаете его мысли: онъ женится на княжнѣ Снафидиной! По крайней мѣрѣ, мы не сгонимъ такихъ насѣшекъ.

Вспышкинъ.

Дерзкій! — „Купайте его на здоровье, есть чѣмъ полакомиться! Я самъ его заказывалъ и старался, чтобъ онъ былъ такъ богатъ хорошею начинкою, какъ богатъ умомъ нареченный мой тестюшка" ... Негодяй! — На, читай, жена! — моей силы не стало.

Ужима.

Какъ богатъ умомъ ...

Вспышкинъ.

Ну, уже это слышали! читай далѣе!

Ужима.

„Вы увидите въ этой начинкѣ столько же хорошихъ вещей, и вижу, сколько есть добрыхъ и любезныхъ качествъ въ нареченной моей тещинькѣ" ... Ахъ варваръ! Даша! дочитай письмо! Его бы совсѣмъ не надо было брать въ благородныя руки!

Даша.

„Словомъ, мой пирогъ будетъ вамъ переводчикомъ моихъ чувствъ. — Прощайте, желаю Прелестѣ всякаго счастія, а я ей не женихъ". — Уже это и мнѣ стало досадно (разрываетъ письмо на клочки) вотъ же ему!

Вспышкинъ.

Дѣло, Даша! Онъ стоитъ этого! Послушай, жена (тихо Ужимѣ). ...

Ванька.

Не ужъ то это было написано?

Даша.

Молчи, я отъ себя прибавила.

Ванька.

Тьфу, ты пропасть! не успѣла въ секретари попасть, какъ ужъ и сплутовала!

Милонъ.

Неслыханная и глупая дерзость!

Вспышкинъ (Ванькѣ.)

Поди сюда, бездѣльникъ!

Ванька.

Помилуйте, сударь! Вѣдь вы видите, что я въ этомъ дѣлѣ посторонній.

Даша (Ванькѣ тихо.)

Скажи скорѣй, что баринъ твой женится на княжнѣ Снафидиной!

Ванька (тихо ей).

Да, чтобы еще болѣе надѣлать бѣдъ!

Вспышкинъ.

Я тебѣ говорю: поди сюда!

Даша (Ванькѣ тихо).

Они поссорятся и ввѣкъ не свидятся, а это тебя избавитъ отъ объясненія о пирогѣ.

Вспышкинъ.

Скажи, баринъ твой женится на Снафидиной?

Ванька.

Да, сударь!

Вспышкинъ.

Такъ онъ нарочно заказалъ этотъ пирогъ, чтобы намъ отказать?

Ванька.

Ахъ, да, сударь!

Вспышкинъ.

Скажи же ему, что онъ дуракъ!

Ванька.

Дуракъ, сударь!

Вспышкинъ.

Мерзавецъ!

Ванька.

Мерзавецъ, сударь!

Вспышкинъ.

Бездѣльникъ!

Ванька.

Бездѣльникъ, сударь!

Вспышкинъ.

И что дочь моя никогда не будетъ имѣть недостатка въ женихахъ.

Ванька.

Слышу, сударь!

Вспышкинъ.

Да чтобъ онъ никогда не показывалъ мнѣ гадкой своей рожи.

Ванька.

Очень слышу, сударь! (Особо) То-то намъ и на руку! Остается только налгать барину, такъ и бѣси[1] въ воду!

[1] Такъ въ рукописи.

Вспышкинъ.

Бѣшенство меня беретъ. — Да полно, я знаю, какъ ему отомстить. О это прекрасно! Я сей же часъ докажу ему, какъ мало мы объ немъ думаемъ. — Такъ ты согласна, жена?

Ужима.

Съ Богомъ! —

Явленіе десятое.

Фатюевъ и тѣ же.

Фатюевъ.

Ха. ха. ха! ну что? каковъ мой пирогъ? Я надѣюсь, что вы меня извините.

Вспышкинъ.

Послушай, негодяй! я тебѣ совѣтую впередь не казаться мнѣ на глаза. если не хочешь, чтобъ я тебѣ обрубилъ уши.

Фатюевъ.

Уши? — Вы шутите!

Вспышкинъ.

Дочь, и ты, Милонъ, ступайте сейчасъ за мною. (уходитъ).

Фатюевъ.

Что это значитъ?

Прелеста.

Я бы совѣтовала вамъ учиться болѣе различать людей (уходитъ).

Фатюевъ.

Да помилуйте! Милонъ, скажи ты!

Милонъ.

Я вамъ не совѣтую требовать дальнихъ объясненій, или вы дорого за нихъ заплатите. (уходитъ).

Фатюевъ.

Да они всѣ перебѣсились! Скажите, сударыня ...

Ужима.

Боже мой! Не говорите мнѣ! — Отъ васъ мнѣ спазмы сдѣлаются. У меня такая слабость въ нервахъ (уходитъ).

Фатюевъ.

Да я думаю, что я съ ума сойду. — Даша, скажи хоть ты!

Даша.

Что мнѣ вамъ сказать? Вы великій грубіянъ, вотъ и все тутъ! (уходитъ).

Явленіе одиннадцатое.

Фатюевъ и Ванька.

Фатюевъ.

Ванька!

Ванька.

Чего изволите, сударь?

Фатюевъ.

Видѣлъ ли ты все?

Ванька.

Все, сударь, видѣлъ.

Фатюевъ.

И слышалъ?

Ванька.

И слышалъ, сударь!

Фатюевъ.

Каково тебѣ это кажется?

Ванька.

Какъ вамъ, сударь!

Фатюевъ.

Какъ мнѣ, какъ мнѣ! ... я хочу быть повѣшенъ, если я что-нибудь тутъ понимаю.

Ванька.

И я бы на вашемъ мѣстѣ не понялъ.

Фатюевъ.

Да развѣ пирогъ дуренъ былъ?

Ванька.

Какъ дуренъ, сударь: я безъ лести могу вамъ сказать, что пирогъ былъ самой именинной.

Фатюевъ.

Да что же? развѣ имъ не понравился? Говори, бездѣльникъ!

Ванька.

Не понравился, сударь! Какъ не понравился? Вѣдь вы сами изволите видѣть ...

Фатюевъ.

Да. Начинки ничего не осталось.

Ванька.

Дочиста выѣдено, сударь!

Фатюевъ.

Свѣжи ли были куропатки?

Ванька.

Какъ, свѣжи ли, сударь? Только что не летали. Зато то ни косточки не осталось!

Фатюевъ.

Это правда. Я понять не могу. Да, по крайней мѣрѣ, что говорили, какъ ѣли пирогъ?

Ванька.

Ѣли сударь, да похваливали. А, впрочемъ, не до разговоровъ было, пирожокъ выпростать скорёшенько.

Фатюевъ.

Какая странная безголковщина! Такъ пирогомъ были довольны?

Ванька.

Я присягнуть, сударь, готовъ за гѣхъ, кои его ѣли, что они всѣ пальчики обсосали.

Фатюевъ.

По крайней мѣрѣ, скажи же мнѣ, безтѣльникъ, отчего все это началось! Или я отъ тебя толку добьюсь, или кости живой въ тебѣ не оставлю! — Вѣдь ты тутъ былъ?

Ванька.

Тутъ, сударь . . . Да что мнѣ вамъ сказать? Я такъ же мало понялъ, какъ вы. Все, что я знаю, такъ это то, что пирогъ былъ очень хорошъ.

Фатюевъ.

Да письмо ты отдалъ ли?

Ванька.

А, а, письмо! Вотъ, сударь, теперь я вспомнилъ! ..ль него то и сыръ-боръ загорѣлся.

Фатюевъ.

Да оно написано такъ, что они должны были растаять отъ восхищенія.

Ванька.

И я такъ думалъ. — Только какъ старикъ сталъ его читать, такъ всѣ они наперекоръ начали васъ честить. Одинъ говорилъ, что вы негодяй; другой, что вы глупецъ; третій, что вы бездѣльникъ! Да я и не вспомню, какими именами они васъ честили!

Фатюевъ.

Статься нельзя! Я отъ письма больше ждалъ успѣховъ, нежели отъ пирога. Но пойду и сей же часъ объяснюсь съ старикомъ!

Ванька.

И, сударь! плюньте на него. Какъ вамъ хочется съ бѣшеными связываться!

Фатюевъ.

Чортъ ихъ возьми, но мнѣ не хочется потерять Прелесты, а еще менѣе ея приданова!

Ванька.

Развѣ вы не видите, какъ они васъ подчивали! — Киньте ихъ, сударь! Вы знаете, сколько красавицъ по васъ вздыхаютъ! Вамъ стоитъ только взглянуть на ту, которой вы счастіе захотите сдѣлать!

Фатюевъ.

Это все правда, но Прелеста пригожа и такъ богата, что я едва въ нее не влюбленъ, а пуще всего меня бѣситъ эта непонятность.

Ванька.

Да вотъ и они подходятъ. Собрать поскорѣй

приборы! Пойдемъ-те, сударь; вы свое дѣло сдѣлали, а если завтракъ не понравился, такъ это, право, не ваша вина. (Уходитъ.)

Явленіе двѣнадцатое.

Фатюевъ, Вспышкинъ, Ужима, Прелеста, Милонъ и Даша.

Вспышкинъ.

Да, да, пусть онъ увидитъ, какъ весело мы съ нимъ разстаемся.

Милонъ.

Какое неожиданное благополучіе! Прелеста! Такъ, наконецъ, ты моя! Ахъ! сударь, вы душу мнѣ возвращаете!

Прелеста.

Могла ли я думать объ этомъ, и тогда, какъ погибель наша была такъ близка!

Вспышкинъ.

Ну, ну, кто старое вспомянетъ, тому глазъ вонъ! Будьте счастливы и любите другъ друга. Я радъ, что вышло по пословицѣ: ворона съ мѣста, а соколъ на мѣсто; а я лучше хочу имѣть зятя недостаточнаго, но умнаго и честнаго человѣка, нежели богатаго дурака и негодяя. А! г. Фатюевъ! вы еще здѣсь? Простите меня, что я давича съ вами погорячился.

Фатюевъ.

Бездѣлица! Такъ вы больше не гнѣваетесь?

Вспышкинъ.

Нѣтъ, нѣтъ, и не должно бы было, да вспыльчивость моя тому причиною.

Фатюевъ.

Я вѣдь зналъ, что мнѣ стоитъ только съ вами увидѣться, чтобы у насъ сдѣлалась мировая.

Вспышкинъ.

Худой миръ лучше доброй брани. Я же теперь въ большой радости.

Фатюевъ.

Я радъ прыгать съ вами! Вы знаете, что это моя слабость быть всегда веселу. И Прелеста больше на меня не сердится?

Прелеста.

Нѣтъ, нѣтъ, я все вамъ прощаю!

Фатюевъ.

Какое доброе сердце! А Милонъ?

Милонъ.

Я не хочу одинъ продолжать ссору, когда всѣ ее кончаютъ.

Фатюевъ.

Прекрасно, прекрасно! — А вы, моя прелестная Меланія?

Ужима.

Ахъ! Я не въ состояніи долго злиться: у меня сердце такое мягкое!

Фатюевъ.

Стало, все идетъ хорошо. (Дашѣ.) А ты, Даша?

Даша.

Простите меня, сударь!

Фатюевъ.

Такъ никто на меня не золь. Это очень смѣшно, чтобъ такъ умѣть всѣхъ утѣшить. Ха! ха! ха!

Вспышкинъ.

Чрезвычайно забавно! ха! ха! ха!

Фатюевъ.

По чести, это была смѣшная ссора! Ха! ха! ха!

Вспышкинъ.

Животики надорвешь, ха! ха! ха! Когда же ваша свадьба?

Фатюевъ.

Изъ крайности въ другую, ха! ха! ха! Когда вамъ угодно!

Вспышкинъ.

Это совершенно отъ васъ зависитъ.

Фатюевъ.

По мнѣ, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше; такъ ли вы думаете, моя милая Прелеста? Ха! ха! ха!

Прелеста.

Я не отнимаю отъ васъ воли.

Фатюевъ.

Какъ вы милы! ха! ха! ха!

Вспышкинъ.

Стало, княжна Снафидина не долго будетъ въ нерѣшимости о своей участи? Ха! ха! ха!

Фатюевъ.

Я съ нею кончилъ мастерски, такъ что меня можно поздравить.

Вспышкинъ.

Поздравляю, поздравляю!

Милонъ.

И я васъ поздравляю.

Прелеста.

И я также.

Ужима.

И я отъ всего моего сердца!

Фатюевъ.

О, и есть съ чѣмъ! это дѣло было труднѣе, нежели вы думаете. Ха! ха! ха!

Вспышкинъ.

Поздравьте же и меня.

Фатюевъ.

Со всѣмъ, съ чѣмъ угодно.

Вспышкинъ.

Съ зятемъ, только съ зятемъ.

Фатюевъ.

Самое милое поздравленіе!

Вспышкинъ

Человѣкъ достойный.

Фатюевъ.

Не хвастаясь сказать, въ немъ много хорошаго.

Вспышкинъ.

Да развѣ вы знаете?

Фатюевъ.

Смѣшной вопросъ: знаю ли я себя?

Вспышкинъ (указывая на Милона).

Вы меня не поняли. Вотъ мой зять.

Фатюевъ.

Какъ? Что это значитъ?

Вспышкинъ.

То, что мы теперь изъ церкви, и они обвѣнчаны. Такъ прошу ихъ поздравить.

Фатюевъ.

Вы шутите!

Вспышкинъ.

О нѣтъ! — Это совсѣмъ не шутка.

Фатюевъ.

Какъ! Какъ! Такъ вы перемѣнили свое слово?

Вспышкинъ.

Такъ, какъ вы свое. — Да за что же такой гнѣвъ? развѣ вы не рѣшились съ княжною Спафидиной?

Фатюевъ.

Сатана бы ее взяла и съ вами! я совсѣмъ не понимаю вашихъ шутокъ!

Вспышкинъ.

Послушай, Фатюевъ: если сдѣлаемъ дурачества, то надобно по крайней мѣрѣ ихъ помнить. Не ты ли, вымая насъ сюда прогуливаться, прислалъ намъ пустой пирогъ?

Фатюевъ.

Какъ! я?

Вспышкинъ.

Да ... постой же! Не ты ли прислалъ намъ пу-

стой пирогъ и въ письмѣ своемъ сравненіями съ пирогомъ очень ясно дѣлалъ отказъ нашей дочери и при томъ очень глупо шутилъ надъ ними?

Фатюевъ.

Извините, мои сравненія были безподобны, для того, что начинка была прекрасна.

Вспышкинъ.

Вотъ хорошо! Да всѣ видѣли здѣсь, что онъ былъ такъ пустъ, такъ пустъ, какъ твоя безмозглая голова, которая смѣетъ шутить надъ людьми почтеннѣе себя! Но дѣло кончено. — Дочь моя замужемъ. Ты видишь, что она послѣ твоего отказа не долго засидѣлась въ дѣвкахъ.

Фатюевъ.

Какое бѣшенство! — Какое отчаяніе! Это ужасно! Ванька, Ванька!

Явленіе тринадцатое.

Гѣ же и Ванька.

Ванька (въ сторону).

Уфъ! Приходитъ моя очередь.

Фатюевъ.

Сказывай, бездѣльникъ, это твои плутни?

Ванька.

Виноватъ, сударь, вотъ она меня соблазнила.

Вспышкинъ.

Какъ, негодная! — Что это значитъ?

Даша.

Виновата, сударь! Дьяволъ жадности меня попуталъ.

Ванька.

Мы разъѣли пирогъ.

Вспышкинъ.

Это пустое: онъ былъ не взрѣзанъ.

Даша.

Ахъ! мы снизу корку прорѣзали.

Фатюевъ.

Видите ли, что я правъ, и что я ѣздилъ отказать княжнѣ Снафидиной.

Вспышкинъ.

Но не ты ли на концѣ прибавилъ, что ты дочери моей не женихъ?

Фатюевъ.

Какое бѣшенство! Ничего не бывало! Да подайте письмо.

Вспышкинъ.

Даша!

Даша.

Ахъ, сударь! Послѣднія слова я прибавила, чтобъ больше васъ поссорить, и для того тотчасъ изорвала письмо.

Вспышкинъ.

Какъ, бездѣльница!

Милонъ.

Неужели вы будете раскаяваться?

Вспышкинъ.

Нѣтъ, нѣтъ! Обойми меня, мой другъ, я тебя всегда зналъ за достойнаго человѣка. А ты, господинъ Фатюевъ, пеняй на свое несчастіе!

Фатюевъ.

Бѣдные мои заимодавцы! Только что было собрался имъ уплатить.

Даша.

Иванъ! Иванъ! приходи опять съ пирогомъ.

Ванька.

Добрая Даша! Это мнѣ наука, чтобъ предъ вашей сестрой ушей не развѣшивать.

Вспышкинъ.

Ба! Это прикащикъ здѣшняго села.

Явленіе послѣднее.

Тѣ же и Потапъ.

Вспышкинъ.

Здорово! А мы у васъ въ церкви свадьбу скрутили. Гдѣ же твоя барыня?

Потапъ.

Она, сударь, все видѣла и все знаетъ. Приказала васъ поздравить съ молодыми и просить, нельзя ли нынѣшній день отпраздновать вмѣстѣ: вѣдь нынѣ, сударь, ея именины.

Вспышкинъ.

Сердечно радъ и поздравляю. Проведемъ же, дѣтушки, здѣсь нынѣшній день. — Это старинная моя пріятельница. — Господинъ Фатюевъ, досаду въ сторону: останьтесь съ нами.

Потапъ.

А у насъ уже для нея и пляски и пѣсни приго-

говлены; дѣвки всѣ, какъ маковъ цвѣтъ, выряжены. Вить это намъ лучшій праздникъ въ году, боярин, для того, что она, голубушка наша, всегда ево съ нами проводитъ. Мы было, правда, хотѣли и комедь сломать: и Васька лакей недѣли съ три по печатной книгѣ съ нами бился, да никакъ, провальная, на ладъ нейдетъ!

Вспышкинъ.

Ну, такъ мы ее за васъ сыграли ... Да вонъ и они идутъ. Давайте веселиться!

VIII.

Лѣнтяй.

1800—1805.

Комедія въ стихахъ.

Отрывки изъ комедіи „Лѣнтяй“ были впервые напечатаны въ Академическомъ Крыловскомъ сборникѣ (стр. 187–213) по рукописи, сохранившейся у наслѣдниковъ А. Н. Оленина (съ водянымъ знакомъ 1800.). На ней А. Н. Олениным была сдѣлана подпись:

Лѣнтулъ усталости не знаетъ,
Лежитъ и ночь и день;
Но ничего не прозѣваетъ,
Затѣмъ что ротъ разинуть лѣнь.

Неизвѣстно, кому принадлежатъ эти стихи про Крыловскій прототипъ Обломова.

Рукопись теперь принадлежитъ Публичной Библіотекѣ (поступила изъ библіотеки Стояновскаго). По ней провѣренъ нами текстъ Академическаго Сборника.

Очень неточныя и сбивчивыя свѣдѣнія о самой комедіи даетъ Лобановъ (l. c. стр. 45).

„И. А., еще прежде Модной лавки,[1] написалъ три дѣйствія комедіи въ прозѣ Лѣнивый. Онъ читалъ ее въ домѣ графа Чернышова. Замѣчательно, что герой комедіи еще не является впродолженіе первыхъ трехъ дѣйствій, и неизвѣстно, въ которомъ дѣйствіи вывелъ бы его сочинитель. Чтеніе этой комедіи принесло величайшее удовольствіе слушателямъ, и авторъ былъ осыпаемъ похвалами, но мы не услышимъ ни одного слова изъ этого произведенія: оно погибло невозвратно. Авторъ, уходя изъ дома графа, забылъ измаранныя свои тетради въ прихожей, а, подражая герою своей комедіи, или, лучше сказать, будучи самъ образцомъ ему, долго не требовалъ ея, а когда потребовалъ, то узналъ, что служители того дома, видя валяющіяся въ прихожей изма-

[1] т. е. до 1806 г.

ранныя бумаги, издержали ихъ, до послѣдняго листа, на обвертку свѣчей.

Еще къ литературнымъ невозвратнымъ утратамъ надобно причислить двѣ сцены изъ комедіи въ стихахъ, которую (помнится въ 1820 году или еще нѣсколько позже) задумалъ онъ написать. Названія комедіи не помню, да едва ли она имѣла названіе, но эти двѣ сцены читалъ мнѣ И. А. Я только то помню, что сцены или отмѣнно живо, что стихи этихъ сценъ равняются совершенствомъ стихамъ лучшихъ его басенъ.

Впослѣдствіи времени я просилъ у него этихъ отрывковъ, но онъ отвѣчалъ: „не знаю, куда они дѣвались! Ужъ не Фенюша ли ихъ прибрала?" По выѣздѣ его изъ дома Императорской Публичной библіотеки, когда уже сторожа принялись лопатами и метлами чистить его чердакъ, помня объ этихъ драгоцѣнныхъ отрывкахъ, и еще надѣясь ихъ найти, я бросился туда, перебралъ всѣ изорванныя бумаги, но ихъ не нашелъ".

Повидимому, память измѣнила Лобанову, и онъ разъединилъ одно и то же произведеніе. Заглавіе „Лѣнивый", отсутствіе героя на сценѣ втеченіе первыхъ дѣйствій, время сочиненія, живыя сцены, написанныя стихами-все это вполнѣ подходитъ къ „Лѣнтяю". Можетъ быть, Крыловъ забылъ у Чернышова другой болѣе полный списокъ и въ 1820 г. только читалъ Лобанову (а не написалъ) свою пьесу по сохранившимся черновымъ листкамъ; или сначала обработалъ заинтересовавшій его сюжетъ въ прозѣ (если повѣрить этому указанію Лобанова), а потомъ вернулся къ нему въ стихахъ и успѣлъ набросать только нѣсколько сценъ.

Во всякомъ случаѣ указаніе Лобанова „до Модной лавки" и водяные знаки на бумагѣ позволяютъ пріурочить эту комедію ко времени 1800—1805 г. или, въ виду упоминанія о министрахъ къ 1803—1805 гг. Почеркъ тоже можетъ быть отнесенъ къ этому времени.

Дѣйствующія лица:

Правдонъ, отецъ Лѣнтула.

Сумбуръ (Бурнай)[1], отецъ Прелесты, невѣсты Лѣнтула, другъ Правдона.

Честновъ, другъ Лѣнтула.

Андрей, слуга Лѣнтула.

Даша, горничная Прелесты.

Подмастерье отъ мебельщика.

[1] Повидимому, одно и то же лицо въ первомъ и второмъ дѣйствіяхъ имѣетъ разныя имена: въ томъ и другомъ случаѣ - отецъ невѣсты.

Дѣйствіе первое.

Явленіе первое.

Андрей (за письменнымъ столомъ).

„Любезной батюшка! по вашему совѣту"
(Ну, лгать, такъ лгать смѣлѣй) „встаю я до раз-
свѣту
И цѣлой Божій день хлопоть здѣсь тьму терплю" ...
(А тутъ бы написать: илъ ѣмъ, илъ пью, илъ сплю)
„Все ѣзжу по судамъ" ... (да, ѣздишь, ужъ съ
недѣлю
Съ постели на диванъ, съ дивана на постелю).
„Теперь-то [а] на мою нельзя пенять вамъ лѣнь:
„Я по уши въ дѣлахъ" — (въ халатѣ цѣлой день)

(перечитываетъ).

Все, кажется [б]. Ну вотъ и грамотка готова ...
Ба, ба! да про пріѣздъ невѣсты я ни слова, [в]
А этово никакъ не можно упустить!
Вотъ тутъ то надобно весь умъ употребить,
Чтобъ было нѣжно все, и кстати бы, и къ мѣсту.

а) ... ужъ *(зачеркнуто)*.

б) Довольно, кажется *(зач.)*.
Ну все ли? — все *(зач.)*,

в) Постой же, понѣжнѣй прибавлю что-нибудь.
„Вчерась къ восторгу" .. вздоръ! .. „вечоръ мнѣ въ нѣжну
грудь" ...
Нѣтъ, што-то все не такъ ... нѣтъ, и то не такъ ...
Тьфу, пропасть! не клеится ... *(зачеркн.)*.

Ну, вотъ какъ будто бъ самъ я былъ влюбенъ въ
Прелесту.
„Вчерась къ восторгу“ ... вздоръ! — „Мой умъ“ ...
нѣтъ: „сердце“ — нѣтъ!
Тьфу, пропасть! ничего мнѣ въ голову нейдетъ!
Хотя бы подъ перо мнѣ страстной [а]) вздохъ попался.
Ни мысли и въ письмѣ [б]) ... куда жъ мой умъ
дѣвался! ...
Э, да! ... нѣтъ, нѣтъ! не то ... Ей, ей, не знай,
какъ быть!
О лѣнюгъ! за тебя пришло мнѣ и любить.
Такъ просто жъ напишу: „Вчерась, какъ я обѣдалъ,
„Съ своею дочерью Сумбуръ сюда пріѣхалъ“ ... [в])
Живетъ! — Теперь ужъ все. — Ну, сколько я
надулъ?
Извольлишьподчеркнуть: „послушный сынъ, Лѣнитуевъ.“
Да, вѣрно, и того онъ въ мѣсяцъ не сберется.
Что лишку — за него и подписать придется ...

Явленіе второе.

Андрей и Даша.

Даша.

Андрей! куда учтивъ твой баринъ въ женихахъ!
Неужли до того зарылъ ужъ онъ въ дѣлахъ,
Что некогда ему зайти на часъ къ невѣстѣ?
Ну, право, это льзя снести одной Прелестѣ.
Ужъ вотъ мы сутки здѣсь [г]) — онъ годъ не видѣлъ
насъ —
А ужъ, смотрико ты, совсѣмъ не кажетъ глазъ ...

Андрей.

Какъ громко ты кричишь!

а) ... кстати *(зачерк.)*.
б) Ну, словомъ, ничего ... *(зач.)*.
в) Идетъ ... ну, все не то ... хе, хе ... *(зач.)*.
г) Едва ввалились мы ...*(зач.)*.

Даша.

Меня ты не осудишь.

Андрей.

да я не для себя ..

Даша.

Что жъ?

Андрей.

Барина разбудишь.

Даша.

Какъ! шутишь, что ли, ты? Неужли онъ не всталъ?

Андрей.

Нѣтъ, всталъ было ...

Даша.

Да что жъ?

Андрей.

Опять започивалъ.

Даша.

Ну, Лѣнтуль, видно, здѣсь спокойно поживаетъ [а]). Да ночью что жъ онъ?

Андрей.

Спитъ.

Даша.

А днемъ то?

Андрей.

Почиваетъ.

Даша.

Прекрасно! старичокъ нашъ будетъ очень радъ! Онъ въ зятюшкѣ себѣ нашли собирался клалъ.

а) Тьфу пропасть! знать онъ *(зач.)*.

Изживши на войнѣ и съ нуждой и съ трудами,
Ложиться и вставать привыкъ онъ съ пѣтухами;
Халата у него и туфель вовсе нѣтъ:
Чуть разсвѣтъ, и ужъ онъ какъ будто въ строй одѣтъ.
И тотчасъ или въ садъ, или осмотрѣть работу,
Или вскочитъ на лошадь да брызнетъ на охоту,
И словомъ, цѣлой день въ движеньи такъ, какъ ртуть;
Ну, слышь, не только спать — съ нимъ никогда зѣвнуть,
И если первой день покою вамъ достался,
Такъ это оттого, что до свѣту умчался
Старикъ нашъ со двора ...

Андрей.

Сказать да не солгать,
Такая жизнь совсѣмъ намъ, Даша, не на стать:
Мой Ивнюгъ радъ изжить вѣкъ цѣлой на диванѣ,
И разъ въ году едва бываетъ онъ въ кафтанѣ.
Халатъ да туфли — вотъ и весь его нарядъ ...
Ну, коль на то пошло, такъ вамъ я очень радъ:
Пусть вашъ старикъ его подъ тану поприкрючитъ,
Авось отъ лѣни онъ его и поотучитъ;
А то вить страмъ сказать, да грѣхъ и утаить[1],
А чай, онъ, право, здѣсь совсѣмъ забылъ ходить!

Даша.

Что онъ лѣнивенекъ, и прежде то мы знали;
Да только удали такой ужъ въ немъ не ждали

Андрей.

О, это все ль еще! послушай, старой другъ:
Теперь напомню я тебѣ, пока досугъ,
Что намъ въдь слѣдъ одинъ къ вѣнцу за господами;
Такъ то, что я сказалъ, пусть тутъ замретъ межъ нами:
Я барина люблю, и къ пользѣ лишь его

[1] Подобный стихъ есть во „Трумфѣ".

Хочу не потаить отъ Даши ничево,
Чтобъ сладя заодно [a]), намъ всѣ подвесть уловки,
Спасти ево въ бѣдѣ, иль въ случаѣ размолвки —
А что не сдобровать ему, то вижу я . . .

Даша.

Вздоръ! наши старики издѣтства вить друзья,
Да развѣ твой чудакъ, здѣсь живши, напроказилъ?

Андрей.

Куда проказить намъ? съ дивана онъ не слазилъ.
Да это все таки отъ бѣдъ насъ не спасетъ.

Даша.

Я тутъ не вижу ихъ!

Андрей.

Послушай напередъ:
Старикъ, пославъ сюда Лѣнтула за дѣлами,
И денегъ и вещей, всево отправилъ съ нами.
Хоть правъ и святъ его въ наслѣдствѣ братнемъ спорь,
Да знаешь, по судамъ вить деньги такъ, какъ соръ;
А дѣло таково, что домъ нашъ на мель станетъ,
Коль на судѣ ево соперникъ перетянетъ;
Такъ онъ, прощаяся, одно сынку твердилъ,
Чтобъ болѣ ѣздилъ онъ, да болѣ бы дарилъ,
Да чтобъ и самъ искалъ опредѣлиться къ мѣсту,
Коль хочетъ сберечи имѣнье и невѣсту.

Даша.

Ну, знаю! Вить затѣмъ и стали мы у васъ,
Чтобъ послѣ тяжбы въ слѣдъ и свадьбѣ быть тотчасъ.

Андрей.

Да то-то видишь: вы въ степныхъ запропастились;
А мы съ Лѣнтулушкой едва сюда ввалились,

---

a) Чтобъ общей силою *(зач.)*.

Какъ онъ, нашедши здѣсь и волю и просторъ,
Изъ комнаты шага не дѣлывалъ съ тѣхъ поръ.

Даша.

Конечно, боленъ онъ?

Андрей.

Да, очень, къ сожалѣнью!

Даша.

О, бѣдна барышня! Да чѣмъ онъ боленъ?

Андрей.

Лѣнью!
Да, боленъ на поваль! Что я ни говорилъ,
Ничто не помогло. — Разъ по сту въ день твердилъ:
Помилуйте, сударь, пристойно ль въ ваши лѣта
Въ халатѣ, въ колпакѣ поскимиться отъ свѣта?
Одѣньтесь, съѣздите по дѣлу вы хоть разъ;
Неужли батюшка лежать отправилъ васъ?
Ну если, все узнавъ, лишится онъ терпѣнья,
Иль потеряете отъ лѣни вы имѣнье ...
Ну что жъ ты думаешь, какой отвѣтъ дастъ онъ?

Даша.

Сберется ѣхать?

Андрей.

Нѣтъ! зѣвнетъ, да выпьетъ вонъ.

Даша.

Ну, то-то будетъ мужъ!

Андрей.

О, любитъ лежебочить!
Зато ни въ чемъ другомъ нельзя ево порочить:
Не золъ, не сварливъ онъ, отдать послѣдне радъ
И, еслибы не лѣнь, въ мужьяхъ онъ былъ бы кладъ,
Привѣтливъ и учтивъ, притомъ и не невѣжа;

Радъ сдѣлать все добро, да только бы лишь лежа ...
Но чу! старикъ! бѣги къ Прелестѣ ты своей!

Даша.

Да что жъ я ей скажу?

Андрей.

Солги, что хочешь, ей;
Лишь только не поссорь ее ты правдой съ нами.
Бѣги же! онъ идетъ ...

Даша.

Бѣды мнѣ съ чудаками!

Явленіе третье.

Андрей и Сумбуръ.

Сумбуръ (за театромъ).

Ну, смучилъ! такъ вели жъ другихъ впрячи скорѣй!
Вить не прокиснуть же мнѣ здѣсь для лошадей.
Я ѣду вмигъ ... Да слышь, чтобы тотчасъ по-
спѣло —
Ну вотъ люблю, чтобъ все вертѣлось, да кипѣло —
Да чтобъ осѣдланъ былъ скорый мой неугомъ[1];
Лишь ворочусь, тотчасъ поѣду я верхомъ ...
Андрей! что баринъ твой — вотъ день то сѣро-
ватый,
Ну, самый полевой[2] — теперь бы съ перехватой,
Да стрѣлку дай лишь мнѣ, такъ чорта я сому ...

Андрей (особо).

У насъ такъ сѣрой день толкуется ко сну.

Сумбуръ.

Что жъ Лѣнтулъ? — ась? я, чай, онъ здѣсь захло-
потался?

[1] Неугомонный?
[2] Для псовой охоты.

По знатнымъ, по судамъ, по справкамъ затаскался?
Что дѣлать? — Эй, спроси, могу ль я видѣть дочь?

Андрей.

Охъ, тяжко будетъ намъ!

Сумбуръ.

Да спитъ ли онъ хоть ночь?

Андрей.

Ахъ, онъ въ дѣлахъ, сударь, ей, ей, здоровье тратитъ.

(Особо).

Бываетъ часто то, что полдня онъ прихватитъ!

(Ему).

Что цѣлую онъ ночь пропишетъ на пролетъ.

Сумбуръ.

Мнѣ это не мило! И этотъ жизни родъ
И худъ, и нездоровъ! Молчи! какъ свадьбу сладимъ,
Мы по ночамъ писать сво совсѣмъ отвадимъ.
Писать всю ночь! Да я какъ молодъ то бывалъ,
Ни книги, ни пера, ни стула не зналъ;
За то и живъ, и свѣжъ: что всталъ, то въ городъ, въ поле
Верхомъ, пѣшкомъ, въ саняхъ, на дрожкахъ ...
Нынѣ болѣ
Ужъ этой силы нѣтъ; однако не сижу
И нынѣ цѣлой день иль ѣзжу, иль хожу;
А то сидѣть всю ночь! — вить онъ себя погубитъ.

Андрей.

То грѣхъ сказать, сударь, сидѣть и онъ не любитъ ...

(Особо).

Вотъ намъ бы полежать ...

Сумбуръ.

Какъ онъ по кости мнѣ!
Смотри жь, какъ заживемъ мы въ нашей сторонѣ!

Мы съ нимъ за чудо слыть въ уѣздѣ будемъ двоя;
Да мы, ну, слышишь ли, обѣдать станемъ стоя.

Андрей (особо).

Попался Лѣнтугъ мой!

Сумбуръ.

Что, что ворчишь ты, братъ?

Андрей.

О! жизни онъ такой, какъ райской, будетъ радъ!

Сумбуръ.

Посмотримъ, кто изъ насъ ково съ нимъ перетянетъ...
Кто больше выходитъ, съѣстъ меньше, ранѣ встанетъ...
Да, кстати, любитъ ли охоту онъ съ ружьемъ?
Вотъ тутъ то похолить! ... О, съ нимъ мы заживемъ
Въ болотахъ да въ поляхъ! ... Я радъ ласкаться сутки.

Андрей (особо).

Ахти! не по шерсти совсѣмъ намъ эти шутки!

Сумбуръ.

Я, чай, вы думали, что я изъ дряхляковъ?
Небось, я не изъ тѣхъ кисельныхъ стариковъ,
Которые всегда на креслахъ только прютъ,
То дремлютъ, то ворчатъ, то на лежанкѣ грѣютъ
Замерзлы косточки, въ годъ скажутъ разъ сторно.
Да лѣтомъ выползутъ изрѣдка за крыльцо.
Со мной, какъ съ молодымъ, не скоро встрѣтишь скуки;
Лишь только не люби сидѣть, поджавши руки.

Андрей.

О! баринъ мой, сударь, какъ ругъ ...

Сумбуръ.

Да гдѣ жъ онъ самъ?

Небось, чай, то свѣту удчался по дѣламъ?
Люблю, люблю за то, что время онъ не тратитъ.
Жаль только, коль меня обѣдать кто захватитъ,
Такъ не увижусь съ нимъ я цѣлой день опять.
Вчера я вечеромъ зашелъ было, анъ, глядь,
Ево и нѣтъ.

Андрей.

Да мы успѣли лишь убраться
За ширмы, чтобъ тебѣ въ халатѣ не казаться!

Сумбуръ.

Постой же, дай хоть мнѣ бумажки лоскутокъ.

Андрей.

Извольте.

Сумбуръ.

О нѣтъ, нѣтъ! и малъ, и коротокъ!
Мнѣ написать къ нему о дѣлѣ очень нужно.
Я бъ самъ ему сказалъ, да, право, недосужно
Его мнѣ ждать. Постой, я самъ къ нему войду,
Бумагу на столѣ я, вѣрно, тамъ найду.

Андрей.

Къ нему, сударь? бѣды!

Сумбуръ.

Да, да, ну что за чудо?
Вить я почти ужъ свой.

Андрей.

Да я тотчасъ ... Охъ, худо!

Сумбуръ.

Нѣтъ, нѣтъ, я самъ пойду! Ну, право, какъ я радъ!
Да мы поставимъ съ нимъ все на военной ладъ.
Ручаюсь, что придемъ другъ другу мы по нраву:
Какъ будто въ лагерѣ жить станемъ по уставу ...
Неси чернильницу. (Отворя двери) Ба! это кто храпитъ?

Андрей.

Кто это? Такъ, сударь!

Сумбуръ.

Какъ такъ? кто это спитъ?

Андрей.

Кто спитъ, сударь?

Сумбуръ.

Да, да!

Андрей.

Ну, что то будетъ съ нами
Да вы изволите видѣть, чаю, видѣть сами.

Сумбуръ.

Твой баринъ ...

Андрей.

Онъ, сударь!

Сумбуръ.

Какъ, это спитъ Лѣнтулъ?

Андрей.

Да вонъ, изволите ль вы этотъ видѣть стулъ?

Сумбуръ.

Что мнѣ до стула, плутъ! Какъ! спать объ эту пору?
А ты, бездѣльникъ, мнѣ налгать такую гору!

Андрей.

Взгляните жъ вы на стулъ!

Сумбуръ.

Поди жъ, мошенникъ, прочь!
!Такъ такъ то онъ у васъ грудится день и ночь!

Андрей.

Да стулъ, сударь ...

Сумбуръ.

Чтобъ ты сквозь землю провалился
И съ стуломъ!

Андрей.

А на немъ всю ночь онъ протрудился.

Сумбуръ.

Какъ?

Андрей.

Такъ, сударь! Ужъ часъ я битой вамъ твержу;
А если кипу я бумагъ вамъ покажу,
Что въ ночь онъ исписалъ, на этомъ сидя стулѣ,
Такъ вы и нехотя вздохнете о Лѣитулѣ.

Сумбуръ.

И точно ...

Андрей.

Да, сударь, на почту цѣлой возъ
Его руки бумагъ я до свѣту отнесъ;
А послѣ на дворѣ чуть-чуть лишь забѣлѣло,
Какъ баринъ, подхвати, ей, ей, съ полшуда дѣло,
Пустился по судьямъ — ну, право, какъ шальной,
И, выбившись изъ силъ, пріѣхалъ онъ домой
И тутъ было опять принялся за бумагу;
Да я ужъ нечево, пустился на отвагу:
Просилъ, молилъ, кричалъ — ну, дѣлалъ все, что могъ,
Чтобъ онъ, бѣдняжечка, хотя на часъ прилегъ,
И то ужъ голова путемъ его схватила.
Такъ онъ, когда ужъ боль совсѣмъ ево свалила,
Разтѣлся, рянулся — и камнемъ спитъ теперь.

Сумбуръ.

Не лжешь ты?

Андрей.

Я, сударь!

Сумбуръ.

Такъ притвори же дверь.

Андрей (особо).

Спокойной сонъ! ура! Одну бѣду мы сжили!

(Сумбуру.)

Бумагами, сударь, совсѣмъ ево вскружили.

Сумбуръ.

Коль правда это все, такъ жизнь ево плоха.

Андрей.

Ну, что мнѣ лгать? возьму ль я на душу грѣха?

Сумбуръ.

Вотъ я вить говорилъ и радъ божиться снова,
Что эдакая жизнь вредна и нездорова:
Писать, читать, сидѣть и портить лишь глаза!

Андрей (особо).

Ну, кажется, теперь совсѣмъ прошла гроза!

Сумбуръ.

Когда бъ проклятое скорѣй намъ кончить дѣло,
Другою бы статьей у насъ все закипѣло.
Досадно только мнѣ, что онъ раздѣвшись легъ.

Андрей.

Да легъ ли бъ онъ, сударь, когда бъ не занемогъ?

Сумбуръ.

Бѣдняжка! Такъ скажи жъ, чтобъ тише здѣсь ходили
И чтобъ нечаянно ево не разбудили.
Проклятия дѣла! писать такъ глупо ночь,
Чтобъ голову вскружить и послѣ занемочь.
Скажи жъ, какъ встанетъ онъ, что я здѣсь дожидался
И чтобъ у дочери со мной онъ повидался.
Писать, читать! — Добро! придетъ и та пора,
Что книги полетятъ у насъ долой съ двора.

Андрей.

Ура, Андрей! спи, мой лѣнивой господинъ!

Явленіе четвертое.

Андрей и Правдонъ.

Андрей (увидя входящаго Правдона).

Уфъ! вотъ-те новой гость!

Правдонъ.

Андрей! здоровъ ли сынъ?

Андрей.

А мы не ждали васъ!

Правдонъ.

Гдѣ сынъ?

Андрей.

Немножко боленъ.

Теперь заснулъ.

Правдонъ.

Я имъ ужасно какъ доволенъ!
Что дѣлалъ здѣсь онъ годъ? По дѣлу ни шага.
Я свѣдалъ все! Была ль въ судѣ сво нога?

Андрей.

Онъ былъ, сударь, да тамъ то справки, то отсрочки...

Правдонъ.

А писемъ отчево я не видалъ ни строчки?

Андрей.

Какъ? онъ писалъ, сударь!

Правдонъ.

Писалъ! — твоей рукой.

По счетамъ знаю я довольно почеркъ твой;
Меня своей рукой онъ могъ бы удостоить.

Андрей (особо).

Ну, этого трудибй мнѣ будетъ успокоить.

(Ему.)

Да, правда, что когда бывалъ онъ нездоровъ,
И я, сударь, писалъ — съ его лишь только словъ
И то, что сказывать онъ самъ лишь мнѣ изволилъ;
И нынѣ было къ вамъ письмо я изготовилъ
И вотъ на почту несть хотѣлъ его сейчасъ,
Да вы нечаянно обрадовали насъ.

Правдонъ.

О, если правда все, что мнѣ о немъ писали ...

Андрей (особо).

Ну! — коль писали все, такъ, вѣрно, мы пропали!

(Ему.)

Повѣрьте, баринъ мой грудинеи безъ ума.

Правдонъ.

Когда ты въ письмахъ лгать, то я тебя проймy!

Андрей.

Ай-ай!

Правдонъ.

Поди же ты, да свѣдай осторожно,
Мнѣ можно ли войти.

Андрей.

Я чаю, сударь, можно.

Правдонъ.

Нѣтъ, нѣтъ, коль боленъ онъ, такъ не встревожь его.

Андрей.

Хотя бъ кафтанъ то мнѣ наплевать на него!

Явленіе пятое.

Правдонъ (одинъ).

Я глупо поступилъ, — и буду самъ виною,
Когда потеряно имѣнье будетъ мною.
Въ какой несчастной часъ, въ какой я черной день,
Знавъ всю Лѣнтулову безпечность, сонность, лѣнь,
По важной толь тяжбѣ ходить его отправилъ!
Чево жъ и ждать? онъ все и кинулъ, и оставилъ.

(Подходя къ письменному столику.)

Ба! тьма пакетовъ. Знать, почтовой нынѣ день;
Какъ это перемогъ хоть разъ свою онъ лѣнь?
Посмотримъ-ко, къ кому. Когда бъ въ такія лѣты . . .
Ба, ба! да это все мои къ нему пакеты!
Прекрасно! гдѣ жъ другой такой лѣнивецъ есть?
Не только отвѣчать на письма, ихъ прочесть
Онъ въ годъ не могъ. Смотри, печати не помяты,
Ну, точно, будто бы теперь лишь съ почты взяты.
Терпѣнья болѣ нѣтъ! Добро, ты Лѣнтюгъ мой!
Или я тресну самъ, иль слажу я съ тобой!

Явленіе шестое.

Правдонъ и Подмастерье.

Подмастерье (неся на себѣ подушку).

Ну, штука! слышь, съ нея такъ вотъ бы вѣкъ не слазилъ.
А ужъ подъ ней бѣды — кто это напроказилъ
И выдумалъ диванъ, — ну знать, что былъ чудакъ [1];
А что ни говори, да былъ онъ не дуракъ —
И видно, что пришить онъ дѣло зналъ къ бездѣлью,
Когда умненько такъ сплотилъ онъ стулъ съ постелью.
Вотъ то-то вещь! — прошу тутъ правду узнавать:
Сидишь, такъ это стулъ; не то, такъ вмигъ кровать.

[1] . . . уменъ *(зач.)*.

Смѣшно, какъ вздумаешь — а право, съ понаровкой.
Такъ это у бояръ, муфобель самой ловкой!
Ужъ то-то вотъ на немъ ни лѣтъ, слышь, ни примѣтъ.
Какъ хочешь мни его, лихъ всталъ, и слѣду нѣтъ!

Правдонъ.

Къ кому ты притащилъ, мой другъ, такую гору?

Подмастерье.

Къ Лѣнтулу! — Только знать, мы, баринъ, здѣсь не въ пору.

Правдонъ.

А что жъ?

Подмастерье.

Да у людей обѣдъ ужъ на дворѣ,
А здѣсь, чай, спятъ еще, какъ будто на зорѣ.
О баринъ здѣсь, какъ ханъ, сонливъ, увальчивъ, чуденъ,
И солнцу до нево ужасно доступъ труденъ.
Поспать охотникъ онъ, охотникъ полежать
И ночки на вожжахъ умѣетъ придержать.

Правдонъ.

Прекрасно, мой сынокъ!

Подмастерье.

Онъ не живетъ — ликуетъ:
Ѣстъ сладко, мягко спитъ, о дѣлѣ въ усъ не дуетъ,
Нѣтъ будней у него — а все шабашны дни,
И въ круглой божій годъ лишь праздники одни[1];
Ну, прямо у себя живетъ султанъ султаномъ:
Наскучила кровать, такъ шлетъ вотъ за диваномъ.
Проказникъ! — матушкинъ онъ, видно, былъ сынокъ.

Правдонъ.

Добро же слажу я съ тобою, мой дружокъ!

Подмастерье.

На вздоры, правда, онъ ужъ денегъ не потратитъ:

[1] Зачеркнуто и подчеркнуто.

А чтобъ понѣжиться, послѣднее заплатитъ;
На пышность, на нарядъ такъ крѣпокъ нашъ старикъ,
А радъ кафтанъ отдать за доброй пуховикъ.
Ну, столько у дѣтей не найдешь ты игрушекъ,
Какъ у него перинъ, матрасовъ и подушекъ.

Правдонъ.

Не радость это все, мой другъ, ево отцу [1].

Пвдмастерье.

Да кто, сударь, отецъ такому молодцу?

Правдонъ.

Къ несчастью, я!

Подмастерье.

Какъ, вы! — прошу, сударь, прощенья,
Что вамъ я наболталъ все такъ безъ размышленья.
Вить впрочемъ, вашъ сынокъ боярин пречестной:
Не долженъ никому, не замутилъ водой;
Хоть иногда во снѣ онъ лишней часъ загубитъ,
Да кто же изъ господъ понѣжиться не любитъ?

Правдонъ.

Нѣтъ, непростительно! Такое мотовство ...

Подмастерье.

И, да во всемъ, сударь, свое есть щегольство.
Вить городъ здѣсь большой: кто хвастаетъ кафтаномъ,
Кто цугомъ, кто столомъ, а вашъ сынокъ диваномъ.
Вить перечтешь ли всѣ причуды у бояръ?
У барынь такъ и нашъ въ большомъ ходу товаръ.
Мой мастеръ за него, какъ сѣно, деньги коситъ.
Иная, право, въ годъ дивана три износитъ.
Да заболтался я, разсчестьея бъ мнѣ скорѣй.
Не знаете ль, сударь, куда пропалъ Андрей?

[1] Не радость ты, мой другъ, сказалъ его отцу *(зач.)*.

Явленіе седьмое.

Правдонъ, Бурнай и Подмастерье.

Бурнай (вбѣгая).

Да гдѣ жъ онъ? нѣмы, что ль? хоть бы сказалъ
кто слово!

Правдонъ.

Ба, ба, Бурнай!

Бурнай.

Правдонъ, старинной другъ, здорово!
Отколѣ, какъ, давно ль? Ну вотъ ужъ угодилъ!
Нежданной, какъ соколъ, взвился да прикатилъ.
И я вечоръ лишь здѣсь ...

Правдонъ.

Все такъ же живъ и верченъ ...

Бурнай.

Лишь только старостью кой-гдѣ слегка исчерченъ.
Прошло, братъ, утрено, прошолъ денекъ для насъ,
И къ ночи у меня давно шестой ужъ часъ.
Бывало, помнишь, мы какіе непосѣды,
Какъ пташки; а теперь, смотритко, мѣтимъ въ дѣды.
Чинъ важной! а когда бъ сыскались мудрецы,
Чтобы разжаловать опять меня въ отцы,
Не охнулъ бы по немъ ... Да это что за вздоры?
Не ты ли тюфяковъ навезъ такія горы?

Подмастерье

Нѣтъ, это ...

Правдонъ.

Ты, мой другъ, поди себѣ домой
И послѣ побывай. Сынъ все заплатитъ мой.

Подмастерье.

О! тутъ куминьина нѣтъ: онъ въ платежѣ исправенъ

. . . . . .

. . . . . [1]

Андрей.

Бѣду, сударь! — Дай Богъ исправить имъ ево.

Явленіе девятое.

Правдонъ и Бурнай.

Правдонъ.

О, разсказать тебѣ, мой другъ, нельзя всево!

Бурнай.

Довольно, я ево ужъ не защитникъ болѣ.
Добро, какъ сокола, ево мы въ чистомъ полѣ
Повыносимъ съ тобой. Спущать я все люблю,
Но лѣни не терпѣлъ и нынѣ не терплю.

Правдонъ.

Мѣсть шесть онъ пропустилъ, гдѣ могъ бы быть полезенъ.
Прочти, что пишутъ мнѣ. (Даетъ письмо.)

Бурнай. (Читаетъ тихо.)

Ну, право, онъ любезенъ! (Читаетъ.)
„За лѣнью пропустилъ" — бьюсь я за тебя,
Бьюсь за дочь мою, бьюсь и за себя.
Ну, выдь же только онъ! — Андрей!

---

[1] Недостаетъ листа, на которомъ находилось 83 стиха, именно: пары стиховъ отъ 174-й до 219-й включительно.

Явленіе десятое.

Правдонъ, Бурнай и Андрей.

Андрей.

Да, чортъ съ нимъ сладитъ!

Бурнай.

Да въ фижмы, что ль, себя чудакъ, твой баринъ, рядитъ?
Покажется ли онъ, отѣлся ль онъ, или нѣтъ?

Андрей.

Почти совсѣмъ, сударь, другой чулокъ надѣлъ.

Правдонъ.

Каковъ?

Бурнай.

Другой чулокъ! лѣнивецъ! - можно ль статься?
Да развѣ хочетъ онъ недѣлю отдѣваться?
Нѣтъ, нѣтъ, пойдемъ къ нему; хоть я тебя люблю,
Пойдемъ бранить его! Тебѣ я пособлю.

Правдонъ.

Пойдемъ! — Хоть долженъ я лѣнивца ненавидѣть,
Но сына хочется отцу скорѣй увидѣть.

Бурнай.

Кричи жъ сильнѣй!

Правдонъ.

Ты мнѣ старайся пособить.
Признаться, я бъ хотѣлъ теперь сердитъй быть.

Бурнай.

Забудетъ нѣжиться—лишь прибодрись немножко:

Диваны полетятъ всѣ къ чорту за окошко; [1]
Носишко на-жесткѣ, да бишь-ко русски щи.

Андрей.

Попался мой лѣнтяй въ горячіе клещи!

Конецъ перваго дѣйствія.

[1] Вмѣсто этого стиха: диванъ, пуховики всѣ къ чорту за окошко (зач.

Отрывокъ изъ второго дѣйствія.[1]

Явленіе первое.

. . . . . .

Правдонъ

Несносно! но и тутъ я менѣ бъ огорчался,
Когда бъ лишь въ малостяхъ лѣнивымъ онъ остался;
Но, по несчастью, все, что есть на свѣтѣ, онъ
Охотно радъ отдать за праздность и за сонъ.
Изъ дѣла нашего то видно очень ясно:
Что я приказывалъ, что ни писалъ, — напрасно.
Ужъ полгода почти рѣшенъ мой криво споръ,
А апелляціи до сихъ не взнесъ онъ поръ,
Хоть наше отъ того зависитъ состоянье.

Честновъ.

О, я, сударь, къ тому употребилъ старанье!
Прошенье принесетъ мой стряпчій черезъ часъ;
Ужъ съ мѣсяцъ какъ оно готово, но безъ васъ
Съ Лѣнтуломъ и того я толку не добился,
Чтобъ только подписать ево онъ потрудился.
Признаться, важность всю зналъ дѣла я сего
И съ лѣнью овладѣть отчаявшись его,
За нужное почелъ, чтобъ вы здѣсь были сами
И чтобъ принудили вы Лѣнтула дѣлами
Заняться пристальнѣй; притомъ же по дѣламъ

---

[1] Большая часть его утеряна въ Опочинской рукописи, до сихъ поръ единственно извѣстной. Отъ 3-го его дѣйствія не сохранилось ничего.

Успѣлъ я объяснить того суда судьямъ,
Куда изъ нижняго суда они поступятъ
И гдѣ уже судей дарами не подкупятъ, -
О вашей истинѣ извѣстенъ цѣлой судъ,
И чтобъ оправить васъ, лишь только дѣла ждутъ.

Правдонъ.

Я словъ, сударь, я словъ довольно не имѣю,
Чтобъ васъ благодарить. . . .

Честновъ.

Я васъ увѣрить смѣю,
Что дѣло здѣсь при васъ пойдетъ другимъ путемъ.
По счастью, съ многими я на судѣ знакомъ
И только васъ однихъ къ тяжбѣ недоставало;
Но этова еще моимъ желаньямъ мало:
На лѣнь лѣкарство то, чтобы не праздными жить,
Такъ непремѣнно вновь мой долженъ другъ служить.

Правдонъ.

Разъ десять я писалъ!

Честновъ.

Мнѣ это все извѣстно,
И что со мной сходна мысль ваша, мнѣ то лестно.
Мой дядя силенъ здѣсь; я самъ ево трудилъ,
И онъ стараны всѣ къ тому употребилъ,
Но съ лѣнью нашей мы три мѣста прогулялн:
Я вытащить не могъ . . .

Правдонъ.

Вы мнѣ о томъ писали.

Честновъ.

Но, къ счастью, новое я мѣсто отыскалъ,
И покровитель мой свое мнѣ слово далъ.
Что другу моему ево онъ дастъ, конечно;
И если побѣдить сложенье онъ безпечно,

То путь откроется и къ чести, и къ чинамъ.
Все сдѣлано; одна осталась трудность намъ,
И трудность важная . . .

Правдонъ.

Да что жъ?

Честновъ.

Мой другъ лѣнивой!
Съ безпечностью его упрямой, неправой,
Къ министру я никакъ стащить ево не могъ:
Онъ у себя засѣлъ, какъ будто бы безъ ногъ,
И только дѣлаетъ пустыя проволочки:
То поздно, то онъ слабъ, то дай ему отсрочки.
Не разъ ево министръ къ себѣ напрасно ждалъ;
Къ несчастью, дядѣ я и нынѣ слово далъ,
Чтобъ съ другомъ быть къ нему — а онъ желаетъ представить
Его къ министру самъ. — Но какъ мнѣ то исправить?
Вы развѣ вступитесь?

Правдонъ.

О, увѣряю васъ . . .

Честновъ.

Такъ я бъ поѣхалъ съ нимъ туда, и въ сей же часъ
Все бъ дѣло кончилось.— Я этимъ, сударь, льщуся . . .

Правдонъ.

И просьбу я и власть употребить божуся.

Честновъ.

Онъ васъ послушаетъ, а я никакъ не могъ . . .

Явленіе второе.

Правдопъ, Честновъ и Бурнай.

Бурнай.

Тьфу, пропасть! новую четверку сбилъ я съ ногъ!
Вездѣ перебывалъ, а нидѣ по два раза.
Ну, братецъ, твой сынокъ великая проказа!
Куда ни покажусь, лишь жалобы одни:
Ни у твоей, сударь, ни у моей родни
Онъ рожи не казалъ. Теперь такая брага ...
Вся дядьевъ, тетушекъ и бабушекъ ватага
Всей стаей на него! — Ну, слышь ты, шумъ такой,
Что чуть ли не глухой ушелся я домой.
Ворчатъ, кричатъ, бранятъ, ругаютъ и поносятъ.
Ну, только лишь гатьбы на Лѣнтула не взносятъ.
Родясь не споривалъ я столько никогда!

Правдонъ.

Какова жъ лучше ждать отъ лѣности плода?

Бурнай.

А пуще всѣхъ моя несносная сестрица,
Графиня Сѣдова, столѣтняя вдовица,
Грозилась дочери въ наслѣдствѣ отказать,
Когда не выбору ея мой будетъ зять.
Ну, что ты будешь съ ней? Хоть нѣтъ у ней разсудка,
Да есть пять тысячъ душъ, а это вѣдь не шутка!
Лѣнтула своево со свѣту гонитъ вонъ
За то, что у нея ни разу не былъ онъ.

Правдонъ.

Признаться надобно, такое нерадѣнье
Являетъ къ старости одно лишь непочтенье.

Бурнай.

Бѣда бы, кажется, хоть тутъ не велика,

Да у старухъ вить тогь грѣшнѣй еретика,
Кто рѣдко ѣздить къ нимъ, чтобъ съ ними для утѣхи
Играть или въ лото, или въ карты на орѣхи.
Однако не крушись: я все уже окончалъ —
Поставилъ на своемъ и всѣхъ перекричалъ:
А такъ какъ надобно сестрицу позабавить,
То слово далъ вину Лѣнтулову поправить.
Старушка нынче жъ всей роднѣ даетъ обѣдъ,
Куда обѣихъ васъ черезъ меня зоветъ.
Уже съ полсотни тамъ билетовъ разослали,
И знаешь ли, какъ мы все дѣло окончали?
У ней, какъ у меня, все вмигъ бы, да готчасъ,
Чтобъ нынѣ ввечеру сговору [1] быть у насъ.

Честновъ.

Позвольте съ счастіемъ Лѣнтула васъ поздравить.

Правдонъ.

Мой другъ, я не успѣлъ еще тебѣ представить;
Вотъ Честновъ.

Бурнай.

Это онъ? Позвольте васъ обнять.
Я слышалъ все и радъ короче васъ узнать.
Чудакъ вашъ другъ намъ тьму наноситъ огорченья;
Но по другѣ такомъ достоинъ онъ почтенья.
Молчите жъ! не сказавъ Лѣнтулу ничево,
Мы тамъ нечаянно обрадуемъ ево
За то, что давича отъ насъ ему досталось. (Смотритъ на часы.)
Ба! да и время намъ немного ужъ осталось!
Прибраться надобно скорѣй обѣимъ намъ,
Чтобъ деревенщиной не показаться тамъ.

Правдонъ.

Да мы собрались вить и такъ куда обѣдать.

[1] ... помолвкѣ (зач.).

Бурнай.

Эхъ! ... мы вить къ Свѣтиной сбирались щей отвѣдать,
Анъ вышелъ изъ тово сговорной, званой пиръ;
Такъ надо попышнѣй намъ показаться въ мірѣ.
Уже и такъ съ утра я разрядилъ Прелесту
И вывезу ее, ну, прямо, какъ невѣсту.

Правдонъ.

Молчи, и мой чудакъ свое далъ слово мнѣ,
Что въ пухъ разрядится онъ къ будущей роднѣ,
И съ давишней поры засѣлъ за туалетомъ.

Бурнай.

То можно намъ дѣтьми похвастать передъ свѣтомъ!
Ужъ прямо парочка ...

Правдонъ.

Когда бъ не эта лѣнь,
То бъ, право, мой Лѣнтулъ ...

Бурнай.

Молчи, не въ часъ, такъ въ день,
Не въ день, такъ въ мѣсяцъ мы проказника исправимъ
И молодцомъ его ну хоть на смотръ поставимъ.

Честновъ.

Такъ къ дядѣ поскачу сейчасъ я извинить
И друга и себя и дѣло изъяснить.

Правдонъ.

Нѣтъ, нѣтъ, сударь! успѣть онъ долженъ прежде съ вами,
А тамъ откушать вы пожалуете съ нами.

Бурнай.

Такъ, такъ, да, попросту! Чиновъ я не люблю.
Постойте жъ, побѣгу, его потороплю.

Честновъ.

Позвольте жъ съѣздить мнѣ пристойнѣе убраться.

Бурнай.

Чтобъ нашимъ бабушкамъ прелестнѣй показаться.

Честновъ.

У ляди дома я и попросту одѣтъ.

Бурнай.

Смотри, не взбаламутъ старухъ у насъ, мой свѣтъ!

(Уходитъ.)

Явленіе третье.

Правдонъ и Честновъ.

Честновъ.

На праздникѣ такомъ не жталъ имѣть я чести ...

Правдонъ.

Вернитесь же скорѣй, такъ всѣ поѣдемъ вмѣстѣ:
Черезъ минуту нашъ одѣнется чудакъ.

Честновъ.

Когда позволите, мы расположимъ такъ:
Черезъ минуту я за Нѣгуломъ заѣду;
Онъ съѣздитъ съ дядею, и къ званому обѣду,
Все дѣло окончавъ, мы съ нимъ успѣемъ быть.

Правдонъ.

Одно лишь только тутъ не надобно забыть:
Чтобъ вмѣстѣ всѣмъ отсель отправиться къ графинѣ.

Честновъ.

Такъ точно. (Уходитъ.)

Явленіе четвертое.

Правдонъ и Бурнай.

Бурнай.

Ну, мой другъ, порадуйся о сынѣ!
Я зналъ, что будетъ путь, лишь въ немъ увидѣлъ страхъ.
Куда вся дурь пошла? Ну, слышь, расчосанъ въ прахъ.
Теперь лишь отъ него пошелъ мусье съ гребенкой.

Правдонъ.

Мусье!...

Бурнай.

Да, да, французъ—сухой, высокой, тонкой.
Ну, что ни говори, французамъ исполать:
Не только причесать, умѣютъ растрепать.
Мы попусту, мой другъ, на нихъ кричимъ частенько;
Ихъ только надобно распредѣлять умненько.
Учить дѣтей они у насъ не мастера,
Зато ужъ лучшіе портные, повара
И парикмахеры. Иной, какъ чудо, гадокъ,
А съ ихъ поправкою, какъ выточенной, гладокъ.
Вотъ давича Лѣнтулъ—ну, точно былъ какъ звѣрь.
Взглянитко на него—какъ писаной теперь,
А только голова еще одна готова.
Эй! позовите дочь—мнѣ только ей два слова
Скорѣе приказать.

. . . .

Въ рукописи мы нашли еще нѣсколько зачеркнутыхъ мѣстъ, кромѣ указанныхъ въ примѣчаніяхъ, взятыхъ изъ Академическаго сборника и провѣренныхъ по подлиннику. Въ скобкахъ [ ] взяты зачеркнутыя мѣста.

Стр. 198, стихъ 3: [я] здѣсь. Стихъ 20: [Постой же понѣжнѣй или прибавь что-нибудь]. Стихъ 13: [все] бы

Стр. 499, стихъ 5: [весь] мой. 9: съ [Прелестою] своею.
Стр. 501, стихъ 5: [на лошадь] или въ садъ. 27: [не] барина.
Стр. 502, стихъ 21: [свадьбы] тяжбы.
Стр. 503, стихъ 3: [былъ] онъ.
Стр. 507, стихъ 14: [долго] ждать я [въ спальну къ вамъ].
Стр. 515, стихъ 17: [хвалится] хвастаетъ.
Стр. 516, явленіе седьмое — въ подлинникѣ шестое. Стихъ 1: [не скажутъ мнѣ] хоть бы сказалъ.
Стр. 517, стихъ 5: полѣ [повыносимъ съ тобой]. Стихъ 12: ну [покажись].
Стр. 520, стихъ 17: [стали] были.
Стр. 522, стихъ 13: [но какъ мнѣ то] а онъ везетъ.
Стр. 523, стихъ 15: [вдовица, дѣвица] вдовица.
Стр. 524. стихъ 25: [намъ] обѣимъ намъ.

Стр. 526. Послѣ 4 стиха:

Честновъ.

[На праздникѣ такомъ не ждалъ имѣть я чести].

Правдонъ.

[Вернитесь же скорѣй, и всѣ поѣдемъ вмѣстѣ].

Стр. 527, стихъ 2:

[Куда вся лѣнь пошла, слышь ты, расчосанъ въ прахъ].

1944
Р. Акт. С 148/16
Лм 5741

Ч-21621/6

Л30 Б-1/12-1